

ISSN 3034-2597

рхеография
и источниковедение
Сибири

2(44)

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

**К 50-летию
серии «Археология и источниковедение Сибири»
сектора Археологии и источниковедения**

**К 60-летию
сибирских археологических экспедиций
передачи в Новосибирск
коллекции М. Н. Тихомирова**

**Новосибирск
2025**

УДК 94 (093+003.3)
ББК 63.3(2):63.211+63.212

Ответственный редактор С. Г. Петров

Редколлегия

Н. С. Гурьянова, И. Л. Манькова, Н. П. Матханова,
А. В. Мельников, С. И. Николаев, Т. В. Панич,
В. А. Ромодановская, В. М. Рынков, И. В. Силантьев,
А. В. Силенов, Л. В. Титова (ответственный секретарь),
И. А. Шипилов (секретарь), Е. М. Юхименко

Рецензенты

доктор исторических наук Е. В. Комлева
кандидат филологических наук Л. А. Курышева

На вклейке

основатели сибирских археографических экспедиций
Николай Николаевич Покровский (фото 1970-х гг.)
Елена Константиновна Ромодановская (фото 1967 г.)
Елена Ивановна Дергачева-Скоп (фото 1960 г.)
Владимир Николаевич Алексеев (фото 1970-х гг.)

Серия основана в 1975 г.

ISBN 978-5-93889-432-7

© Институт истории СО РАН, 2025

DOI: 10.31518/3034-2597-2025-2(44)

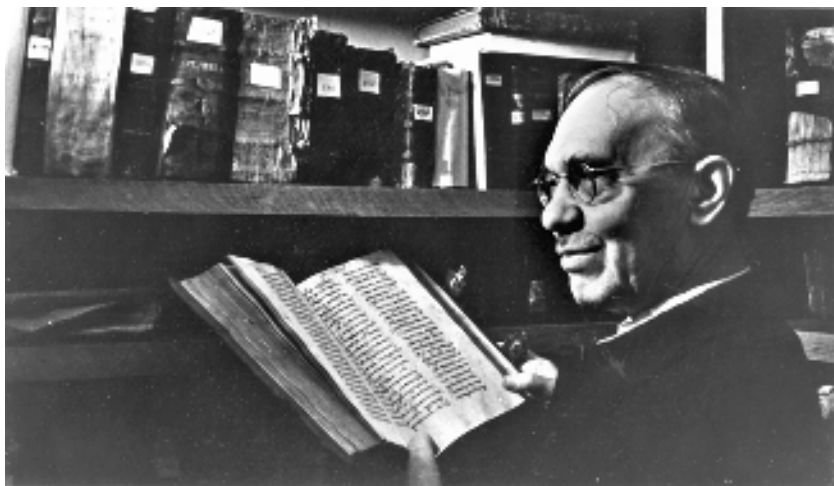

О СОБРАНИИ РУКОПИСЕЙ Михаила Николаевича ТИХОМИРОВА

60 лет назад, в 1965 г., Сибирскому отделению Академии наук СССР была безвозмездно передана частная коллекция академика Михаила Николаевича Тихомирова, видного историка, председателя Археографической комиссии АН СССР, основателя и главного редактора «Археографического ежегодника». Собрание М. Н. Тихомирова, ныне хранящееся в ГПНТБ СО РАН, представлено письменными памятниками XIV–XIX вв. Кроме того, оно включает иконы XV–XIX вв. и картины XIX–XX вв. Столь богатый комплекс источников заложил основы сибирской археографии, исторической и филологической школ, а также музыкальной медиэвистики.

Этот раздел сборника содержит результаты исследования материалов коллекции М. Н. Тихомирова. В статье представлено современное состояние изучения Азбуковников, Торжественников, старообрядческих сборников, памятников музыкальной культуры, западноевропейских материалов, рукописей семьи Орловых-Давыдовых, сформулированы научные проблемы, которые могут быть решены благодаря обращению к этим источникам.

М. Н. Тихомиров в своем рукописном собрании в квартире на Котельнической набережной в Москве. 1962 г. Фотограф В. В. Ахломов. Из архива С. О. Шмидта.

Н. С. ГУРЬЯНОВА

Институт истории СО РАН, Новосибирск

О рукописном собрании М. Н. Тихомирова, хранящемся в ГПНТБ СО РАН*

В статье рассматривается обзор коллекции М. Н. Тихомирова, осуществленный А. И. Роговым и Н. Н. Покровским после передачи Сибирскому отделению АН СССР, делается вывод о его важности для развития археографических исследований в Сибири. Кратко характеризуется этот процесс и формулируется необходимость подвести определенный итог изучения за 60 лет рукописей из коллекции М. Н. Тихомирова.

Ключевые слова: рукописное собрание, академик М. Н. Тихомиров, камеральная археография

В феврале 1965 г. академик М. Н. Тихомиров безвозмездно передал Сибирскому отделению АН СССР 500 славяно-русских рукописей XIV–XIX вв. Местом хранения этой части его коллекции стала ГПНТБ СО АН СССР. В сентябре 1965 г., исполняя завещание Михаила Николаевича, Сибирскому отделению были переданы еще 148 рукописных славяно-русских книг, 97 старопечатных книг, 24 иностранные рукописные книги XV–XIX вв., а также архив документов XV–XIX вв.

В 1966 г. в «Археографическом ежегоднике за 1965 г.», посвященном памяти М. Н. Тихомирова, была опубликована статья А. И. Рогова и Н. Н. Покровского, в которой представлена переданная коллекция. Более подробно охарактеризованы 500 рукописей, обозначенные авторами как первая часть собрания.¹

В статье, естественно, обращено внимание на особо ценные пергаменные рукописи XIV в. — «Евангелие Друцкое апракос» (*Тхм-1²*) и «Слова Григория Богослова» (*Тхм-8*). В первом случае дано не только описание рукописи, но и воспроизведены или пересказаны записи, которые со знанием дела прокомментированы.³ При характеристике рукописи «Слова Григория Богослова» отмечено только наличие

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

¹ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 162–172.

² Здесь и далее *Тхм* — шифры рукописей Тихомировского собрания в ГПНТБ СО РАН.

³ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 162–163.

инициалов звериного стиля, а акцент сделан на ее происхождении из библиотеки А. Сулакадзева, который известен своими подделками рукописей. Авторы статьи указали на подлинность рукописи, но в центре их внимания оказались записи, подделанные А. Сулакадзевым.⁴

Представляя читателям рукопись XIV в. «Слова Григория Богослова» (Тхм-7) на бумаге, авторы воспроизвели запись и на основе анализа этого текста сделали предположение о происхождении рукописи и ее датировке.⁵ В статье при характеристике особо ценных рукописей записи либо воспроизводились, либо пересказывались, это было сделано только по отношению к известным памятникам письменности.

В обзорной статье, направленной на то, чтобы привлечь внимание исследователей к переданному на государственное хранение богатейшему частному собранию рукописей, можно было более подробно охарактеризовать только особо ценные, а для остальных указать их даты и кратко представить содержание. Авторы сумели показать тематическое разнообразие, обратив внимание читателей на наличие в собрании рукописей исторического, юридического содержания, по истории русской экономики, по древнерусской педагогике, музыке, а также присутствие дневников и мемуаров, картографических материалов, богослужебных книг.

Достаточно подробный, высоко профессиональный обзор 500 рукописей из собрания М. Н. Тихомирова вполне объясняется существованием к этому времени их описания, составленного коллекционером и доработанного его учеником Н. Н. Покровским.⁶ Это описание было готово для публикации летом 1965 г., поскольку 11 августа 1965 г. Н. Н. Покровский сообщает М. Н. Тихомирову о том, что в июле оно включено «в план на 1966 г. на заседании РИСО в Москве».⁷ Речь идет об описании 500 рукописей, которые были переданы в Сибирское отделение АН СССР. Оно было опубликовано в 1968 г.⁸

⁴ *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 163.

⁵ *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 163.

⁶ В декабре 1964 г. Н. Н. Покровский сообщает М. Н. Тихомирову: «Я иду в отпуск с начала нового года и, значит, буду иметь возможность сразу же интенсивнее приняться за описание ваших рукописей» (*Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. СПб., 2022. С. 274–275).

⁷ *Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. С. 301.

⁸ *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 1968.

В обзорной статье А. И. Рогов и Н. Н. Покровский не обошли вниманием и вторую часть собрания, переданного в СО АН СССР позже. Она охарактеризована очень кратко, но представлены важные для истории, культуры России русские и иностранные рукописи и старопечатные книги, документальные материалы с обозначением их особенностей. Достаточно подробный обзор дан коллекции старопечатных книг. Указано их количество, перечислены значимые с указанием времени издания, особенностей оформления и воспроизведением записей. Авторам статьи удалось показать ценность собрания М. Н. Тихомирова для гуманитарных наук и перспективность обращения к нему исследователей.⁹

Прошло 60 лет с момента публикации обзора частной коллекции, переданной М. Н. Тихомировым Сибирскому отделению АН СССР. Как и предполагали А. И. Рогов и Н. Н. Покровский, она послужила основой для формирования в академических учреждениях Новосибирска уникальных фондов древнерусских рукописных и старопечатных книг в секторе археографии Института истории СО РАН и в отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. Важнейший источник их комплектования — находки археографических экспедиций, год начала которых совпал с поступлением коллекции М. Н. Тихомирова в Новосибирский научный центр.

В 1991 г. решением Ученого совета ГПНТБ СО РАН на базе отдела редких книг и рукописей был создан Музей книги, древнейшую основу которого составили Тихомировское собрание и территориальные коллекции древнерусских книжных памятников, привезенных из отдаленных районов Сибири и Дальнего Востока. В 2023 г. в память о крупном ученом, организаторе археографической работы в Сибирском отделении РАН и Новосибирском государственном университете, профессоре, докторе филологических наук Елене Ивановне Дергачевой-Скоп Древлехранилищу было присвоено ее имя.

Сегодня в составе Древлехранилища насчитывается более 2800 книжных и письменных произведений начиная со второй половины XIII в. до начала XX в. включительно. Среди раритетных экземпляров четий сборник конца XVI в. с Судным списком Максима Грека, «Томский сборник» XVI в. с посланием Василия Калики о земном рае, Учительное Евангелие 1430-х гг. — дар Дмитрия Годунова в Костромской Ипатьевский монастырь и другие уникальные книжные памятники. Ценнейшую часть Древлехранилища представляют издания первопечатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца и их по-

⁹ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 168–172.

следователей, а также книги украинских и белорусских типографий XVI–XVII вв., редкие старообрядческие издания.

Хронологическая репрезентативность и содержательная глубина разнообразных по содержанию рукописей из собрания М. Н. Тихомирова привлекают широкий круг отечественных и зарубежных исследователей — историков, литературоведов, лингвистов, социологов, археографов, искусствоведов, музыковедов-медиевистов. Например, в обзорной статье А. И. Рогов и Н. Н. Покровский заметили, что М. Н. Тихомировым «была подобрана интересная коллекция Прологов — десять Прологов XV–XVIII вв.».¹⁰ Эти списки Пролога из собрания М. Н. Тихомирова послужили материалом для диссертационного исследования И. А. Шиловой, посвященного проблеме динамических процессов в литературной истории этого сборника. Изучение рукописей, хранящихся в Сибири, наряду со списками Пролога из собраний Москвы и Санкт-Петербурга, позволило более широко исследовать вариативность Пролога и описать специфику его литературного редактирования.¹¹ В. А. Ромодановская представила результаты исследования рукописи Апостол (XV в.) из собрания М. Н. Тихомирова.¹²

В сборнике, посвященном юбилею начала археографической работы в Сибири, следует дополнить сведения о собрании рукописей М. Н. Тихомирова, опираясь на современные знания о памятниках письменности, на достижения ученых разных специальностей в решении актуальных научных проблем в области книжности с использованием экземпляров коллекции. Разумеется, даже в разделе сборника невозможно подвести итог изучения исследователями богатейшего собрания М. Н. Тихомирова, можно только представить некоторые результаты и углубить обзор, сделав акцент на его тематических частях, показав перспективность обращения к ним.

¹⁰ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 169.

¹¹ Шилова И. А. Динамические процессы в литературной истории древнерусского Пролога: Конец XIV — начало XVII в. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013; Шилова И. А. Динамические процессы в литературной истории древнерусского Пролога: Конец XIV — начало XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

¹² Ромодановская В. А. К истории Нового Завета Геннадиевской библии и Евангелий XV в.: Развитие систем отсылок. Часть I // ТОДРЛ. Т. 61. СПб., 2010. С. 194–211.

Список литературы

- Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. СПб., 2022. 720 с.
- Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 162–172.
- Ромодановская В. А.* К истории Нового Завета Геннадиевской библии и Евангелий XV в.: Развитие систем отсылок. Часть I // ТОДРЛ. Т. 61. СПб., 2010. С. 194–211.
- Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 1968. 194 с.
- Шилова И. А.* Динамические процессы в литературной истории древнерусского Пролога: Конец XIV — начало XVII в. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.
- Шилова И. А.* Динамические процессы в литературной истории древнерусского Пролога: Конец XIV — начало XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 232 с.

А. А. Юдин

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

Азбуковники в собрании М. Н. Тихомирова

Статья посвящена обзору древнерусских лексикографических сочинений — Азбуковников, сохранившихся в собрании рукописей академика М. Н. Тихомирова. Приводится их характеристика в соответствии с существующими классификациями. Также в статье поднимается вопрос об источниках пополнения коллекции М. Н. Тихомирова.

Ключевые слова: коллекция рукописных и старопечатных книг М. Н. Тихомирова, Азбуковники, древнерусская лексикография, археографическая работа

В собрании академика М. Н. Тихомирова насчитывается всего пять рукописей, содержащих древнерусское лексикографическое сочинение, — Азбуковник. Это сборники *Тхм-25*¹, *Тхм-71*, *Тхм-84*, *Тхм-99* и *Тхм-501*. Все они ранее находились в собрании В. Ф. Груздева.² Только трем из них (*Тхм-71*, *Тхм-84* и *Тхм-99*) было уделено внимание в статье А. И. Рогова и Н. Н. Покровского³. Это вполне объяснимо, так как статья в «Археографическом ежегоднике» за 1965 г. носила обзорный характер. Кроме того, одна рукопись (*Тхм-501*) поступила в Новосибирск со второй частью коллекции академика, которая не вошла в печатное описание собрания, а другая (*Тхм-25*) представляет собой объемный авторский сборник, где словник Азбуковника представлен с утратами и находится среди прочих произведений⁴.

Рукописи собрания М. Н. Тихомирова, содержащие тексты Азбуковника, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. были предметом изучения Л. С. Ковтун, исследователя русской средневековой лексикографии. Она посвятила им статью⁵, а также использовала их материал

¹ Здесь и далее *Тхм* — шифры рукописей Тихомировского собрания в ГПНТБ СО РАН.

² *Малышев В. И.* Об одном важном источнике Тихомировского собрания: Страничка воспоминаний // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 395–401; *Дергачева-Скоп Е. И.* Некоторые вопросы локализации рукописей: Коллекция В. Ф. Груздева в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 37–46; *Юдин А. А.* Неизвестные источники Тихомировского собрания ГПНТБ СО РАН // Библиосфера. 2016. № 4. С. 80–87.

³ *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 166.

⁴ Она названа в описании — «Алфавит и другие статьи», см.: *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 24–25.

⁵ *Ковтун Л. С.* Азбуковники из сибирских хранилищ // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. Новосибирск, 1990. С. 142–159.

для классификации списков Азбуковника⁶. Разработанная ею классификация до сих пор сохраняет свою актуальность при обращении к изучению литературной истории этого древнерусского сборника устойчивого состава.

По классификации Л. С. Ковтун Азбуковники из собрания М. Н. Тихомирова принадлежат к разным типам, или разновидностям. *Тхм-25* — Азбуковник Выборочного типа, *Тхм-71*, *Тхм-84* и *Тхм-99* представляют Второй тип, а *Тхм-501* — Третий тип, или Третью разновидность Азбуковника.

Азбуковником Выборочного типа из собрания академика М. Н. Тихомирова занимался новосибирский лингвист А. Т. Дьячок. Его внимание было сосредоточено на литературном окружении Азбуковника в рукописи *Тхм-25*, а также на лексическом своеобразии словника Азбуковника Выборочного типа.⁷

В результате изучения более ста списков Азбуковника Второго типа (с привлечением «Тихомировских» рукописей) нам удалось дополнить классификацию списков Азбуковника, выделив из Второго типа две группы: Грамматическую и Федоровскую⁸. Грамматическая группа характеризуется наличием в списках Азбуковника, в окружении его словника, раннего грамматического сочинения «Книга глаголемая Буквы», как отдельных его частей, так и в полном составе. В Федоровской группе рукописей Второго типа Азбуковника в конвое словника находится сочинение «О писменех» черноризца Храбра в редакции, созданной в кругу Ивана Федорова. Обе группы также отличны по порядку расположения толковых статей в словнике.

Азбуковник *Тхм-501* был признан «едва ли не самым ценным из списков азбуковников, хранимых в ГПНТБ СО АН СССР».⁹ Рукописей Третьего типа до недавнего времени насчитывалось не так много, всего семь единиц (включая «Тихомировскую»),¹⁰ что, по сравнению с другими типами Азбуковника, позволяет назвать эту разновидность

⁶ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 7.

⁷ Дьячок М. Т. Специфика словарных определений в древнерусских азбуковниках // Синтаксическая и лексическая семантика: На материале языков разных систем. Новосибирск, 1986. С. 228–233.

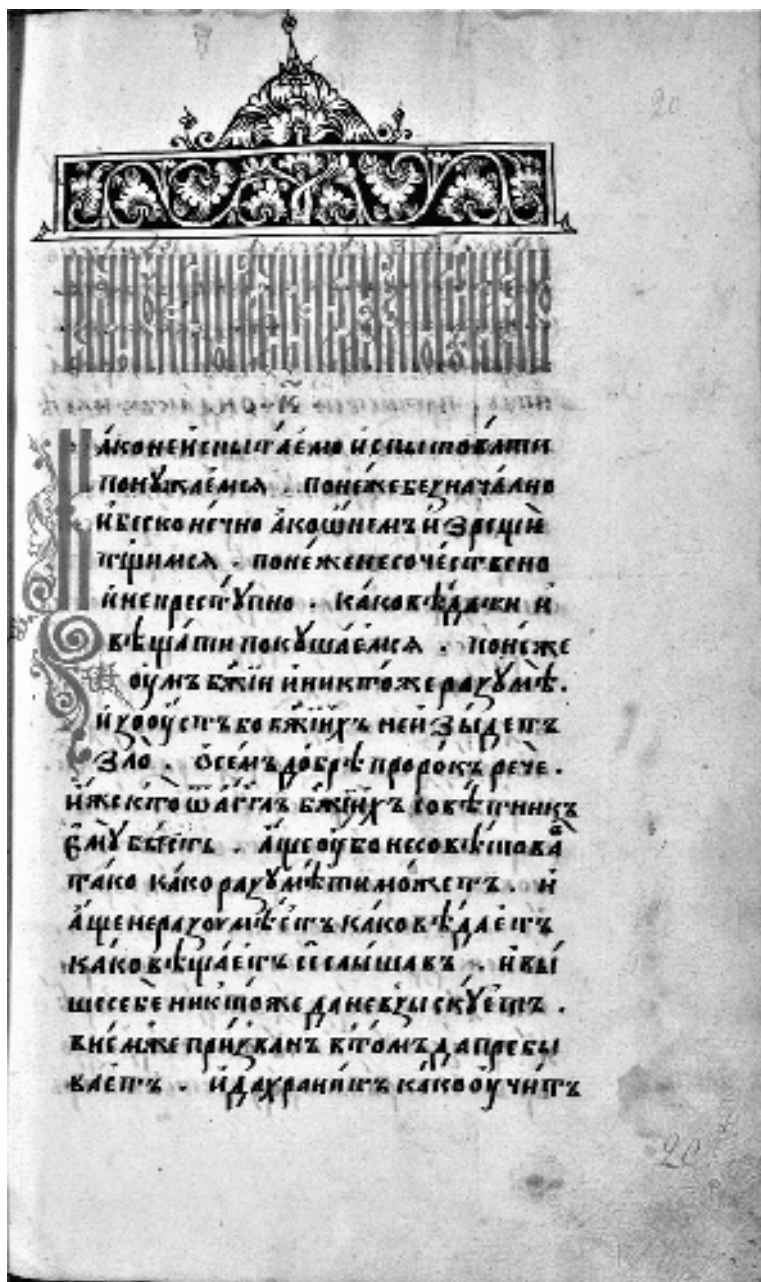
⁸ Юдин А. А. К проблеме изучения так называемого Второго Азбуковника: Грамматическая и Федоровская группы списков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 2: Филология. С. 122–129.

⁹ Ковтун Л. С. Азбуковники из сибирских хранилищ. С. 156.

¹⁰ Рукопись из собрания Г. Г. Юдина, хранящаяся в РГБ, не была известна Л. С. Ковтун; еще одну рукопись Третьего вида Азбуковника обнаружила К. И. Коваленко в древлехранилище Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Таким образом, сейчас известно всего девять рукописей, содержащих Третий тип Азбуковника.

Тхм-99. Азбуковник. Первая треть XVII в.
Фрагмент переплета — оттиск единорога в центре верхней крышки. XVIII в.

Тхм-25. Алфавит и другие статьи. Первая половина XVII в. Л. 20

редчайшей. Создатель Третьего типа Азбуковника¹¹ реформировал структуру словника, расположив словарные статьи буквенных разделов по алфавиту (при этом учитывались лишь первые гласные), а также добавил большое количество лексики, как нам удалось установить, из «книг литовской печати», то есть кириллических изданий, выходивших в Великом княжестве Литовском.¹² На основании изучения водяных знаков бумаги Л. С. Ковтун считала, что рукопись *Тхм-501* была создана в 1680-е гг. Однако нам удалось доказать, что она написана на бумаге, изготовленной в начале XVIII в. Изучение водяных знаков, почерка и орнаментальных украшений в этой рукописи позволили прийти к выводу, что она вышла из одного из монастырских скрипториев на Русском Севере, который функционировал под патронажем Афанасия Холмогорского.¹³ Выявленные владельческие записи в этом списке подтвердили, что рукопись одно время обреталась среди жителей Ухт- и Кур-островов, тесно связанных с Антониево-Сийским монастырем. Кроме того, анализ имен в этих записях указал на многочисленную родню уроженца этих мест М. В. Ломоносова. Это позволило нам высказать предположение о том, что будущий великий русский ученый мог держать в руках рукопись, поступившую позднее в собрание академика М. Н. Тихомирова.¹⁴

Хотя рукописей, содержащих Азбуковник, в собрании академика М. Н. Тихомирова не так много, следует отметить, что они представляют наиболее типичные списки этого древнерусского лексикографического произведения, показывающие основные этапы развития жанра: от снискавшего наибольшую популярность, судя по большому числу списков, Азбуковника Второго типа, вобравшего в себя материалы предшествовавших ему разновидностей (*Тхм-84*), Федоровскую редакцию сочинения черноризца Храбра (*Тхм-99*), послу-

¹¹ Как выяснил ученик Л. С. Ковтун А. Н. Левичкин, это был справщик Московского Печатного двора Давид Замарай (см.: Левичкин А. Н. О датировке Азбуковника 1596 года // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 541–550), отчего и Азбуковник Третьего типа сейчас принято называть Азбуковником Давида Замарая (см.: Коваленко К. И. Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2018).

¹² Юдин А. А. Азбуковник Давида Замарая: «Польско-литовские» материалы // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России. Новосибирск, 2018. С. 169–198.

¹³ Юдин А. А. Древнерусские азбуковники в собрании Музея книги ГПНТБ СО РАН // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев. Новосибирск, 2010. С. 77–86; см. также: Кукушкина М. В. Книгописная школа Афанасия архиепископа Холмогорского и Важеского // ВИД. Т. 3. Л., 1970. С. 108–130.

¹⁴ Юдин А. А. Древнерусские азбуковники в собрании Музея книги ГПНТБ СО РАН. С. 86.

жившего основой для создания новой разновидности (*Тхм-71*), до создания наиболее интересного с точки зрения новизны структуры и лексики Третьего, или Азбуковника Давида Замарая (*Тхм-501*).¹⁵ Интересно также использование словарных статей для создания рукописных сборников, подчиненных авторскому замыслу, так называемых азбуковников Выборочного типа (*Тхм-25*).

Исследователи отмечали, что М. Н. Тихомиров собрал «великолепную библиотеку старопечатной русской книги», которая «не имела себе равных» в Москве. «В частности, в ней были все основные издания Ивана Федорова».¹⁶ Общая характеристика этой части собрания академика была дана в обзорной статье А. И. Рогова и Н. Н. Покровского.¹⁷ Ими отмечено наличие в коллекции Триоди постной, вышедшей в Москве еще до первопечатного Апостола, с приведением записей в этой книге, изданий Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца (Апостола 1564 г., Евангелия Учительного 1569 г.), виленских, львовских, острожских и московских изданий конца XVI — XVII вв., а также трех книг на латинском языке, в том числе двух инкунабул.

Состав старопечатных книг, принадлежавших М. Н. Тихомирову, свидетельствует о рабочем предназначении этой части его книжного собрания. Именно обращение к источникам, к первопечатным книгам, в том числе и из собственного собрания, позволило ученому определить основные направления изучения русского книгопечатания, особенно его раннего периода. Так, к двум Триодям, постной (около 1556 г.) и цветной (1591 г.) из своей старопечатной коллекции он обращается в своей программной статье «Начало русского книгопечатания».¹⁸

Для создания Сибирского археографического центра в 1965 году М. Н. Тихомиров передал свое книжное собрание древнерусских рукописей и старопечатных книг в Сибирь — настоящего специалиста-археографа не подготовить «в отрыве от изучения общерусской

¹⁵ При исследовании происхождения, развития и литературной истории Азбуковника как жанра были использованы материалы, полученные при изучении «Тихомировских» рукописей этого древнерусского словаря: Юдин А. А. Древнерусский Азбуковник в рукописной традиции XVI — начала XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2023.

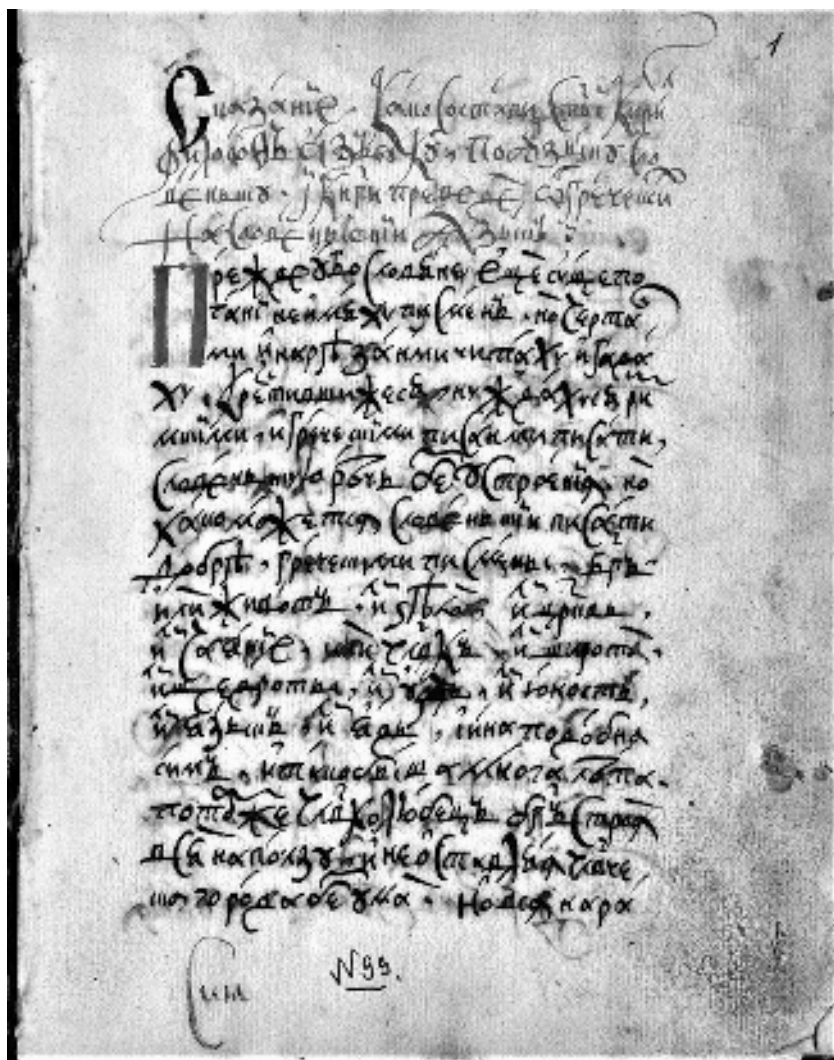
¹⁶ Сидоров А. А. М. Н. Тихомиров и история русского книгопечатания // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 220.

¹⁷ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 170–171.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Начало русского книгопечатания // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 28–37.

ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 448. «Разныя стихи и паслмы». 1821 г.
Л. 1 об.-2. Поморский стиль книжного оформления

ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 99. Азбуковник. Первая треть XVII в. Л. 1.
«Сказание, како состави святыи Кирилъ Философъ азбуку по языку словенскому и книги
преведе от греческихъ на словенский языкъ»

ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 10-ин. XVII в. С. 155.
Апрель (Телец астрологического календаря). Бумага, кисть, краски

ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 648. XIX в. «Мучение скончах, веру соблюдох. Протчее щадит ми ся венец правды». Портрет неизвестного наставника

культурной традиции, без подлинных памятников древнерусской письменности».¹⁹

К настоящему времени сотрудники Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН и Сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН из археографических экспедиций привезли уже целое собрание книг периода раннего русского книгопечатания. Среди них два экземпляра так называемого «широкошрифтного» Евангелия (около 1563/1564 гг.), два экземпляра первопечатного Апостола 1564 г., Евангелие Учительное 1569 г., экземпляр редчайшей Псалтири с Часословцем, напечатанной так же, как и Евангелие, в Заблудове в 1570 г., четыре экземпляра львовского Апостола 1574 г., два экземпляра острожского Нового Завета и Псалтири 1580 г., шесть экземпляров Острожской Библии 1581 г., а также неизвестное ранее издание Часовника, осуществленное Петром Тимофеевым Мстиславцем в Остроге на рубеже XVI–XVII вв.²⁰

История формирования старопечатной части коллекции М. Н. Тихомирова до недавнего времени оставалась не до конца изученной. При тщательном поэкземплярном просмотре всего книжного собрания академика выяснилось, что ряд книг имеет владельческие записи и штампы старообрядческих общинных и частных собраний, обретавшихся в разное время на Украине²¹ и землях, входивших ранее в Северо-Западный край Российской империи (территория современной Прибалтики, а также Белоруссии и Польши).²² В Тихомировское собрание эти книги попали, как выяснилось, от старовера М. С. Севастьянова, который посещал старообрядческие общины Прибалтики, Украины, Кавказа, Поморья и юга России и приобретал там ценные книжные памятники, создавая свою коллекцию.²³ В дальнейшем М. С. Севастьянов продавал книги крупнейшим советским древлех-

¹⁹ Деревянко А. П., Покровский Н. Н. М. Н. Тихомиров и сибирская археография // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 202.

²⁰ Бородихин А. Ю. Памятники книжной старины старообрядческих скитов: По материалам полевой и камеральной археографической работы 2010-х гг. // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России. Новосибирск, 2018. С. 385–390.

²¹ Юдин А. А. К вопросу об источниках собрания рукописей и старопечатных книг академика М. Н. Тихомирова // Берковские чтения — 2015: Книжная культура в контексте международных контактов. Материалы III международной научной конференции. Минск, 26–27 мая 2015 г. Минск, 2015. С. 621–627.

²² Юдин А. А. Старопечатные книги собрания академика М. Н. Тихомирова: К вопросу о локализации источников поступления // Десятые Макушинские чтения: Материалы научной конференции. Томск, 12–14 мая 2015 г. Новосибирск, 2015. С. 83–90.

²³ Юдин А. А. «Сердцеципательно читать такую новость...»: Судьба книг собрания Севастьяновых в XX ст. // 500 гадоў беларускага кнігадрукавання: Матэрыялы міжнароднага кангрэса. Ч. 1: XIII міжнародныя кнігазнаўчыя чытанні. Мінск, 14–15 верасня 2017 г. Мінск, 2017. С. 329–336.

ранилищам и частным коллекционерам. М. Н. Тихомирову его представил создатель Древлехранилища Пушкинского Дома известный археограф В. И. Малышев,²⁴ который имел среди коллекционеров обширные связи. Чуть ранее он же познакомил академика с ленинградским собирателем В. Ф. Груздевым, продавшим М. Н. Тихомирову всю свою коллекцию рукописей. На основании изучения владельческих записей и штампов, а также архивных материалов было установлено, что до трети всех рукописных и печатных книг в собрании М. Н. Тихомирова поступило в его собрание от М. С. Севастьянова.²⁵ От него же скорее всего в коллекцию академика поступил и архив угличских купцов Серебренниковых.²⁶ Вместе с тем, как показало исследование рукописных и старопечатных книг Тихомировского собрания, есть в нем и книги, полученные академиком напрямую от известных собирателей древнерусской книжности, старообрядцев и купленные в букинистических магазинах.²⁷

Как известно, передавая свою коллекцию славянских рукописей и старопечатных книг в Новосибирск, М. Н. Тихомиров настаивал на «важности создания научных описаний сибирских книжных коллекций».²⁸ Отрадно осознавать, что столь щедрый дар русского ученого служит уже нескольким поколениям сибирских археографов.

Список литературы

Бородихин А. Ю. Памятники книжной старины старообрядческих скитов: По материалам полевой и камеральной археографической работы 2010-х гг. // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России. Новосибирск, 2018. С. 385–390.

²⁴ Матханова Н. П., Титова Л. В., Юдин А. А. Переписка В. И. Малышева и М. Н. Тихомирова о сохранении памятников письменности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 8: История. С. 131–132.

²⁵ Юдин А. А. Книги старообрядцев Прибалтики в собрании М. Н. Тихомирова // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 243–252. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

²⁶ Юдин А. А. Неизвестные источники Тихомировского собрания ГПНТБ СО РАН // Библиосфера. 2016. № 4. С. 80–87; см. также: Коцеев В. Б. Архив Серебренниковых в собрании М. Н. Тихомирова // Книга в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1980. С. 172–185.

²⁷ Юдин А. А. О некоторых источниках сибирского собрания М. Н. Тихомирова в Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской Академии наук // Мартыановские краеведческие чтения. 2016–2017 гг. Вып. 11. Минусинск, 2018. С. 66–70.

²⁸ Деревянко А. П., Покровский Н. Н. М. Н. Тихомиров и сибирская археография. С. 202.

- Дергачева-Скоп Е. И.* Некоторые вопросы локализации рукописей: Коллекция В. Ф. Груздева в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 37–46.
- Деревянко А. П., Покровский Н. Н.* М. Н. Тихомиров и сибирская археография // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 202–203.
- Дьячок М. Т.* Специфика словарных определений в древнерусских азбуковниках // Синтаксическая и лексическая семантика: На материале языков разных систем. Новосибирск, 1986. С. 228–233.
- Коваленко К. И.* Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 440 с.
- Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. 295 с.
- Ковтун Л. С.* Азбуковники из сибирских хранилищ // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. Новосибирск, 1990. С. 142–159.
- Кощеев В. Б.* Архив Серебренниковых в собрании М. Н. Тихомирова // Книга в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1980. С. 172–185.
- Кукушкина М. В.* Книгописная школа Афанасия архиепископа Холмогорского и Важеского // ВИД. Т. 3. Л., 1970. С. 108–130.
- Левичкин А. Н.* О датировке Азбуковника 1596 года // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 541–550.
- Малышев В. И.* Об одном важном источнике Тихомировского собрания: Страничка воспоминаний // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 395–401.
- Матханова Н. П., Титова Л. В., Юдин А. А.* Переписка В. И. Малышева и М. Н. Тихомирова о сохранении памятников письменности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 8: История. С. 126–137.
- Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 162–172.
- Сидоров А. А.* М. Н. Тихомиров и история русского книгопечатания // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 220–222.
- Тихомиров М. Н.* Начало русского книгопечатания // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 28–37.
- Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. 194 с.

- Юдин А. А. Азбуковник Давида Замарая: «Польско-литовские» материалы // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России. Новосибирск, 2018. С. 169–198.
- Юдин А. А. Древнерусские азбуковники в собрании Музея книги ГПНТБ СО РАН // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев. Новосибирск, 2010. С. 77–86.
- Юдин А. А. Древнерусский Азбуковник в рукописной традиции XVI — начала XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2023. 253 с.
- Юдин А. А. К вопросу об источниках собрания рукописей и старопечатных книг академика М. Н. Тихомирова // Берковские чтения — 2015: Книжная культура в контексте международных контактов. Материалы III международной научной конференции. Минск, 26–27 мая 2015 г. Минск, 2015. С. 621–627.
- Юдин А. А. К проблеме изучения так называемого Второго Азбуковника: Грамматическая и Федоровская группы списков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 2: Филология. С. 122–129.
- Юдин А. А. Книги старообрядцев Прибалтики в собрании М. Н. Тихомирова // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 243–252. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).
- Юдин А. А. Неизвестные источники Тихомировского собрания ГПНТБ СО РАН // Библиосфера. 2016. № 4. С. 80–87.
- Юдин А. А. О некоторых источниках сибирского собрания М. Н. Тихомирова в Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской Академии наук // Мартыановские краеведческие чтения. 2016–2017 гг. Вып. 11. Минусинск, 2018. С. 66–70.
- Юдин А. А. «Сердцеципательно читать такую новость...»: Судьба книг собрания Севастьяновых в XX ст. // 500 гадоў беларускага кнігадрукавання: Матэрыялы міжнароднага кангрэса. Ч. 1: XIII міжнародныя кнігазнаўчыя чытанні. Мінск, 14–15 верасня 2017 г. Мінск, 2017. С. 329–336.
- Юдин А. А. Старопечатные книги собрания академика М. Н. Тихомирова: К вопросу о локализации источников поступления // Десятые Макушинские чтения: Материалы научной конференции. Томск, 12–14 мая 2015 г. Новосибирск, 2015. С. 83–90.

В. В. Подопригора, А. Ю. Бородихин

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

Рукописи и документы на иностранных языках в собрании М. Н. Тихомирова

Статья представляет собой обзор рукописных и старопечатных книг на иностранных языках, хранящихся в коллекции Михаила Николаевича Тихомирова в ГПНТБ СО РАН. Подчеркивается, что эта часть собрания до недавнего времени недостаточно привлекала внимание исследователей, но в последние годы иностранные рукописи, актовые материалы, памятники раннего этапа европейского книгопечатания были описаны и использованы в научных публикациях.

Ключевые слова: иностранные источники, рукописная и старопечатная книга, собрание рукописей М. Н. Тихомирова

В составе собрания академика М. Н. Тихомирова представлено 24 рукописи и документа на иностранных языках, как европейских (латынь, немецкий, польский, средненижненемецкий), так и восточных (арабский, тюркские, армянский, грузинский, тамильский). Несмотря на то, что они не были предметом специального научного интереса М. Н. Тихомирова, ученый осознавал их ценность как значимых образцов мирового книжного наследия и, соответственно, считал их неотъемлемой частью своей книжной коллекции. Об этом говорит тот факт, что эти рукописи были приобретены уже во время визита к их прежнему владельцу, В. Ф. Груздеву, в Ленинград в марте 1956 г. вместе с отобранными исследователем 168 славяно-русскими рукописями XIV–XX вв., 10 жалованными грамотами и делами Верхотурского и Каширского приказов.¹

Впервые иностранные рукописи собрания М. Н. Тихомирова получили краткую характеристику в статье А. И. Рогова и Н. Н. Покровского, в которой было уделено внимание главным образом особенностям их художественного оформления. Исследователи отметили прежде всего миниатюрный пергаменный молитвенник XVI в. на латинском языке, армянский Требник XVII в., список XVI в. легенды о святой Гедвиге, отрывки из Корана на арабском языке, а также «альбом изречений и стихов на латинском, немецком, французском, итальянском языках, гербов и миниатюр». Были также приведены

¹ Мальшев В. И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания: Страничка воспоминаний // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 399.

сведения о части документов иностранного происхождения: актовых источниках на латыни и польском языке XVI–XVII вв., происходящих из Речи Посполитой.²

Долгое время атрибуцию иностранной части собрания рукописей академика М. Н. Тихомирова затрудняло отсутствие внимания к ним специалистов по западноевропейской и восточной книжности. В этой связи ряд рукописей и документов не получили точной идентификации и научного описания при поступлении собрания в фонд ГПНТБ СО АН СССР. Особенно это справедливо в отношении семи восточных рукописей, большая часть которых не имела даже приблизительной атрибуции: иногда ошибочно был определен даже язык рукописи. Все эти пробелы были восполнены с выходом в 2014 г. каталога, составленного российским востоковедом И. В. Зайцевым. В нем рукописи на восточных языках из собрания М. Н. Тихомирова впервые получили точное описание: по бумаге и особенностям почерка была уточнена их датировка, определены типы почерка, установлены регионы происхождения рукописей и имена писцов, отмечены особенности переплета, рассмотрены их владельческие приметы (личные и вакуфные печати). Каждое сочинение, входящее в состав сборников, получило атрибуцию, включая сведения об авторстве, публикации и переводах на разные языки. В составе рукописей собрания М. Н. Тихомирова И. В. Зайцевым были выявлены сборники, содержащие избранные суры Корана, молитвы, богословские труды и сочинения по исламскому праву (руководства по фикху, сборники хадисов и фетв). Язык большинства текстов в сборниках — арабский и турецкий, есть небольшие фрагменты на фарси.³

Совсем недавно объектом внимания специалистов стали армянские рукописи собрания. В 2023 г. они были исследованы сотрудником Матенадарана — Института древних рукописей им. св. Месропа Маштоца Д. Г. Казаряном. Итоги его работы были представлены в докладе на конференции Libway-2024. В своем сообщении Д. Г. Казарян представил точную атрибуцию двух армянских рукописей, им были определены типы почерков, описаны орнаментика, состав и владельческие записи манускриптов. Исследователь внес важные уточнения в их датировку, установив, что Малый Требник (Маштоц дзерац) *Тхм-21ин*⁴ был написан в 1687 г., а Псалтирь *Тхм-2ин*,

² Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 169–170.

³ Арабские и турецкие рукописи Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске: Каталог / Сост. И. В. Зайцев. Новосибирск, 2014. (Книжные памятники и книжные собрания).

⁴ Здесь и далее *Тхм* — шифры рукописей Тихомировского собрания в ГПНТБ СО РАН.

которая ранее датировалась концом XVI — началом XVII в.,⁵ была по своим палеографическим, текстологическим и кодикологическим особенностям отнесена исследователем к XV в.⁶

Потенциал рукописей собрания М. Н. Тихомирова как важного источника сведений по восточной палеографии был продемонстрирован И. В. Зайцевым,⁷ который во время работы в Отделе рукописей Библиотеки Лейденского университета с арабским манускриптом начала XVII в. обнаружил в книге вложенный листок с переписанным хадисом. Штемпель на этом листе представлял собой более четко читающийся вариант штемполя в фигурной рамке с легендой на османском турецком языке, обнаруженного исследователем на бумаге рукописи из собрания М. Н. Тихомирова — турецкого молитвенника *Тхм-19ин*. Оказалось, что пока выявлено всего два образца этого штемполя, которым маркировалась бумага османского производства, изготовлявшаяся на бумажной фабрике в Измире с 1843 г.⁸

В 2024 году А. Ю. Бородихиним и В. В. Подопрigorой было проведено исследование части западноевропейского фонда Тихомировского собрания.⁹

Авторами было установлено, что «Альбом изречений и стихов...» *Тхм-10ин*, упомянутый в статье А. И. Рогова и Н. Н. Покровского, является примером *Stammbuch* — жанра немецкой книжности, изначально представлявшего собой книгу по генеалогии определенного семейства, а затем эволюционировавшего в своего рода альбом, в который друзья, знакомые, покровители владельца записывали свои посвящения, иногда стихотворные. В него вносились также изображения их фамильных гербов с девизами. Было доказано тождество альбома *Тхм-10ин* с рукописью 1620-х годов, хранившейся в городском архиве Бреслау (Бреславль, совр. Вроцлав), описанной в 1887 г. доктором Юлиусом Кребсом.¹⁰ Рукопись принадлежала жителю Бреславля Захарии Аллерту, проявившему себя как мастер искусства

⁵ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 169.

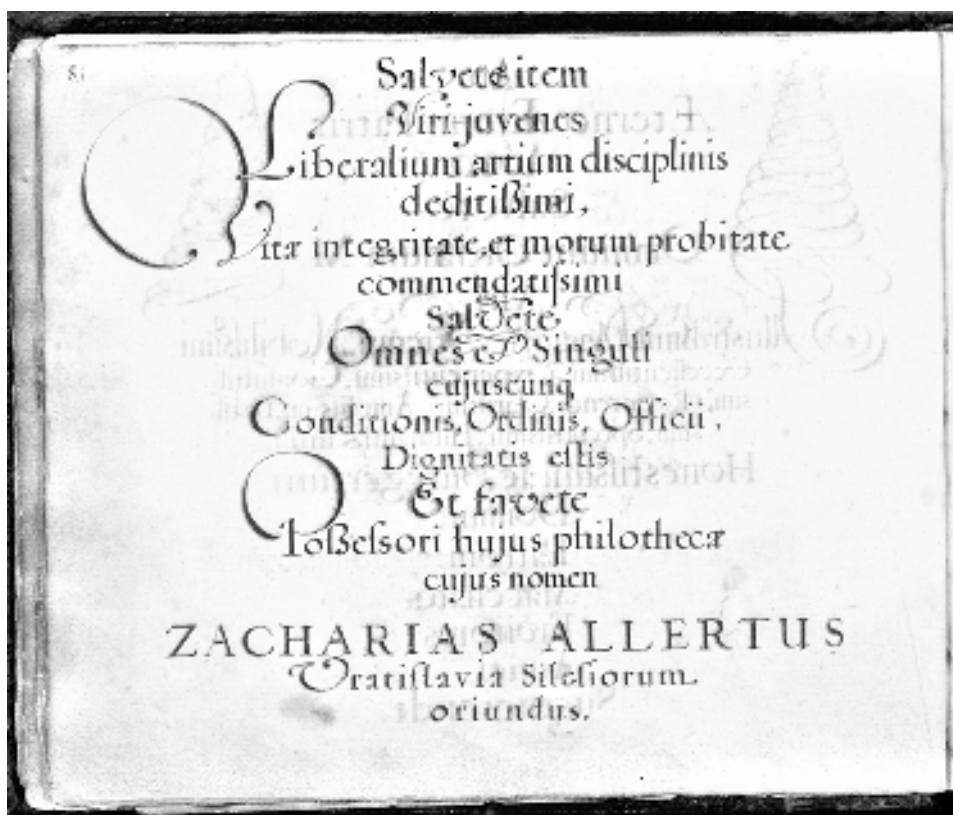
⁶ Казарян Д. Г. Армянские рукописи из собрания М. Н. Тихомирова (ГПНТБ СО РАН, Новосибирск) // Международная научно-практическая конференция, посвященная 105-летию ГПНТБ СО РАН, LIBWAY-2023. Новосибирск, 20–22 марта, 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2m2jNSdRwS4&t=5660s> (дата обращения 04.09.2024).

⁷ Зайцев И. В. Османский бумажный штемпель в рукописях из Лейдена и Новосибирска // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15. № 3 (вып. 34). С. 91–95.

⁸ Зайцев И. В. Османский бумажный штемпель... С. 94.

⁹ Бородихин А. Ю., Подопрigorа В. В. Иностранная часть рукописного собрания академика М. Н. Тихомирова: источники формирования // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 11–27.

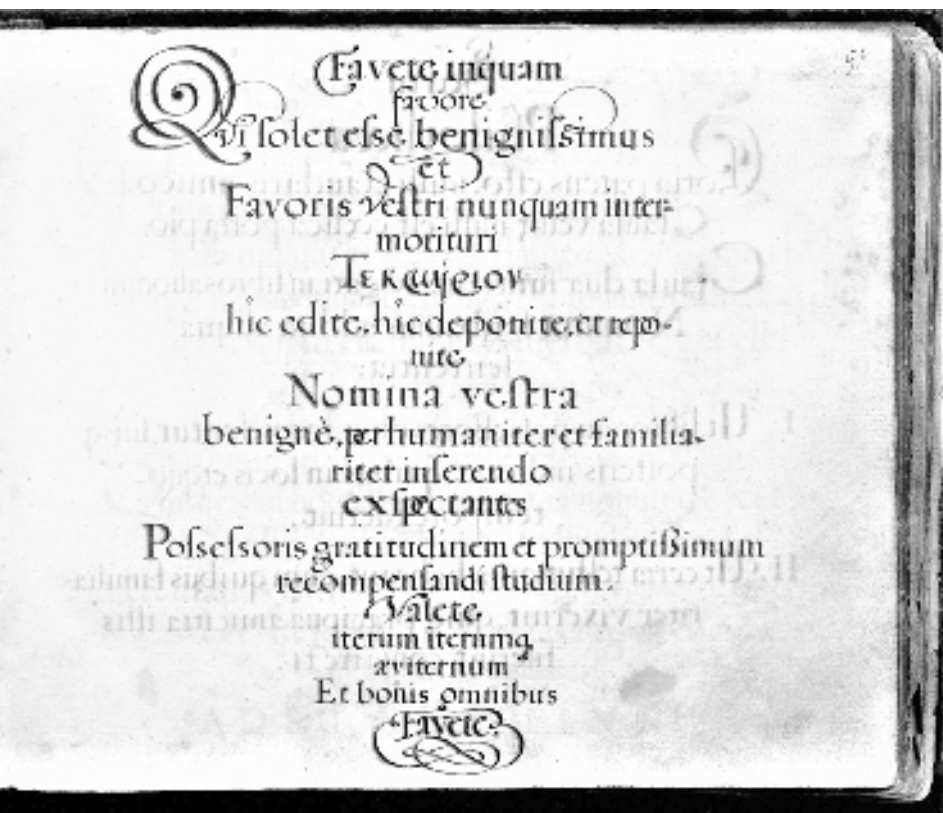
¹⁰ Zacharias Allerts Tagebuch aus dem Jahre 1627 / Hg. von Dr. J. Krebs. Breslau, 1887.

каллиграфии. А. Ю. Бородихиным было составлено новое описание рукописи, зафиксировавшее утраты листов альбома, уточнена его датировка по водяным знакам бумаги, установлены лица, участвовавшие в создании Stammbuch, и авторы переписанных в нем стихов.¹¹ Альбом Захарии Аллерта также был рассмотрен как памятник книжной культуры немецкого барокко.

Кроме того, были идентифицированы четыре документа — пергаменные грамоты на латинском и средненижненемецком языках. Установлено, что три грамоты XIII–XV вв. происходят из Бремена,

¹¹ Бородихин А. Ю., Подопригора В. В. Новое об источниках формирования рукописного собрания академика М. Н. Тихомирова // История библиотек: Новые подходы, методы, источники, результаты: Материалы международной научно-практической конференции. 23–24 мая 2023 г. М., 2024. С. 93–94.

Тхм10ин. XVII в. С. 8–9. Приветствие от имени владельца Альбома («Philotesa») Захарии Аллерта из Братиславы (Силезия)

одна, датированная 1440 г., — из Нижней Силезии. Сведения об одной из них, самой ранней, относящейся к середине XIII в. и представляющей собой перечень деревень и приходов в округе Бремена с размерами ежегодных отчислений на содержание моста через реку Везер, были обнаружены в подготовленной немецкими архивистами Д. Р. Эмком и В. фон Биппенем публикации документов по истории города Бремена, изданной в 1873 г.¹²

Помимо иностранных рукописей и актовых материалов в собрание академика М. Н. Тихомирова входит небольшое число печатных изданий. Наибольший интерес исследователей вызвали памятники раннего этапа европейского книгопечатания. Из девяти инкуна-

¹² Bremisches Urkundenbuch: Im Auftrage des Senats der freien Hansestadt Bremen / Hg. von D. R. Ehmck und W. von Bippen. Bd. 1. Bremen, 1873. S. 285–289.

бул, хранящихся в фонде ГПНТБ СО РАН, две поступили в составе коллекции М. Н. Тихомирова. Впервые они были описаны в статье Л. М. Макаровой.¹³ Это нюрнбергское издание Нового Завета с комментариями Николая де Лиры 1493 г. и богословский трактат «Пантеология» средневекового философа-схоласта Райнерия (Венеция, 1486). В недавнее время эти издания наряду с другими инкунабулами ГПНТБ СО РАН получили уточненную идентификацию по справочной литературе и современным европейским базам данных в статье Т. Н. Илюшечкиной.¹⁴

Список литературы

- Арабские и турецкие рукописи Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске: Каталог / сост. И. В. Зайцев. Новосибирск, 2014. 104 с.
- Бородихин А. Ю., Подопригора В. В.* Иностранная часть рукописного собрания академика М. Н. Тихомирова: Источники формирования // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 11–27.
- Бородихин А. Ю., Подопригора В. В.* Новое об источниках формирования рукописного собрания академика М. Н. Тихомирова // История библиотек: Новые подходы, методы, источники, результаты: Материалы международной научно-практической конференции. 23–24 мая 2023 г. М., 2024. С. 90–100.
- Зайцев И. В.* Османский бумажный штемпель в рукописях из Лейдена и Новосибирска // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15. № 3 (вып. 34). С. 91–95.
- Казарян Д. Г.* Армянские рукописи из собрания М. Н. Тихомирова (ГПНТБ СО РАН, Новосибирск) // Международная научно-практическая конференция, посвященная 105-летию ГПНТБ СО РАН, LIBWAY–2023. Новосибирск, 20–22 марта 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2m2jNSdRwS4&t=5660s> (дата обращения 04.09.2024).
- Макарова Л. М.* Инкунабулы сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН // Вопросы книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 166–172.
- Мальшев В. И.* Об одном важном источнике Тихомировского собрания: Страничка воспоминаний // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 395–401.

¹³ Макарова Л. М. Инкунабулы Сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН // Вопросы книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 168–169, 171.

¹⁴ *Iłjuszczkina T.* Polonica w kolekcji książek europejskich syberyjskiej biblioteki akademickiej // Z Badań nad Książką i Księgozbiorami Historycznymi. T. 9. Warszawa, 2015. S. 61–62.

Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 162–172.

Bremisches Urkundenbuch: Im Auftrage des Senats der freien Hansestadt Bremen / Hg. von D. R. Ehmck und W. von Bippen. Bd. 1. Bremen, 1873. 704 S.

Iljuszeczkińska T. Polonica w kolekcji książek europejskich syberyjskiej biblioteki akademickiej // *Z Badań nad Książką i Księgozbiorami Historycznymi*. T. 9. Warszawa, 2015. S. 61–82.

Zacharias Allerts Tagebuch aus dem Jahre 1627 / Hg. von Dr. Julius Krebs. Breslau, 1887. 121 S.

Т. Г. КАЗАНЦЕВА

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

ПЕВЧЕСКИЕ РУКОПИСИ В СОБРАНИИ М. Н. ТИХОМИРОВА

Статья посвящена обзору певческих рукописей XVI–XIX вв. из собрания рукописей М. Н. Тихомирова. Рассмотрены состав, особенности 34 памятников музыкальной письменности. Прослежена история их включения в состав коллекции. Сделан вывод, что певческие рукописи из собрания М. Н. Тихомирова являются ценными источниками для изучения переходного периода истории древнерусского певческого искусства.

Ключевые слова: певческие рукописи, древнерусская музыкальная традиция, Тихомировское собрание рукописей

Особое место в собрании академика М. Н. Тихомирова занимает коллекция певческих рукописей. Специфика их содержания, связанная с принадлежностью к области музыкального искусства, позволила авторам первой обзорной статьи в «Археографическом ежегоднике» дать лишь самую общую характеристику этого сегмента, уложившуюся в один небольшой абзац. В нем А. И. Рогов и Н. Н. Покровский справедливо указали на преобладание в коллекции певческих сборников XVII в. и указали шифры десяти из них.¹

Информация, содержащаяся в обзорной статье, дополнялась материалами каталога Тихомировского собрания рукописей, составленного под редакцией Н. Н. Покровского,² где были представлены краткие общепалеографические описания 23 певческих кодексов в составе блока первых 500 рукописей, переданных Сибирскому отделению Академии наук. При последующей работе с памятниками музыкальной письменности Тихомировского собрания удалось выявить еще девять певческих рукописей во второй части собрания. Составление каталога специализированных музыкально-палеографических описаний певческих рукописей³ позволило по писцовым, владельческим и запродажным записям, а в ряде случаев и по текстам песнопений (прежде всего, многолетий) уточнить датировку некото-

¹ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 168.

² Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 1968.

³ Казанцева Т. Г. Описание певческих рукописей из собрания академика М. Н. Тихомирова. Новосибирск, 2019. (Книжные памятники и книжные собрания).

рых из них, скорректировать названия, а также выявить сборники, состоящие из нескольких певческих книг.

Коллекция памятников музыкальной письменности в собрании академика М. Н. Тихомирова на сегодняшний день насчитывает 34 памятника, датируемых от конца XVI до первой четверти XIX в., и, следовательно, относящихся к поздней древнерусской и ранней старообрядческой традиции. Половина кодексов (17 экз.) принадлежат XVII в. — эпохе расцвета и кардинальных преобразований в российском церковно-певческом искусстве.

Согласно нашим наблюдениям, часть коллекции певческих книг поступила в собрание академика в 1956 г. в составе библиотеки известного ленинградского коллекционера В. Ф. Груздева. На сегодняшний день установлена принадлежность Груздевской коллекции четырех певческих рукописей: Октоих и Обиход первой трети XVII в. (*Тхм-201*⁴), сборник певческих книг того же времени (*Тхм-212*), Праздники рубежа XVI–XVII вв. (*Тхм-225*) и сборник духовных стихов и псалм Выго-Лексинского письма 1821 г. (*Тхм-448*).⁵

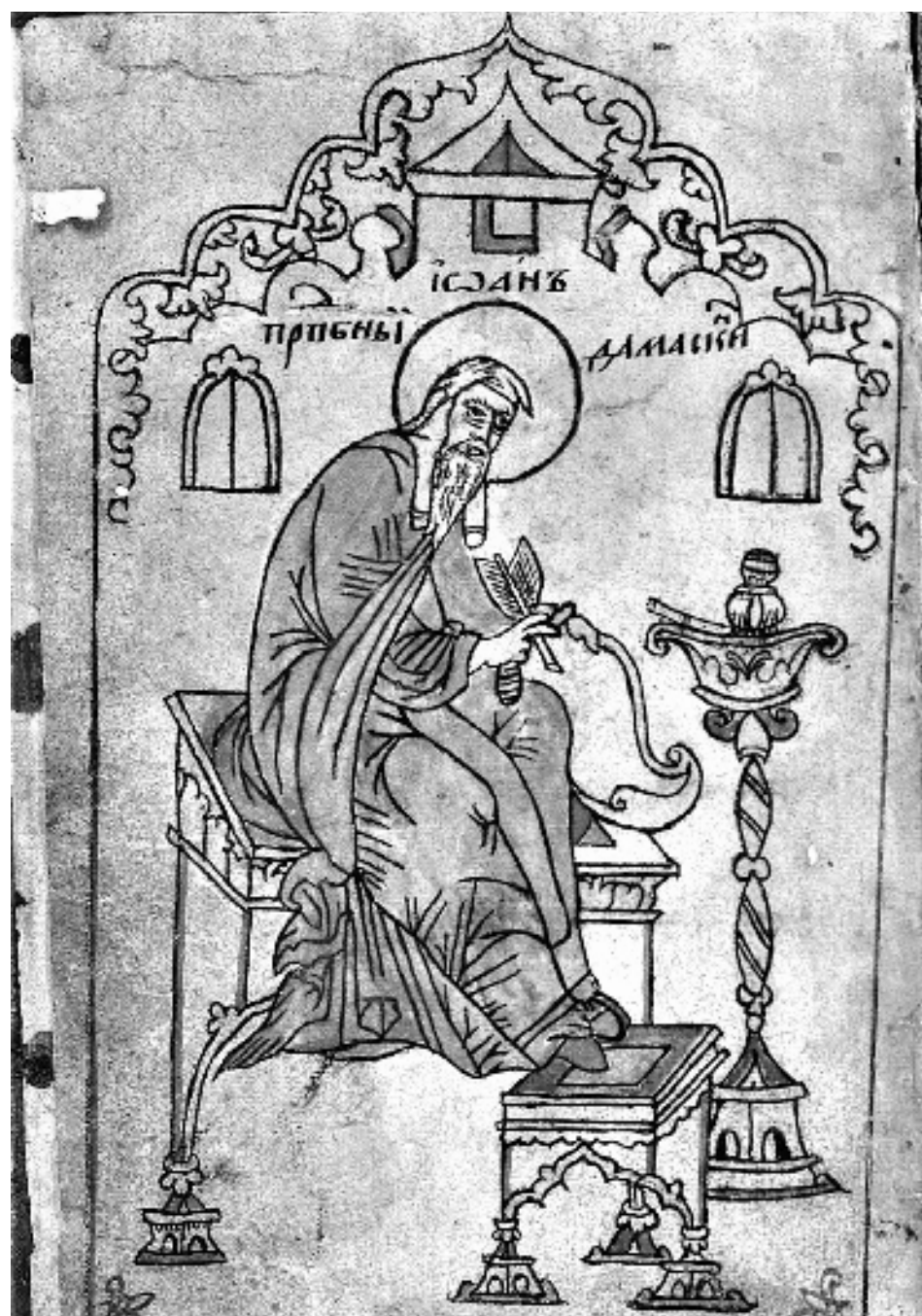
Кроме вышеуказанного источника поступлений, появление в собрании М. Н. Тихомирова нескольких певческих сборников можно связать с деятельностью старообрядческого собирателя М. С. Севастьянова. К ним предположительно относятся Октоих с Обиходом конца XVIII в. (*Тхм-288*) со штампом библиотеки его отца, С. Ф. Севастьянова, а также рукописи прибалтийского происхождения: Триодный стихирарь начала XX в. (*Тхм-263*) со штампом наставника Гривской общины Е. Ф. Парфенова и Обиход второй половины XVIII в. (*Тхм-434*), принадлежавший, согласно записи, Масловской общине, бывшей в поместье Маслово Капинской волости Двинского уезда.⁶

Коллекция включает все типы певческих книг, сложившиеся в «классический» период истории древнерусского профессионального церковно-певческого искусства: Ирмологий (10), Октоих (16), Обиход (13), Стихирарь Триодный (3), Стихирарь минейный (1), Празд-

⁴ Здесь и далее *Тхм* — шифры рукописей Тихомировского собрания в ГПНТБ СО РАН.

⁵ Локализация данных рукописей в числе других была в свое время установлена Е. И. Дергачевой-Скоп и Т. Н. Илюшечкиной. См.: *Дергачева-Скоп Е. И.* Некоторые вопросы локализации рукописей: Коллекция В. Ф. Груздева в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. Вклейка после с. 46.

⁶ Юдин А. А. Книги старообрядцев Прибалтики в собрании М. Н. Тихомирова // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 247. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

Книга глаголемая Ирмолой

твореніе прѣзнаго, шѣ

нашего иоанна димаски

на. Глаголю аще а ирмолой

иша побѣдительная де

снниа въ голубице шѣ

ирмолой прославиша

тако въ зомертне не

ники (6), Трезвоны (1). Большинство книг объединены в сборники, что характерно для времени, в которое они создавались. Кроме типовых певческих книг, в коллекции имеются два списка музыкально-теоретических руководств (Тхм-191, Тхм-416), старообрядческий сборник второй половины XVIII в. нетипичного состава, сформированный на основе певческой книги Обиход и дополненный стихирами и славниками избранным праздникам (Тхм-434), образцы старообрядческой внебогослужебной духовной лирики под названием «Разные стихи и псалмы» (Тхм-448) и сборник первых десятилетий XVIII в., включающий партию баса партесных композиций композиторов эпохи раннего русского барокко (Тхм-503).

Большинство певческих книг коллекции находятся в хорошем состоянии, а часть из них являются подлинными памятниками книжного искусства русского средневековья. К ним относятся миниатюрный (16°) кодекс Тхм-225 (книга Праздники), обложенный в кожаный тисненый переплет бордового цвета и оформленный тонко выписанными горизонтальными заставкам и полевыми цветками в красках, золотыми и киноварными вязью и инициалами. Высоким примером книжного декора является оформленная в старопечатном стиле с использованием благородной гаммы красок рукопись Тхм-204, украшенная множественными крупными инициалами сложного орнамента и двумя заставками-рамками в Октоихе. Триодный стихирарь Тхм-263 представляет собой классический образец Выго-Лексинской (поморской) школы книжного письма. К этой же школе принадлежат сборник духовных стихов и псалм Тхм-448 и певческий Ирмологий Тхм-191.

Орфоэпическая редакция гимнографического текста в текстах песнопений рукописей коллекции отмечена приметами «переходности». Преобладает так называемое *раздельноречие*, свойственное исключительно певческим книгам XV — середины XVII в. и характеризующееся заменой редуцированных *ъ* и *ь* их полногласными фонетическими вариантами. Эта норма распространяется и на более поздние беспоповские (поморские) певческие тексты (Тхм-191, Тхм-263, Тхм-308 (нотированные фрагменты), Тхм-434).

Самая ранняя рукопись коллекции Тхм-212 (конец XVI в.) сохранила архаичную орфографию с элементами старого *истинноречия*, сохраняющего этимологические редуцированные. Часть *раздельноречных* рукописей второй половины XVII в. (Тхм-23, Тхм-284, Тхм-323, Тхм-418), напротив, включает в себя отдельные образцы нового *истинноречия*.

Наибольший интерес представляют списки второй половины XVII в. с так называемыми *иосифовскими* текстами — *новоистин-*

норечной редакции, но с дореформенной лексикой и грамматикой (Тхм-204, Тхм-449, Тхм-460, Тхм-626). Новоистинноречная дореформенная редакция также свойственна певческим книгам попсковской традиции, представленной в собрании М. Н. Тихомирова всего двумя кодексами третьей четверти и последних десятилетий XVIII в. (Тхм-288 и Тхм-333 соответственно).

Тхм-503. Сборник партесных композиций (партия баса). Начало XVIII в. Л. 25

В певческих рукописях Тихомировского собрания представлены различные виды нотации, характерные для XVII в. и последующего времени: знаменная без помет, с «домезенцевскими» пометами (Тхм-425, 1630-е гг.), с фрагментарными «мезенцевскими» пометами, с пометами без тушевых признаков и с признаками, проставленными регулярно или частично, с признаками без помет, с избыточным опомечиванием. В ряде рукописей встречаются образцы «казанского» (путно-демественного) знамени, используемого для записи образцов путевого и демественного распева (Тхм-23, Тхм-284, Тхм-288, Тхм-425), а также фрагментов троестрочных партитур (Тхм-460). Две рукописи написаны «киевской» квадратной нотой: помимо вышеназванного партесного сборника Тхм-503, это книга Праздников знаменного распева первой трети XVIII в. (Тхм-585).

В певческих сборниках широко представлено характерное для зрелого периода развития древнерусской монодии явление много-распевности. Помимо преобладающего знаменного распева и его вариантов («ино знамя», «ин роспев», «ин перевод», «ин розвод», «произвол») встречаются путь и демество, большой и малый распевы, а также греческий, тихвинский, опекаловский. Большим числом мелодических версий одного и того же песнопения отличаются кодексы Тхм-23, Тхм-204, Тхм-263, Тхм-323, Тхм-418, Тхм-428, Тхм-434, Тхм-622, Тхм-626. В конвюльт второй половины XVII в., вероятно, случайно оказался вплетен фрагмент рукописи с партитурой троестрочия — раннего русского многоголосного стиля.

Помимо музыкальной составляющей, некоторые рукописи имеют приметы ценных исторических памятников. Так, некоторые из них в текстах песнопений-многолетий содержат упоминания имен царей Михаила Федоровича (Тхм-23, Тхм-416 и Тхм-428) и Алексея Михайловича (Тхм-204, Тхм-418, Тхм-626). В последнем случае поименованы царь и великая княгиня Марья, но отсутствует имя патриарха, что указывает на период междупатриаршества. Рукопись отражает новоистинноречную орфоэпическую норму, однако сам гимнографический текст относится как к дореформенной, так и пореформенной редакциям. Очевидно, что кодекс создавался в самые нестабильные годы реформационной ломки богослужебно-певческой традиции.

Ценная музыкально-историческая информация зафиксирована в писцовых, владельческих и запродажных записях, обильно встречающихся в рукописях коллекции. Так, сборник Тхм-449 третьей четверти XVII в. входил в состав библиотеки Николо-Карельского монастыря; Ирмологий Тхм-626 в 1672 г. был продан «вязниковцу Козме Зотову» старцем Благовещенского (близ Вязников) монастыря Авраамием; Триодный стихирарь Тхм-263 начала XIX в. принад-

лежал наставнику Гривской (Латвия) поморской (федосеевской) беспоповской общины Е. Ф. Парфенову.

Крайне интересна судьба Октоиха с Обиходом Тхм-204 третьей четверти XVII в., также имеющих новоистинноречную версию вербального текста дореформенной редакции. Первоначально сборник принадлежал ростовскому митрополиту Ионе (Сисоевичу), последним же его владельцем оказался епископ Иннокентий (И. Г. Усов), впоследствии «митрополит Белокриницкий и всех христиан, в рассеянии сущих».

Самым значимым памятником коллекции следует признать рукопись-конволют Трезвонов второй половины XVII — начала XVIII в. Тхм-460, в которой сохранились редакторская правка и несколько записей, выполненных рукой справщика Московского печатного двора, члена второй комиссии дидакалов Александра Мезенца. Его автограф латиницей встречается на нижнем поле л. 291 («Alexander praseval»), а также на л. 276 в виде монограммы («A m T d»).

Коллекция певческих рукописей собрания М. Н. Тихомирова является ценной базой источников изучения переходного периода истории древнерусского певческого искусства: большинство входящих в него певческих сборников относится ко времени непрерывных реформационных преобразований, приведших к одновременному сосуществованию традиционных и обновленных вариантов певческих текстов и форм их записи.

Список литературы

- Дергачева-Скоп Е. И.* Некоторые вопросы локализации рукописей: Коллекция В. Ф. Груздева в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 37–46.
- Казанцева Т. Г.* Коллекция певческих рукописей в собрании академика М. Н. Тихомирова // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск, 2014. С. 308–324. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 32).
- Казанцева Т. Г.* Описание певческих рукописей из собрания академика М. Н. Тихомирова. Новосибирск, 2019. 443 с. (Книжные памятники и книжные собрания).
- Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. 194 с.
- Юдин А. А.* Книги старообрядцев Прибалтики в собрании М. Н. Тихомирова // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 243–252. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

МЦА АВГУСТА В НДЕ

СЛОВО ВОСПОМИНАТЕЛЬНОЕ, ВКУПЕ И ПО
ХВАЛИТЕЛЬНОЕ. О ПРЕНЕСЕНИИ ЧТНЫХ МО
ЩЕЙ, ЗОСИМЫ И САВАТИА ВСЕПРЕПОДОБНОГО ОТЕЦ,
СОЛОВЕЦКОГО ЧУДОТВОРЦА. БЛАГОСЛОВИ
ОТЕ

РАДОСТНА НАМЪ И ВСЕ РАДОСТНА, НА
СПОМОЩАЮ ВЕСЕЛАСНАЮ ТОРЖЕСТВЪ,
ВСЕ ПРЕДИДНА СВЕТАЮСТЬ, И БУДЕ
И ПОКАЗУЕТСЯ [БЛАГОДЕСННЫИ ПЯКО
ТОРЖЕСТВЕННИИ ПОСЛУША НАСЯ]: ЯЖЕ
ПОАНИКЪ ВСЕ ПРАЗДНЫМИ ДОБРОТАМИ
ВСЕ ПРЕКРАСНО СЛАВЕТЬ, ПОАНИКЪ ПРАЗ
ДНЫМИ СВЕТАЮСТЬМИ ВСЕ БОГАТЫМЪ КИПН,
ПОАНИКЪ ВСЕ РАДОСТНЫМИ ПРАЗДНОСТЯМИ ВСЕ
ТОРЖЕСТВЕННУ И СПЕКАЮТЬ: СЯНИКЪ ВСА
НА ВСЕ КРАСНО ПРАЗДНИКА ДОБРОТУ, ВСЕ РАДО
СТНО И СПОМОЩАЮ СОЗЫВАЮТЬ, АЩЕ
ТАКИ НА ВСЕ СЛАДЧАЙШЕЕ ВЕСЕЛІЕ, АЩЕ ВЪСН
НА ПРЕДИДНОЕ ОУКРАШЕНІЕ, АЩЕ МЛЮСТА НА ПРАЗ
ДНОМУ СЛАДОСТЬ, АЩЕ ВРЕМЯ СОЮЗНО
ШЕНІЕ НА МНОГО ЦЕННОЕ ВЪНЦЕ ПАСЕНІА ПО
ЗНАШЕНІА. ОУКРАШЕНІА ВСЕ КРАСОТА
ТАКИ СОМН, РАДОСТНЫМИ ТОРЖЕСТВЪ
ЦЕВНИЦАМИ БРАЦАЮЩЕ РАДОСТНО, ПРАЗДНИ

Тхм-552. Торжественник общий. Конец XVIII — начало XIX в. Л. 79 об.

Семен Денисов. «Слово воспоминательное вкупе и похвалительное о пренесении честных мощей Зосимы и Савватия, всепреподобного отец, Соловецкого чудотворцу»

А. Н. КОВАЛЕНКО

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

ТОРЖЕСТВЕННИКИ И ЧЕТЬИ КНИГИ В СОБРАНИИ РУКОПИСЕЙ М. Н. ТИХОМИРОВА

В статье представлены описания Торжественников и четых сборников из Тихомировского собрания, выполненные Г. А. Лончаковой. Обращено внимание на особенности рукописей, их состав и происхождение.

Ключевые слова: рукописное собрание М. Н. Тихомирова, Торжественники, структура, древнерусские гомилиярии

Сборники четьего характера в собрании М. Н. Тихомирова представляют особый интерес для исследователей. Несмотря на популярность подобного типа сборников в древнерусской традиции, их исследование в настоящий момент еще не завершено. В «Описании рукописных Торжественников собрания академика М. Н. Тихомирова из фонда ОРКиР ГПНТБ СО РАН» Г. А. Лончаковой представлены состав, датировка и владельческие записи четырех сборников: Златоуст годовой и Минейный Торжественник (*Тхм-499*¹), Минейный Торжественник (*Тхм-511*), Торжественник общий (*Тхм-552*), Минейный Торжественник с небольшой триодной частью (*Тхм-596*).² Торжественники Тихомировского собрания повторяют структуру наиболее древних гомилияриев, в которых триодная и минейная части объединены в одном кодексе.

Триодный Торжественник особого состава (*Тхм-506*), происходящий из коллекции С. Ф. Севастьянова, был описан Г. А. Лончаковой отдельно.³ Он определен ею как сборник особой композиции, созданный предположительно поморскими старообрядцами. Рукопись состоит из четырех частей, из которых третья восходит к рукописи из собрания библиотеки Троице-Сергиевой Лавры (РГБ. Ф. 304.1. № 146), а первые две связаны с традицией сербских гомилияриев. Вероятно, данный сборник отражает процесс поиска оптимальной

¹ Здесь и далее *Тхм* — шифры рукописей Тихомировского собрания в ГПНТБ СО РАН.

² Лончакова Г. А. Описание рукописных Торжественников собрания академика М. Н. Тихомирова из фонда ОРКиР ГПНТБ СО РАН. Вып. 1: Минейные Торжественники. Новосибирск, 2017. (Книжные памятники и книжные собрания).

³ Лончакова Г. А. Триодный Торжественник особого состава: Описание // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России. Новосибирск, 2018. С. 129–168.

по составу формы Торжественника. Все Торжественники из собрания М. Н. Тихомирова, описанные Г. А. Лончаковой, относятся к поздней традиции, но по наблюдению исследователя в их тексте нередко встречаются лексические разночтения и фрагменты, свидетельствующие о копировании в сборниках архаичных текстов.

Ярким примером может служить рукопись *Тхм-511*. В ней был обнаружен ранее неизвестный исследователям текст «На память преподобного отца нашего Саватия Соловецкаго чудотворца слово похвальное».⁴ Данный памятник создан на основе I Стилистической редакции Жития Зосимы и Савватия Соловецких⁵ с привлечением похвального слова Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета. Предположительно похвальное слово могло быть написано в Свято-Троицком Павло-Обнорском монастыре, которому принадлежал Торжественник, сохранивший единственный известный сегодня список памятника. Этот текст и краткая характеристика опубликованы в Описании Торжественников Г. А. Лончаковой.⁶

Список литературы

- Лончакова Г. А.* Описание рукописных Торжественников собрания академика М. Н. Тихомирова из фонда ОРКиР ГПНТБ СО РАН. Вып. 1: Минейные Торжественники. Новосибирск, 2017. 302 с. (Книжные памятники и книжные собрания).
- Лончакова Г. А.* Триодный Торжественник особого состава: Описание // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России. Новосибирск, 2018. С. 129–168.
- Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. 1. М., 2001. 650 с.

⁴ *Тхм-511*. Л. 301–319.

⁵ *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. 1. М., 2001. С. 133–146.

⁶ *Лончакова Г. А.* Описание рукописных Торжественников... С. 275–295.

Н. С. Гурьянова

Институт истории СО РАН, Новосибирск

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ РУКОПИСИ В СОБРАНИИ М. Н. ТИХОМИРОВА*

В статье представлен обзор старообрядческих рукописей из собрания М. Н. Тихомирова. Дана характеристика содержания основных памятников письменности, а также сборников, составленных в разных согласиях. Сделан вывод, что памятники книжности представляют большой интерес не только для исследователей старообрядчества, они являются ценными источниками для изучающих общественное, религиозное сознание населения России разных эпох.

Ключевые слова: М. Н. Тихомиров, старообрядцы, согласия, рукописи, сочинения, сборники, миниатюры

В статье А. И. Рогова и Н. Н. Покровского, посвященной обзору коллекции М. Н. Тихомирова, как ранее отмечено, особое внимание было уделено характеристике ценных рукописей, значимых памятников письменности.¹ При этом старообрядческим рукописям уделено не очень много внимания, хотя указано на их наличие: «В собрании М. Н. Тихомирова насчитывается довольно значительное число рукописей полемической направленности. В подавляющем большинстве это старообрядческие и антистарообрядческие сочинения».² Далее авторы только перечислили несколько рукописей с названиями сочинений. Реально в опубликованном описании находим более 50 таких рукописей XVIII–XIX вв. О каждой приведены сведения о формате рукописи, количестве листов, указана дата использованной бумаги. В описании дано заглавие, если речь идет о конкретном памятнике письменности (*Тхм-303*³), но чаще всего приводится наименование типа «Сборник старообрядческий» (*Тхм-139*), «Сборник церковного содержания» (*Тхм-431*), «Цветник старообрядческий» (*Тхм-285*), «Цветник духовный» (*Тхм-332*), «Меч духовный» (*Тхм-369*).

В описании приведены очень краткие сведения о содержании каждой рукописи. Иногда отмечается, что речь идет о выписках из

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

¹ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 162–172.

² Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 166–167.

³ Здесь и далее *Тхм* — шифры рукописей Тихомировского собрания в ГПНТБ СО РАН.

разных книг, но чаще указываются названия некоторых из скопированных частично или полностью памятников письменности. Михаил Николаевич и его ученик Н. Н. Покровский очень точно акцентировали внимание на важнейших старообрядческих сочинениях, определяющих содержание сборника. По этим кратким характеристикам сложно судить о ценности рукописей для изучения истории старообрядчества, идеологии религиозно-общественного движения, но это описание служит до сих пор ориентиром для исследователей.⁴ Попытаемся, приводя в сносках описания рукописей, сделанные М. Н. Тихомировым и Н. Н. Покровским, дополнить краткие характеристики содержания старообрядческих сборников и показать перспективность обращения к ним для решения научных проблем, связанных с изучением истории старообрядчества, формирования идеологии согласий, процесса организации религиозной жизни общин.

М. Н. Тихомиров стремился пополнить коллекцию памятниками письменности, написанными противниками церковной реформы, явно осознавая значимость этих рукописей в качестве источников. Ярким примером может служить его внимание к выговской литературной школе, открытие которой принадлежит академику В. Г. Дружинину.⁵ Коллекционером была приобретена рукопись XIX в. знаменитых «Поморских ответов», поданных выговцами иеромонаху Неофиту в 1723 г.⁶ Список не парадный, но Михаил Николаевич включил его в описание, подчеркивая важность памятника письменности. Копия была сделана явно для практического использования текста при защите точки зрения на новшества. В этом тексте старообрядцам удалось быть достаточно убедительными в обосновании своего права оставаться в оппозиции к изменениям, введенным в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Следовательно, в «Поморских ответах» предстала в оформленном виде основа идеологии согласия, а также высочайший уровень книжной культуры выговцев, который позволил разоблачить подделки источников, предъявленных официальной Церковью для обоснования несправедливости обвинений со стороны старообрядцев.⁷

«Поморские ответы» являются ценным источником не только для изучения поморского согласия, поскольку они пользовались популярностью в других согласиях беспоповского и поповского направлений. Об этом свидетельствуют находящиеся в общинных библио-

⁴ Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 1968.

⁵ Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911.

⁶ Тхм-476. 4°. 322 л. XIX в.

⁷ Об этом см.: Козлов В. П. Тайны фальсификации. М., 1996. С. 22–44.

теках тексты памятника письменности и активное использование фрагментов в сборниках и полемических сочинениях авторами различных согласий. При описании этой поздней рукописи Михаил Николаевич не только обозначил его название, но и обратил внимание, что на последнем листе «приписана Повесть о белом клобуке». Это замечание указывает на то, что коллекционер понимал существенность сделанного старообрядцами дополнения.

Осознавая важное значение «Поморских ответов» для идеологии религиозно-общественного движения, М. Н. Тихомиров обязательно указывал даже в кратких описаниях содержания рукописей наличие выписок из этого памятника. При этом сохранялись названия, данные писцами, — «Заонежские ответы», «Поморские ответы», «Ответы на вопросы Неофита». Например, содержание старообрядческого сборника *Тхм-410*⁸ представлено так: «В состав сборника входят: учение о собраниях святых веры (л. 1, без начала), Стословец патриарха Геннадия (л. 95), ответы на вопросы Неофита (л. 139) и др.».⁹ В описании отмечены тексты с произведениями катехетического характера и выписки из «Поморских ответов».

В собрании находим списки исторических сочинений, написанных на Выгу. Это рукопись первой четверти XIX в. с произведением Ивана Филиппова «История о зачале Выговской пустыни».¹⁰ Текст представлен в авторском варианте с пропусками некоторых глав. Он заканчивается «Повестью о злоключении на Выговскую пустыню по злодейству диаволу чрез злаго бесчинника Ивана Круглаго, и како спасется пустыня милостию Божиею по раскаянии того же Круглаго»,¹¹ после которой следует «Надсловие». Я не случайно привела название повести из Оглавления, особенностью которого являются названия глав, в которых кратко характеризуется суть их содержания. Возможно, оно составлялось с целью заинтересовать читателей познакомиться с историей общежития, лаконично изложив факты, указав даты.

Типичным примером может служить название главы о Захарии Стефанове: «О пришествии Захария Стефанова в пустыню и о населении святых Выговских обителей, и уставленных в ней святоотеческих чиноположениях. Бысть же их пришествие в пустыню в лето от миротворения 7199».¹² Список Истории имеет и другие особенности, например, важны допущенные при копировании пропуски глав и

⁸ *Тхм-410*. 8°. 445 л. XVIII в.

⁹ Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. С. 124.

¹⁰ *Тхм-303*. 4°. 562 л. Бумага с б/д 1815–1818 гг.

¹¹ *Тхм-303*. Л. 6.

¹² *Тхм-303*. Л. 2.

объединение некоторых. Обращает на себя внимание, что нумерация глав в Повести, посвященной доносу Ивана Круглого и последовавшей комиссии, не особая, как в других списках, а продолжение обшей — с 86 по 99. В любом случае, эта рукопись «Истории Выговской старообрядческой пустыни» представляет интерес для исследователей старообрядчества и конкретного памятника письменности.

В состав собрания вошло еще одно выговское историческое сочинение — «История об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Его находим в двух рукописях. В сборнике *Тхм-462* второй половины XVIII в. обращает на себя внимание заглавие сочинения.¹³ Оно включает не только аннотацию содержания, но и краткое изложение основных фактов, которые привели к сопротивлению иноков монастыря: «История о Соловецком монастыре и о разорении и страдании соловецких отец за древнее благочестие и предание святых отец. Понеже убо Никон патриарх со ученики своими, со Арсением старцем Греком и с Паисеом патриархом Цареградским, и с Макарием патриархом Антиохийским согласившися и развращающе древнее благочестие и предание святых отец. Сего новаго их предания и учения соловецкии отцы не приемлюще, царь же Алексей Михайлович и Иоаким патриарх принуждающе их прияти новопечатныя книги, они же не прияша и не покоришася воли их. И того ради гоними быша и замучени разными муками, инии же разосланы в разныя украинны росийска государства в заключение».¹⁴

Составители сборника считали сочинение С. Денисова главным, следом они поместили выписки эсхатологического содержания из Библии и Соборника. Эти фрагменты явно были включены для усиления воздействия на читателя повествования о трагедии соловецких иноков. Дополнение ориентировало читателей, что подобное событие могло случиться только в «последние времена». Еще более четко эта мысль проведена благодаря приведенной цитате из 30 главы «Книги о вере», изданной в Москве в 1648 г., с предсказанием о должном произойти в 1666 г. в России третьем, последнем, отступлении от веры, после которого в мире воцарится антихрист.¹⁵ Сборник получился тематическим, посвященным доказательству того, что переживаемое время является кануном конца света.

Другой список Истории С. Денисова включен в сборник, написанный в первой половине XIX в., к сожалению, дошел до нас не в первоначальном виде.¹⁶ Об этом свидетельствует сохранившееся

¹³ *Тхм-462*. 8°. 108 л. Бумага с б/д 1762–1763 гг. Л. 8–76 об.

¹⁴ *Тхм-462*. Л. 8–8 об.

¹⁵ *Тхм-462*. Л. 80–80 об. Ср.: Книга о вере. М.: Печатный двор, 1648. Л. 270.

¹⁶ *Тхм-291*. 1°. 77 л. Первая половина XIX в. Л. 63–76 (конец утрачен).

оглавление, в котором на первом месте значится «История о отцех и страдальцех соловецких», которая реально расположена в конце рукописи. Судя по оглавлению, следом должны были быть помещены «Послание с челобитной к великому государю к Москве», «Послание к брату смиренного инокa о вопрошении крестнаго знамения, како креститесь своею рукою», «Повесть о белом клобуке», «Повесть о святых отцех наших священо протопопех Аввакуме и священо иереи Лазари, и о преподобнем Епифании», «Прение священнодиякона Феодора с митрополитом».¹⁷ Из оглавления следует, что в этом сборнике История С. Денисова должна была занимать центральное место и быть дополненной документальными и повествовательными источниками, в которых читатель знакомился с контекстом описываемых событий.

В составе собрания находится в копии второй половины XVIII в. знаменитый старообрядческий мартиролог, составленный Семеном Денисовым.¹⁸ Выговская литературная школа представлена в собрании достаточно хорошо. Например, в сборник *Тхм-139* включены произведения различного жанра.¹⁹ Первым помещено «Слово на праздник Рождества Христова».²⁰ В конце копии тем же почерком воспроизведен следующий текст: «Писавый Андрей Д. боголюбезному вашему собору кланяюся и боголюбезных ваших молитв за ся Христу царю возслатися усердно прошаю».²¹ Это единственный случай в сборнике, когда автор указан таким образом. Во всех других случаях обозначено только авторство братьев Денисовых помещенными на поле инициалами: «А Д», «С Д», «А», «С».

Следующим включено сочинение «Слово на Воздвижение честнаго Креста».²² Имя автора буквами «А Д» обозначено на поле в начале текста сочинения. В сборнике указано не только название Слова,²³ но и воспроизведено обращение автора после завершения текста: «Писавый чрез сей лист о Христе радование и поклонение посылаю».²⁴ Возможно, тема и важность скопированных из первоисточника обращений А. Денисова и в первом случае, и в этом определило для составителей место данных текстов в сборнике. Далее помещены дру-

¹⁷ *Тхм-291*. Л. 3.

¹⁸ *Тхм-383*. 4°. 2 + 257 л. Бумага 1763–1764 гг.

¹⁹ *Тхм-139*. 8°. 321 л. Начало XIX в.

²⁰ *Тхм-139*. Л. 1–6 об.

²¹ *Тхм-139*. Л. 6 об.

²² *Тхм-139*. Л. 7–12.

²³ В. Г. Дружинин включил в перечень, указав «Без заглавия»; см.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. С. 118, № 124.

²⁴ *Тхм-139*. Л. 12.

гие похвальные Слова на праздники и святым. Затем следуют Слова о девстве, о вере, «Слово плачевно о злостраданиях и скорбех Церкви Христовой» Андрея Денисова²⁵, Слова о благочестии, о времени, об ангелах Семена Денисова²⁶.

Кроме Слов нравоучительного характера составители сборника включили тексты с утверждением о том, что переживаемые времена есть «последние», антихристовы.²⁷ Эсхатологическая тема продолжена различными посланиями, в которых отражена действительность. Обращает на себя внимание включение всех трех посланий С. Денисова, написанных из заключения митрополиту Новгородскому Иову.²⁸ При этом нарушена последовательность, первым помещено Второе послание, а Первое — третьим. Далее включены два сочинения, посвященные Петру Прокопьеву, — его Духовная и Слово надгробное, написанное Андреем Денисовым.²⁹ Затем следует Слово надгробное Андрею Денисову и ему же Слово похвальное.³⁰ Завершает сборник Слово надгробное Даниилу.³¹

Судя по содержанию, перед нами копия сборника, возможно, составленного при участии Семена Денисова. Его сочинения включены, обозначено авторство, но отсутствует Слово надгробное. Большое внимание уделено произведениям А. Денисова. Во всяком случае, скорее всего, все тексты представлены в чистовом авторском варианте. Об этом свидетельствуют сохраненные при копировании авторские замечания, помещенные в конце, после «Аминь». Иногда это изложение каких-то фактов. Ярким примером может служить приписка к 3-му Посланию С. Денисова из заточения: «Сицево писание дано Новгородскому митрополиту Иову в 7222-м году, а от него ответа не учинено. Было слышание превожено оно на греческой язык, дабы греку философу на нь удобно ответ творити, но ничтоже и от него бысть».³²

Этот сборник представляет интерес для исследователей выговской литературной школы, истории Выгореции. М. Н. Тихомиров, как ранее было отмечено, уделял внимание этому центру старообрядчества. Он приобрел рукописи с выговскими произведениями, например, в

²⁵ Тхм-139. Л. 13–104 об.

²⁶ Тхм-139. Л. 105–125.

²⁷ Тхм-139. Л. 142–151.

²⁸ Тхм-139. Л. 192–208 об.

²⁹ Тхм-139. Л. 258–289 об.

³⁰ Тхм-139. Л. 297–244 об.

³¹ Тхм-139. Л. 346–353.

³² Тхм-139. Л. 205. В. Г. Дружинин воспроизвел эту запись по списку Послания XIX в. См.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. С. 156, № 94.

рукописях находим «Слово на обновление Выга после пожара»³³ или «Стихи о разорении обители в 1836 г.».³⁴ Об особом внимании еще к одной выговской рукописи под названием «Разные стихи и псалмы. Писаны 1821 года»³⁵ свидетельствует достаточно пространная для старообрядческих сборников характеристика содержания: «Стихи относятся, главным образом, к праздникам; старообрядческие “рифмы воспоминательны” жития Андрея Дионисиевича (л. 145 об.) и Петра Прокопьевича (л. 167) Выгорецких, о Данииле (л. 128 об.), 3 псалма о победе над шведами при Павле I (л. 291), стихи в день именин Выгорецких настоятелей (л. 302, 308), стихи об убиении Бориса и Глеба (л. 202)».³⁶ М. Н. Тихомиров в этом описании постарался представить тематическое разнообразие духовных стихов и псалмов выговцев.

М. Н. Тихомиров включал в собрание не только памятники письменности, связанные с выговской литературной школой. Его интересовали сборники, в которых нашла отражение история старообрядчества, идеология различных согласий поповского и беспоповского направлений. В них представлены старообрядческие исторические сочинения. Ярким примером внимания коллекционера к такого рода произведениям может служить рукопись *Тхм-158*.³⁷ При ее описании Михаил Николаевич не только указал на то, что основную часть сборника занимает «История Белокриницкой иерархии», но и отметил дополнения в виде документальных источников и текстов.³⁸

Коллекционер, приобретая старообрядческие рукописи, явно отдавал предпочтение сборникам, по-видимому, считая их особо ценными источниками для исследователей старообрядчества. Действительно, они являются свидетельствами развития общественной мысли в этой среде, оформления идеологии согласий. Например, рукопись второй половины XVIII в. *Тхм-439* из собрания является типичным примером такого рода информации.³⁹ Она была предназначена выполнять просветительскую и практическую функции. Основную, первую, ее часть занимает текст знаменитого трактата «О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подобает

³³ *Тхм-308*. 4°. 90 л. Последняя четверть XVIII в.

³⁴ *Тхм-489*. 4°. 1 + 5 л. Середина XIX в. Без переплета.

³⁵ *Тхм-448*. 8°. 316 л. Бумага с б/д 1820 г.

³⁶ Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. С. 134.

³⁷ *Тхм-158*. 4°. 440 л. Середина XIX в.

³⁸ Тихомиров М. Н. Тихомировского собрания рукописей. С. 62.

³⁹ *Тхм-439*. 8°. 79 л. Бумага второй половины XVIII в.

всякому православному христианину вообразати на себе знамение честнаго креста», написанного Герасимом Фирсовым.⁴⁰

Сочинение соловецкого инокa ко времени составления сборника стало для старообрядцев особо почитаемым текстом, который был положен в основу доказательства справедливости отстаиваемой ими точки зрения по поводу двуперстия. По-видимому, с целью просвещения читателей составители дали ему развернутое название-аннотацию: «Соловецкого монастыря послание к брату смиреннаго инокa, но и православна, обители Пантократовы, иже есть во отце акияна, глаголемем Соловки. Просившу убо брату оному по изверению и вере, иже иматъ к Богу и ближнему своему воистинну извещения и мятежа новых расколов и творимых от новых лжеучителей и философов. Еже и получи и написана прият о сложении перстов, еже которыми персты десныя руки. Подобаеи всякому православному христианину вообразати на себе знамение честнаго креста».⁴¹

Известное сочинение, копируемое во второй половине XVIII в., по мнению составителей сборника явно нуждалось во введении, в котором читателю пояснялось географическое положение Соловецкого монастыря, пересказывалось начало Трактата с обращением автора к просившему его написать о сложении перстов, сообщалось, что он дал ответ. В этой аннотации Трактат о двуперстии актуализировался, объявлялся направленным против «мятежа новых расколов и творимых от новых лжеучителей и философов». Содержание этого сборника позволяет исследователям охарактеризовать восприятие произведений противников церковной реформы раннего периода следующими поколениями старообрядцев. Сочинение Герасима Фирсова было центральным для сборника. Это означало, что оно было особо значимым, утверждающим справедливость точки зрения старообрядцев по поводу двуперстия.

Вторую часть сборника можно назвать практической. В нее включены Тропарь за болящаго (л. 48–54 об.), «Канон молебен, како подобаеи пети за творящих милостыню» (л. 55–60), «Чин бываемый на разлучение души от тела, внегда брату изнемогающеи» (л. 60–69, л. 69 об. чистый), «Аще кто по нужде не обретаеи близ храма, идеже церковное пение соборне совершаеи и книг не имееи или не на-вычен, како по уставу церковныя службы пети. Таковый да поет за церковную службу молитвами или от псалтыри кафисмами по уставу святых отец скитских сице...» (л. 70–77).

⁴⁰ Тхм-439. Л. 3–47 об. Ср.: Никольский Н. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам: К истории северно-русской литературы XVII века. СПб., 1916. С. 147–182. — До слов: «И паки Троица пребыи Троицею, таяжде бо ипостась пребыи и со восприятием».

⁴¹ Тхм-439. Л. 3.

В рукописи Тхм-368 находим часть текста сочинения, озаглавленного в описании «Собрание из Священного Писания».⁴² Сохранилось 82 главы из 96, названия которых приведены в оглавлении. Старообрядческое сочинение, написанное в начале XIX в., посвящено обоснованию права христианина сохранять истинную веру без священников. В заглавии оглавления дано пояснение, что речь идет о едином тексте: «Каталог или сказание главам настоящих сей книги со объяснением порознь, в чем заключается оныя собрания из разнаго Священного Писания».⁴³

Действительно, в оглавлении в названии каждой главы обозначена не только тема, но и предоставлена аннотация ее содержания. В качестве примера можно привести несколько названий: «Что есть Церковь — собрание верных». Затем следуют главы, в которых собраны цитаты из Священного Писания, объясняющие для единоверцев понятие «Церковь». Поскольку к началу XIX в. каждое согласие, а иногда и община осознали себя хранителями истинной веры, представителями соборной апостольской Церкви, вполне логичным выглядит в названии главы следующее утверждение: «Не требует соборная церковь к составлению своему многого количеству людей».⁴⁴ В названии 10 главы нашло отражение обоснование права защитников старого обряда называть себя представителями «соборной апостольской Церкви»: «Сушии сынове соборныя Церкви нарицаются сии, иже непоколебимо пребывают в пределах отеческих, ничтоже прилагающе или отъемлюще».⁴⁵

В этом типичном для старообрядцев сборнике, составленном из фрагментов текстов, обозначенных как Священное Писание, обсуждались актуальные вопросы религиозной жизни общины при отсутствии священников — о крещении, исповедании, общении с еретиками и т. п. Решение их предлагалось исходя из утверждения о наступлении «последних времен», поэтому в значительном числе глав уделялось внимание теме антихристового пришествия. Разумеется, основополагающими при этом были цитаты из Священного Писания, но часто составители руководствовались изданными в Москве адаптированными для русского читателя текстами южно-русского происхождения — сборником «Кириллова книга» и «Книгой о вере». В этом «Собрании из Священного Писания» влияние творческого наследия родственной митрополии прослеживается даже в названии

⁴² Тхм-468. 4°. 200 л. Бумага начала XIX в.

⁴³ Тхм-468. Л. 1.

⁴⁴ Тхм-468. Л. 1.

⁴⁵ Тхм-468. Л. 1 об.

глав, например, 42 глава озаглавлена так: «Божественного Захария Копестинского. О крещении, бываемом в нужде».⁴⁶

Обращение только к оглавлению сборника, составленного старообрядцами, позволяет показать, насколько ценным источником может служить его текст для изучения взглядов старообрядцев в определенный хронологический период, какие богословские проблемы и вопросы религиозной жизни их интересовали и каким образом они их решали. В каждом таком сборнике проступает не только идеология согласия, но и уровень книжной культуры в общине и процесс оформления канона священных текстов. Ярким примером может служить апелляция к Захарии Копыстенскому, который обозначен «божественным».

В собрании М. Н. Тихомирова представлены сборники, составленные в разных согласиях двух направлений старообрядчества. Сборник *Тхм-332*, составленный в первой четверти XIX в. представителями направления, признающего священников, назван «Цветник духовный».⁴⁷ Открывает его сочинение в форме вопросов и ответов, в котором обсуждаются проблемы «благочестия христианския веры», «что есть Церковь Божия и Церковь соборная», откуда в согласии священники, как принимать приходящих в общину извне и т. д.⁴⁸ Во включенных в сборник текстах представлено решение вопросов религиозной жизни общины. С этой целью составители копируют цитаты из послания митрополита Киприана, из 15 слова Иосифа Волоцкого «О еретицех и отступницех», из «Заонежских ответов», а также «указ Филарета о белорусцех».

Как ранее отмечено, каждый сборник индивидуален, но в нем проступает общая для религиозно-общественного движения направленность организации духовной жизни членов общин, стремлении познакомить их с решениями основных богословских вопросов и убедить в справедливости отстаиваемой точки зрения на внесенные патриархом Никоном изменения в обряд и богослужебную практику Русской церкви. В собрании М. Н. Тихомирова хранятся старообрядческие сборники разнообразного содержания, о чем свидетельствуют ранее охарактеризованные.

Они являются ценными источниками для изучения мировоззрения членов общин, их литературного, художественного творчества, попыток решения ими богословских вопросов и насущных проблем религиозной жизни. Собрание М. Н. Тихомирова служит важным дополнением к богатейшим старообрядческим рукописным собрани-

⁴⁶ *Тхм-468*. Л. 3.

⁴⁷ *Тхм-332*. 4°. 199 л. Бумага с б/д 1722 г.

⁴⁸ *Тхм-332*. Л. 1–17 об.

ям, хранящимся в РГБ, РНБ, БАН. А. И. Рогов и Н. Н. Покровский, характеризуя вторую часть коллекции рукописей М. Н. Тихомирова, заметили, что большую их часть составляют «богослужебные книги XV–XVIII вв.».⁴⁹ Старообрядческие рукописи в этой части коллекции представляют для исследователей несомненный интерес. Ярким примером может служить рукопись Тхм-529, обозначенная коллекционером в инвентарной описи как «Книга о правой вере и выписки из различных книг».⁵⁰ Очень точно обозначено содержание сборника как «Книга о правой вере». Дополнение к этому названию «выписки из разных книг» относятся к содержанию тетради из другой бумаги конца XVIII в., включенной при более позднем переплете.

Основу сборника составляет цельный текст, написанный в первой четверти XVIII в. одним почерком.⁵¹ Этот памятник письменности можно отнести к катехетической традиции. При его создании, составитель явно ориентировался на изданную в Москве «Книгу о вере», из которой он активно цитирует фрагменты. В этом сборнике сделана попытка изложить основы вероучения согласия, принадлежащего к поповскому направлению старообрядчества, не в форме кратких вопросов-ответов, а в подробном обосновании решения проблем религиозной жизни, сохраняя полемическую направленность.

Особую ценность этому тексту в качестве источника придает «Предисловие благочестивому брату и другу искреннему», которое служит объединяющим началом для всего текста памятника.⁵² В авторском введении находим обращение к единоверцу, который, как это следует из дальнейшего повествования, попросил его предоставить цитаты из Священного Писания, способные помочь не уклониться от истинной веры. Естественно, переживаемые времена объявлены «последними» из-за воцарения в мире антихриста. Далее автор сообщает о своем решении откликнуться на эту просьбу и о работе в «великих книгохранилищах» в течение 20 лет с древними рукописями и старопечатными книгами. Результатом стала посылаемая Книга из 62 глав.

Рукопись написана в первой четверти XVIII в. и составлена из текстов, входящих в Книги Тимофея Лысенина, которые дошли до нас в списке конца XVIII — начала XIX в.⁵³ Первая из четырех книг, как

⁴⁹ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 169.

⁵⁰ Тхм-529. 4°. 365 л. Бумага первой четверти XVIII — XIX в.

⁵¹ Тхм-529. Л. 1–353.

⁵² Тхм-529. Л. 8–20.

⁵³ О Книгах Тимофея Лысенина см.: Смирнов П. С. Из истории раскола первой половины XVIII века по неизданным источникам: Последствия раскола русской церкви, Вопросы об архиереях, браке и перекрещивании в общинах раскольников. 2-е изд. М., 2016. С. 102–110.

Тхм-548. XIX в. Портрет Андрея Денисова (карандаш, перо, чернила).
Форзац верхней крышки переплета

считает П. С. Смирнов, послужила основанием для разделения внутри Керженских скитов и образования дьяконова согласия. Вторая Книга была использована при подготовке «Дьяконовых ответов». Рукопись Тхм-529, возможно, представляет копию сборника, составленного самим Тимофеем Лысениным в 1714 г.⁵⁴ Скорее всего, при переплете рукописи в более позднее время старообрядцы включили

⁵⁴ Эта дата указана в «Прощении» — Тхм-529. Л. 354.

Тхм-548. XIX в. Портрет Семена Денисова (карандаш, перо, чернила).
Первый лист верхнего форзаца

весь сохранившийся к этому времени текст сборника. По-видимому, отсутствовало окончание Книги.

Об этом свидетельствует помещение после 62 главы перед традиционным «Прощением» фрагмента листа. В нем сообщается о писателе «Книги о вере», который «многое множество книг видел и прочитал греческих учителей и римских, и словенороссийских, и прочих, якоже сам являет о том».⁵⁵ В данном случае это явно отрывок из ав-

⁵⁵ Тхм-529. Л. 353а (новая пагинация — л. 356).

торского Послесловия, в котором автор сравнивает себя с писателем «Книги о вере», изданной в Москве. Этот текст являлся для Тимофея Лысенина авторитетным, подтверждающим его умозаключения или направляющим рассуждения на богословские темы. В любом случае, *Тхм-529* является важным источником для изучения эволюции взглядов идеолога дьяконова согласия.

Не меньший интерес для исследователей представляют и другие старообрядческие сборники из второй части собрания М. Н. Тихомирова. Например, рукопись-конволют *Тхм-548*.⁵⁶ Ранее, характеризуя сборник *Тхм-439*, было обращено внимание на то, что составители, копируя во второй половине XVIII в. сочинение, написанное в ранний период старообрядческого движения, считали необходимым в название-аннотацию включить для читателей дополнительную информацию о памятнике. Первая часть *Тхм-548*, написанная в 1760-е гг., свидетельствует о стремлении составителя сборника следовать этому принципу в еще более яркой форме.

Он постарался предварительно познакомить читателей с историей подачи Челобитной, ее содержанием: «Соловецкаго монастыря отец челобитная, какова подана в Москве царю Алексею Михайловичю, о ней же выше и во истории упомянуто, како умоляху воеже оставити их в древле росийском благочестии о коем и Зосима и Саватий соловецстии чудотворцы пребываху и они отцы пребываху, и не приневолили бы их, отцев, к никоновым новинам изложением церковных догмат». На поле писец поместил указание: «Послана в 175-м году»,⁵⁷ то есть обозначил дату отправления Челобитной.

После воспроизведения ее текста он дал такое пояснение: «Да аще подобно сему о том же разорении Соловецкаго монастыря есть обретается история, в ней же писано все сполна, како изначало случися быти разорение обители соловецких отец и до конца из начала писано похвальное изложение».⁵⁸ Составитель не только сориентировал читателя по поводу обстоятельств появления одной из ярчайших Челобитных, написанных в защиту старой веры перед началом открытого противостояния иноков с властью, но и сообщил об «Истории об отцах и страдальцах» С. Денисова, подчеркнув, что в нем описано все верно и подробно. Подобные разъяснения позволяют исследователям не только констатировать обращение к творческому наследию писателей раннего этапа религиозно-общественного движения, но и охарактеризовать восприятие их сочинений следующими поколениями старообрядцев.

⁵⁶ *Тхм-548*. 4°. 180 л. До л. 144 бумага 1760-х гг., с л. 145 — конца XIX в.

⁵⁷ *Тхм-548*. Л. 49 об.

⁵⁸ *Тхм-548*. Л. 109.

Этот сборник-конвюлют, возможно, привлек внимание коллекционера не только текстами, но и двумя тоновыми миниатюрами грубой работы с изображениями — Андрея Денисова на обороте верхней доски переплета и Семена Денисова на 1-м листе. О том, что Михаил Николаевич интересовался этой стороной художественного творчества, подтверждает наличие во второй части собрания миниатюр с портретами старообрядцев. Рукопись Тхм-649, обозначенная в инвентарной описи как «Портреты старообрядческих святых», состоит из 6 миниатюр с 9 портретами старообрядцев (три миниатюры — двойные портреты).

Разумеется, старообрядческие рукописи из собрания М. Н. Тихомирова достаточно активно использовались исследователями, но в данном случае важно было обратить внимание на перспективность обращения к ним в будущем. Как и предполагали А. И. Рогов и Н. Н. Покровский в своем обзоре собрания М. Н. Тихомирова, оно послужило основой для формирования региональных коллекций старопечатных книг и рукописей в качестве результата археографической работы в районах Сибири и Дальнего Востока. Все эти памятники книжности представляют большой интерес не только для исследователей старообрядчества, они являются ценными источниками для изучающих общественное, религиозное сознание населения России разных эпох.

Список литературы

- Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. 486 с.
- Дружинин В. Г.* Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. 32 с.
- Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М., 1996. 272 с.
- Никольский Н.* Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам: К истории северно-русской литературы XVII века. СПб., 1916. 233 с.
- Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 162–172.
- Смирнов П. С.* Из истории раскола первой половины XVIII века по неизданным источникам: Последствия раскола русской церкви, Вопросы об архиерее, браке и перекрещивании в общинах раскольников. 2-е изд. М., 2016. 240 с.
- Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 1968. 194 с.

Д. В. Долгушин¹, А. Ю. Бородихин²

¹ Институт истории СО РАН, Новосибирск

² Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск

Рукописи Орловых-Давыдовых в собрании М. Н. Тихомирова*

Статья посвящена хранящимся в Тихомировском собрании ГПНТБ СО РАН документальным источникам XIX–XX вв. — рукописям, связанным с семейством Орловых-Давыдовых. Особое внимание уделяется копиям дневников О. И. Орловой-Давыдовой, которые лишь недавно привлекли к себе внимание исследователей.

Ключевые слова: документальные источники, дневники Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой, собрание рукописей М. Н. Тихомирова

В Тихомировском собрании, наряду со старопечатными и рукописными книгами, хранится и архив документов XV–XIX вв.¹ Одной из интереснейших составляющих этого архива является коллекция рукописей XIX — начала XX в., связанных с семейством Орловых-Давыдовых. По месту ее первоначального хранения — подмосковному имению Орловых-Давыдовых Отрада — ее можно назвать отраденской. Она состоит из 27 тетрадей в кожаных переплетах, средним объемом примерно в 90 листов каждая. Записи в тетрадах выполнены чернилами. Первые шесть из этих тетрадей представляют собой копии франкоязычных дневников Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой за 1830–1847 гг. и ее русскоязычного дневника за 1869–1870 гг., подлинники которых хранятся в фонде Орловы-Давыдовых в РГБ² (текст копий практически полностью совпадает с текстом подлинников, отличаясь лишь некоторыми орфографическими особенностями³). Чтобы охарактеризовать их содержание, необходимо прежде всего сказать несколько слов об авторе дневника.

Ольга Ивановна, урожденная княжна Бяратинская, и по рождению, и по замужеству принадлежала к избранным кругам русской аристо-

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

¹ См.: *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // *АЕ* за 1965 г. М., 1966. С. 162–172.

² РГБ. Ф. 219 (Орловы-Давыдовы). Карт. 92. № 1–4, 6–15; Карт. 93. № 1.

³ См.: *Дебрени М.* Сопоставительный девиатологический анализ переписанных дневников О. И. Давыдовой и первичных текстов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016. Вып. 3. № 14. С. 59–75.

кратии. Ее дневники, написанные преимущественно на французском языке, содержат множество сведений о быте высшего общества и придворной среды России 1830–1840-х гг., с которой Ольга Ивановна была связана множеством знакомств и родственных связей. Мать О. И. Орловой-Давыдовой, М. Ф. Барятинская (урожденная Келлер), была близкой подругой императрицы Александры Федоровны, ее брат, будущий фельдмаршал А. И. Барятинский, входил в ближайшее окружение цесаревича Александра Николаевича, сестры Леонилла и Мария были известными светскими красавицами. В 1832 г. Ольга Ивановна вышла замуж за внука В. Г. Орлова В. П. Давыдова, великолепно образованного человека с широким культурным кругозором. Давыдов, известный своим англофильством, был близко знаком с В. Скоттом, для которого перевел на английский «Слово о полку Игореве»,⁴ переписывался с М. Эджворт, слушал лекции Гизо и Кузена, беседовал с Гете. Среди друзей и знакомых Ольги Ивановны особое место занимало семейство Чернышевых. Н. Г. Чернышева, которую в своих дневниках она называет «Надин», была ее лучшей подругой.

Часть дневников была написана Ольгой Ивановной во время путешествий в имение ее двоюродного дедушки П. Х. Витгенштейна Каменка (1830), в Швейцарию, Германию и Италию (1834–1837), в Англию (1840), во Францию (1844), в Троице-Сергиеву Лавру (1847), на Корфу (1869–1870). В отличие от тяготеющих к нарративу дневников, которые Ольга Ивановна вела в Москве и Петербурге в 1830–1833 гг., заграничные записи, как правило, отличаются кратким, «телеграфным» стилем. Тем не менее, и они вполне информативны и содержат интересный материал для характеристики жизни русского общества. Так, например, римские дневники 1834–1835 гг. позволяют уточнить подробности жизни русской колонии в Риме, на их страницах встречаются имена П. А. Вяземского, К. П. Брюллова, О. А. Кипренского, Б. Торвальдсена, А. Нибби и многих других известных литераторов, художников и ученых.

Копии дневников О. И. Орловой-Давыдовой 1830–1847 гг. выполнены черными чернилами одним и тем же хорошо поставленным почерком с немногочисленными редакторскими правками. Они были сделаны по заказу дочери Ольги Ивановны Марии Владимировны Орловой-Давыдовой в 1900 г. (см. ее письмо брату Анатолию от 19 августа 1900 г.⁵). Копия дневника поездки на Корфу 1869–1870 гг. выполнена рукой самой М. В. Орловой-Давыдовой. Именно Марию

⁴ См.: Алексеев М. П. Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве» // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 286–292.

⁵ Майкова К. А. Архив Орловых-Давыдовых // Записки Отдела рукописей. Вып. 32. М., 1971. С. 57.

Владимировну и следует считать фондообразователем отраденской коллекции рукописей.

Кроме копии дневников ее матери, в эту коллекцию входят 19 тетрадей летописей основанных Марией Владимировной женских общин милосердия — Общины добрых девушек, учрежденной в Отраде в 1891 г., и Общины во имя иконы Божией Матери «Отрада и утешение», учрежденной в селе Добрыниха в 1898 г. (ею Мария Владимировна руководила уже в сане игумении, в год основания общины она приняла монашеский постриг с именем Магдалины). Следует сказать, что эти 19 тетрадей (условно блоков, поскольку по авторской терминологии один блок может состоять из нескольких тетрадей) — тоже только часть того, что некогда существовало в виде двух комплексов:

1. «Добрыниха» (самоназвание дневниковых записей, село в Домодедовском районе Московской области, где размещалась обитель М. В. Орловой-Давыдовой) — 11 отдельных блоков, содержащих 20 тетрадей (IV–XX, XXII–XXIV; утрачены I–III и XXI тетради), описывающих события с 16 февраля 1896 г. по 1906–1907 гг. и с 1908–1909 по 1911–1912 гг.

2. «Летопись Общины. Дневник попечительницы» (Община Добрых Девушек в Отраде — усадьбе Орловых-Давыдовых в селе Семеновском Московской области) — 8 отдельных тетрадей (XIV–XX, XXII; утрачены I–XIII и XXI тетради), описывающих события с 21 июня 1897 по 30 марта 1908 г. и с 26 февраля 1910 по 12 апреля 1912 г.

В настоящий момент трудно сказать, сколько всего тетрадей-блоков каждого комплекса было написано, существовали или нет записи по «Добрынихе» после XXIV тетради, а по «Летописи Общины...» после XXII тетради. Учитывая продолжительную деятельность этих образований общинного типа, запись событий вполне могла быть продолжена до 1917 года включительно и даже позже. Община «Отрада и утешение», целью которой было «служение многообразным нуждам больных и бедных и сирот окрестного крестьянского населения», благополучно просуществовала до революции, затем была преобразована в сельскохозяйственную артель и окончательно закрыта лишь в 1927 г.

Летописи общин были одновременно и дневником их основательницы (большая часть записей в них сделана именно рукой Марии Владимировны). В них содержится богатый материал об истории этих общин, укладе их внутренней жизни, хозяйственной, богослужбной, просветительской и благотворительной деятельности, контактах с известными церковными деятелями (в том числе с протоиереем Иоанном Кронштадтским, письмо которого сохранилось вклеенным в тетрадь с летописью 1901–1902 гг.).

К комплексу отраденских рукописей следует отнести также поступившие с собранием М. Н. Тихомирова две внешне одинаковые, но отличные от предыдущих тетради с обозначениями на обложке: № VIII. 1858 (л. 1 — «Москва 1858») и № X. 1858–1859 (л. 1 — «Симбирск. 13 декабря 1858»).

Эти материалы никогда не были опубликованы, и, за исключением дневников 1830–1847 гг. и 1869–1870 гг., не попадали в поле зрения исследователей.

Отдельное направление поиска — вопрос о том, каким образом отраденские рукописи оказались в составе Тихомировского собрания. Отправной точкой изысканий в этой области должно стать замечание в статье А. И. Рогова и Н. Н. Покровского,⁶ уточненное Е. И. Дергачевой-Скоп в устной беседе, о том, что основу документального архива в собрании М. Н. Тихомирова составляют материалы из коллекции В. Ф. Груздева.⁷

Исследование отраденского архива было начато по инициативе Е. И. Дергачевой-Скоп профессором Новосибирского университета М. Дебрэнн, изучившей особенности французской орфографии копий дневников О. И. Орловой-Давыдовой. Впоследствии к этой работе присоединился Д. В. Долгушин.⁸ В настоящее время этими авторами завершается подготовка к публикации дневников О. И. Орловой-Давыдовой 1830–1835 гг. по оригиналам, хранящимся в РГБ, и с учетом копий из Тихомировского собрания.

⁶ См.: Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова... С. 171.

⁷ В. И. Малышев в своих воспоминаниях о приобретении М. Н. Тихомировым наиболее ценной части коллекции В. Ф. Груздева, определенно указывает на то, что в числе прочих к М. Н. Тихомирову от В. Ф. Груздева поступили и «рукописные материалы новой письменной традиции», в том числе «несколько семейных архивов, замечательных дневников, записок и др.» (Малышев В. И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания (Страничка воспоминаний) // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 400).

⁸ Дебрэнн М. Французский язык дневников Ольги Давыдовой как пример русско-французского аристократического билингвизма // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири: Материалы международного научного семинара. М., 2016. С. 181–201; Дебрэнн М. Сопоставительный девиатологический анализ... С. 59–75; Дебрэнн М. Языковой портрет билингвальной личности: На основе дневников О. И. Давыдовой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. 2017. Т. 14. № 3. С. 406–415; Долгушин Д. В. Милосердие и благотворительность в зеркале автодокументального текста: Дневник О. И. Орловой-Давыдовой // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 374–385. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39); Долгушин Д. В., Дебрэнн М. «Дневник моего путешествия в Каменку» О. И. Орловой-Давыдовой // Источниковедение литературы и языка: Археография, текстология, поэтика. Новосибирск, 2022. С. 483–503.

Список литературы

- Алексеев М. П.* Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве» // *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 286–292.
- Дебрени М.* Сопоставительный девиатологический анализ переписанных дневников О. И. Давыдовой и первичных текстов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2016. Вып. 3. № 14. С. 59–75.
- Дебрени М.* Французский язык дневников Ольги Давыдовой как пример русско-французского аристократического билингвизма // *Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири: Материалы международного научного семинара.* М., 2016. С. 181–201.
- Дебрени М.* Языковой портрет билингвальной личности: На основе дневников О. И. Давыдовой // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 3. С. 406–415.
- Долгушин Д. В.* Милосердие и благотворительность в зеркале автодокументального текста: Дневник О. И. Орловой-Давыдовой // *Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского.* Новосибирск, 2020. С. 374–385. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).
- Долгушин Д. В., Дебрени М.* «Дневник моего путешествия в Каменку» О. И. Орловой-Давыдовой // *Источниковедение литературы и языка: Археография, текстология, поэтика.* Новосибирск, 2022. С. 483–503.
- Майкова К. А.* Архив Орловых-Давыдовых // *Записки Отдела рукописей.* Вып. 32. М., 1971. С. 5–60.
- Малышев В. И.* Об одном важном источнике Тихомировского собрания (Страничка воспоминаний) // *ТОДРЛ.* Т. 32. Л., 1977. С. 395–401.
- Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // *АЕ* за 1965 год. М., 1966. С. 162–172.

СТАТЬИ

УДК 93/94

И. Л. МАНЬКОВА

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

АРХИМАНДРИТ ИСААК — ПЕРВЫЙ НАСТОЯТЕЛЬ ДАЛМАТОВСКОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЕГО ПОЧИТАНИЕ

В статье рассматривается биография первого настоятеля Далматовского Успенского монастыря Исаака и история его почитания в XVIII–XXI вв. Он был сыном основателя монастыря старца Далмата и прожил в обители почти всю жизнь, пройдя сложный путь от уставщика в церкви до архимандрита и духовного заказчика. Исаак неоднократно отстранялся от управления монастырем, ограничивался в выполнении богослужебных практик. Вероятно, это было связано с неисполнением церковных нововведений патриарха Никона, что порождало подозрение в его связи со старообрядцами. Вместе с тем он был вовлечен в деятельность Тобольского архиерейского дома. Рассмотрен вклад Исаака в развитие и процветание Далматовского Успенского монастыря. Он — автор первого сочинения об основании обители. Показан процесс сохранения исторической памяти об Исааке как о деятельном благочестивом человеке, почитавшемся наравне со старцем Далматом.

Ключевые слова: Сибирская и Тобольская епархия в XVII–XVIII вв., Далматовский Успенский монастырь, архимандрит Исаак (Мокринский)

В 2024 г. Успенский Далматовский монастырь отметил 300 лет с даты кончины архимандрита Исаака. На территории обители был установлен памятник ему в знак признания значительного вклада архимандрита в развитие и процветание Успенского монастыря. В свое время нам с А. Т. Шашковым довелось написать краткую статью об Исааке в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» как об авторе первого исторического сочинения о Далматовском Успенском монастыре.¹ Однако его роль в судьбе монастыря и в региональной истории православия столь значима, что он заслуживает развернутого биографического очерка, да и написанная 30 лет назад статья нуждается в корректировке.

Исаак был сыном основателя Успенской обители, старца Далмата. В литературе утвердилось мнение, что Исаак пришел к отцу в Исетскую пустынь после ее разорения калмыками в 1651 г. и помогал ему восстанавливать монастырь.² Но нигде не указана дата его рожде-

¹ Манькова И. Л., Шашков А. Т. Исаак // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 113–116.

² Пашков А. А. Свято-Успенский Далматовский монастырь. Шадринск, 2000. С. 8.

ния, и складывается впечатление, что Исаак пришел в пустынь уже взрослым человеком. Но так ли это было на самом деле? Во время переписи 1710 г. архимандрит Исаак указал свой возраст — 68 лет, следовательно, он родился в 1642 г.³ Именно в этом году его отец, сын боярский Дмитрий Иванович Мокринский, покинул военную службу и постригся в Невьянском Богоявленском монастыре, став старцем Далматом. Возможно, одной из причин такого шага стало и то, что Дмитрий овдовел, то есть мать Исаака могла умереть при родах. Из этого следует, что он младенцем остался без попечения родителей. Вероятно, Исаак оказался в пустыни у отца в раннем возрасте, здесь принял постриг, доподлинно не

Памятник архимандриту Исааку на территории Успенского Далматовского монастыря.
Скульптор О. Красношеина. 2024 г.
Фото автора

известно его мирское имя (возможно, Иван). В стихах, помещенных на надгробии старца Далмата второй половины XVIII в., сказано об Исааке, что он «в семьсот дватцать четвертом в небо переселился, на месте сем семьдесят семь лет потрудися».⁴ Из этого следует, что Исаак оказался в пустыни отца уже в 1647 г., то есть в возрасте пяти лет.

Самое раннее упоминание об Исааке в известных нам документах относится к 1664 г., в них он назван уставщиком монастырской церкви. В том году старец Макарий подал извет на старцев Лота, Никона и Исаака. Последний обвинялся в том, что якобы запрещал черному попу Филарету и белому попу Ивану служить литургии в честь ангелов царя Алексея Михайловича и членов его семьи. И более того, за уже отслуженные «государские ангелы» Лот, Никон и Исаак наказывали священников. В ходе следствия обвиняемые и священники,

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1525. Л. 551.

⁴ Цит. по: Мангилев П., *прот.* Образ преподобного Далмата Исетского в агиографических текстах XVIII в. // Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: История и современность. Екатеринбург, 2012. С. 69.

а затем и старец Далмат «в скаске за своею рукою», разъяснили, что с начала существования обители был установлен такой порядок: если дни ангела царя и царицы приходились на время поста, то в монастыре совершался только молебен за их душевное спасение и многолетнее здравие, а празднование проводилось после Светлой недели. Дни ангела сестер царя и сына Алексея отмечались в таком же порядке. Об остальных ангельских праздниках многочисленного царствующего семейства в монастыре просто не знали, так как об этом не было распоряжений от архиепископа Сибирского и Тобольского.⁵

Для выполнения послушания уставщика требовалось знание церковного устава, умение ориентироваться в богослужебных текстах. Следовательно, к 22 годам Исаак уже имел такую подготовку, что также может свидетельствовать о его пребывании в монастыре с юных лет. Основным источником о кадровых перемещениях Исаака является «Древняя рукопись из архивных актов Далматовского Успенского монастыря за 1651–1730 гг.» (далее — «Древняя рукопись»), сохранившаяся в рукописной копии XIX в.⁶ Она составлена по типу летописи, в которой в хронологическом порядке размещены краткие аннотации или выписки из документов, которые составитель считал важными для написания истории монастыря. Согласно этой рукописи, в 1666 г. архиепископ Сибирский и Тобольский Корнилий рукоположил Исаака в сан иеромонаха.⁷ Вероятно, вскоре состоялось назначение Исаака игуменом. В указной памяти верхотурских воевод, датированной 23 марта 1666 г., он именуется игуменом.⁸ Ему в это время было 24 года. Однако, вернувшись из Москвы в 1668/69 г. уже в сане митрополита Сибирского и Тобольского, Корнилий отстранил Исаака от игуменства и запретил в служении. Возможно, это связано с личными разногласиями, а, может быть, с какими-то нестроениями в монастыре.

Извилистый жизненный путь Исаака во многом был определен событиями переломного периода в истории Русской православной церкви: нововведения патриарха Никона трудно укоренялись на местах, вызывали сопротивление части духовенства и мирян, породили большую драму — церковный раскол. Вторая половина XVII в. — это и время начала русского освоения Зауралья. Оно проходило в усло-

⁵ Материалы следственного дела опубликованы: Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII в.): Сборник документов / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 189–197.

⁶ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3243.

⁷ Старец Далмат никогда не имел сана игумена или черного священника, в документах назывался строителем.

⁸ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 139. Л. 24.

виях постоянной военной угрозы со стороны потомков сибирского хана Кучума, калмыков и башкир, а также активной крестьянской миграции. В это время у монастыря случались споры с приказчиками соседних слобод, воеводской администрацией из-за беглых крестьян, шла борьба за рабочие руки в малонаселенном районе. В 1662–1664 гг. Исетская обитель трижды пережила набеги башкир, калмыков и сибирских татар, сопровождавшиеся пожарами, грабежами и убийствами в монастырских деревнях, и вновь восстанавливалась.

В 1674–1675 гг. в Успенском монастыре сложилась конфликтная ситуация, виновником которой стал строитель Никон, поэтому митрополит Корнилий решил сменить управление, монастырь принял игумен Афанасий.⁹ Афанасий был ровесником Исаака (родился в 1641 г.), тоже в юном возрасте пришел в Далматовский монастырь и принял здесь постриг, то есть они вместе росли, воспитывались в одной среде, читали одни книги, выполняли послушания чтецов в монастырской церкви. Зародившаяся тогда дружба была сохранена ими на всю жизнь. Когда Исаак стал игуменом в 1666 г., архиепископ Корнилий перевел Афанасия в Тобольский архиерейский дом служить иеродьяконом, затем он стал ризничим при митрополите. В 1674 г. Афанасий вернулся в Далматовский монастырь «на свое обещание» и в 1675 г. стал игуменом, а Исаак был назначен строителем. По челобитной старца Далмата и игумена Афанасия со строителя Исаака была снята часть запрещений. А. И. Кривошеков, посетивший Далматовский монастырь в 1914 г., в своем очерке об истории обители процитировал ответную грамоту митрополита Корнилия на челобитье: «И мы, Великий Господин, для прошения старца Далмата и для твоего [игумена Афанасия. — *И. М.*] моления, пожаловали вас, благословили и велели прежде бывшему игумену Исааку для келейного правила держать патрахель и вечерни, и заутрени служить, и тебя, игумена, и прежних детей духовных и вновь кто будет приходить на исповедь принимать, а божественной литургии отнюдь служить не велеть».¹⁰ Из этого следует, что Исаак был духовником Афанасия и других монастырских насельников.

Видимо, игумен Афанасий и строитель Исаак не выполнили всех предписаний митрополита Корнилия по новому церковному устроению и попали в опалу. В августе 1677 г. они были сосланы «на житье» в Енисейский Спасский монастырь «за церковные вины». Грамотой из судного приказа от 30 апреля 1678 г. (уже после смерти митрополита Корнилия) они были освобождены. В том же году игуменом

⁹ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3234. Л. 146–147.

¹⁰ Кривошеков А. И. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в исетском крае и его достопримечательности. Далматово, 2021. С. 36.

Успенского монастыря был назначен Исаак, с тем чтобы «мирских в духовность не принимал».¹¹ Эта фраза могла означать запрещение быть духовником у мирских людей, то есть не у монахов. Афанасий занял должность келаря и обратился с просьбой к сибирскому митрополиту Павлу разрешить ему иеромонашескую службу в церкви, поскольку без благословения не мог совершать «ничего священнического». Такая благословенная грамота была подписана сибирским владыкой 1 апреля 1679 г.¹² Вскоре Афанасий отправился в Москву с челобитной о монастырских нуждах и назад уже не вернулся, став впоследствии видным церковным деятелем, писателем, архиепископом Холмогорским и Важеским, борцом со старообрядчеством. На протяжении всей своей жизни он сохранял связь с Далматовским монастырем. Последний раз Афанасий и Исаак виделись в 1700 г., за два года до смерти архиепископа, когда далматовский игумен навестил друга в Холмогорах. Видимо, тогда Исаак поделился с холмогорским архиереем планами о строительстве новой церкви в Далматовском монастыре, и Афанасий передал ему большой вклад для монастыря: 11 книг, священническое облачение, церковную утварь, бытовые предметы.¹³

Вероятно, не без участия Афанасия, служившего в 1680–1682 гг. крестовым патриаршим иеромонахом, патриарх Иоаким прислал игумену Исааку книгу Иоанна Златоуста «О священстве» (М., 1664). На первом добавочном листе этой книги имелась запись: «190 (1682) г. февраля в 7 день Великий Господин Святейший Кир Иоаким Патриарх Московский и всея России пожаловал благословил сию книгу о священстве в Сибирь на Исеть в Успенскую обитель игумену Исааку Далмата ученику».¹⁴ Выбор книги для подарка патриарха явно был неслучайным. В ней сюжетная линия построена как диалог Иоанна Златоуста и его друга детства Василия, ставшего епископом. Книга «О священстве» издавалась в XVII в. Московским печатным двором только один раз — в 1664 г., то есть присланная книга была далеко не новой, что косвенно подтверждает осознанный выбор в качестве подарка именно этого сочинения Иоанна Златоуста.

Все «запрещения» с Исаака окончательно были сняты только в 1685 г. В своем очерке Кривошеков воспроизвел по монастырской рукописи текст челобитной Исаака: «Великому Господину Преосвященному Павлу митрополиту Сибирскому и Тобольскому бьет челом

¹¹ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3234. С. 144. Видимо, эта фраза означает запрет Исааку на исповедование мирян.

¹² РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 162.

¹³ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. С. 160–161, 180–183.

¹⁴ Запись цитируется по тексту описи 1923/24 г. ГАШ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 96.

и плачет богомолец твой Успенской Далматовской пустыни по нужди игумен убогий Исаак. С прошлых, Господин, годов по нынешнее время, годов с шесть, лишился я, недостойный, святых тайн причастия тела и крови Христа Бога нашего и упразднен от святыне литургии. Боюсь, да смерть меня в том не застала. Милостивый Великий Господин и Отец Преосвященный Павел митрополит Сибирский и Тобольский, пожалуй меня, убогого и грешного, не положи мя в презрение по своему пастырскому рассуждению, благослови мне, богомольцу своему, служить святую литургию. Великий Господин и отец наш, смилуйся и пожалуй».¹⁵ На обороте челобитной была резолюция митрополита Павла: «193 (1685) июня в ... день смиренный Павел, митрополит Сибирский, свидетельства отцем духовным иеромонахом Авраамием указал игумену Исааку священная действовать в Далматове монастыре по-прежнему, а чтоб *расколов никаких не твори*, аще дерзнет расколы чинить и нашего благословения ныне и впредь с ним, Исааком, несть и не будет и во втором пришествии сам да даст ответ Богу и хорошо знать и понимать совесть свою».¹⁶ В «Древней рукописи» предписание митрополита Павла зафиксировано в такой формулировке: «Чтобы с *раскольниками раскола не говорил*, а помнил совесть свою».¹⁷ Возможно, составитель этого документа пересказал резолюцию митрополита своими словами, исходя из своего понимания слова «раскол». Если последний вариант можно понять однозначно — осуждение связи со старообрядцами, то относительно первого возможно двоякое толкование того, что же имелось в виду под «расколами» — противоречия внутри монастырской братии либо поддержка дониконовских порядков.

Вместе с тем, митрополит Павел дважды посылал Исаака в самых критических ситуациях увещевать крестьян-старообрядцев, собиравшихся устроить массовое самосожжение: в деревню Мостовку на реке Исети — в 1679 г., в Утяцкую слободу — в 1682 г. Возможно, это была проверка истинности перехода далматовского игумена на позиции официальной церкви, а может быть, знак доверия и надежды на авторитет Исаака у старообрядцев. В Мостовке гарь не состоялась, крестьяне подали челобитную, в которой объяснили мотивы своего желания устроить самосожжение притеснениями приказчика и непомерными налогами. В Утяцкой слободе события завершились траге-

¹⁵ Кривошеков А. И. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия... С. 36.

¹⁶ Кривошеков А. И. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия... С. 36.

¹⁷ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3243. Л. 79.

дией, в огне погибло большое число людей.¹⁸ Мы не имеем прямых доказательств приверженности далматовской братии идеологии старообрядчества и можем судить об этом лишь по косвенным данным. Существует предположение, что именно из Далматовского монастыря вышло анонимное сочинение «Об антихристе и тайном царствии его», имевшее широкое хождение среди сторонников старой веры.¹⁹ Есть основания полагать, что перед тем, как пойти на самосожжение, некоторые старообрядцы делали вклады в Далматовский монастырь на помин своей души и своих родственников. Евсевий Леонов, бывший игумен Невьянского Богоявленского монастыря, сосланный в Далматовский монастырь, в своем доносе в Синод в 1725 г. помимо разных обвинений в адрес сибирского митрополита Антония, наместника и казначея Далматовского монастыря, называл старца Далмата «злым раскольников», а про умершего уже к тому времени архимандрита Исаака писал, что он «являлся аки бы благочестив был великой расколник».²⁰ В качестве доказательства доносчик сообщил, что «наместник, казначей и все монахи носят по раскольнически мантийки малыя, камилавки четвероуклинныя с пухи вязанными,²¹ вместо клобуков употребляют каптыри по уставу бышаго того монастыря строителя Далмата, сущаго раскольника».²² Согласно реформам патриарха Никона, головные уборы духовенства и монашества были изменены по греческим образцам: на смену каптырям (полукруглым шапкам) пришли цилиндрические клобуки. В синодальный период каптырь считался принадлежностью старообрядчества. Однако это сообщение Леонова осталось без внимания проводивших следствие по его доносу, их больше интересовали сведения об укрывательстве беглых, неуплате подушной подати и незаконном постриге. Если в Далматовском монастыре еще в первой четверти XVIII в. носили каптыри, то это, скорее всего, по традиции или привычке, а не в противовес никоновским нововведениям. В имуществе Исаака, описанном после его смерти, были и клобуки. На портретах, сфотографированных С. М. Прокудиным-Горским в усыпальнице Далмата в 1912 г., основатель монастыря изображен в каптыре, а архимандрит Исаак — в клобуке.

¹⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирский летописный свод. Ч. 1. М., 1987. С. 218–219. Подробнее о самосожжениях см.: *Шашков А. Т.* Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII — начале XVIII века // *Шашков А. Т.* Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 86–101.

¹⁹ Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. 1. Вып. 1. Свердловск, 1991. С. 20–21.

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Д. 41. Л. 91.

²¹ Вероятно, имеется в виду скуфья.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Д. 41. Л. 79.

Портрет преподобного Далмата (слева) и портрет архимандрита Исаака (справа).
1912 г. Фото С. М. Прокудина-Горского

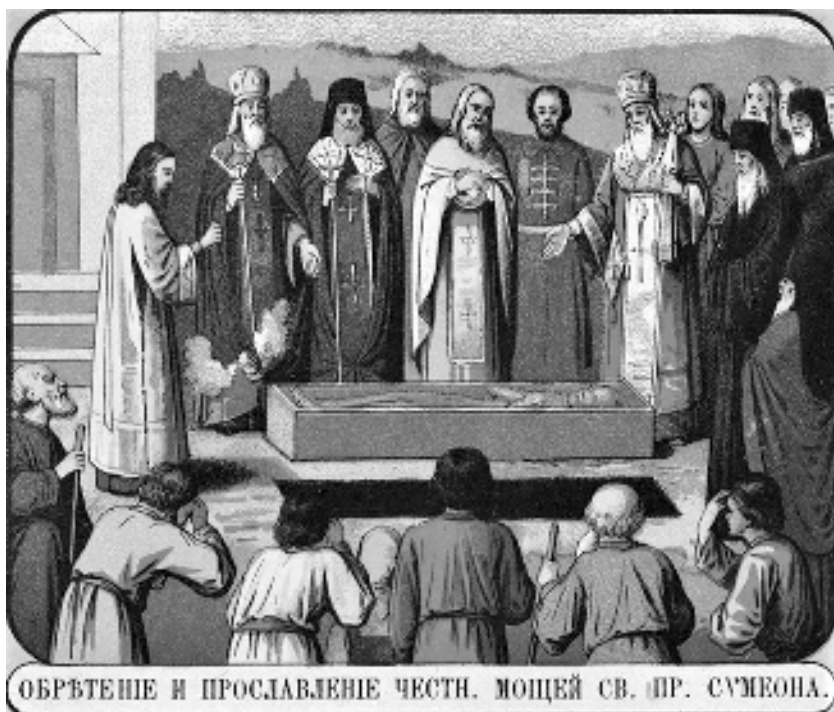
Вероятно, было еще одно отстранение Исаака от настоятельства в Далматовском монастыре. В «Древней рукописи» имеется пересказ грамоты митрополита Павла от 26 сентября 1689 г.: «Бывший игумен Исаак, по грамоте митр. Павла, опять игуменом по-прежнему, по челобитью черного попа Успенского монастыря Израиля с братиею и служек, и служебников, и Введенского девича монастыря стариц вместо архимандрита Тихона, с тем чтобы принял Исаак у Тихона монастырь».²³ Скорее всего, последний был настоятелем или Верхотурского Николаевского или Тюменского Преображенского монастыря.²⁴ На время отстранения Исаака ему было поручено управление Далматовской обителью. Практика поручений управления отдельными обителями настоятелям других монастырей получила распространение в XVIII в.²⁵

В декабре 1694 — январе 1695 г. игумен Исаак сопровождал митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия в поездке по епархии и принимал участие в освидетельствовании мощей праведного Си-

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Д. 41. Л. 79 об. Составитель «Древней рукописи» ошибочно указал дату грамоты — 1690 г.

²⁴ Данные о том, кто управлял этими монастырями между 1688 и 1691 гг., отсутствуют. К концу XVII в. на территории Западной Сибири архимандритии были установлены в Тобольском Знаменском, Верхотурском Николаевском и Тюменском Преображенском монастырях.

²⁵ Нечаева М. Ю. Монашество Среднего Урала синодального периода: Принципы формирования и социальный состав. Екатеринбург, 2016.

Обрѣтение и прославление честн. мощей св. пр. Симеона.
Сюжет жития «Обретение и прославление честных мощей св. пр. Симеона»
(игумен Исаак третий слева) с иконы праведного Симеона Верхотурского с житием.
Начало XX в. Из фонда Екатеринбургской духовной семинарии

меона в с. Меркушино Верхотурского уезда. Именно Исаак сообщил митрополиту Игнатию о почитании местными жителями вышедшего из земли гроба около церкви в с. Меркушино и о чудесах исцеления, которые происходили по молитвам на месте захоронения. Игнатий поручил игумену Исааку с группой духовенства провести освидетельствование. Получив известие о результатах обследования, владыка отправился в с. Меркушино.²⁶ Преосвященный подтвердил святость обнаруженных мощей и установил имя погребенного — Симеон. Вскоре мощи праведного Симеона были перенесены в Верхотурский Николаевский монастырь.

Митрополит Игнатий провел реорганизацию церковного управления в Сибири, разделив территорию епархии на 15 десятин/заказов. В отдельную десятину были выделены слободы по реке Исети, в

²⁶ Мангилев П. И., прот., Никулин И. А., свящ. Русский архиерей XVII в. в поездке по епархии: На примере сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 216–227.

1698 г. заказчиком «ведать десятину» был назначен игумен Рафайловского Троицкого монастыря игумен Филарет.²⁷ Этот монастырь во всех отношениях уступал Далматовскому, тем не менее, во главе заказа был поставлен его настоятель, а не игумен Исаак. Вероятно, разногласия между преосвященным и далматовским игуменом произошли на хозяйственной почве ранее. В «Древней рукописи» упоминается грамота митрополита Игнатия от 9 декабря 1697 (1696?) г., адресованная «закащику духовных дел игумену Исааку с братией». Приведем пересказ этой грамоты из рукописи: «1. Обитель строится по его [Игнатия. — И. М.] благословению, 2. Пашенные крестьяне лес рубили с великим понуждением, а башни строены посторонними плотниками на казенные деньги, и строений церковных крестьяне не помогали, 3. Игуменские кельи строились сторонними людьми. 4. Крестьяне к строению лес не возили. 5. Якобы их к тому настроил николаевский нетрезвый поп Степан Яковлев».²⁸ Из этого текста не ясно, о каком монастыре идет речь, скорее всего, не о Далматовском. В нем описано строительство целого монастырского комплекса, и грамота адресована Исааку как духовному заказчику, в обязанности которого входил и надзор за другими монастырями. Может быть, речь шла о женском Введенском монастыре, приписном к Далматовскому.

Новый сибирский митрополит Филофей (Лещинский) обратил внимание на игумена крупнейшего зауральского монастыря и в 1702 г. возвел Исаака в сан архимандрита. В первой четверти XVIII в. начались масштабные преобразования в церковной сфере. Это коснулось и епархиального управления, в частности, на смену церковным десятинам окончательно пришли духовные заказы, их границы менялись на протяжении XVIII в. Так появился Далматовский духовный заказ, управление которым было поручено архимандриту Исааку. Согласно ведомости 1738 г., в Далматовском заказе числилось 40 приходских церквей, в основном в него входили села Шадринского дистрикта. Также были выделены Воскресенский и Рафайловский заказы, включавшие села Окуневского и Исетского дистриктов (24 приходские церкви).²⁹ В своем доносе 1725 г. Леонов указывал, что Исаак был «закащиком церквей слишком шестидесят».³⁰ Из этого следует, что при его управлении Далматовский заказ включал территорию трех заказов, отмеченных в ведомости 1738 г.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1363. Л. 443.

²⁸ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3234. С. 102.

²⁹ Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 183.

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Д. 41. Л. 91.

При архимандрите Исааке начался подлинный расцвет монастыря. С размахом велось каменное строительство. Благословение на строительство каменного Успенского собора было получено в 1704 г., но фундамент смогли заложить только в 1707 г. Все это время шла подготовка к строительству. Новая Успенская церковь вместе с каменной колокольной были освящены в 1720 г. После пожаров 1707 г. и 1708 г. архимандрит добивался, чтобы государственная казна выделила средства на строительство каменных стен вокруг монастыря. С 1722 г. началось возведение кирпичных крепостных стен с башнями. В первой половине XVIII в. монастырская цитадель была единственной каменной крепостью в системе оборонительных сооружений на юго-восточной границе государства.

Успешно осваивалась монастырская вотчина. Еще в середине XVII в. монастырь получил в собственность по царским указам большой неразработанный земельный фонд. При настоятельстве Исаака был освоен основной ареал владений, 8 из 11 населенных пунктов появилось в вотчине в это время. Также были приобретены рыбные

Вид на Далматовский монастырь от р. Исети. 1912 г. Фото С. М. Прокудина-Горского

Успенский собор с колокольней. Построен в 1707–1720 гг.
1912 г. Фото С. М. Прокудина-Горского

Укрепления Успенского Далматовского монастыря.
Построены в 1722–1740-е гг. 2012 г. Фото автора

Знаменитому Железному мону
подалу Исаакъ келетъ дабы
такоже прииде ахимази
Исаакъ

Автограф архимандрита Исаака. 1720 г. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 52. Л. 40.

ловли на реках Уй, Миасс, Тобол, получена земля на реке Железенке (приток Исети), где монахи организовали железоделательный промысел. С начала XVIII в. монастырское хозяйство обеспечивало внутренние потребности и стало одним из основных поставщиков хлеба на уральские заводы. В 1714 г. в обители была открыта школа, в которой дети монастырских крестьян обучались основам грамотности, чтобы потом они «могли быть употребляемы в хозяйственном управлении».³¹

В фонде Далматовского Успенского монастыря в Государственном архиве г. Шадринска можно найти автографы архимандрита Исаака, в частности, на хозяйственной документации. Его почерк характерен для человека XVII в. Вместе с тем, он был человеком уже переходной эпохи от средневековья к новому времени — времени деятельных людей, когда первостепенную значимость приобретали деловые качества человека. Об этом ярко свидетельствует «Известие об основании Далматовского монастыря», написанное им в начале XVIII в.³² Первая часть «Известия» составлена в жанре жития преподобного Далмата под влиянием агиографического канона, вторая часть сугубо деловая — перечисление переписей монастырских владений, которое должно было подтвердить законность границ монастырской вотчины. Именно это сочинение легло в основу всех последующих историй о начальной истории Успенского монастыря и о подвижническом подвиге старца Далмата. Она запечатлена в прозе, стихах и живописи.

³¹ Пашков А. А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. С. 69.

³² Известие об основании Далматовского монастыря, составленное архимандритом Исааком // Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. С. 184–186.

Архимандрит Исаак скончался 11 декабря 1724 г. Упомянутый выше Левонов был в Далматовском монастыре во время смерти Исаака и описал его последние дни и похороны в своем доносе, его возмутили почести, оказанные архимандриту при погребении. Для нас его показания являются свидетельством особого почитания братией своего усопшего настоятеля. По версии Легонова, наместник Моисей, «прославляя аки бы мужа свято поживша яко же Далмата, тако жил, и сего Исаака честным погребенном близ самой церкви в полатке положиша и гроб его каменем оболжше, над верх чугунными плитами прикрывше, а келарь монах Никон и верх деревянной подкрепляем столбиком каменным устроил аки цку³³ с возраст человек, от земли высотой аршин».³⁴ Уже в этом сообщении Исаак сравнивается с Далматом, оказываемые ему почести равны почитанию Далмата. Могила архимандрита была обустроена в виде склепа под чугунным полом в помещении («палатке»), пристроенном к трапезной части придельной церкви Димитрия Прилуцкого Успенского собора. Место захоронения отмечено надгробием. В советское время, когда в здании храма был устроен завод, могилу уничтожили.

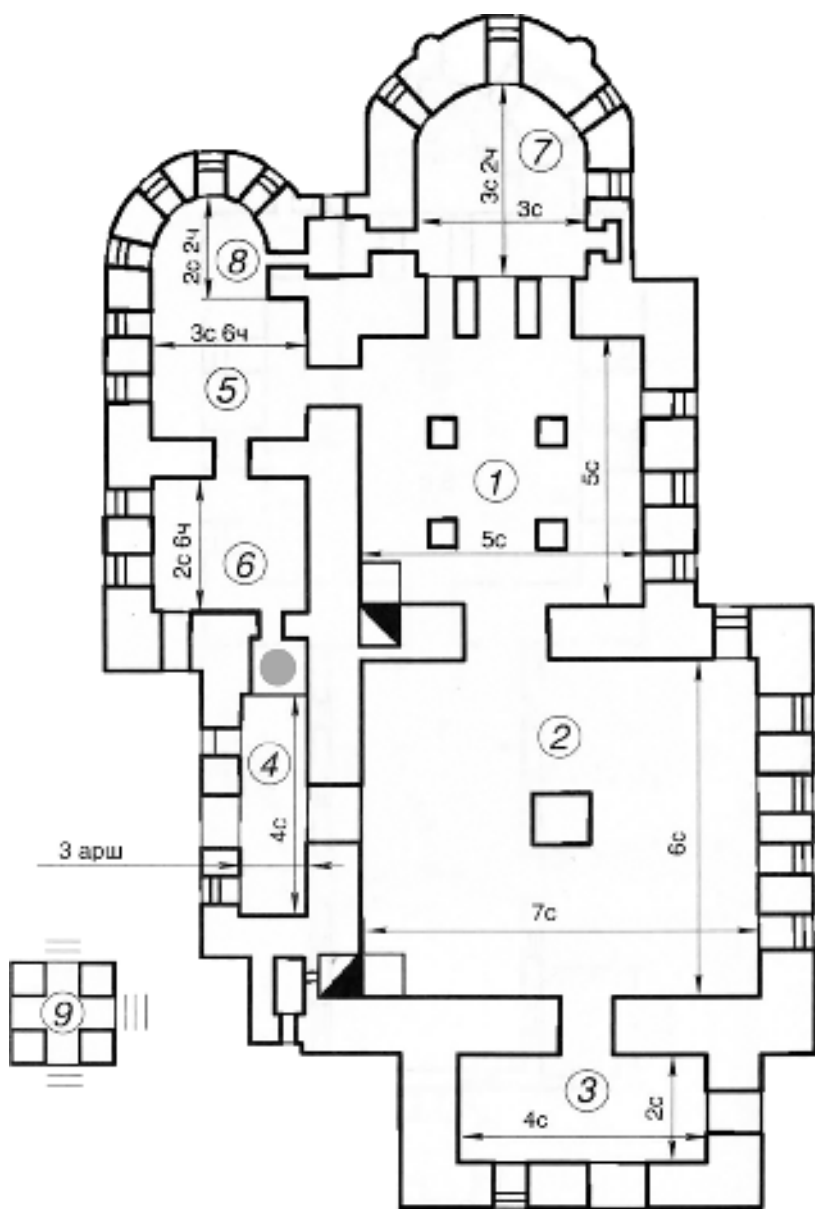
Сохранение исторической памяти об архимандрите Исааке в тандеме со старцем Далматом обрело новое значение для монастыря во второй половине XVIII в. Реализация норм Духовного Регламента 1721 г. существенно повлияла на состав братии, затем введение штатов в ходе реформы 1764 г. изменили и образ жизни насельников. По сути дела, отказ от общежительного устава, раздел братских доходов, возможность распоряжаться средствами, принесенными из мирской жизни, оказали пагубное влияние на нравственный облик братии.³⁵ Ситуация явного упадка пробуждала у наиболее образованной части местного социума стремление опереться на образцы благочестия из истории монастыря, актуализировать их монашеский опыт. На наш взгляд, именно это обстоятельство и привело к появлению виршей, помещенных на одной из сторон надгробия преподобного Далмата. В них излагалась история монастыря от основания до смерти архимандрита Исаака. По предположению П. И. Мангилова, стихи могли быть написаны кем-то из учителей монастырской школы, хорошо образованным человеком. Он датирует их появление серединой — второй половиной XVIII в.³⁶

³³ Цка — доска. Такая форма слова часто использовалась при описании икон.

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Д. 41. Л. 92–92 об.

³⁵ Нечаева М. Ю. Далматовская братия XVIII — начала XX в. // Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: История и современность. Екатеринбург, 2012. С. 28–50.

³⁶ Мангилев П., прот. Образ преподобного Далмата Исетского в агиографических текстах XVIII в. // Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: История и современность. Екатеринбург, 2012. С. 62–69.

План нижней Христорождественской церкви Успенского собора 1730 г.
(реконструкция А. А. Пашкова).

Условные обозначения: 1. Христорождественский храм; 2. Трапезная Христорождественского храма; 5. Придельный храм Димитрия Прилуцкого; 6. Трапезная придельного храма; 7, 8. Алтари; ● — место захоронения архимандрита Исаака

Сказание о Далматовской иконе Богоматери. Неизвестный художник. XVIII в. Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. Инв. № Ж-382. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6033703> (дата обращения: 02.05.2025)

Автор виршей показал Исаака не только преемником монашеского делания отца, но настоятелем, приумножившим благолепие обители, благодаря крепости духа он выдерживает испытания и отстраивает обитель заново после вражеского разорения. «Ревнитель» и «добрый строитель» — такими эпитетами характеризуется Исаак.³⁷

В Ростово-Ярославском архитектурно-художественном музее-заповеднике хранится картина «Сказание о Далматовской иконе Богоматери» неизвестного художника XVIII в., выполненная красками на холсте. Она поступила в 1906 г. в дар от сенатора С. П. Мордвинова.³⁸ В описи имущества уральского заводчика А. Ф. Турчанинова, составленной после его смерти в 1789 г., отмечен «образ Успения пресвятыя Богородицы с изображением Далматовскаго монастыря и самого Долмата».³⁹ На наш взгляд, это и есть картина из Ростово-Ярослав-

³⁷ Эти стихи неоднократно публиковались. Вариант стихов по рукописи из монастырского архива опубликован: Мангилев П., *прот.* Образ преподобного Далмата Исетского... С. 69.

³⁸ Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. Инв. номер Ж-382.

³⁹ Пирогова Е. П. Свидетельства возможного существования на сысертских заводах XVIII в. иконописной и переплетной мастерских // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 43. С. 91.

ского музея. Ее анализ заслуживает самостоятельного искусствоведческого исследования, для нас она интересна своей композицией. Полотно условно разделено рекой на верхнюю и нижнюю части. В верхней части на фоне природного ландшафта в центре объемно изображен Далматовский монастырь с каменной Успенской церковью, опоясанный каменной оградой с башнями. Над ним икона Успения Богородицы, поддерживаемая ангелами, по углам картуши, в которых написано начало упомянутых выше виршей, повествующее об основании Далматовского монастыря старцем Далматом. Нижняя часть картины иллюстрирует эти стихи. В верхней части картины рядом с монастырем с левой стороны изображена фигура Далмата, с правой стороны — Исаака. Руки Далмата сложены на груди в молитвенном жесте. Исаак изображен с разведенными в стороны руками, как бы обращая внимание зрителей на монастырь, построенный в камне под его руководством, и вотчинные просторы вокруг. Его поза напоминает изображение на иконах Николая Можайского с горо-

Усыпальница преподобного Далмата. 1912 г. Фото С. М. Прокудина-Горского

дом на ладони. Вирши и картина свидетельствуют о том, что для потомков Далмат и Исаак были равновеликими личностями по своему историческому вкладу.

Эта тенденция продолжилась в XIX в. После завершения строительства Скорбященской церкви в 1881 г. рядом с ней была построена часовня-усыпальница преподобного Далмата. Внутри над его захоронением было установлено деревянное надгробие, украшенное живописью, иллюстрирующей историю основания обители, и упомянутыми выше стихами. В усыпальнице хранились посох и келейная мантия Исаака, а также портреты его и Далмата. Таким образом, почитание архимандрита Исаака в Далматовском монастыре на протяжении XVIII — начала XX в. имело вербальное, визуальное и предметное воплощение. Традиция сохранения исторической памяти об Исааке возрождена современной монашеской общиной.

Список литературы

- Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII в.): Сборник документов / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. 244 с.
- Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. 291 с.
- Кривошецов А. И. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в исетском крае и его достопримечательности. Далматово, 2021. 88 с.
- Мангилев П. И. Образ преподобного Далмата Исетского в агиографических текстах XVIII в. // Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: История и современность. Екатеринбург, 2012. С. 62–69.
- Мангилев П. И., Никулин И. А. Русский архиерей XVII в. в поездке по епархии: На примере сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 216–227.
- Манькова И. Л., Шашков А. Т. Исаак // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 113–116.
- Нечаяева М. Ю. Монашество Среднего Урала синодального периода: Принципы формирования и социальный состав. Екатеринбург, 2016. 232 с.
- Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. 1. Вып. 1. Свердловск, 1991. 247 с.
- Пашков А. А. Свято-Успенский Далматовский монастырь. Шадринск, 2000. 416 с.

Пирогова Е. П. Свидетельства возможного существования на сысертских заводах XVIII в. иконописной и переплетной мастерских // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 43. С. 84–99.

Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирский летописный свод. Ч. 1. М., 1987. 382 с.

Шашков А. Т. Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII — начале XVIII века // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 86–101.

Т. А. ОПАРИНА

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва
Институт российской истории РАН, Москва

«ГРЕЧЕНИН» КОНСТАНТИН ИВАНОВ (МУРАИТОВ) НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ

Статья посвящена процессу вхождения в русское общество, а также служебной деятельности иммигранта из Османской империи. В России «греченин» получил имя Константин Иванов, первое время у него было фамильное прозвище Мураитов. Иммигрант происходил из Мореи, статус его отца русские подьячие переводили как «воевода» или «наместник». Чтобы добраться до Москвы, Константин Иванов воспользовался османской дипломатической миссией капычеи Алеи-аги. В России «греченин» служил в Иноземском приказе (в «греческой» роте), где и оказался втянут своим ротмистром Юрием Трапезундским в несколько конфликтов. Будучи неграмотным, при составлении документов он предоставлял право своей подписи другим лицам. Отсутствие знания письменности не мешало ему добросовестно исполнять воинские обязанности в Иноземском приказе. За службу он был вознагражден. Жизнь в России Константина Иванова позволяет увидеть одну из граней «греческой» миграции.

Ключевые слова: миграция, ассимиляция, дипломатические контакты, «греческое» землячество Москвы

Миграция из Османской империи и ее вассальных государств в Россию в первой половине XVII в. хорошо прослеживается по архивным документам. Поданные султана, стремящиеся переселиться в далекую северную державу, нередко прибегали к помощи дипломатических миссий. Установившиеся после воцарения Михаила Романова прочные контакты между Портой и Москвой обусловили регулярные обмены посольствами.¹ Русские дипломаты, направляемые в Константинополь, возвращались с ответными османскими миссиями. Сложившаяся система позволяла передвигаться между двумя столицами греческим купцам, представителям духовенства Христианского Востока, а также мигрантам. Последние имели возможность добратся до России, выбирая между русским или османским посольствами.

Для настоящей темы важна поездка в Константинополь в 1632 г. Афанасия Осиповича Прончищева и дьяка Тихона Бормосова.² В период нахождения русских дипломатов в османской столице стало известно о набегах донских казаков на Синоп и другие прибрежные города Османской империи, что вызвало гнев султана Мурада IV.

¹ См.: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946; *Османская империя и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений.* М., 1984.

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. 1632 г.

Афанасий Осипович Прончищев и Тихон Бормосов оказались под фактическим арестом. Лишь через несколько месяцев им позволили уехать. На родину Афанасий Осипович Прончищев и Тихон Бормосов возвращались с османской миссией во главе с капычей Алеемага³. Дипломатам предстоял трудный путь, их корабли попали на Черном море в мощный шторм и были отнесены к Синопу. Жители города, возмущенные недавним грабежом донских казаков, пленили русских послов, угрожая им убийством. Сумев, в конечном счете, освободиться и продолжить путь, Афанасий Осипович Прончищев и Тихон Бормосов добрались до Кафы, где снова были задержаны на длительное время. Лишь в конце 1633 г. русские и османские дипломаты достигли русской столицы. 15 декабря 1633 г. посольство Алеи-аги удостоилось царской аудиенции в Золотой палате.⁴

С османским дипломатом в Москву приехали многочисленные греческие купцы и греческие иерархи, рассчитывавшие на получение в России пожертвований. Самым значимым по статусу был ангирский митрополит Лаврентий.⁵ В посольство Алеи-аги также вошла группа «гречан, которые едут на государево имя». Первоначально человек, зафиксированный позже в русских документах как Константин Иванов (Мураитов), среди них не числился. Можно предположить, что он входил в свиту османского посла в числе охраны и тогда мог быть записан под другим именем, или же являлся безымянным служкой ангирского митрополита Лаврентия. Лишь в Москве Константин Иванов (Мураитов) объявил о своем желании остаться навсегда в далекой северной державе. Как следствие, документы о принятии им русского подданства оформлялись отдельно от прочих иммигрантов и с некоторым опозданием.

Мотив миграции в Россию Константин Иванов (Мураитов) обозначил формулярной фразой: «Слышачи царскую неизреченную милость к нашей братье к иноземцам... покиня род свои и племя, и все свое житье, и остался на государево имя».⁶ Первый этап вступления иммигрантов в русскую службу предполагал предоставление биографических сведений о себе, так называемых «сказок». Константин Иванов (Мураитов) сообщил, что его род происходит из столицы Мореи — города Палеопатры (Старые Патры).⁷ Здесь, по словам им-

³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 6. 1633 г.

⁴ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2: С 1628 по 1645 г. СПб., 1851. Стб. 352–353.

⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. 1634 г.

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

мигранта, его отец исполнял обязанности «мураита» («мукулима»), что русскими подьячими было переведено как «воевода»: «А отец ... мой был в Турской земле от турецкого царя в Палеопатре мукулимом (мураитом?), а по-руски воевода».⁸ В более позднем документе османский термин был утерян: «Константин Иванов сын Мураитов сказал, что отец его был в Турской земле в Палеопатре городе у турецкого салтана наместником, а по-руски воиводою».⁹ В том случае, если отец действительно занимал столь важный пост, то семья должна была принять ислам. Но под словами «наместник» или «воевода» русские подьячие могли подразумевать главу греческой общины Палеопатры, выполнявшим обязанности сбора налогов с православного населения города.

Помимо устного расспроса важными для русских чиновников были греческие документы, подтверждавшие изложенные в Посольском приказе сведения. К ним прежде всего относились рекомендательные грамоты духовенства Христианского Востока. Подобными бумагами Константин Иванов (Мураитов) не обладал, рекомендательных грамот он не привез: «А писма... ни от ково нет».¹⁰ Решение о статусе иммигранта в России выносилось дьяками Посольского приказа исходя из знатности его семьи в Османской империи. Отсутствие документов повлияло на оценку положения Константина Иванова (Мураитов) и его близких. Первоначально его причислили к людям низкого статуса, что повлекло скромный размер содержания в России. Константину Иванову (Мураитову) начислили поденный корм лишь в 10 денег на день.

В этой ситуации в процесс оформления русского подданства Константина Иванова (Мураитова) вмешался ангирский митрополит Лаврентий. Он ходатайствовал (очевидно, устно) за иммигранта. К прошениям греческих иерархов русские власти всегда относились с повышенным вниманием. И в этом случае они прислушались к словам пастыря и в начале февраля 1634 г. «для челобитья митрополита Лаврентия» повысили Константину Иванову (Мураитову) поденный корм на 4 деньги, тем самым довели его до 2 алтын и 2 денег.¹¹ Очевидно, вскоре Константин Иванов (Мураитов) женился, как и многие его спутники по посольству Алеи-аги, после чего, видимо, попросил

⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. 1644 г. Л. 318.

¹⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 6.

¹¹ РГАДА. Ф. 52. Д. 2. 1634 г. Л. 7. Можно отметить, что к этому времени османский посол капычеи Алеи-ага уже покинул Москву. 15 февраля 1634 г. состоялась аудиенция у царя Михаила Федоровича в Золотой палате капычеи Алеи-аги на «отпуске». (Дворцовые разряды. Стб. 364.) С ним вернулся на родину и ангирский митрополит Лаврентий.

средств на содержание супруги. В результате его поденный корм составил уже 3 алтына на день.¹²

Добившись решения одной из задач, Константин Иванов (Мураитов) проявил свои амбиции. С посольством Алеи-аги в Москву приехало несколько человек, обладавших рекомендательными грамотами высшего духовенства Христианского Востока. Как результат, они сразу были признаны знатными. Это дало им основание войти в состав Государева двора, что, в свою очередь, позволило быть представленными монарху при принятии русского подданства. Константин Иванов (Мураитов) посчитал возможным сопоставить себя с родовитыми «гречанами», побывавшими на приеме. По аналогии с ними он попросил о царской аудиенции. Утверждение о принадлежности к семье «воеводы» Палеопатры и заступничество ангирского митрополита Лаврентия давали ему надежду претендовать на прием у монарха. Константин Иванов (Мураитов) подал челобитную на имя государя: «А я, холоп твой, царские очей не видал и твоево государева жалованья выходу мне не дано, ... скитаюся меж двор. Милосердый государь, ... пожалуй меня, холопа своего, для моего иноземства, вели, государь, мне видеть свои ... царской очи и вели, государь, мне свое царской жалованье выход ... указать против моеи братьи, кому я, холоп твои, в версту».¹³ С подобным же прошением обратился к царю Михаилу Федоровичу другой иммигрант — Афанасий Николаев, обладавший рекомендательной грамотой константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Русские власти согласились. В отсутствие османского посольства Алеи-аги¹⁴ Константину Иванову (Мураитову) и Афанасию Николаеву предоставили возможность лично предстать перед монархом. Их имена включили в протокол встречи государя с крымским послом Курамши-мурзой (Сулешевым) и крымским посланником Джумаши. Аудиенцию, назначенную на 20 марта 1634 г. в Столовой избе, вел думной дьяк, глава Посольского приказа Иван Кириллович Грязев.

Когда дипломатическая часть церемонии завершилась и представители крымского хана покинули дворцовую палату, к монарху пригласили «гречан»: «А как они пошли ко государю в Столовую избу, и явил их государю, челом ударил думной диак Иван Грязев».¹⁵ Иван Кириллович Грязев сообщил: «И государь велит идти к себе государю ... гречаном, которые приехали на его государево имя — Офона-

¹² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. 1635 г. Л. 5; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 13. 1634 г. Л. 13.

¹³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

¹⁴ Дворцовые разряды. Стб. 364.

¹⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

сью Миколаеву да Костянтину Иванову».¹⁶ От лица новых русских подданных глава Посольского приказа произнес: «А молил: Великий государь царь и великий князь самодержец Михаил Федорович и многих государств государь и обладатель, гречане Офонасеи Миколаев да Костянтин Иванов, вам, великому государю челом ударили, приехали на государево имя ... служить».¹⁷ Иммигрантам позволили приблизиться к царю и удостоиться особой милости — целования руки правителя: «И государь пожаловал гречан к руке. А после того великий государь сказал свое государево жалованье».¹⁸

На торжественном приеме иммигрантам назначили дары за принятие русского подданства¹⁹: «От турского посла от Алеи-аги остались на Москве на государево имя гречане Офонасеи Миколаев да Костянтин Иванов. И дано им государево жалованье за выезд: Офонасью 15 рублей, Костянтину 14 рублей».²⁰ Помимо денег «гречан» наградили тканями и мехами: «Марта 20 (1634 г.) память за приписью думново дьяка Ивана Грязева: государева жалованья гречаном ... Офонасью Миколаеву да Костентину Иванову по 8 аршин камки адамашки жолтой мелкотравной по 30 алтын аршин, да по 4 аршина сукна кострышу тмосинево по 2 рубли с полтиною портище. Да вместо куниц по 40 соболей».²¹ Кроме того, иммигрантам объявили о размере поместно-денежного оклада. Константину Иванову (Мураитову) определили 350 чети и 14 рублей, Афонасию Николаеву — 500 и 16 рублей. Кроме того, им назначили жалованье в натуральном выражении: «Да им же велети давать поденного питья марта с 21 числа вперед по 2 чарки вина, по кружке меду, по кружке пива человеку на день».²² Более того, «гречанам» предоставили подарки, символически заменяющие церемониальную трапезу с государем: «Велели им дати государева жалованья ... в стола место корм сегодня ... по 4 чарки вина, по 4 кружки меду, по 4 кружки пива человек, быти им у государя на дворе».²³ Далее последовали памяти для выполнения повелений монарха в Казенный приказ, Большой приход и Приказ Большого Дворца.²⁴

¹⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 11.

¹⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 11–12.

¹⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 11–12.

¹⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 12–13.

²⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 13. 1634 г. Л. 13.

²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 477–477 об.

²² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 15.

²³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 15.

²⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 13–15.

Важно отметить, что при принятии русского подданства конфессиональных отступлений у иммигрантов не было выявлено. Очевидно, их признали православными и сразу позволили войти в приходы Московского патриархата. Что касается Константина Иванова, то далее его фамильное прозвище Мураитов исчезает, оно более не встречается в источниках. Несмотря на царский прием, Константина Иванова и Афонасия Николаева не допустили в состав Государева двора. Ни рекомендательная грамота патриарха у Афонасия Николаева, ни заступничество митрополита у Константина Иванова, ни даже его рассказ об отце-«воеводе», не повлияли на положение в России. Константину Иванову назначили высокий поместно-денежный оклад, что зафиксировало его статус в русском обществе.

Основным видом деятельности в России иммигрантов из Османской империи и ее вассальных государств, не сумевших попасть в состав Государева двора, была служба в Иноземском приказе. В военном ведомстве для иностранцев к этому времени уже существовала особая «греческая» рота, возглавляемая ротмистром Николаем Мустофиным. Вместе с рядом других иммигрантов посольства Алеи-аги в это подразделение и зачислили Константина Иванова и Афонасия Николаева.²⁵ В Иноземский приказ их направили 20 июня 1634 г.²⁶

Только что закончилась Смоленская война, новых крупных военных кампаний московское правительство не имело возможности даже планировать. Главной задачей русского войска оставалась охрана южных границ от набегов крымчаков и ногаев, резко усилившихся в период Смоленской войны. Центром управления обороной Засечной черты была Тула, куда на три летних месяца, с июня по август (обычный период набегов), направлялись поместная дворянская конница и подразделения Иноземского приказа. Войска должны были перекрыть Муравский шлях — путь движения от Крыма к Москве степняков. Такая система обороны обеспечивала предотвращение набегов. Константин Иванов был направлен на Тульскую службу сразу после зачисления в «греческую» роту. На период с 15 июля по 15 августа ему выдали необходимые средства.²⁷ После кончины ротмистра Николая Мустофина в 1634 г. «греческую» роту ненадолго возглавил Федор Черкизов Сулейман-Дамаскин. Под его началом «гречане» продолжили исполнять свои обязанности. Следующие сведения об отправке Константина Иванова на южные границы относятся к 1636 г.: «Да июня в 6 день ему ж ... для государевы Туль-

²⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. 1635 г. Л. 5.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 48. Л. 89.

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 48. Л. 89.

ские службы на июнь да вперед на июль да на август месяцы на корм 8 рублей 9 алтын 2 деньги. Дано».²⁸

Не позднее 1637 г. в «греческой» роте вновь произошли изменения в руководстве. Следующим ротмистром стал бывший поручик Юрий Трапезундский,²⁹ приведший свое подразделение на военный смотр в 1641 г. На нем Константин Иванов продемонстрировал свое вооружение, представ «на коне с саблею да с карабином».³⁰ После смотра он получил назначение на тульскую службу.³¹ Размеренный ритм воинской службы был прерван противоборством внутри «греческой» роты, спровоцированным новым ротмистром. В 1641 г. князю Якову Куденетовичу Черкасскому, исполнявшему обязанности воеводы дислоцированных на Туле русских войск, направили извет на своего ротмистра несколько рядовых военных «греческой» роты. Они обвиняли своего командира в многочисленных рукоприкладствах.³² В тяжбу о несправедливом обращении ротмистра со своими подчиненными был втянут и Константин Иванов. Очевидно, он подписал извет (или один из изветов), в результате чего в качестве свидетеля был отправлен из Иноземского приказа к Якову Куденетовичу Черкасскому: «Послан на Тулу с челобитчиком».³³ В связи с утратой документов не известны ни ход следствия, ни его результаты. Безусловно, изменений в «греческой» роте не произошло, все сохранили свои должности.

Вскоре вспыхнул более масштабный конфликт, на этот раз вышедший за рамки «греческой» роты и захвативший почти всех «гречан» Москвы, в том числе переводчиков Посольского приказа и членов Государева двора. В 1642 г. две наиболее знатные семьи, князья

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 49. Л. 91; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 848. Л. 17.

²⁹ *Опарина Т. А.* Ротмистр Юрий Трапезундский: Заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Материалы. М., 2004. С. 54–73.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 848. Л. 372.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 139. Л. 422.

³² Документы находились в Разрядном приказе в XVII в., о чем свидетельствует сохранившаяся опись. В ней указано «Судное дело 149 года, что было на Туле в полку столника и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского по челобитью московских кормовых иноземцов на ротмистра на Юрью Трапезанского, снизу отодрано, а вершено ль или нет, того не ведомо» (Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 512). Следственное дело хранилось в Разрядном приказе в XIX в. В описи Приказного стола Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 278. Л. 1–37) оно значится в ОДИБ МАМЮ. Можно предположить, что создатели описи после ее завершения изъяли заинтересовавшие их материалы и поместили в другой фонд. В настоящее время эти документы в стб. 278 отсутствуют. Их местонахождение неизвестно.

³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 50. Л. 40–40 об.

Альбертусы-Далмацкие и Алибеевы-Макидонские, возобновили свое противостояние. На стороне Альбертусов-Далмацких неизменно выступал ротмистр Юрий Трапезундский. Желая спасти от тюремного заключения Дмитрия Альбертуса-Далмацкого, пользовавшегося большим авторитетом у всех «гречан», Юрий Трапезундский предложил своим подчиненным составить на него поручную запись. Для осуществления своей цели ротмистр активно приступил к сбору подписей у рядовых «греческой» роты, действуя максимально жестко и, очевидно, с фальсификациями. Как потом будет заявлять большинство «гречан», им не предъявили документа, заставляя подписываться под чистыми листами. Но Юрий Трапезундский и его сподручники, московские дворяне Остафий Иванов Власов и Петр Иванов Волошенин, убеждали, что позже внесут в бумаги текст поручной записи.

Спор выявил безграмотность Константина Иванова. Не владея ни русским, ни греческим письмом, он всякий раз был вынужден прибегать к помощи земляков. Первоначально за него подписался Велисар Ендринский,³⁴ в следующий раз — Михаил Поликострицкий.³⁵ Готовый документ был подан властям, в результате чего Дмитрий Альбертус-Далмацкий получил свободу. Но, как оказалось, вызволив дворянина, его сподвижники отклеили листы с подписями и соединили их с совсем иным документом — изветом против Алибеевых-Макидонских. В последнем заявлялось, что эти выходцы из Эпира были не детьми паши Анины, а лишь брадобреем и сапожником в Яссах. В ответ Алибеевы-Макидонские подали извет о подложности составленного Юрием Трапезундским, Остафием Ивановым Власовым и Петром Ивановым Волошенином документа. Началось следствие.³⁶ На допросы вызывались все вольные или невольные участники спора. Чтобы избежать наказания, «гречане», чьи подписи обнаружились на извете против Алибеевых-Макидонских, начали подавать явочные челобитные на Юрия Трапезундского, Остафия Иванова Власова и Петра Иванова Волошенина.

Константин Иванов, будучи не в состоянии самостоятельно подготовить документ, примкнул к группе своих земляков: Петру Юрье-

³⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 107 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 116.

³⁶ *Опарина Т. А.* Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176.

ву Царегородскому,³⁷ Аргире Захарьеву,³⁸ Кириллу Христофорову,³⁹ Фоме Константинову⁴⁰ и иным. Текст коллективной явочной челобитной, наиболее вероятно, был составлен самым грамотным участником — принявшим православие евреем из Фессалоник Иваном Аврамовым Селунским, будущим толмачом Посольского приказа.⁴¹ В явочной челобитной «гречане» настаивали, что их ввели в заблуждение: «И он, Юрьи Тропизонской, пришел к нам з бумагою с порожними столбцами, а велел нам руки прикладывать. И сказал, что в поруке в статье по князь Дмитрее Олбертове. А после, государь, те столбцы за руками объявилась челобитная на князь Анастаса да на князь Федора Макидонских». ⁴² Далее подробно описывались и методы ротмистра при получении подписей: «А писали нас за очи на них без нас. А мы, холопи твои, их [Алибеевых-Макидонских. — Т. О.] не знаем: Турская земля велика. А которые, государь, к тем порожним столбцам не хотели руки приложить, и он, Юрьи, учал грозить: хто де руки не приложит, и тово де я зделаю без корму. И мы, государь, и тово бояся от него безделья, прикладывали руки, а в ыных местах за очи он, Юрья, с товарищи руки приложили». ⁴³ Трудно понять, к какой категории относился Константин Иванов: сам ли он под угрозой лишения жалованья дал согласие от его лица поставить подпись, или же подпись была поставлена без его ведома. В любом случае, на этот раз, уже на явочной челобитной, он попросил расписаться за него человека, которому, безусловно, доверял⁴⁴ — своего спутника по посольству Алеи-аги Константина Юрьева Ангирского (за которого также ходатайствовал ангирский митрополит Лаврентий).

³⁷ Опарина Т. А. «Греченин» Петр Юрьев Царегородский // Комплексный подход к изучению Древней Руси: Сборник материалов XII Международной конференции. М., 2023. С. 58.

³⁸ Опарина Т. А. «Греченин» Аргир Захарьев в Иноземском приказе // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 6–7 апреля 2023 г. М., 2023. С. 268–270.

³⁹ Опарина Т. А. «Греченин» Кирилл Христофоров // Соборное уложение 1649 г.: Формирование, практика, эпоха. М., 2024. С. 62–71.

⁴⁰ Опарина Т. А. Сын чеуша в России: «Греченин» Фома Константинов // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 4–5 апреля 2024 г. М., 2024. С. 244–246.

⁴¹ Опарина Т. А. Интеграция еврея в русское общество середины XVII в.: Толмач Посольского приказа Иван Селунский // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М., 2003. С. 132–150.

⁴² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 97.

⁴³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 97.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 97 об.

За явочной челобитной последовала очная ставка с Остафием Ивановым Власовым и Петром Ивановым Волошенином (Юрий Трапезундский к этому времени уже был сослан в Сибирь⁴⁵). Во время нее подьячие кратко резюмировали содержание поданного военными документа: «Велели де им приложить руки к порозжим столбцом, а сказали, что в поруке в статье по князь Дмитрей Альбертусе. А после де того те столбцы объявились: челобитная на князь Анастаса да на князь Федора Макидонских. А написали их за очи, на них в знатье, а они де их не знают. А в их де место Юрьи с таварыщи руки прикладывали за очи и грозили им: будет руки не приложат, и они де их зделают без корму».⁴⁶

В ответ Остафий Иванов Власов и Петр Иванов Волошенин заявили, что ничего не говорили «гречанам» про поручную запись на Дмитрия Альбертуса-Далмацкого. Более того, они отвергли саму возможность составления ими поручной записи. По их мнению, подобные документы готовят лишь площадные подьячие, но никак не дворяне и не ротмистры: «Руки прикладвали к челобитной, а не сказали по князь Дмитрей Албертусе в статье. А только б де они прикладывали к записи и з записми де ходят площадные подьячеи и руки прикладывают к записям у подъячих».⁴⁷ Остафий Иванов Власов и Петр Иванов Волошенин видели причиной подачи явочной челобитной подкуп Алибеевых-Макидонских. Однако «гречане» продолжали настаивать на своей невинности, повторив обвинение в чистых листах и неведении о планах составления извета против Алибеевых-Макидонских: «Приложили руки, поверя им, Остафью и Петру, к порозжим столбцом. А явок де в те поры не давали, потому что заводу их в те поры не ведали. А подали явки, как они сведали их завод».⁴⁸

Следствие завершилось признанием вины Остафия Иванова Власова и Петра Иванова Волошенина. Константин Иванов, как и все остальные «гречане», не понес никакого наказания. Он остался в своей роте, в которой поменялся глава подразделения. После удаления Юрия Трапезундского власти вернули на два года Федора Черкизова Сулеймана-Дамаскина. Вскоре его сменил Николай Зотов Макидонский (Мамгуселим), а к 1650 г. появились две роты «гречан»: поместных (имевших земли) и кормовых (получавших лишь жалованье). Роту последних возглавил Алексей Кизылбашенин, под началом которого «гречане» принимали участие в строительстве укреплений

⁴⁵ Опарина Т. А. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: Пути и судьбы // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 171–197.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 155–156.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 156–157.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 157.

Белгородской засечной черты. Константин Иванов отличился на службе, за что был вознагражден в 1650 г. Ему увеличили поместно-денежный оклад на 100 четей и 5 рублей: «Прибавлено Костентину Иванову ... государева жалованья к старому окладу за белгородскую и за яблоновскую службу и за воловое земляное дело против городских дворян и детей боярских поместно 100 чети, денег 5 рублей». ⁴⁹ В результате его оклад составил 450 чети и 19 рублей. Но размер поденного корма в 3 алтына на день остался неизменным. ⁵⁰ К 1653 г. обе «греческие» роты были расформированы и следы Константина Иванова теряются.

Судьба «греченина» Константина Иванова в России прослеживается на протяжении почти двадцати лет. Он приехал в составе османского посольства, проделав сложный и драматический путь из Константинополя в Москву. В русской столице он представился сыном наместника («мураита») одного из крупнейших городов Османской империи — Палеопатры. Даже если в действительности его отец был главой православной общины города, его семья играла значительную роль в жизни православных региона. Слова иммигранта подтвердил ангирский митрополит Лаврентий. Это дало основание для русских властей допустить «греченина» на царскую аудиенцию при принятии русского подданства. Несмотря на все факторы, Константин Иванов не смог добиться включения в состав Государева двора. Устные показания принципиально не изменили сложившегося у подъячих Посольского приказа мнения о не столь высоком статусе иммигранта. Константина Иванова определили в «греческую» роту Иноземского приказа, где он верно нес службу, исполняя все обязанности. «Греченин» был неграмотным, в результате чего передавал право своей подписи другим землякам. В результате, он оказался втянут в 1642 г. в большой конфликт внутри «греческой» общины Москвы, но был оправдан.

Список литературы

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2: С 1628 по 1645 г. СПб., 1851. 502 с.

Опарина Т. А. «Греченин» Аргир Захарьев в Иноземском приказе // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. М., 2023. С. 268–270.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 52. Л. 108.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 875. 1651 г. Л. 333.

- Опарина Т. А. «Греченин» Кирилл Христофоров // Соборное уложение 1649 г.: Формирование, практика, эпоха. М., 2024. С. 62–71.
- Опарина Т. А. «Греченин» Петр Юрьев Царегородский // Комплексный подход к изучению Древней Руси: Сборник материалов XII Международной конференции. М., 2023. С. 58.
- Опарина Т. А. Интеграция еврея в русское общество середины XVII в.: Толмач Посольского приказа Иван Селунский // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М., 2003. С. 132–150.
- Опарина Т. А. Ротмистр Юрий Трапезундский: Заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Материалы. М., 2004. С. 54–73.
- Опарина Т. А. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: Пути и судьбы // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 171–197.
- Опарина Т. А. Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176.
- Опарина Т. А. Сын чеуша в России: «Греченин» Фома Константинов // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 4–5 апреля 2024 г. М., 2024. С. 244–246.
- Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. 806, [2] с.
- Османская империя и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М. 1984. 301 с.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1. 158 с.; Т. 2. 172 с.

А. А. Бродников

Новосибирский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ОКЛАДОВ ГОСУДАРЕВА ЖАЛОВАНИЯ СИБИРСКОЙ СЛУЖИЛОЙ АРИСТОКРАТИИ НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОГО ГАРНИЗОНА

Сохранявшие в течение XVII в. индивидуальные оклады государева жалованья представители сибирской служилой аристократии имели разные пути и возможности его формирования. В одних случаях оклад жалованья определенного размера был связан со сложившимся в гарнизоне штатным расписанием, в других его размер мог определяться профессиональными и деловыми качествами самих служилых людей и увеличиваться, исходя из их службы, различной деловой активности. В енисейском гарнизоне в первой половине столетия три старших офицера (стрелецкий сотник и два атамана), выполняя одинаковые функции, имели три разных оклада денежного жалованья. Их преемники начинали свою службу именно с этих окладов, но в последующем, в результате своих заслуг, значительно увеличили получаемые ими денежные оклады.

Ключевые слова: государево денежное жалованье, Сибирь, Енисейский уезд, атаманы, дети боярские, XVII век

Существовавший в Сибири XVII в. принцип приоритетного верстания на освободившиеся в гарнизонах места младших родственников служилых людей за заслуги их отцов и дедов воспринимался в среде военно-служилого населения как само собой разумеющийся.¹ Распространялся этот механизм и на заполнение вакантных командных должностей (атаманов, сотников и детей боярских), что уже к середине столетия привело к формированию сначала в западносибирских гарнизонах, а затем и во всей Сибири династий так называемой сибирской служилой аристократии.² Этот механизм, соответствовавший принципу сословного общества «из чину в чин не переводить», все более и более ужесточался к концу столетия, поскольку согласовывался с внутренней политикой монархии, направленной на усиление абсолютизма. Об этом уже давно упоминается в научной литературе.³

¹ Этот принцип верстания на службу существовал в русском государстве и при комплектовании стрелецких полков. См.: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. 149.

² Н. Н. Покровский употреблял этот термин именно так, без кавычек. См., например: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 82.

³ См., например: *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 70, 81.

Однако в начале столетия, когда еще не все представители командного состава имели семьи и, соответственно, младших родственников, особенно в окраинных гарнизонах, возникали ситуации, когда для заполнения возникающих вакансий администрации приходилось привлекать людей со стороны, из других гарнизонов. Иногда это даже напоминало подобие конкурса на вакантное место, которое могло оставаться незанятым длительное время — месяцы, а то и более года, как это было в Енисейском остроге в 1625–1628 гг.

Особенностью окладов государева жалованья представителей служилой аристократии было то, что они оставались индивидуальными до конца XVII столетия. Напротив, оклады рядового и младшего командного состава (десятников и пятидесятников⁴) в 1623–1624 гг. были унифицированы в результате реформы тобольского воеводы князя Юрия Яншеевича Сулешева: оклады томских и тарских служилых людей (пеших казаков и стрельцов) были уменьшены — уравнены с окладами тобольских служилых людей до 4 руб. 25 коп.⁵

Судя по всему, коснулась эта реформа и окладов служилых людей других западносибирских гарнизонов. Об этом заставляет задуматься ситуация с окладами служилых людей созданного в конце 1630-х гг. якутского гарнизона. У переведенных на службу в Якутск березовских казаков, как и у их десятников и пятидесятников, в конце 1630-х гг. денежные оклады оставались неизменными и были 4,25 руб. Только с середины 1640-х гг. наблюдается их увеличение до 5,25 руб., причем и для рядовых, и для десятников, и для пятидесятников.⁶ Правда, к середине 1650-х гг. денежные оклады десятников и пятидесятников были увеличены на рубль.⁷ Поскольку оклады березовских казаков в Якутске первоначально равнялись размерам окладов переведенцев из Тобольска, надо думать, что их размер соответствовал окладам служилых людей собственно березовского гарнизона и был увеличен вместе с ними. Еще в одном городе Западной Сибири, в Мангазее, долгое время, до 1620-х гг., не было собственного гарнизона и службу там несли годовальщики из Тобольска и Березова со своими окладами.

В гарнизонах Восточной Сибири оклады денежного жалованья служилых людей были несколько выше, чем в гарнизонах Западной

⁴ Ниже будет показано, что денежные оклады пятидесятников не везде отличались от окладов десятников или отличались совсем не на много.

⁵ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 269; Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 112.

⁶ Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX века. М., 1978. С. 72, 74.

⁷ Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии... С. 76.

Сибири. В частности, оклады енисейских рядовых казаков и стрельцов были 5 рублей, а десятников и пятидесятников — 5,5.⁸ В Красноярске пешие рядовые казаки идесятники имели такие же оклады, как енисейские, но пятидесятники получали по 6 рублей.⁹ Выше говорилось, что в Якутске, где собственный гарнизон был сформирован на рубеже 1630–1640-х гг. путем перевода служилых людей из тобольского, березовского и енисейского гарнизонов, оклады переведенных казаков оставались неизменными, как в гарнизонах отправки, в течение нескольких десятилетий. Единый «ленский оклад» был установлен только на рубеже 1650–1660-х гг.¹⁰ Видимо, с того времени оклады якутских служилых людей — как рядового состава, так и десятников и пятидесятников — были увеличены до размера окладов березовских казаков — до 5,25 руб.¹¹ Такой же размер окладов, по 5,25 руб., имели илимские пешие служилые люди после выделения Илимского уезда из состава Якутского и формирования собственного гарнизона.¹²

Что касается денежных окладов служилых людей Иркутска и Забайкальских острогов, то там долгое время несли службу енисейские служилые люди, и надо полагать, что с формированием собственных гарнизонов оклады этих служилых людей должны были равняться окладам енисейцев.

Теперь обратимся непосредственно к размерам окладов денежного жалованья сибирской служилой аристократии. Окладные книги XVII в. свидетельствуют, что денежные оклады этой категории служилых людей были весьма разнообразными. Привлечение дополнительного материала, сведений из всевозможных источников XVII столетия позволяют понять причины этого разнообразия.

В первые годы существования енисейского гарнизона, с 1623 по 1625 г., в Енисейском остроге несли службу сразу три атамана, хотя гарнизон насчитывал только сто стрельцов.¹³ Должность стрелецкого сотника занимал атаман Поздей Фирсов, утонувший в Оби по пути из Томска в Енисейск в декабре 1625 г. В Енисейском остроге он появился, вероятно, с формированием там постоянного гарнизона в

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 313–318; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 83–90; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–118; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 49–68.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 119–132 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 69–84 об.; Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 72.

¹⁰ Сафонов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии... С. 77.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 65. Л. 1–51 об.

¹² РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 35. Л. 64–84 об.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 113–117; Бродников А. А. Енисейск и Енисейский уезд: Очерки из истории XVII в. Новосибирск, 2019. С. 193–195.

1623 г. Еще два атамана, Василий Алексеев Новоторженин и Василий Андреев Тюменец, очевидно, служили в Енисейском гарнизоне сверх штата.¹⁴

В. Тюменец, ранее служивший атаманом в Таре, успел по приказу тобольского воеводы князя Ивана Семеновича Куракина в 1616 г. в качестве посланника побывать в поездке к западномонгольскому Алтын-хану.¹⁵ За эту поездку он получил весьма значительные выплаты деньгами и товарами, его оклад денежного и хлебного жалованья был увеличен, в том числе денежный оклад на один рубль.¹⁶ Возможно, за успех этой поездки он получил и право выбрать последующее место службы. А основанный в 1619 г. Енисейский острог, исходя из его возможностей получения пушнины служилыми людьми, был местом весьма привлекательным. Нам не известно, с какого времени В. Тюменец нес службу в Енисейском остроге. Тем не менее, в документах Тары за 1629 г. есть упоминание, что В. Тюменец служил в Таре атаманом сверх штата и был «с Тары переведен в Енисейской острог тому лет з десять».¹⁷ Это еще не говорит о том, что он действительно начал служить в Енисейском остроге сразу с 1619 г., но дает основание предполагать, что он мог быть отправлен туда на службу в качестве годовальщика вскоре после его основания, еще до учреждения воеводского управления.

Можно также отметить, что во время службы в Таре денежный оклад В. Тюменца был 12 руб., а в Енисейском остроге в 1625 г. достигал уже 16 руб.¹⁸ То есть после поездки к Алтын-хану атаман Тюменец получал повышение оклада неоднократно — не только за эту миссию, но и за какие-то другие заслуги. Последнее известное нам упоминание имени В. Тюменца в енисейских документах относится к осени 1625 г. По какой причине и когда именно он выбыл из штата енисейского гарнизона, нам не известно.

Что касается атамана В. Алексеева, то о времени его появления в енисейском гарнизоне и прежнем месте службы нам не известно ничего. Вероятно, он появился в остроге вместе с П. Фирсовым в 1623 г., когда в Енисейский острог прибыл первый воевода Яков Игнатьевич

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 113.

¹⁵ Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1949. С. 4, 15.

¹⁶ За эту поездку В. Тюменец получил 15 рублей «в приказ», чарку ценой в 2 рубля, камку, тафту, два сукна «добрых лундышных», прибавку к старому окладу — рубль к денежному и по чети к хлебному «ко ржи, х крупам, к толокну». Отдельную плату он получил за «изрон, что давали Алтыну царю сабли и самапалы» — 19 рублей. См.: РГАДА. Ф. 126. Д. 2. Л. 281.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 267–272.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 268, 269.

Хрипунов и был сформирован собственный гарнизон. Но свою службу в Енисейске он закончил в начале осени 1626 г., когда был вызван в Тобольск для сыска по поводу событий енисейского бунта, произошедшего в мае 1626 г.¹⁹

Таким образом, к осени 1626 г. первые три старших офицера енисейского гарнизона выбыли из его штата, и им на смену, на появившиеся вакансии, стали подбираться новые люди. При этом если о денежном окладе атамана В. Тюменца у нас есть сведения, то об окладах стрелецкого сотника П. Фирсова и атамана В. Алексева мы можем судить только по окладам их преемников.

Первым среди претендентов на вакантные должности старших офицеров енисейского гарнизона стал енисейский подьячий Максим Перфирьев. Он, судя по всему, как и П. Фирсов, начал свою службу в Енисейском остроге в 1623 г., вместе с первым енисейским воеводой Я. И. Хрипуновым. Правда, в челобитной его сына Ивана, поданной в 1700 г. на имя Петра I, говорится, что Максим нес в Енисейске службу «сначала как почался быть Енисейской острог ... в атаманех и в детех боярских болши сорока лет».²⁰ В другой челобитной, составленной не ранее 1711 г. одним из правнуков М. Перфирьева, говорится, что он, уже в чине атамана, был участником похода 1600 г. воевод Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова на р. Таз, в результате которого была основана Мангазея.²¹ Это единственные известные на настоящий момент сведения такого рода. Здесь необходимо учитывать стремление составителей челобитных усилить акцент на заслугах своих предков, подчеркнуть выгодные им моменты или обстоятельства, демонстрировавшие усердную службу, радение государеву интересу. Но, как бы ни было, становится очевидным, что до того, как стать енисейским подьячим, М. Перфирьев имел достаточные навыки службы в командном составе. Кроме того, известно, что весной 1626 г. у М. Перфирьева в Верхотурском остроге была жена.²² Это дает основание предполагать, что ранее, до Енисейска, он там и служил.

После событий енисейского бунта, когда в Енисейском остроге единственный оставшийся старший офицер атаман В. Алексеев на-

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 481–482; Об этих событиях см.: *Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // *Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма.* Новосибирск, 1988. С. 24–61. (Археография и источниковедение Сибири: [Вып. 12]); *Бродников А. А.* О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 11–19. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 24).

²⁰ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

²¹ ГПНТБ СО РАН. Тих. ДП. XXVI. 8. Л. 1.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 371.

ходил под сыском, подьячий М. Перфирьев был отправлен во главе отряда служилых людей вверх по Ангаре для сбора ясака. После этого служилые люди енисейского гарнизона подавали челобитную о его назначении сотником, аргументируя это тем, что ему такая служба «за обычей».²³ Стоит обратить внимание, что выбор енисейских служилых людей пал не на двух пятидесятников, которые явно имели достаточные навыки службы, а на представителя бюрократии. То есть в глазах служилых людей енисейского гарнизона М. Перфирьев был более достойной кандидатурой на должность стрелецкого сотника, чем кто-либо из пятидесятников.

Но по просьбе бывшего енисейского воеводы Я. Хрипунова, занимавшегося в Москве подготовкой похода по Ангаре для поиска серебра, М. Перфирьев был назначен к нему в «полк» подьячим,²⁴ а енисейским стрелецким сотником был назначен сын боярский Петр Бекетов.²⁵ Тем не менее, в енисейской документации 1627–1628 гг. М. Перфирьев упоминается как атаман.²⁶ У нас нет сведений, какой оклад у атамана М. Перфирьева был до его назначения в «полк» Я. Хрипунова. Можно предположить, что он тогда был поверстан в оставшийся вакантным оклад В. Тюменца, составлявший 16 руб., так как, во-первых, атаман В. Алексеев, хотя и находился под сыском, но еще оставался в штате енисейского гарнизона. Во-вторых, денежные оклады енисейских подьячих в 1629/1630 г. составляли 12 руб.²⁷ Надо полагать, что и у М. Перфирьева на этой должности был такой же оклад. Очень сомнительно, что он мог согласиться перейти на более тяжелую службу и в меньший оклад.

У нас нет сведений, какой оклад был установлен М. Перфирьеву, когда он стал подьячим в «полку» Я. Хрипунова. Но когда он вернулся из «серебряной» экспедиции в Енисейский острог, его прежний атаманский оклад уже был занят Иваном Галкиным — освобожденный М. Перфирьевым оклад прежнего атамана В. Тюменца стал вакантным и перешел к И. Галкину. Судя по всему, Максим на этот раз был поверстан на остававшееся вакантным место атамана В. Алексеева, в его оклад, что и зафиксировано в окладных книгах 1629/1630 и 1632/1633 гг.: денежный оклад М. Перфирьева в эти годы составляет 10 руб.²⁸

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 91–91 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 94.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 92–92 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 69 об., 88–90, 92, 177–179 и др.; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 24. Л. 17 об. и др.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 312.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 313; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 83.

После возвращения из похода 1630–1631 гг. вверх по Ангаре, в результате которого был построен Братский острог и «замирены» буряты, М. Перфирьев делал попытку увеличить размер своего жалованья — подавал челобитную об увеличении денежного и хлебного оклада.²⁹ В Приказе Казанского дворца после получения его челобитной действительно занимались изучением того, как награждались сибирские служилые люди за сбор ясака и привидение новых «землиц» под государеву руку.³⁰ После изучения собранной информации в Приказе решили, что участников этого похода достаточно «пожаловать» разовой денежной выплатой. В итоге М. Перфирьев за свой поход получил разовую выплату в размере 5 руб. Другие его участники, сорок три человека, получили по 3 руб.³¹ Таким образом, размер денежного жалованья атамана Перфирьева не изменился.

Но далее из-за интриги братьев Галкиных М. Перфирьев теряет и его.³² В окладных книгах Енисейского острога за 1636/1637 г. имя М. Перфирьева не упоминается,³³ а в документах последующих лет он встречается в чинах рядового, десятника, пятидесятника, достигнув чина атамана только к 1640 г.³⁴ Позднее он становится сотником, а затем и сыном боярским.³⁵ К сожалению, о размере оклада его денежного жалованья в это время у нас нет сведений. Можно только предположить, что его сын, Иван Максимович Перфирьев, унаследовавший у своего отца чин сына боярского, унаследовал и его оклад государева жалованья: в 1669 г. оклад Ивана Перфирьева составлял 15 руб.³⁶

Вторым кандидатом на вакантное место старшего офицера в енисейском гарнизоне стал сын боярский Петр Бекетов. Поверстанный на место сотника П. Фирсова, он мог прибыть в Енисейский острог не ранее июня 1627 г. из Тобольска, где, с его же слов, «скитался меж двор».³⁷ Но скорее всего он добрался до Енисейска ближе к осени, так как в ясачном сборе 1627/1628 г. он еще не участвовал.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 68–69.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 69–71.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 73 об., 74 об., 75 об., 76 об.

³² Подробнее об этом см.: Бродников А. А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев: Опыт биографического исследования // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 213–227.

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–118, 186–200.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 75. Л. 633–641; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 103. Л. 257, 259.

³⁵ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. № 14. С. 16–17; Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII в. Якутск, 1967. С. 76; Сборник документов по истории Бурятии: XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. № 60. С. 205.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 527. Л. 287.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 92–92 об.

В 1628/1629 г. Бекетов уже собирал ясак с бурятских князцов «под Братским порогом».³⁸ Согласно енисейской окладной книге денежного жалованья, в 1629/1630 г. годовой денежный оклад П. Бекетова был 12,25 руб. (12 рублей 8 алтын 2 деньги).³⁹ Очень вероятно, что в таком же размере денежное жалованье получал и сотник П. Фирсов. Этот оклад П. Бекетова был зафиксирован в окладной книге Енисейского острога за 1632/1633 г.,⁴⁰ а в окладных книгах 1636/1637 г. и 1642/1643 г. в енисейском гарнизоне должность стрелецкого сотника отсутствует. Продолжает упоминаться в окладных книгах сын боярский П. Бекетов. Он имеет в первом случае оклад в размере 10 руб., а во втором — 20 руб.⁴¹

Ситуация с пребыванием П. Бекетова в должности стрелецкого сотника в Енисейском остроге в 1630-е гг., как и ситуация с пребыванием М. Перфирьева в чине атамана, была связана с интригой братьев Галкиных. Атаман И. Галкин, после своего невероятно успешного похода на Лену в 1630–1631 гг.,⁴² решил пристроить в енисейском гарнизоне в качестве атамана своего младшего брата Осипа. В данном случае в грамоте, отправленной в 1634 г. из Приказа Казанского дворца в Енисейск воеводе Андрею Племянникову о верстании О. Галкина на место М. Перфирьева, сказано: «А был Максимко Перфирьев атаманом у ста человек у казаков и у стрелцов, да у тех же у ста человек сотник Петр Бекетов и тому Петру Бекетову велено государеву службу служить в Енисейском остроге в детех боярских».⁴³ Таким образом, в 1634 г., в результате интриги братьев Галкиных, направленной против М. Перфирьева, пострадал и П. Бекетов: должность стрелецкого сотника в енисейском гарнизоне была упразднена. Вместе с должностью сотника П. Бекетов потерял и соответствующий оклад денежного жалованья — теперь он в Енисейске оставался просто сыном боярским, без должности, с окладом в 10 рублей.

Необходимо отметить, что среди четырех енисейских сынов боярских в окладной книге 1636/1637 г. П. Бекетов оказался с самым низким окладом. Самый высокий оклад — 18 руб. — имел Парфен Ходырев.⁴⁴ Для сравнения: в 1629/1630 г. в Тобольске из 42 сынов боярских только двое имели оклады по 10 руб., пятеро — по 7–8 руб., остальные 35 человек — от 25 до 11 руб.⁴⁵

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 24, 25. Л. 16–21.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 303.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 83.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100 об.; РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 49 об.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 384–390.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 34–35.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–100 об.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 5–7.

Однако в 1641/1642 г. денежный оклад П. Бекетова был увеличен, причем сразу вдвое — до 20 руб.: он был назначен в Енисейском остроге «у казаков головою».⁴⁶ Это назначение П. Бекетов получил в феврале 1641 г. находясь в Москве.⁴⁷ Должность казачьего головы была создана в Енисейске не ранее 1637 г., хотя численность гарнизона резко выросла уже в конце 1633 г. и достигла 350 человек.⁴⁸ Тем не менее, в окладной книге Енисейска за 1636/1637 г. должность казачьего головы еще отсутствует.⁴⁹

Первым казачьим головой в енисейском гарнизоне стал сын боярский Богдан Болкошин. Известно, что в 1631 г. он был головой у служилых татар в Томске.⁵⁰ У нас нет сведений, как долго Б. Болкошин был головой в Томске, но в Енисейске он пробыл на этой должности всего несколько лет: уже в окладной книге за 1641/1642 г. он встречается в списке детей боярских с окладом в 10 руб. и с записью «прежний казачей голова Богдан Болкошин».⁵¹ А в сметном списке Енисейска за 1641/1642 г. имеется объясняющая запись, сделанная на основании государевых грамот, присланных в Енисейский острог в 1642 г.: «К пешим казакам в головы енисейской сын боярской Петр Бекетов на Богданово место Болкошина. А государева жалованья оклад ему тот же, что и Богдану — 20 рублей. А Богдану Болкошину веле[но быть] у пашенных крестьян в прикаш[иках] а оклад ему государева денежного жалованья — 10 рублей».⁵² По сути дела, двух енисейских сынов боярских поменяли местами.

Безусловно, П. Бекетов, с его опытом воинской службы и по его навыкам, вполне соответствовал должности головы. Хотя не исключено, что свою роль мог сыграть и его личный контакт с соответствующим лицом в Сибирском приказе. Во всяком случае, известно, что подавая в Москве челобитную, он указывал в ней, что Б. Болкошин «стар и увечен, такой твоей государевой дальней службы служить не может».⁵³

Однако и сам П. Бекетов на должности казачьего головы пробыл только до 1648 г. В этом году он был с «головства отставлен без вины неведомо почему». Не исключено, что к отставке Бекетова приложил

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 134 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 339. Л. 224–229.

⁴⁸ Бродников А. А. Енисейск и Енисейский уезд... С. 199–204.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–118.

⁵⁰ Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950. С. 108.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 50.

⁵² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 233 об.–234.

⁵³ Вершинин Е. В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.

руку прежний енисейский воевода Федор Федорович Уваров: известно, что годом ранее казачий голова П. Бекетов, в соответствии с присланным из Москвы предписанием, посадил воеводу Уварова в тюрьму на три дня за то, что тот «непристойной речью» писал отписки томским разрядным воеводам.⁵⁴ С потерей должности головы П. Бекетов потерял и свой высокий оклад — теперь он вновь стал получать 10 руб. годового жалованья.

Однако в конце 1650 г., при новом енисейском воеводе Федоре Потаповиче Полибине, сын боярский П. Бекетов получил возможность отправиться в Москву, где в Сибирском приказе просил вновь поверстать его на должность казацкого головы с прежним окладом. Прежний оклад в 20 рублей ему вернули, но на должности не восстановили.⁵⁵ В результате дальнейшую службу в Енисейском остроге сын боярский П. Бекетов нес, получая денежный оклад в том же размере, как и другой енисейский сын боярский — И. Галкин. Их денежные оклады были в то время самыми высокими в гарнизоне.

Не позднее сентября 1629 г. в Енисейский острог прибыл атаман Иван Галкин. Во всяком случае, в окладной книге 1629/1630 г. его имя уже присутствует,⁵⁶ а зимой этого же года он возглавлял поход отряда енисейцев в район Канского острога на князцов Сота и Каяна.⁵⁷ В исторической науке закрепились точка зрения, что его отец, Алексей Галкин, будучи соратником Ермака, более тридцати лет прослужил атаманом в Березове. Однако Я. Г. Солодкин, изучая документы Березова конца XVI — начала XVII в., пришел к выводу, что это не совсем верная информация. Вероятнее всего, А. Галкин мог быть соратником Ермака, но не атаманом. Атаманом он, скорее всего, стал уже во втором десятилетии XVII в., когда служил в Мангазее в качестве березовского годовальщика.⁵⁸ Эта информация почерпнута из челобитных Ивана и Осипа Галкиных, которые, ссылаясь на службу отца, стремились получить командные должности и высокие оклады. Сведения из их челобитных затем закрепились в различной документации XVII в. Обстоятельства длительной атаманской службы основателя династии Галкиных напоминают ситуацию с длительной службой атаманом М. Перфирьева, изложенную в челобитных его потомков.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 289. Л. 54.

⁵⁵ Сборник документов по истории Бурятии. С. 175–186.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 305, 313.

⁵⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 422–423, 440.

⁵⁸ Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: Очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018. С. 90–96, 102–105.

Судя по всему, прибыв в Енисейский острог, И. Галкин был поверстан в оклад В. Тюменца (выше говорилось, что в оклад В. Тюменца был поверстан М. Перфирьев, но с его назначением подъячим в «полк» Я. Хрипунова этот оклад освободился, и в него вскоре поверстали Галкина), так как его первоначальное денежное жалованье было 16 руб., и являлось на тот момент самым большим в енисейском гарнизоне.⁵⁹

Очень скоро оклад государева денежного жалованья И. Галкина начал расти. За упоминавшийся выше успешный поход на Лену в 1630/1631 г., когда им было привезено огромное количество пушнины — только в качестве ясака его людьми было собрано на Лене и Алдане 2600 соболей,⁶⁰ — его денежный оклад был увеличен на два рубля и достиг 18 руб. Решение об этом принималось в Приказе Казанского дворца, когда сам атаман Галкин с группой ходивших с ним на Лену енисейцев привез эту пушнину в Москву. «Мяжкую рухлядь» атаман Галкин доставил в Приказ 13 марта 1632 г.⁶¹ А уже 30 апреля 1632 г. в Енисейский острог воеводе Ждану Васильевичу Кондыреву из Приказа отправляется грамота, по которой ему предписывается сделать соответствующее исправление в енисейских окладных книгах денежного жалованья: «А прибавочное жалованье два рубли атаману Ивану Галкину велеть исправить в енисейской окладной книге имянной и вперед ему давати наше денежное жалованье с тою с новою прибавкою по осмнатцати рублей на год с иными енисейскими служилыми людьми, которые с Галкиным ходили».⁶²

Выше говорилось, что после своего похода на Лену, усилив свои позиции в гарнизоне, И. Галкин решил пристроить в Енисейском остроге в чине атамана своего младшего брата Осипа. В результате действий И. Галкина в Москве в 1634 г. из Приказа в Енисейск была отправлена грамота воеводе Племянникову о верстании О. Галкина на место М. Перфирьева «...у ссыльных людей, которые с Москвы и из Томского в Енисейской острог в службу ссыланы» и в его же оклад.⁶³ В итоге в енисейском гарнизоне появляется новое подразделение — «ссыльные русские люди атамановы станицы Осипа Галкина».⁶⁴ Атаман О. Галкин стал возглавлять отряды служилых людей, ходивших на Лену. При этом, как говорилось выше, своей должности лишился не только атаман М. Перфирьев, но и стрелецкий сотник П. Бекетов.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 311–318.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 390.

⁶¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 384 об., 504.

⁶² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 402–403.

⁶³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 34–35.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–118, 186–200.

Устранив при помощи брата со своего пути М. Перфирьева как конкурента в борьбе за место атамана, О. Галкин решил вскоре пойти дальше — его уже не устраивал тот оклад государева жалованья, которое он получал вместо М. Перфирьева. 19 января 1638 г. Осип подает в Сибирском приказе еще одну челобитную, в которой просит поверстать его брата Ивана на место сына боярского Парфена Ходырева, который создал своими действиями много проблем сибирской администрации во время пребывания в Якутии и на которого уже поступили жалобы от представителей различных групп населения Енисейского уезда и от якутских князьев.⁶⁵ Надо полагать, Галкины знали об этом. Себя О. Галкин просит поверстать в оклад своего брата Ивана.⁶⁶ В челобитной, обосновывая свое право в повышении жалованья, О. Галкин пишет, что его отец служил «на Березове городе тридцать лет отоманскую службу». Кроме того, отец «под Москвою и в Ярославле служил и многие языки имал». Очень вероятно, что содержание этой челобитной и сформировало мнение о тридцатилетней службе А. Галкина атаманом в Березове.

Эта интрига оказалась безуспешной — на этот раз братья Галкины остались на своих окладах. По окладной книге 1636/1637 г. атаман И. Галкин имел по-прежнему денежный оклад 18 рублей, а атаман О. Галкин получал, как ранее М. Перфирьев, 10 рублей.⁶⁷ Но в окладной книге 1642/1643 г. И. Галкин уже имел денежный оклад в 20 руб.⁶⁸ К 1648 г. он состоял в чине сына боярского.⁶⁹

Документальные источники первых десятилетий существования енисейского гарнизона свидетельствуют, что оклады государева жалованья служилой аристократии в это время не просто оставались индивидуальными. Их размеры в значительной степени зависели от личных качеств получавших их людей, от их деловой активности, от способностей, которые они демонстрировали на военном и административно-управленческом, а иногда и на дипломатическом поприще. При этом немаловажную роль здесь играли и личные отношения представителей служилой аристократии с возглавлявшими Енисейский уезд воеводами.

⁶⁵ Бродников А. А. Енисейский сын боярский Парфен Ходырев // Гуманитарные исследования: Итоги последних лет. Сборник тезисов научной конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 1997. С. 66–69.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 22–22 об.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–100 об.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 49 об.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 307. Л. 161.

Список литературы

- Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 400 с.
- Банников А. Г.* Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1949. 52 с.
- Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 252–296.
- Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. М., 1959. С. 7–192.
- Бояришинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950. С. 23–210.
- Бродников А. А.* Енисейск и Енисейский уезд: Очерки из истории XVII в. Новосибирск, 2019. 382 с.
- Бродников А. А.* Енисейский сын боярский Парфен Ходырев // Гуманитарные исследования: Итоги последних лет. Сборник тезисов научной конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 1997. С. 66–69.
- Бродников А. А.* О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 11–19. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 24).
- Бродников А. А.* Сибирский служилый человек Максим Перфи́рьев: Опыт биографического исследования // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 213–227.
- Вершинин Е. В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.
- Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. 281 с.
- Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. XXXVI, 196, XX с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. 796 с.
- Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. 256 с.
- Покровский Н. Н.* Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24–61. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып.12]).
- Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX века. М., 1978. 258 с.

Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII в. Якутск, 1967. 96 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. 493 с.

Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: Очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018. 142 с.

Л. Д. БОНДАРЬ¹, О. А. КРАСНИКОВА²

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

² Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ РИСУНКИ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА ИЗ РАЙОНОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ И ПРИБАЙКАЛЬЯ

В статье представлен картографический материал из Енисейской Сибири и Прибайкалья из фонда первого исследователя Сибири Даниэля Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735), хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН). Из рассматриваемого региона происходит 21 картографический документ, одна часть которых — полноценные карты, созданные на основе карт С. У. Ремезова, другая часть была получена Д. Г. Мессершмидтом от картографов в Сибири, третья изготовлена самим путешественником. В настоящей публикации основное внимание уделено четырем картографическим зарисовкам, оставленным путешественником на страницах своего путевого дневника 20 июня 1723 г., 29 июля 1723 г., 11 сентября 1723 г. и 2 июля 1725 г. Особое внимание путешественник уделял речным путям, подробно фиксируя в румбах и верстах свой маршрут и особо отмечая возможности его сокращения. Именно такие случаи были отражены в картографических зарисовках, помещенных внутри поденных дневниковых записей.

Ключевые слова: Даниэль Готлиб Мессершмидт, картографический материал, путевой дневник, Енисейская Сибирь, Прибайкалье

К картографическому материалу первого ученого — исследователя Сибири Даниэля Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735), хранящемуся в личном фонде Д. Г. Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, российские академики обращались уже в XVIII и XIX вв. Так, Александр Федорович Миддендорф (Alexander Theodor von Middendorff; 1815–1894) при публикации в 1860 г. карты С. У. Ремезова сообщал об измерениях Д. Г. Мессершмидта, указывая, что его астрономические определения были для своего времени очень точны: ошибка составляла от 1 до 5 градусов.¹

Однако предметом внимательного изучения карты Д. Г. Мессершмидта становятся только в 1930–1940-е гг., когда среди научных направлений в СССР одним из наиболее заметных стало изучение истории открытия и освоения Сибири, Дальнего Востока и Камчатки; именно тогда особое значение приобрела история отечественной картографии. Так, одна карта сибирского картографа Семена Ульяновича Ремезова (1642–1721), прямо положенная в основу карты

¹ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. СПб., 1860. С. 55.

© Бондарь Л. Д.,

Красникова О. А., 2025

DOI: 10.31518/3034-2597-2025-2(44)-11

Д. Г. Мессершмидта,² впервые была опубликована в 1939 г. в журнале «Глобус» — географическом ежегоднике для детей, выходившем под редакцией видного отечественного географа Ю. М. Шокальского.³ Первая научная публикация карты С. У. Ремезова («Карта местности по системе р. Тобол...») состоялась в 1940 г.,⁴ что и позволило, вероятно, вскоре обратить внимание ученых на связь между этими документами.⁵ После этого карты из фонда немецкого путешественника стали объектом исследований отечественных историков, в числе которых необходимо назвать имена А. И. Андреева,⁶ Л. С. Берга,⁷ В. Ф. Гнучевой,⁸ А. В. Ефимова,⁹ М. Г. Новлянской.¹⁰ В 2022 г. сибирский картографический материал из фонда Д. Г. Мессершмидта был наконец опубликован в полном объеме (второе издание с измененным названием вышло в 2023 г.);¹¹ в книге представлены картографи-

² О копиях карт С. У. Ремезова в картографических материалах Д. Г. Мессершмидта см.: Красникова О. А., Бондарь Л. Д. Карты Д. Г. Мессершмидта // Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России: Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. 2-е изд. СПб., 2023. С. 12–15.

³ Глобус: Географический ежегодник для детей. 1939. № 33. М.; Л., 1940.

⁴ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В. Ф. Гнучева. М.; Л., 1940. С. 25–28.

⁵ Красникова О. А. О картах Сибири XVIII в. С. У. Ремезова и Д. Г. Мессершмидта // «Гордиться славою своих предков...»: Материалы XXXVI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 15 октября 2020 г. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 123–129.

⁶ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век: Первая половина. М.; Л., 1965. С. 32–45.

⁷ Берг Л. С. Первые карты Камчатки // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т. 75. Вып. 4. С. 3–7.

⁸ Гнучева В. Ф., Черников А. М. О работах Архива по изучению экспедиционной деятельности Академии наук // Вестник АН СССР. 1935. № 10. С. 46–52.

⁹ Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане: Первая половина XVIII в. М., 1948. С. 72, прим. 1; Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. С. 87, прим. 1; Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 142, прим. 32; Ефимов А. В. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII вв. // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1949. С. 773.

¹⁰ Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970; Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966.

¹¹ Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России: Топография Сибири XVIII в. в графических документах Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. СПб., 2022. С. 11–107; Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России: Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. 2-е изд. СПб., 2023. С. 11–107.

ческие документы, однако детальное изучение и описание каждого из них должно стать предметом отдельных исследований. В настоящей публикации остановимся на тех материалах, которые касаются отрезка маршрута путешественника, пролежавшего по Енисейской Сибири и Прибайкалью.

На Енисее Д. Г. Мессершмидт оказался уже в первый год своего большого сибирского путешествия, начавшегося 1 марта 1721 г. в Тобольске. 9 августа 1721 г. он отправился из Кузнецкого и 6 сентября (или чуть позже)¹² добрался до впадения реки Абакан в Енисей. Далее его путь пролегал через Абаканский острог, Красноярск, где у него была зимовка (с конца февраля до середины мая), Ачинск, Мангазею, далее вверх по Нижней Тунгуске и в Иркутск, где он также оставался на зимовку (декабрь 1723 г. — февраль 1724 г.). В марте 1724 г. Д. Г. Мессершмидт пересек Байкал и сразу отправился в сторону Нерчинска. Вновь в Прибайкалье Д. Г. Мессершмидт оказался весной 1725 г., два с половиной месяца находился в Иркутске и затем по Ангаре двинулся в Енисейск, куда прибыл 14 июля, а уже 15 августа 1725 г. выехал оттуда, отправившись дальше на запад: через Кеть — в Обь. То есть в рассматриваемом районе Д. Г. Мессершмидт пребывал 2,5 года при движении вглубь Сибири и менее полугода — на обратном пути.

Известно, что архив Д. Г. Мессершмидта сохранился далеко не полностью, многое было утрачено.¹³ Надо полагать, что в значительной степени это касается картографического материала. В личном фонде ученого в СПбФ АРАН сохранилось в общей сложности чуть более пяти десятков картографических документов разного харак-

¹² Маршрут путешественника может быть детально восстановлен по сохранившемуся путевому дневнику (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1–5), однако в 1721 г. записи вел Филипп Иоганн Табберт, в дворянстве фон Страленберг (Philipp Johann Tabbert, von Strahlenberg; 1676–1747) — спутник ученого из числа тобольских каролинов, и в сентябре 1721 г. путешественники двигались обособленными путями, поэтому описание дороги Д. Г. Мессершмидта в дневник не попало. Между тем его собственный маршрут находим в итоговой «отчетной» рукописи Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata», где имеется раздел «Hodogeticum sive Consignationes susceptorum per Sibiriam qua late patet itinerum anniversariae» («Описание маршрута, или годовичные записи путешествий, предпринятых по просторам Сибири»); СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 16–55 об. Опубликовано: «Hodogeticum, etc.» / Публ. В. Лефельдта // «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. 2-е изд., испр. СПб., 2023. С. 78–109. Однако особенность рукописи такова, что все восьмилетнее путешествие поделено на 130 поездок разной продолжительности, а записи представляют собой простой перечень топографических объектов, которые миновал путешественник; для каждой поездки указана только дата ее начала и окончания, о времени же прибытия в те или иные пункты, перечисленные внутри записей, сведений нет.

¹³ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готтлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. С. 47–54.

тера, что немного для восьмилетнего путешествия. Лишь часть из них — полноценные карты, среди которых одни созданы на основе карт «Чертежной книги Сибири» и «Служебной чертежной книги» Семена Ульяновича Ремезова (13 карт начерченных на основе ремезовских и один фрагмент — копия карты С. У. Ремезова), другие получены Д. Г. Мессершмидтом от картографов в Сибири (8 карт), третьи — изготовленные самим путешественником (27 документов).¹⁴

Но для рассматриваемых территорий, на которых путешественник в общей сложности провел около трех лет, это довольно значительная цифра — 21 картографический документ, то есть почти 50 % документов в той или иной степени отображают этот регион.

На копиях ремезовских карт и картах геодезистов рассматриваемый регион представлен на семи документах: карта Енисейской провинции, карта Иркутского, Удинского и Селенгинского уездов, карта Красноярского уезда, карта северо-восточной части Азиатской части континента Евразии с огромной территорией от Енисея до Чукотского носа, карта местности между Абаканом, Красноярском и Енисейском и слиянием рек Аргуни и Шилки, карта местности между Камой и Енисеем, карта главных рек Восточной Сибири (с указанием «Пи-сала Лука Нечаевской»).¹⁵

В исследовательском отношении больший интерес представляют картографические чертежи, сделанные самим путешественником. Значительная их часть — это схематические внесмаштабные зарисовки (часто локальные) водосборов крупных рек, которые сохранились либо в виде самостоятельных документов, либо в виде небольших рисунков в путевом дневнике.

Рассматриваемый регион представлен на следующих картографических документах, автором которых был сам Д. Г. Мессершмидт: карта реки Иркут с притоками и верховья реки Лены с наметкой очертания «Байкал моря», схематическая карта течений рек Обь и Енисей, схематический чертеж реки Хатанги и др., схематический чертеж водосбора реки Лены в верхнем течении, схематический чертеж пространства, где протекают реки Обь и Енисей, до впадения их в Северный Ледовитый океан.¹⁶

Каждая из этих карт заслуживает отдельного описания и исследования — так же, как в свое время были описаны документы с картографическими чертежами, находящиеся среди разрознен-

¹⁴ Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России... 2-е изд. С. 15–17.

¹⁵ Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России... 2-е изд. С. 18–21, 30–33, 46–49, 54–55, 66–71.

¹⁶ Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России... 2-е изд. С. 78–83, 86–89.

ных черновых заметок, собранных в архивное дело, озаглавленное «Лингвистические материалы»¹⁷ и имеющее историческое название «Collectanea Messerschmidiana».¹⁸ К региону Енисейской Сибири относятся три чертежа, изученные и интерпретированные ранее: чертеж участка Нижней Тунгуски, пройденный 1–2 сентября 1723 г.,¹⁹ чертеж участка пути, пройденного по Нижней Тунгуске на следующий день — 3 сентября 1723 г.,²⁰ а также путевые записи (с бурятским словником) и картографический чертеж, сделанные 12–16 декабря 1723 г., когда Д. Г. Мессершмидт поднимался по Лене, а далее спустился вдоль Куды к Иркутску.²¹

На двух чертежах находим байкальский берег. Один из них, составленный в марте 1725 г., фиксирует предполагаемое место нахождения горячего ключа при впадении Баргузина в Байкал. Вопрос горячих ключей интересовал путешественника, он пытался планировать поездку туда во время первой зимовки в Иркутске, а также на обратном пути, отправляясь из Удинска на запад. Тогда-то он и получил от информанта сведения о горячем ключе и зарисовал место его нахождения.²² Еще один, плохо читаемый, документ, составленный в конце 1723 г., содержит очень схематическое изображение берега Байкала, с истоком Ангары и верховьями Лены.²³

В настоящей публикации уделим внимание тем небольшим картографическим схемам, которые были оставлены путешественником на страничках дневника, среди поденных записей.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39.

¹⁸ Зорин А. В., Бондарь Л. Д., Сизова А. А., Вязова Т. А., Иванов В. П. «Collectanea Messerschmidiana»: Краткая опись // *Isidis Sibiricae xenium*: К 80-летию профессора Вернера Лефельдта. СПб., 2023. С. 254–289.

¹⁹ Bondar L., Čivtajeв Ju. Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // *Aus Sibirien* — 2019: Научно-информационный сборник. Тюмень, 2020. С. 24–31; Бондарь Л. Д., Чивтаев Ю. И. О двух картографических рисунках Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 222–232.

²⁰ Bondar L., Čivtajeв Ju. Über einige kartographische Zeichnungen...; Бондарь Л. Д., Чивтаев Ю. И. О двух картографических рисунках...

²¹ Бондарь Л. Д. Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 199–213.

²² Бондарь Л. Д., Красникова О. А. Даниэль Готлиб Мессершмидт в Забайкалье: Картографические материалы в архивном наследии // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 1. С. 81–82; Бондарь Л. Д. Первый ученый-исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт и его пребывание в Прибайкалье // Развитие жизни в процессе абиотических изменений на Земле: Материалы IV Всероссийской научно-популярной конференции, посвященной 30-летию юбилею Байкальского музея СО РАН, 25–29 сентября 2023 г., пос. Листвянка, Иркутская область. Иркутск, 2023. С. 262–263.

²³ Бондарь Л. Д. Рабочие зарисовки... С. 212.

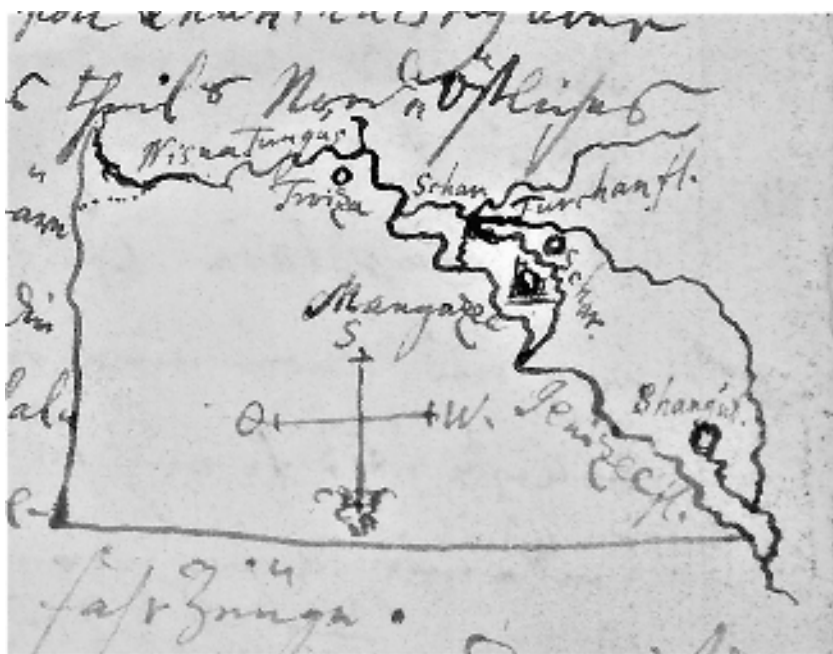

Рис. 1. Чертеж положения города Мангазеи из дневниковой записи за 20 июня 1723 г. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 110

Первый чертеж из рассматриваемого региона находим в дневниковой записи за 20 июня 1723 г. Двигаясь по Енисею, Д. Г. Мессершмидт 16 июня достиг Мангазеи (Toro-chanskoi- oder Mangazeeiskoi-gorod), где оставался до 24 июня. 20 июня путешественник беседовал со священником (Роре) из Хантайской слободы (Chantheisky-Powos oder Slabode),²⁴ который дал сведения о пути до Северного Ледовитого океана: «Река Енисей идет от Мангазеи до Хантайской слободы все время на северо-запад. От Хантайской же слободы до океана имеет частично северное, частично — северо-восточное направление. Положение города Мангазея можно видеть на прилагаемом плане».²⁵ Так, на рисунке (рис. 1), ориентированном по югу, как показывает простая компасная картушка, видим реку Енисей (Jenizee fl[umen]), его притоки — Нижнюю Тунгуску (Nisna Tungus), Турухан (Turchan fl[umen]), протока Шар (Schar),²⁶ Свято-Троицкий монастырь при

²⁴ Хантайская слобода возникла на месте зимовья в 1626 г.; в дневнике сообщается, что она состояла из 4 домов.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 110.

²⁶ На плане, начерченном во время Второй Камчатской экспедиции, названа «Енисейский шар»; сегодня — Большой шар.

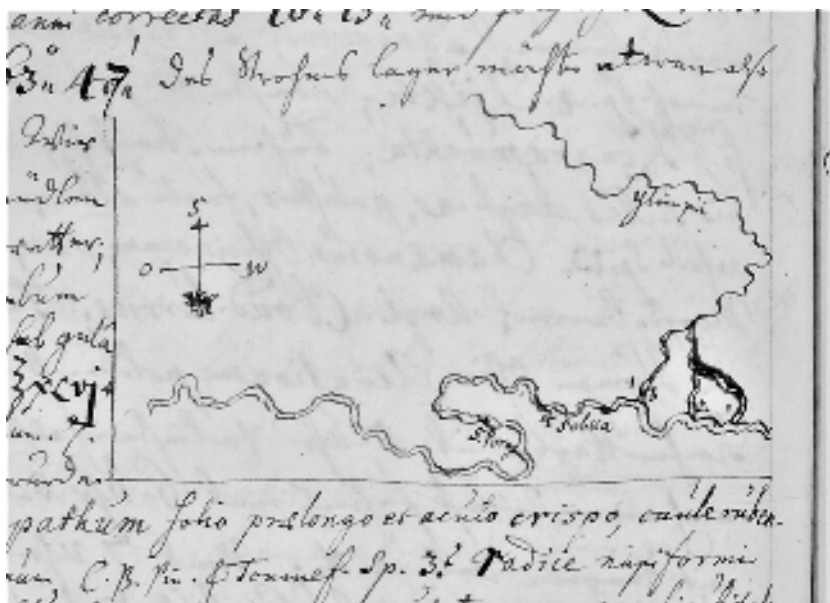

Рис. 2. Зарисовка устья реки Илимпей и участка Нижней Тунгуски из дневниковой записи за 29 июля 1723 г. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 142 об.

впадении Нижней Тунгуски в Енисей (Troiza). На острове, образованном Енисеем и протокой Шар, показана Мангазея (Mangazea). На чертеже нанесен также топоним Shangut (или Changut?), который не удалось идентифицировать. Так, по сведениям информанта, из Мангазеи можно было при попутном ветре за четверо суток по воде добраться до Хантайской слободы, затем за три недели — до устья реки Гольчиха, а оттуда за трое суток — до побережья океана. В противном случае дорога занимает 7–8 недель.

Чуть больше, чем через месяц, 29 июля 1723 г., в дневнике появилась зарисовка устья реки Илимпей (рис. 2) — левого притока Нижней Тунгуски (изображение ориентировано по югу). В этом месте Д. Г. Мессершмидт находился два дня (28 и 29 июля), подробно описав дельту этой реки с тремя протоками, образующими острова. Двигаясь далее (поднимаясь) по Нижней Тунгуске (на схеме не подписана), путешественник миновал Юстинину сопку (Justinyna-Sobka) по левому берегу (по направлению движения) и достиг Юстинина порога (Justinyna-Porog). Д. Г. Мессершмидт описал тот изгиб, или петли, меандры на этом отрезке русла Нижней Тунгуски: через некоторое время после того, как Д. Г. Мессершмидт со спутниками миновал сопку, русло реки развернулось к западу и 2–3 версты она текла

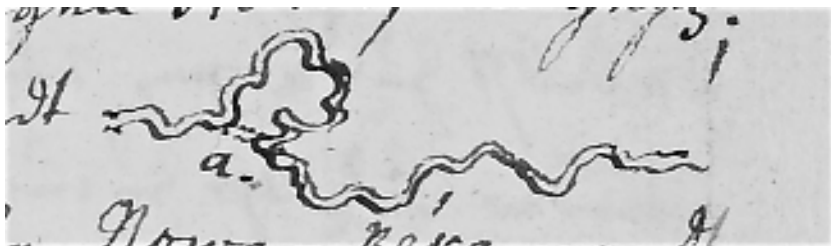

Рис. 3. Зарисовка протоки Нижней Тунгуски из дневниковой записи за 11 сентября 1723 г. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 176

в этом направлении, затем повернула на север и далее снова взяла восточное направление. Когда путешественники оказались на пороге, сопка находилась к юго-западу от них. На пороге Д. Г. Мессершмидт произвел градусные измерения, определив его широту как $63^{\circ}47'$; измерив *elevationem poli* (возвышение полюса),²⁷ нашел полуденную высоту солнца (*Solis altitudinem meridianam*) — $42^{\circ}28'$; магнитное склонение (*Magnetis declinatio*) было немного на восток (*occidentel*), склонение солнца, согласно исправленным таблицам Лохмана²⁸ (*Solis declinatio juxta tabulas Lochmanni correctas*), — $16^{\circ}15'$. Эти два пункта Д. Г. Мессершмидт также нанес на свой чертеж: под цифрой 4 — сопка (*Sobka*), под цифрой 5 — порог (*Porog*). Цифрами «1», «2» и «3» на чертеже обозначены рукава Илимпеи.²⁹

По прошествии полутора месяцев Д. Г. Мессершмидт продолжал движение по Нижней Тунгуске. 11 сентября 1723 г. он зарисовал на странице дневника участок этой реки (на чертеже ее название не подписано), обозначив маршрут, позволявший экономить время в пути (рис. 3). Д. Г. Мессершмидт со спутниками миновал плес, названный *Rossolnie*, затем, двигаясь на юго-юго-восток, достигли небольшого зимовья на иркутской стороне (называвшееся, как понял путешественник, *Pankraschina*³⁰). Движение продолжилось в направлении на юго-восток, затем — на восток и северо-восток. Далее путешественник записал в дневнике: «Так как река здесь по правую руку нашего движения сделала протоку (*Protoka*), которую они [местные жители]

²⁷ Этот термин употребляется в описании вычислений широты местности по показаниям квадранта. Процесс определения широты местности включал в себя выяснение места нахождения наблюдателя по отношению к точке полюса мира на небесной сфере, так как полюс мира находится приблизительно в точке нахождения Полярной звезды, а угловое «возвышение полюса» (то есть угол между горизонтом и Полярной звездой) примерно равен широте местности.

²⁸ Вольфганг Лохман (Wolfgang Lochmann; 1594–1643).

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 142 об.

³⁰ Панкратино зимовье.

называли Новая река (Nowa-Reka), мы свернули на более короткий путь направо и благодаря этому смогли сэкономить пару часов».³¹ Ю. И. Чивтаев в одной из своих публикаций провел идентификацию топонимов этой местности и выяснил, что в том месте «по правому берегу Нижней Тунгуски есть озеро с названием Старая река,³² и очертания местности полностью соответствуют рисунку Мессершмидта». «Конечно, — продолжает Ю. И. Чивтаев, — это микротопоним, но педантичный и точный во всем Д. Г. Мессершмидт не мог оставить его без внимания, прозорливо объяснив происхождение его названия».³³ На чертеже протока, представляющая собой кратчайший путь, обозначена пунктиром и литерой «а».

Последняя картографическая зарисовка из этого региона (рис. 4) была сделана уже на обратной дороге, во время пути от Иркутска в сторону Енисейска, который проходил по Ангаре; чертеж находится в записи за 2 июля 1725 г. Накануне, в 11.15 вечера команда Д. Г. Мессершмидта миновала место впадения в Ангару левого притока, названного в дневнике Kada-rivus ('река Када'); вероятно, это современная Кадарка (что согласуется также с указанием у Д. Г. Мессершмидта расстояния от рек Куда и Китой,

Рис. 4. Зарисовка волока на реке Ангаре из дневниковой записи за 2 июля 1725 г. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 161

которые путешественник прошел еще 25 июня).³⁴ Команда дальше продолжила путь, подробно записанный в дневнике с указанием румбов: «В 11.30 и 11.45 держали направление на северо-северо-восток; в 12 часов, в полночь, — на северо-восток-север», пройдя за истекший день 26 старых, или 52 новых версты (по подсчетам Д. Г. Мессершмидта это составляло $3\frac{3}{4}$ старых, или $7\frac{3}{4}$ новых версты в час) и значительно продвинувшись на север. С наступлением новых суток команда продолжала путь по реке. «В 12.15 пополуночи двигались

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 176.

³² Название прямо соответствует понятию «старица», под чем понимается участок прежнего участка меандрирующего русла реки, превратившееся в отдельный водоем.

³³ Чивтаев Ю. И. Топонимы Нижней Тунгуски в дневнике Д. Г. Мессершмидта как источник научной информации // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 217–218.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 148–148 об.

на северо-северо-восток; в 0.30 по полуночи — на северо-восток; в 0.45 — на северо-восток; в час — на северо-восток; в 1.15 — наконец на северо-северо-восток. В 1.30, 1.45 и в 2 часа мы шли все время на северо-северо-восток; в 2.15 и 2.30 после полуночи держали всегда на северо-северо-восток и достигли Долгопорожной деревни (Dolgorporoshna-derewna)». Здесь путешественники решили остановиться на ночевку. Д. Г. Мессершмидт проснулся в 5 часов утра, и команда немедленно, в 5.15 отправилась от деревни, названной в этом месте дневника Dolgorporoshna, или Piiena-derewna (Долгопорожная, или Ильина) и «до 5.30 и 5.45 шли на северо-северо-восток». «В 6 часов утра мы держали строго на север <...>. В 6.15 мы шли на север и потихоньку подходили к началу беспокойной воды, или подпорожью (Pod=Porog). Около 6.30 мы зашли уже на Долгий порог (Dolgoi-Porog) и держали все время на север <...>.³⁵ В 6.45 или чуть позже мы держали на север и уже пересекли порог. В 7 часов утра мы немного повернули на северо-восток и оказались в конце подпорожья (Podporog). В 7.15 мы держали все время на север; в 7.30 и 7.45 и в 8 часов — на северо-запад; в 8.15 — на северо-северо-запад; в 8.30 и 8.45 — на северо-запад-север; в 9 часов и 9.15 — на северо-запад <...>. В 9.30 и 9.45 мы двигались снова на северо-запад-север; в 10 часов — на северо-северо-запад; в 10.15, 10.30 и 10.45 — на северо-запад и в 11 часов пошли на север; в 11.15, 11.30 и 11.45 — все еще на север; в 12 часов, в полдень, — наконец на северо-восток <...>. В 12.15, 12.30 и 12.45 мы держали все время на северо-восток; в час — на северо-северо-восток; в 1.15 и 1.30 — на северо-восток и миновали здесь реку Тандаку (Tontaake-rivus) по левому берегу Ангары. В 1.45 держали направление на северо-восток-восток; в 2 часа и в 2.15 — на северо-восток-восток; в 2.30 — на восток-северо-восток, и попали в сильный дождь и грозу. В 2.45 мы шли в восточном направлении; в 3 часа — на юго-восток и восток-юго-восток; в 3.15 — на восток-юго-восток и юго-восток-восток; в 3.30 — на юго-восток и юго-восток-юг, и здесь миновали реку Шаманскую (Schamanska-rivus) по правому берегу Ангары и в 3.45 миновали Koschewinska-Schamanskaa Saymka, расположенную на острове». Устье реки Шаманской, по сообщению Д. Г. Мессершмидта, отстояло от деревни Долгопорожной, или Ильиной (Dolgorporoshna-Ilyena-derewna) на 44–45 верст, а от Долгого порога (Dolgoiporog) — на 40 старых верст. Далее от устья реки Шаманская прошли до устья речки Шаманиха на Шаманском пороге (Schamanicha fluviolus; Schamanskoi-porog) 50 старых верст, так что расстояние между Долгим и Шаманским порогом, по подсчетам Д. Г. Мессершмидта составило 90 старых, или 180 новых верст.

³⁵ Опускается описание особенностей проходимого порога.

«В 4 часа пополудни мы шли на юго-юго-восток (так как река делал здесь большую петлю <...>). В 4.15 — на юго-восток и на юг; в 4.30 — на юг, в 4.45 — на юг и оказались напротив впадения реки Мидерма (Midermah rivus)³⁶, по левому берегу Ангары, вскоре также миновали реку Dshoda (Dshoda-rivus) по тому же левому берегу; в 5 часов пополудни мы шли немного на юго-запад и юго-юго-запад; в 5.15 — снова на юго-запад и юг; в 5.30 — на юг и юго-восток; в 5.45 — на юго-юго-восток и юго-восток и оказались у реки Коркира (Korkurah-rivus) по левому берегу Ангары». Далее путешественник уточняет: «От правого же берега [Ангары] должен тянуться Wollock, или сухопутная дорога через горы к Долгому порогу (Doldoi=Porog) на юго-запад, и его длина должна быть лишь 20 верст». Именно этот короткий сухопутный маршрут Д. Г. Мессершмидт и представил на своей зарисовке, где литерой «а» обозначил Долгий порог (Dolgoi-porog), литерой «b» — место впадения Коркиры; расстояние между пунктами «а» и «b», согласно указанию Д. Г. Мессершмидта, составляло 20 верст. По поводу значка, изображенного в излучине реки путешественник уточняет, что это магнитная стрелка (Acus magnetica), т. е. свой чертеж Д. Г. Мессершмидт ориентировал по северу³⁷. Таким образом, здесь мы имеем дело еще с одним случаем аккуратной фиксации варианта более короткого пути.

Так маршрут Д. Г. Мессершмидта подробно описан в его рукописи «Nodogeticum», при этом детально отражен в его путевом дневнике. Особое внимание по понятным причинам путешественник уделял речным путям, подробно фиксируя в румбах и верстах свой маршрут и особо отмечая возможности его сокращения. Именно такие случаи были отражены в картографических зарисовках, помещенных внутри поденных дневниковых записей.

Список литературы

- Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век: Первая половина. М.; Л., 1965. 184 с.
- Берг Л. С. Первые карты Камчатки // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т. 75. Вып. 4. С. 3–7.
- Бондарь Л. Д. Первый ученый-исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт и его пребывание в Прибайкалье // Развитие жизни в процессе абиотических изменений на Земле: Материалы IV Всероссийской научно-популярной конференции, посвященной 30-летию юбилею Байкальского музея СО РАН, 25–29 сентября 2023 г., пос. Листвянка, Иркутская область. Иркутск, 2023. С. 261–264.

³⁶ Очевидно, имеется в виду река Выдорма.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 160–161.

- Бондарь Л. Д. Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 199–213.
- Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России: Топография Сибири XVIII в. в графических документах Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. СПб., 2022. 267 с.
- Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России: Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. 2-е изд. СПб., 2023. 264 с.
- Бондарь Л. Д., Красникова О. А. Даниэль Готлиб Мессершмидт в Забайкалье: Картографические материалы в архивном наследии // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 1. С. 74–85.
- Бондарь Л. Д., Чивтаев Ю. И. О двух картографических рисунках Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 222–232.
- Глобус: Географический ежегодник для детей. 1939. № 33. М.; Л., 1940.
- Гнучева В. Ф., Черников А. М. О работах Архива по изучению экспедиционной деятельности Академии наук // Вестник АН СССР. 1935. № 10. С. 46–52.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. 320 с.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. 300 с.
- Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане: Первая половина XVIII в. М., 1948. 341 с.
- Ефимов А. В. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII в. // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1949. С. 771–815.
- Зорин А. В., Бондарь Л. Д., Сизова А. А., Вязова Т. А., Иванов В. П. «Collectanea Messerschmidiana»: краткая опись // Isidis Sibiricae xenium: К 80-летию профессора Вернера Лефельдта. СПб., 2023. С. 254–289.
- Красникова О. А. О картах Сибири XVIII в. С. У. Ремезова и Д. Г. Мессершмидта // «Гордиться славою своих предков...»: Материалы XXXVI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 15 октября 2020 г. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 123–129.

- Красникова О. А., Бондарь Л. Д. Карты Д. Г. Мессершмидта // Бондарь Л. Д., Иодко О. В., Красникова О. А. Постигание России: Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. 2-е изд. СПб., 2023. С. 12–15.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В. Ф. Гнучева. М.; Л., 1940. 312 с.
- Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. СПб., 1860. [2], VII–IX, 188, XI с.
- Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. 184 с.
- Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966. 95 с.
- Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. 168 с.
- Чивтаев Ю. И. Топонимы Нижней Тунгуски в дневнике Д. Г. Мессершмидта как источник научной информации // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 217–218.
- Bondar L., Čivtajev Ju. Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // Aus Sibirien – 2019: Научно-информационный сборник. Тюмень, 2020. С. 24–31.
- «Hodogeticum, etc.» / Публ. В. Лефельдта // «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. 2-е изд., испр. СПб., 2023. С. 78–109.

М. Н. Климова

Научная библиотека Томского государственного университета

АКАКИЙ БАШМАЧКИН, МАКАР ДЕВУШКИН и дьякон АХИЛЛА

О НЕКОТОРЫХ ИМЕНАХ ГЕРОЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Одним из популярных приемов использования агиографических материалов светскими авторами является введение житийных аллюзий в описание вымышленного персонажа. Важным источником при создании его художественного образа может стать имя, данное ему автором, особенно редкое или необычно звучащее. Искусно подобранное имя литературного героя дает возможность подчеркнуть его основные черты, намекнуть на скрытый духовный потенциал и внутренние противоречия описываемой личности, даже предсказать ожидающие его потрясения и метаморфозы. В ряду мастеров русской классической прозы XIX века как виртуозы литературной ономастики проявили себя Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков. Их искусство в этой области и некоторые индивидуальные приемы каждого автора показаны на конкретных примерах из их произведений. В статье анализируются имена некоторых персонажей «Шинели», «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» Н. В. Гоголя, «Бедных людей», «Хозяйки» и «Идиота» Ф. М. Достоевского, «Соборян» и рассказов о праведниках Н. С. Лескова. Отмечен также уникальный для художественного мира И. С. Тургенева случай обращения к житийному материалу в романе «Отцы и дети». Для анализа были отобраны сложные случаи, когда при выборе имен персонажа писатель использовал не только житийные тексты, но и материалы религиозного и светского фольклора, учитывал значение, звучание, «народную этимологию» имени и так далее. Упомянуты в статье и некоторые наблюдения по русской литературной ономастике XX века.

Ключевые слова: христианство и литература, русская литература, агиография, жития святых, литературная ономастика, этимология, имена литературных героев

В ряду приемов использования агиографических материалов русскими писателями классического периода было весьма популярным введение житийных аллюзий для характеристики героев светского произведения. В античных риториках похожий прием, состоявший в сопоставлении описываемого персонажа с известной исторической или легендарной личностью, именовался синкрисисом.¹ В текстах христианской литературы похожие на синкрисис случаи замечены с самых первых ее веков. Создавая жития новых подвижников, агиографы ориентировались на биографии их предшественников, схожих

¹ Фрайданк Д. Литературный прием синкрисиса в трех древних славянских текстах // Исследования по древней и новой литературе. М., 1987. С. 224–228. В согласии с мнением этого автора, что античный термин не следует безоговорочно применять к явлениям иных эпох, мы далее используем слово «синкрисис» с известной долей условности.

с ними видом духовного подвига или чаще тезоименитых новоявленному святому.

Переходя к практическому применению «синкрисиса» русскими классиками, подчеркнем, что далее речь пойдет лишь о использовании его в литературной ономастике, то есть при подборе имен вымышленных персонажей. По этому вопросу уже накоплен обширный материал. Так, давно замечены и получили известность авторские сопоставления Алеши Карамазова с Алексеем человеком Божиим,² Марьи Лебядкиной с Марией Египетской,³ Павла Чичикова с апостолом Павлом.⁴ Во всех этих случаях исследователь имел дело с популярными в православной среде именами, каждое из которых в месяцеслове носят несколько святых. Реже изучались случаи, когда литературный герой волею автора получал имя редкое и необычно звучащее, хотя некоторые из русских классиков явно испытывали к таким именам «влечение, род недуга». Для читателей XIX века, повседневная жизнь которых была организована по церковному календарю, связь персонажа с его святым тезкой была очевидной. Далее будет разобрано несколько показательных примеров из сочинений русских классиков, в которых личное имя персонажа явно соотносится с его характеристикой и поведением. Учитываются при этом и разные связи данного имени. Например, помимо канонической агиографии, привлекались фольклорные материалы или обыгрывались значение, звучание, «народная этимология» имени и так далее.

Виртуозом литературной ономастики в русской словесности XIX века был Н. В. Гоголь. Яркий пример сложной ономастической игры в его творчестве — имя главного героя «Шинели», Акакия Акакиевича Башмачкина. Необычен в повести уже самый выбор его.⁵ Родился герой Гоголя «против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта», и его матери при крещении ребенка было предложено по святцам на выбор три имени, ей, впрочем, не понравившиеся: Мокий, Соссий и Хоздазат. Не лучше оказались и другие предложения: Трифиллий, Дула, Варахасий, Павсикакий и Вахтисий. «Видно, его такая судьба», — вздохнула госпожа Башмачкина, решив назвать сына именем его отца, к тому времени, кажется, умершего, поскольку

² Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». М., 1977. С. 168–192.

³ Смирнов И. П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 212–217.

⁴ Гольденберг А. Х. «Житие» Павла Чичикова и агиографическая традиция // Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX — начала XX в. Горький, 1981. С. 111–118.

⁵ Цит. по изд.: Гоголь Н. В. Шинель: Повести. Л., 1976. С. 278.

упомянут он ею в прошедшем времени.⁶ Все познается в сравнении, и имя Акакий на фоне списка имен-монстров уже не кажется читателю странным и «выисканным», а его «возведенное в квадрат» повторением имени отца придает ему значение привычной родовой судьбы.

Для достижения этого эффекта Гоголь прибегнул к одной из своих календарных мистификаций.⁷ Ведь специально отобранные им из святцев редкие и неблагозвучные имена стоят там не вместе и не очень близко от дня рождения младенца (так, именины Мокия, Соссия и Хоздазата (Хусдазата)⁸ отмечаются 11 и 4 мая и 17 апреля). Святые же с именем Акакий упомянуты в календаре более десяти раз (в том числе 17 апреля, в один день с мучеником Хоздазатом). Популярность этого имени, возможно, вызвана его благочестивой этимологией (*греч.* 'не делающий зла, незлобивый, невинный'). Этимология имени явно соответствует характеру персонажа, а звучание его, одновременно смешное, не вполне приличное и «детское», дополняет читательское восприятие героя новыми оттенками.

Наконец, жизнь и смерть героя «Шинели» сложно соотносятся с житием одного из его святых тезок, преподобного Акакия Синайского (день памяти 29 ноября), рассказ о котором есть в «Лестнице». На протяжении большей части повести Акакий Башмачкин подражает поведению своего святого тезки, безропотно сносившего немилостивое отношение к себе наставника (как и гоголевское «значительное лицо», этот наставник после смерти обиженного им Акакия испытал угрызения совести и раскаялся). Но финал «Шинели» (бунт «маленького человека» в предсмертном бреде и его порожденное молвой загробное инобытие в облики призрака-мстителя) явно противопоставлен своему духовному источнику. Ведь Акакий Синайский и за порогом земного существования продолжал являться на зов монастырского начальства и служить ему. Разные оттенки восприятия имени этого персонажа не раз привлекали внимание исследователей. Нам же особенно интересна именно множественность мотивации данного ономастического выбора Гоголя. Весомость этого выбора

⁶ То, что сама она в этом отрывке дважды названа «покойницей» и «старухой», возможно намекает на скорое сиротство юного Акакия.

⁷ Другая авторская мистификация этого рода приурочивает приезд Хлестакова в городок N ко дню несуществующего святого Василия Египтянина. Возможные объяснения этому см.: Рубин Ю. Когда приехал ревизор? Каламбур Николая Гоголя // Страницы: Журнал библейско-богословского института ап. Андрея. 2001. № 62. С. 283–290; Макшеева Н. В. Смысловая функция упоминания имени «святого» в «Ревизоре» Н. В. Гоголя // VIII Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном процессе: Осмысление свободы и ответственности молодежи. Тара, 5 апреля 2019 г. СПб., 2019. С. 144–147.

⁸ Упомянут в списке погибших вместе с Симеоном, епископом Персидским. Здесь и далее дни памяти святых указаны по юлианскому календарю (по старому стилю).

подчеркнута еще и тем, что Акакий Башмачкин (за исключением портного Петровича, к которому мы еще вернемся) — единственное из основных действующих лиц «Шинели», названное по имени.⁹

Но раннему творчеству Гоголя такое экономное использование ономастических средств было не свойственно. Напротив, шумный и пестрый мир двух его первых сборников перенаселен персонажами, почти каждый из которых, независимо от степени его участия в действии, наделен личным именем (например, «старый Каленик») или родовым прозвищем («атаман Вывихвист»), а зачастую и тем и другим сразу. Типичный пример тому — Степан Иванович Курочка, известный читателям «Вечеров...» лишь как рассказчик оборванной на полуслове истории Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки Василисы Кашпоровны Цупчевской. Большинство фамильных прозвищ здесь откровенно комичны, что стало даже своеобразным «фирменным знаком» Гоголя. Но и пожилой казак Свербигуз, и оба солидных миргородских обывателя, Иван Перерепенко и Иван Довгочхун, и юный Грицко Голопупенко гордо несут по жизни свои смешные клички — знак их принадлежности почтенным казачьим родам. Более того, молодой Гоголь не раз показывает трагедии положения персонажей, подобного знака не имеющих.

Таков, например, главный герой повести «Вий» — «философ», то есть бурсак предпоследнего, философского класса Хома Брут. Имя его с течением времени слегка утратило свою необычность, но первым читателям «Вия» оно, как и прозвания двух других бурсаков — «ритор Тиберий Горобець и богослов Халява», — казалось оксюмором — комическим смешением латыни с малороссийской «мовой». К тому же, в отличие от товарищей, при знакомстве гордо произносящих свои фамильные прозвища,¹⁰ у сироты Хома есть только семинарская кличка, о которой скажем чуть позже. Правда, он в утешение может, в отличие от Горобца и Халявы, крестильных имен которых мы не знаем, похвалиться собственным небесным заступником, апостолом Фомой, хотя и с несколько «сомнительной» репутацией. Во всяком случае, имя этого бурсака явно заслуживает дополнительного рассмотрения.

⁹ Лишь на периферии повести ненадолго возникает несколько персонажей, названных по именам, имеющих локальную смысловую нагрузку. Так, некрасивость крестильных имен, предложенных матери героя, усилена контрастом с привычными и простыми именами ее кумовьев — Ивана Ивановича и Арины Сергеевны. Приятельница же «значительного лица» названа таким типично немецким именем Каролина Ивановна, что ее, право, и описывать не надо.

¹⁰ Внимательному читателю «Вечеров...» даже вспомнится возможный предок одного из них — славный есаул и побратим пана Данилы из «Страшной мести».

Хотя о жизни апостола Фомы, одного из двенадцати ближайших учеников Иисуса (день памяти 6 октября), известно немного, имя его стало нарицательным («Фома неверующий» или «Фома неверный»), обозначая недоверчивого человека. Ведь, согласно двадцатой главе Евангелия от Иоанна, этот апостол отказался поверить в Воскресение Учителя, пока сам не убедился в наличии у Него ран. Намек на двойную натуру Фомы некоторые комментаторы видят и в самом его имени (*др.-евр.* כּוֹמָל 'близнец'). Неоднозначную память оставил о себе и римский «тезка» бурсака — Марк Юний Брут (85–42 г. до н. э.). Организатор и участник убийства доверявшего заговорщикам Юлия Цезаря, он надеялся этим пробудить в римлянах идеалы свободы, но поддержки у масс не нашел и, проиграв вызванную им гражданскую войну, покончил с собой. Его друг Цицерон в своих речах превозносил Брута за подчинение личных чувств общественным интересам. Данте, напротив, считал его и другого заговорщика Кассия, вкуче с Иудой Искаротом, величайшими злодеями человечества, осудив всех трех на вечные муки в ледяном сердце преисподней («Божественная комедия», «Ад», песнь 34). Значение семинарской клички злосчастного Хомя располагается где-то между этими крайностями и тоже двойится, намекая не то на его бунтарский нрав (отсюда его немалый опыт по части телесных наказаний в бурсе), не то на грубость манер этого безродного сироты (*лат.* brutus 'грубый'). Таким образом, ключ к пониманию его имени-оксюморона — идея двойственности.

«Раздвоенность» личности и стала одной из причин гибели Хомя Брута. Будущий священнослужитель, он менее всего занят мыслями о Небесном, а устремлен к земным радостям. Его и ведьма выбрала для своих утех как явного сластолюбца. Самая вера в Бога подменена в его сознании обрядоверием, основанном на убеждении, что Зло можно победить механическим выполнением набора заученных действий. Мешает решительности действий этого персонажа и зыбкость его самосознания. Ведь кто он — герой-победитель ведьмы или невольный убийца прелестной панночки, краса которой навсегда пронзила его женолюбивое сердце, — Хома так и не понял. Не помогла ему и надежда на свое родство с бесстрашными казаками, и не только из-за его сиротства, но и потому, что пошатнулось само могучее древо казачества, ибо ослабили оба державших его мощных корня — народная религиозность и товарищество «по душе, а не по крови». Это можно видеть на примере населенного казаками хутора сотника, где церковь стоит в запустении, и в ней давно не служат, а хуторяне жестоко равнодушны к судьбе казацкого сироты, с которым они так лихо пили и гуляли три последних дня его жизни. Неизбежен и трагизм развязки: смерть убитого своим же страхом Хомя и оконча-

тельная утрата оскверненного нечистью храма, откуда пришедший, наконец, священник в ужасе бежал, забыв об отпевании и похоронах бедного бурсака.

Лишен христианского упокоения и другой «не имеющий корней» герой раннего Гоголя — детоубийца Петрусь Безродный («Вечер накануне Ивана Купала»). Впрочем, в этом случае положение персонажа усугубило и данное ему автором имя. Ибо давно замечено, что в мире Гоголя большинство персонажей с именем Петр или производными от него несут на себе печать чертовщины. Показательны в этом качестве не только «Иуда-Петро» — предатель и убийца побратима из «Страшной мести» или «демон чревоугодия» Петр Петрович Петух во втором томе «Мертвых душ», но и два милейших городских помещика Бобчинский и Добчинский, оба Петры Ивановичи, ведь и их «черт попутал» заподозрить в Хлестакове ревизора. Даже угрюмый пьяница портной Петрович, бывший в родном селе просто Григорием и сменивший прозвание лишь в туманах Петербурга, из добрых, вроде бы, побуждений предлагая Акакию Башмачкину свои услуги по пошиву новой шинели, сделал это как-то вдруг, «точно его черт подтолкнул», что превратило этот благой поступок в начало цепочки событий, сгубивших гоголевского чиновника. Странная, на первый взгляд, связь имени Петр с врагом человеческого рода на деле имеет евангельские корни, восходя к словам Иисуса «Отойди от Меня, Сатана, ты Мне соблазн», сказанным Им апостолу Петру в ответ на его попытку отговорить Учителя от посещения Иерусалима в Страстную неделю (Мф. 16:23). Вырванная из общего контекста, эта цитата породила демонический образ Петра-Сатаны, ушедший в восточнославянский религиозный фольклор и, в частности, в украинские дуалистические легенды о сотворении мира, откуда его, скорее всего, и позаимствовал Гоголь. Заметим, что демонические коннотации имени Петр исследователи нашли также в произведениях Ф. М. Достоевского (Петр Петрович Лужин, Петруша Верховенский) и Андрея Белого (Петр Дарьяльский в «Серебряном голубе»). Эти наблюдения позволяют нам перейти от поистине неисчерпаемой темы «Литературная ономастика Гоголя» к аналогичным опытам других русских классиков.

По известному утверждению Ф. М. Достоевского, все русские писатели (и он сам, в том числе) «вышли из “Шинели” Гоголя». Емкое и многогранное, это утверждение применимо и к теме данной статьи — наблюдениям по литературной ономастике русской словесности XIX века. В доказательство сошлемся на, кажется, уникальный случай «синкрисиса» в творчестве И. С. Тургенева — писателя, на Гоголя непохожего. В 15 главе его романа «Отцы и дети» (1862) читатель не

без удивления узнает из уст нигилиста Базарова дату его именин — 22 июня, и деталь эта неслучайна. Церковный календарь показывает, что герой Тургенева был крещен в честь священномученика Евсевия, епископа Самосатского (IV в.), известного борьбой с арианской ересью и стойкостью в период гонений на христиан императора Юлиана-Отступника. Помимо сквозной темы мужества святого при отстаивании им своих убеждений, которое на пороге смерти проявит и тургеневский нигилист, в пространным Житии св. Евсевия есть еще одна отозвавшаяся в романе деталь — обстоятельства смерти заглавного героя. Ибо стойкий в испытаниях самосатский епископ был погублен женщиной: некая арианка бросила ему в голову с крепостной стены горшок, и полученная рана стала причиной его смертельной болезни. Говорил же Аркадию о дне своих именин Базаров по дороге в имение Анны Сергеевны Одинцовой, но жития своего «ангела» не помнил, иначе вряд ли стал бы о нем шутить.

Переходя к литературной ономастике Ф. М. Достоевского, отметим, что молодой писатель быстро миновал стадию ученического подражания Гоголю. Более всего влияние ономастических приемов автора «Шинели» заметно в именах персонажей «петербургской поэмы» «Двойник» (1846). Здесь мы найдем и отсутствующее в святцах странное имя Олсуфий, данное начальнику Голядкина, и типично немецкие «имена-эмблемы» доктора Крестьяна Ивановича Рутеншица¹¹ и некой Каролины Ивановны, оставленной, как и в «Шинели», «за кадром». В целом же имена героев Достоевского, особенно в ранний период творчества, когда молодой автор имел возможность тщательно отделять каждую деталь, при явном отсутствии вычурности, присущей ономастике Гоголя, оригинальны и содержательны. Приведем два примера из его ранних сочинений.

Имя Макара Алексеевича Девушкина, главного героя романа в письмах «Бедные люди» Достоевского (1846), как и имя Акакия Акакиевича Башмачкина, обычно звучит при упоминании «маленьких людей» русской литературы, галерею которых начал А. С. Пушкин «Станционным смотрителем». Но восприятие таких персонажей с течением времени менялось, что показал Достоевский, заставив своего героя прочитать повести Пушкина и Гоголя. Благодарно растроганный историей Самсона Вырина, Макар Девушкин «Шинель» активно не принял и даже был уязвлен в лучших своих чувствах, подозревая в отношении Гоголя к Башмачкину снисходительную насмешку. Сам же Макар Алексеевич, как и всякий человек в понимании Достоевского «есть тайна» и целый неповторимый мир. Сложность этого мира отразило имя персонажа, казалось бы, неброское и в посвященном

¹¹ Ср. с именем Христиана Ивановича Гибнера, уездного лекаря в «Ревизоре».

ему тексте оставленное без комментариев, но при внимательном рассмотрении оригинальное и содержательное. Как мы помним, основная нагрузка в прозвании героя «Шинели» приходится на его личное имя. Фамилия же его, о которой сказано только, что она «когда-то произошла от башмака», хотя Башмачкины-мужчины круглый год ходили в сапогах, лишь говорит о его потомственной заурядности. Напротив, фамилия Девушкин выразительна и многозначна, намекает и на семейное неблагополучие ее носителя (его возможную незаконнорожденность и перспективу безбрачия), и на некоторую «женственность» его натуры. Что касается его личного имени, то греческое «Макариос» («блаженный, счастливый»), некогда бывшее эпитетом Зевса, при включении в святцы слегка изменило значение. Вероятно, первый из его святых носителей, преподобный Макарий Египетский, (IV в., день памяти 19 января), согласно его Житию, был назван так из-за предсказания, что ему будет открыта тайна блаженства на земле. Предсказание сбылось, ибо, пройдя соблазны мирской жизни и искус послушания у св. Антония Великого, Макарий выработал основные принципы монашеского общежития, посвятив этому немало поучений. Житийный образ его овеян благодной любовью к людям. В русских пословицах и поговорках Макар, напротив, представляется вечным неудачником, на которого «все шишки валятся».

На первый взгляд, невысокий чином, немолодой и невзрачный герой Достоевского вполне соответствует народной репутации своего имени. Но, привыкнув к стилю его писем и вчитываясь в них, начинаешь понимать, что этот маленький человек в жалком его быту порой близок к достижению блаженной жизни, тайну которой некогда постиг его святой тезка. Ибо Макар Алексеевич вполне доволен своей Богом предопределенной участью и скромную свою работу искренне любит. Возможность же открыть душу близкому существу и поделиться с ним всем, что имеешь, и вовсе наполняет его восторгом. Другая одинокая и незащищенная душа уже готова устремиться ему навстречу, но создание рая на две души в петербургском дворе-колодце остается несбыточной мечтой. И дело не только в их бедности и даже не в безответности любви пожилого Макара к юной Вареньке (одинаковое отчество обоих намекает на возможность построения их отношений на братской основе). Точно бабочки, их души тщетно бьются о стекло взаимного непонимания, воспаленной гордости неимущих и возникающего отсюда отчуждения. Делясь с Варей последним, Макар одновременно был так унижен полученными от нее тридцатью копейками серебром, подозрительно похожими на пресловутые «30 сребреников», что от стыда запил. Она же, не понимая своего места в его жизни и не желая быть вечной обузой, точно в омут

бросившись, согласилась на брак-делку без любви, разлучающий их навсегда.

Другой пример ономастической игры раннего Достоевского — простое, вроде бы, имя Илья Мурин одного из героев повести «Хозяйка» (1847). Образ этого загадочного старика соединяет в себе черты колдуна-чернокнижника, волжского разбойника в духе Стеньки Разина и кающегося грешника в начале его покаянного пути, и все три эти лика отражены в имени героя. Несложная, на первый взгляд, фамилия Мурин содержит в себе не только имя некой Муры (уменьш. от Мария), вдовы или незамужней женщины, но и намек на возможного предка-эфиопа, прозвище смуглого человека и даже кличку-сравнение с бесом, еще одним безобразным и темнокожим существом. В православной агиографии прозвище Мурин носил «святий разбойник» преподобный Моисей (28 августа), поскольку злодеяния этого эфиопа были темнее его кожи. Но и он милостью Бога раскаялся и стал монахом, победив со временем мучившую его жажду плотских удовольствий, отчего ему советуют молиться страдающим от пьянства и «блудного беса». (Напомним, что герой «Хозяйки» состоял в блудной связи с Катериной, своей возможной дочерью.)

В то же время имя Илья, данное автором этому волжскому разбойнику, в соединении с его фамилией резко меняет направление возникающих ассоциаций, напоминая об Илье Муромце — главном герое русского богатырского эпоса, воплощающем таинственную «нутрянную» силу создавшего его народа. Но и он, согласно Преданию, окончил жизнь в Киево-Печерском монастыре, где его традиционно отождествляли с почившим в Ближних пещерах святым XII века преподобным Ильей Печерским Муромцем (19 декабря). В повести же внезапное исчезновение Ильи Мурина и Катерины оставляет финал тревожно открытым, вызывая мысли о пугающей широте и непредсказуемости русской души. Впрочем, современники эту странную повесть Достоевского не поняли и скоро забыли.

К сожалению, в текстах «Великого Пятикнижия» Достоевского такие ономастические опыты встречаются нечасто. Тем интереснее для нас редкие исключения, обычно связанные с героями второго плана. Кажется, что в своих новых романах автор утратил интерес к подобным опытам, увлеченный полифонией и борьбой идей. Не способствовала проработке имен второстепенных персонажей и вынужденная спешка при создании некоторых из них. Так, давно замечено, что в «Преступлении и наказании» одна из младших детей Мармеладовых по ходу действия из «Лидочки» превратилась в «Ленечку», возможно, сменив попутно и пол.

Приведем два не слишком заметных при чтении ономастических наблюдения из романа «Идиот» (1868). Так, при ближайшем рассмотрении личного имени Лукиан, данного автором такому неоднозначному герою как Лукьян Тимофеевич Лебедев, в нем обнаруживаются одновременно идея прозрения и намеков на лукавство носителя имени, а также память о тезоименитых ему семи святым мученикам и одном античном критике христианства. В редком же имени Ардалион, которое носит опустившийся генерал Иволгин, пьяница и патологический врун, на наш взгляд, важна не только его этимология (*греч.* 'сосуд для окропления'¹² или *лат.* 'суетливый человек, хлопотун, праздношатающийся'¹³). Внимания заслуживает и то, что единственный его святой тезка, мученик Ардалион Мимский (14 апреля) был «заигравшимся лицедеем»: изображая на потеху язычникам христианина, он так вжился в роль, что действительно уверовал и был за это казнен. Судьба генерала Иволгина, заблудившегося в мире своих фантазий и одновременно невольно ставшего в этих фантазиях рупором христианских истин,¹⁴ явно созвучна Житию св. Ардалиона. Отметим и то, что в романе Достоевского «Подросток» (1875) появится еще один тезка преподобного Макария Египетского — странник Макар Долгорукий, на этот раз, кажется, достигший блаженства, почти растворив свое «я» в каждодневном христианском служении ближнему.

Следует сказать немного и об именах некоторых героев Н. С. Лескова, писателя трудной судьбы. Непонятый современниками и ранней критикой, этот прозаик в своем творчестве постоянно не совпадал с магистральными идеями современной ему словесности. Заслуженное место классика в истории русской литературы этот оригинальный автор получил лишь к концу минувшего столетия, сначала как «чародей языка», а после как глубокий, зоркий и трезвый знаток парадоксов русской души. Это можно видеть на примере одного из центральных героев его романа-хроники «Соборяне» (1872) — трогательного и смешного богатыря в рясе: дьякона Ахиллы Десницына.

Первое же упоминание о нем удивляет читателя дерзким сочетанием языческого имени героя и его скромной церковной должности. «Гомеровское начало» в образе этого «старгородского Ахиллеса» Лесков многократно обыгрывает. Ведь его герой эпически могуч, от-

¹² Мановцев А. Свет и соблазн // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 265.

¹³ Касаткина Т. А. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Дополнения к комментариям // Достоевский: Дополнения к комментарию. М., 2005. С. 514.

¹⁴ См.: Меерсон О. Христос или «Князь-Христос»: Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 42–59.

важен, гневлив и великодушен, имеет свою «слабую пятау» (он живет «без царя в голове») и подходящее прозвище «уязвленный». Убьет же этого силача и здоровяка банальная простуда, благополучно миновавшая спасенного им из реки человека. Странное его прозвание автор «Соборян» отнюдь не выдумал, а взял из жизни, так как в 1843 г. в собор киевских святых был включен преподобный Ахилла Печерский диакон (дни памяти 4 января и 28 августа). Сведения об этом иноке XIV века, почившем в Дальних пещерах, крайне скудны: известно лишь, что он был аскет и постник, научившийся к концу жизни обходиться одной просфорой в неделю,¹⁵ отчего он считается заступником чревоугодников. В конце своей хроники (часть 5, глава 11) Лесков обыграл и аскетический подвиг печерского инока, сделав его основой одного из последних трагикомических анекдотов в жизни дьякона. В указанном эпизоде Ахилла, забывая о сне и еде, спешно приносит в уездный город собранные обществом деньги на памятник отцу Савелию. Лишь у дверей кабинета местного предводителя дворянства дьякон решил, наконец, подкрепиться лежавшими в его кармане лепешками недельной давности и вдруг с ужасом увидел, что заодно объел и приставшие к исподу лепешек сторублевки. Но добрый предводитель утешил дьякона, вложив свои деньги и пообещав ему обменять в банке испорченные купюры, на деле оставленные им как раритет на память.

Ономастика «Соборян» заслуживает не только отдельного разговора, но и дополнительных разысканий. Здесь же ограничимся несколькими наблюдениями о житийных аллюзиях личных имен других обитателей «старгородской поповки» — протопопа Савелия Туберозова, священника Захарии Бенефактова и протопопицы Натальи. Именины Савелия (Савела) отмечаются раз в году 17 июня в день памяти трех братьев-христиан Мануила, Савела и Исмаила Персидских, замученных за отказ отречься от Христа императором Юлианом-Отступником. Контуры этой житийной схемы различимы и в «Соборянах», где три Божьих воина, братья во Христе, ведут неравную борьбу за веру не с дикими язычниками, а с бывшими единоверцами, которых соблазнили идеи нигилизма и атеизма. Но сам отец Савелий назвал в дневнике другую дату своих именин, 1 июня — день памяти двух мучеников Иустинов, безмездного врача Агапита Печерского и чудотворца Дионисия Глушицкого, смысл этой календарной мистификации нам пока не ясен. Кончина чадолюбивого отца Захарии, «богатыря кротости», умершего в первый день Пасхи, напоминает нам рассказ Предания о смерти его святого тезки — пророка Захарии, отца Иоанна Крестителя, убитого после Рождества Христова

¹⁵ Русские святые / Жития собрала монахиня Таисия. СПб., 2001. С. 474.

солдатами Ирода за отказ выдать жену и ребенка. Наконец, на судьбу жены протопopa Туберозова проецируется парное Житие мучеников Адриана и Натальи (26 августа), героиня которого, скромная бездетная женщина, духовно поддерживает страстотерпца-мужа и тихо уходит в Жизнь Вечную вместе с ним. На связь романа с Житием указывает эпизод вещего сна о прославлении мучеников за веру, который обе Наталии видят перед смертью.

Тонкую ономастическую игру с именем заглавного героя ведет Лесков в «Павлине» (1874) — одном из его рассказов о праведниках.¹⁶ Смысл редкого имени Павлин, происшедшего от латинского *paulus* ‘малый’, этой этимологией в рассказе не исчерпывается, играя и переливаясь в его тексте разными значениями и балансируя при этом между двумя семантическими полюсами. Один из них образует «народная этимология» имени, возводящая его к омонимичному названию экзотической птицы. Обыгрывая в тексте повадки реального павлина и сложную символику его мифопоэтического образа, Лесков сумел с помощью этого подчеркнуть необычность характера своего героя и намекнуть на ожидавшее его духовное «падение и восстание». Другой семантический полюс имени связан с образом тезки героя рассказа, святителя Павлина Милостивого, епископа Ноланского (23 января). По ходу действия персонаж Лескова вынужден сменить имя, став Спиридоном в честь славного Тримифунтского епископа (12 декабря), но это его поведения существенно не меняет, поскольку оба его «ангела» похожи, как близнецы. Оба они прославлены своим деятельным человеколюбием, доходящим до самоотречения, и успехами в наставлении грешников, что проявляется в поддержке и укреплении героя Лескова в главном его деле — спасении гибнущей души его неверной жены. Ее духовное преображение, происходящее «за кадром», лаконично показано через сопоставление двух прозрачных по смыслу имен этой женщины: в миру суетная эгоистка Любовь окончила свои дни человеколюбивой монахиней Людмилой.

В других рассказах о праведниках, судьбы которых не столь катастрофичны, как у героя «Павлина», имя заглавного персонажа особой смысловой нагрузки не получает, оставаясь нейтральным («Однодум»), сокращаясь до инициала («Пигмей») или заменяясь прозвищем («Несмертельный Голован»). Одним своим прозвищем остался в народной памяти и самый известный герой Лескова — Левша, став в «новой мифологии» отечественной культуры¹⁷ трагическим сим-

¹⁶ Подробно об этом см.: *Климова М. Н.* От протопopa Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010. С. 63–68.

¹⁷ См.: *Журавлева А. И.* Новое мифотворчество и литературоцентристская эпоха русской культуры // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 6. С. 35–43.

волом одного из вариантов судьбы русского таланта, нередко гибнущего втуне или растраченного на пустяки. При этом прозвище его, утратив под пером Лескова свою архаичную негативную маркировку, стало синонимом искусного умельца-самородка.

В русской литературе «безбожного» XX века житийные аллюзии в именах персонажей надолго исчезают, уступив свою функцию «мифологическим» образам отечественной культуры. Проиллюстрируем эту мысль двумя разновременными примерами. Так, в романе Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» (1905) главный герой, провинциальный учитель Передонов, как и генерал Иволгин, назван Ардалионом, но в его мрачном образе нет и намека на житийного тезку-лицедея. Зато введение в роман сожительницы Передонова Варвары, выдаваемой им за сестру, и описание их патологических взаимоотношений с плевками в лицо партнера и тайными брачными интригами напоминают скандалы в семействе Иволгиных из романа «Идиот». Второй пример относится к рубежу тысячелетий, совпавшему с периодом «религиозного ренессанса» и возвращением общественного интереса к православной культуре. Читатель постмодернистских квазиисторических романов Б. Акунина, начавших выходить как раз в эту пору, может заметить любовь их автора к ономастическим играм и необычным именам, а некоторые из его героев при случае показывают знание биографии своего «ангела». Но самый известный его персонаж, Эраст Петрович Фандорин, своим редким именем обязан не столько святцам, сколько черному юмору своего отца. Потеряв при рождении сына жену Елизавету, тот назвал младенца именем карамзинского повесы и погубителя «бедной Лизы»,¹⁸ предопределив этим нередкий драматизм его отношения с прекрасным полом. Следует, впрочем, отметить и робкое появление в произведениях последних десятилетий советской литературы некоторых «ориентированных на жития» персонажей: «бедоносца» Егора Полушкина («Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева, 1973), «великомученицы» Евдокии Дунаевой («Дом» Ф. Абрамова, 1978), «крылатой Серафимы» из одноименной повести В. Личутина (1981) и некоторых других. Не исключены, на наш взгляд, и случаи плодотворного обращения к ономастическому опыту великих предшественников и современных авторов.

Список литературы

Акунин Б. Нефритовые четки: Приключения Эраста Фандорина в XIX веке. М., 2007. 704 с.

¹⁸ См.: Акунин Б. Нефритовые четки: Приключения Эраста Фандорина в XIX веке. М., 2007. С. 453–454.

- Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». М., 1977. 197 [2] с.
- Гоголь Н. В. Шинель: Повести. Л., 1976. 320 с.
- Гольденберг А. Х. «Житие» Павла Чичикова и агиографическая традиция // Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX — начала XX в. Горький, 1981. С. 111–118.
- Журавлева А. И. Новое мифотворчество и литературоцентристская эпоха русской культуры // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 6. С. 35–43.
- Касаткина Т. А. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Дополнения к комментариям // Достоевский: Дополнения к комментарию. М., 2005. С. 509–526.
- Климова М. Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010. 135 с.
- Макшеева Н. В. Смысловая функция упоминания имени «святого» в «Ревизоре» Н. В. Гоголя // VIII Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном процессе: Осмысление свободы и ответственности молодежи. Тара, 5 апреля 2019 г. СПб., 2019. С.144–147.
- Мановцев А. Свет и соблазн // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 250–290.
- Меерсон О. Христос или «Князь-Христос»: Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 42–59.
- Рубин Ю. Когда приехал ревизор? Каламбур Николая Гоголя // Страницы: Журнал библейско-богословского института ап. Андрея. 2001. № 6:2. С. 283–290.
- Русские святые / Жития собрала монахиня Таисия. СПб., 2001. 752 с.
- Смирнов И. П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 212–217.
- Фрайданк Д. Литературный прием синкрисиса в трех древних славянских текстах // Исследования по древней и новой литературе. М., 1987. С. 224–228.

П. И. МАНГИЛЕВ

Екатеринбургская духовная семинария

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ КНИЖНИК ОСИП (ИОСИФ) ФЕДОРОВИЧ МОКЕЕВ

В статье на основе Курганского (V) собрания Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета, дневников Уральской археографической экспедиции и ряда других источников систематизируются сведения о старообрядческом книжнике Осипе (Иосифе) Федоровиче Мокееве (1889 — после 1979), принадлежавшем к поморскому согласию. Сообщаются сведения о его происхождении, жизненном пути, предках, родственных связях. Приводятся данные о книгах его библиотеки и о его архиве, о переписанном им «Цветнике о богопричастном таинстве святого крещения и прочих благодати преданиях». В статье также говорится об участии О. Ф. Мокеева в спорах, которые велись поморцами Южного Зауралья вокруг наследия старообрядческого Озерского собора 1875 г. Мокеев последовательно держался позиции, заявленной на этом соборе, активно ее отстаивал, резко критикуя своих оппонентов. Его авторству приписывается «Опровержение решений высшего старообрядческого духовного суда Литовской ССР в городе Вильнюсе в 1963 и 1965 гг.», подписанное большой группой курганских поморцев. В статье также приводится ряд сведений о современниках О. Ф. Мокеева, старообрядческих писателях И. А. Благинине и Г. Ф. Логинове.

Ключевые слова: старообрядчество, поморское согласие, старообрядческая письменность, О. Ф. Мокеев

Книжно-рукописная традиция старообрядцев-поморцев Южного Урала и Зауралья изучается уральскими археографами с конца 1970-х гг. Некоторые итоги этой работы подведены в вышедшей в 2019 г. коллективной монографии екатеринбургских ученых.¹ В ней приведено описание рукописных и старопечатных книг Курганского собрания Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета, опубликованы наиболее значимые для этой книжно-рукописной традиции старообрядческие сочинения. Во вступительной статье дан очерк истории старообрядчества в регионе, анализ старообрядческих произведений. Однако названное исследование не исчерпывает тему — остается неописанным большое и весьма значимое для изучения поморской книжности Южного Урала Челябинское собрание ЛАИ УрФУ и менее крупное, но также интересное Горнозаводское собрание. Практически не изученной остается книжно-рукописная традиция региона во второй половине XX в. Специальное внимание исследователей

¹ Традиционная книжная культура русского населения Южного Урала и Зауралья в XVII–XX вв. Екатеринбург, 2019.

привлекали лишь фигуры наставника старообрядческой поморской общины поселка Юргамыш Курганской области Ивана Архиповича Благинина (1898 — после 1985)² и оставившего большое число сочинений по разным темам Григория Филатовича Логинова (1898–1985).³

Настоящая статья представляет собой попытку обобщения материалов о старообрядческом книжнике Осипе (Иосифе) Федоровиче Мокееве (1889 — после 1979), который проживал в поселке Юргамыш Юргамышского района Курганской области, был наставником в Юргамыше до И. А. Благинина⁴.

Родом О. Ф. Мокеев был из деревни Озерки Кипельской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии. С 1964 г. это деревня Раздольная Юргамышского района

Осип Федорович Мокеев.
Фотография 1960–1970-х гг., приклеена на верхнюю крышку переплета сборника ЛАИ УрФУ. V.301p/5241

² Пеньковская У. А. Стиль писем Ивана Архиповича Благинина // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 114–130; Пеньковская У. А. Особенности речи одного из носителей старообрядческого говора Урала // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2001. С. 92–93.

³ Норкин В. С. Сочинение Г. Ф. Логинова «История старообрядцев поморцев брачного согласия города Кургана» как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 137–140; Норкин В. С. Советская научно-популярная литература в сочинениях уральских поморцев // Глобальные вызовы в меняющемся мире: Тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания. 6-й молодежный конвент УрФУ: Материалы международной конференции. Екатеринбург, 24–26 марта 2022 г. Екатеринбург, 2022. С. 134–137; Норкин В. С. Старообрядческий писатель Г. Ф. Логинов о книге К. Л. Воропаевой «Жил ли Христос?» // Комплексная археография Московского университета. М., 2023. С. 539–547; Норкин В. С. Личность и письменное наследие зауральского старообрядческого писателя поморского согласия Г. Ф. Логинова (1898–1985) // Земля Курганская: Прошлое и настоящее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 12 апреля 2023 г. Курган, 2023. С. 197–203.

⁴ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 41/78. Л. 8. Запись от 26–29 января 1978 г.

Курганской области. Согласно рассказам О. Ф. Мокеева, основателем деревни Озерки был его предок, Перфил Мокеев, приехавший из Великого Устюга, что, скорее всего, соответствует истине. С большой долей вероятности из тех же мест происходили предки другого известного поморского старообрядческого рода Тельминовых.⁵ Устюжские корни имеет и старообрядческий род Благиных.⁶ Почитание Прокопия Устюжского отмечается в местах, так или иначе связанных с распространением поморского согласия на Урале.⁷ Все это отражает специфику заселения края в XVII — начале XVIII в.⁸

О. Ф. Мокеев помнил своих предков. Вот их имена: Емельян Перфильич, Филипп Емельянович, Иван Филиппович, Андрей Иванович, Афанасий Андреевич и Федор Афанасьевич, отец Осипа Федоровича. Прадед О. Ф. Мокеева, Андрей Иванович,⁹ в течение 30 лет был наставником в поморской общине деревни Озерки.¹⁰ Во дворе дома деда О. Ф. Мокеева, Афанасия Андреевича, прошли взволновавшие поморщину Южного Урала и Зауралья три Озерских собора¹¹ (29 июня 1875 г., 10 июля 1890 г., 1–2 февраля 1905 г.).¹² Подписи различных представителей рода стоят под решениями этих соборов.¹³ Федор Мокеев, отец Осипа Федоровича, подписал решения Озерского собора 1905 г.¹⁴

⁵ Мангилев П. И., *прот.* Род зауральских старообрядцев-поморцев Тельминовых // Культура российской провинции: Памяти М. Г. Казанцевой. Екатеринбург, 2005. С. 152–165; Традиционная книжная культура... С. 74.

⁶ Подборку документов по истории рода Благиных см.: Благины // Генеалогический форум ВГД. URL: https://forum.vgd.ru/1143/113099/0.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 14.11.2024).

⁷ Например, с. Федьковка Невьянского района Свердловской области, с. Кошуки Тавдинского района Свердловской области.

⁸ Традиционная книжная культура... С. 73–76.

⁹ В 1860 г. он упоминается проживающим в д. Озерки. Возраст в 1860 г. — 56 лет. См.: Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-6: Канцелярия Оренбургского гражданского губернатора. Оп. 1. Д. 520: «Сведения, списки раскольников Уфимской и Оренбургской губерний, 1859–63 гг.», № 430.

¹⁰ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 3–3 об. Запись от 31 января 1979 г.

¹¹ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 3–3 об. Запись от 31 января 1979 г.

¹² Мангилев П. И., *прот.* Соборы старообрядцев поморского согласия Южного Урала и Зауралья второй половины XIX — первой четверти XX в. // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 187–189. (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 37).

¹³ См: ЛАИ УрФУ. V.22p/641. Л. 36–37 об., 90–91 об.; ЛАИ УрФУ. V.204p/4052. Л. 77–77 об.

¹⁴ ЛАИ УрФУ. V.22p/641. Л. 36 об.

Следует заметить, что О. Ф. Мокеев — не единственный, кто хорошо знал историю своей семьи. Семейную историю, несколько поколений предков, помнили И. А. Благинин,¹⁵ Т. А. Тельминов.¹⁶

В 1930-х гг., укрываясь от гонений, О. Ф. Мокеев вместе с родственником, наставником поморской общины деревни Озерки Евтефеем Макаровичем Мокеевым, уехал в Сибирь, в Томскую область, где прожил несколько лет. Так он свидетельствовал сам.¹⁷ Судя по записи на одной из книг, хранящихся в Курганском собрании, какое-то время он проживал в Красноярском крае.¹⁸ Нужно сказать, что начавшаяся коллективизация и связанное с ней раскулачивание заставили сдвинуться с места многих. Так, например, не дожидаясь раскулачивания и репрессий, уехал на Алтай другой старообрядческий книжник, Г. Ф. Логинов.¹⁹ Репрессии коснулись многих. В архиве О. Ф. Мокеева, поступившем в Курганское собрание ЛАИ УрФУ, хранится Синодик, в котором перечисляются «погибшие в тюрьме». Синодик содержит более двадцати имен.²⁰

Уральские археографы, беседовавшие с О. Ф. Мокеевым в январе 1979 г., пишут о нем в дневнике: «...Грамотен, поет по крюкам (демество и путь), имеет большую библиотеку...».²¹ Причем в 1978–1979 гг. сохранилась только часть библиотеки. Ранее библиотека была очень большой: «...Целый воз книг...».²² Но даже сохранившееся свидетельствует о том, что книжное собрание рода Мокеевых было весьма интересным и содержало не только старообрядческие издания и рукописи.²³ Целый ряд книг из библиотеки О. Ф. Мокеева и его архив поступили в Курганское собрание ЛАИ УрФУ.²⁴

¹⁵ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 1 об. Запись от 29 января 1979 г.; Традиционная книжная культура... С. 104.

¹⁶ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 5 об. Запись от 1 февраля 1979 г.; Традиционная книжная культура... С. 104; Мангилев П. И., прот. Род зауральских старообрядцев-поморцев... С. 159.

¹⁷ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 3 об. Запись от 31 января 1979 г.

¹⁸ Традиционная книжная культура... С. 275.

¹⁹ Норкин В. С. Личность и письменное наследие... С. 198.

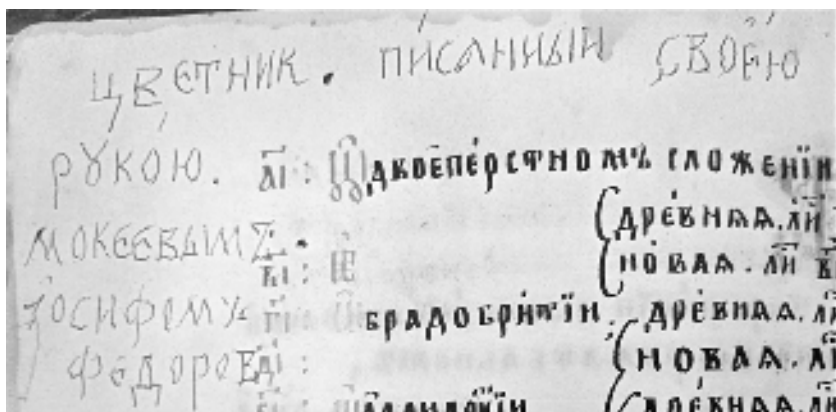
²⁰ «Погибшие в тюрьме: Афонасия, Михаила — 2-х, Петра, Лазаря, Иоанна — 2-х, Мелетия, Мина, Никиты, Иеремия, Дементия, Евфимия, Ефтихия, Агафоника, Романа, Феоктиста, Стефана, Феодоры, Козмы, Стахия». ЛАИ УрФУ. V.8p/543. № 17.

²¹ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 3. Запись от 31 января 1979 г.

²² Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 41/78. Л. 8. Запись от 26–29 января 1978 г.

²³ Среди книг библиотеки О. Ф. Мокеева был, например, Сборник Протоколов Общества любителей духовного просвещения. С.-Петербургский отдел. Год 1. 1872–1873. СПб., 1873. См.: Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 45/78. Л. 3 об.–4. Запись от 10 июля 1978 г.

²⁴ Традиционная книжная культура... С. 119–127, 144–145, 246–248, 273–282, 299–300. № 1–9, 27, 284, 286, 341–344, 346, 362. Часть книг была передана непосред-

ЛАИ УрФУ. V.301р/5241. Л. 1 об. Запись шариковой ручкой, рукой О. Ф. Мокеева

Часть книг семейного книжного собрания, по всей видимости, находилась в общественном пользовании. Но О. Ф. Мокеев, очевидно, считал эти книги своими и претендовал на них. Войдя с одноверцами в разногласия, он было потребовал отдать ему книги из общинной библиотеки. По поводу «устного заявления» О. Ф. Мокеева поморская община деревень Озерки и Кипель 28 декабря 1960 г. вынесла решение «книги не отдавать, так как книги церковные, а мы составляем церковь..., а Осип Федорович от нас отделяетца один». Но не позволяя изъять книги, община не лишала Мокеева возможности пользоваться общинным книжным собранием («а совместно с нами приветствуем пользоваться»)²⁵

Знания свои О. Ф. Мокеев получил от отца, который имел дома «что-то вроде школы, в которой обучались пенью и грамоте 26 человек, в том числе и Осип».²⁶ Мокеев свидетельствовал о себе, что «имел очень сильную тягу к чтению», «в детстве очень много читал украдкой».²⁷ И сам О. Ф. Мокеев также обучал пению.²⁸

О. Ф. Мокеев переписывал книги. В начале XX в. им был переписан «Цветник»,²⁹ почти полностью сходный по содержанию с издававшимися неоднократно на гектографе сборниками под названи-

ственно О. Ф. Мокеевым, о части книг было известно, что они принадлежали ему, но в собрание попали от других лиц. В собрании могут быть и другие книги, когда-то принадлежавшие О. Ф. Мокееву, но поступившие от других дарителей.

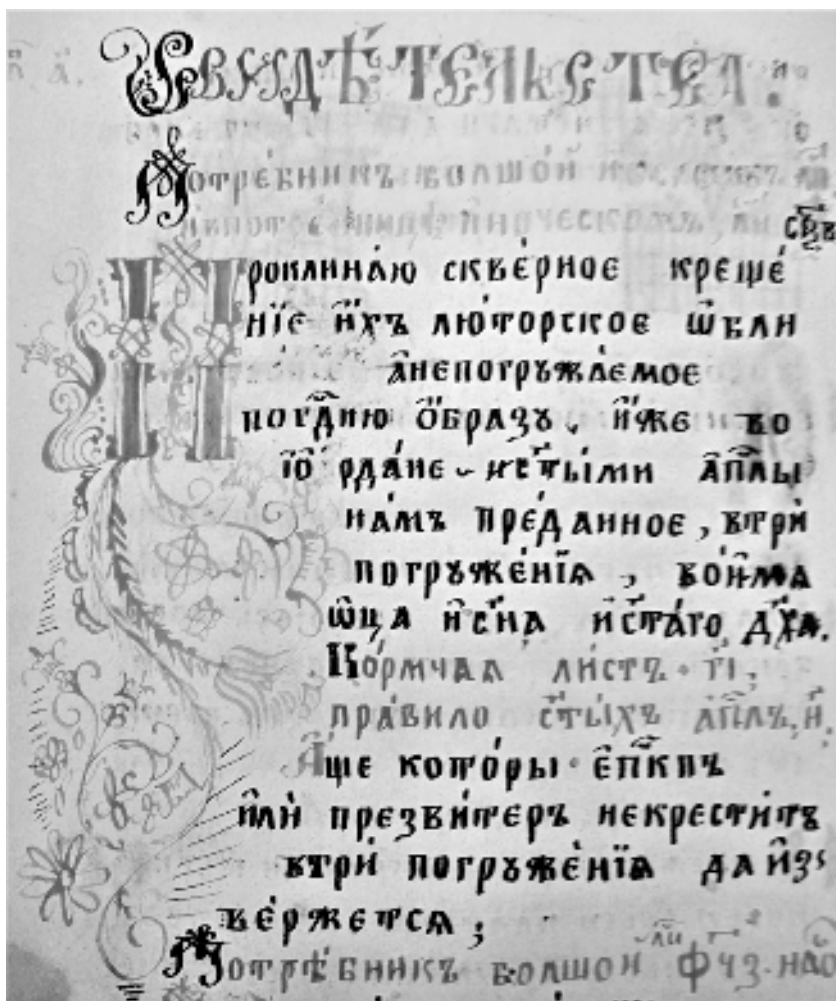
²⁵ ЛАИ УрФУ. V.47р/836. Л. 8.

²⁶ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 3 об. Запись от 31 января 1979 г.

²⁷ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 45/78. Л. 6. Запись от 10 июля 1978 г.

²⁸ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 8 об. Запись от 1 февраля 1979 г.

²⁹ ЛАИ УрФУ. V.301р/5241. См.: Традиционная книжная культура... С. 246. № 284.

«Цветник». Нач. XX в. Переписчик О. Ф. Мокеев. ЛАИ УрФУ. V.301p/5241. Л. 8 об.

ем «Цветник о богопричастном таинстве святаго крещения и прочих благодати преданиях»³⁰ или «Сборник рознственных преданий церквей: старо-патриархальной и ново-патриархальной».³¹ Известно еще как минимум три сборника переписанных поморцами Южного Ура-

³⁰ Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук: Последняя четверть XIX — первая четверть XX в. Каталог изданий и избранные тексты / Авт.-сост. Н. Ю. Бубнов. СПб., 2012. С. 262. № 574.

³¹ Старообрядческие гектографированные издания... С. 229–234. № 514–516.

ла и Зауралья, которые близки по составу сборнику, переписанному О. Ф. Мокеевым.³²

Сохранившийся архив О. Ф. Мокеева в большей степени связан с полемикой о браке, которая развернулась в среде поморцев Южного Урала и Зауралья в последней четверти XIX в. Острота полемики в 1950–1970-х гг., конечно, уже не была прежней. Обстоятельства времени скорее подталкивали к поиску компромисса, нежели к жесткому противостоянию. Идейные противники теперь иной раз могли молиться совместно. Приемлющие браки уже не отказывались молиться за умерших «бракоборов», федосеевцев и филипповцев. Часть поморцев Зауралья, однако, продолжала держаться решений Озерского собора 1875 г. О. Ф. Мокеев, предки которого были среди активных участников этого собора, тоже старался неукоснительно следовать его решениям. Все это приводило к конфликтам и спорам, которые иной раз осложнялись еще и борьбой за руководство в общине. Попытки умиротворить поморское сообщество Зауралья на местном уровне не имели успеха. Следовали обращения в «Высший духовный суд» в Вильнюсе. Но и его решения принимались не всеми.

Именно О. Ф. Мокееву атрибутируется сочинение «Опровержение решений высшего старообрядческого духовного суда Литовской ССР в городе Вильнюсе в 1963 и 1965 гг.»,³³ хотя под документом стоит 48 подписей. В «Опровержении...» содержится достаточно резкая критика судебных постановлений от 21.02.1963 г. и 28.12.1965 г. Эти постановления объявляются «незаконными, ... необоснованными и ложными...», а судьи «отпадшими».³⁴ Местным старообрядцам Н. И. Федулову и И. А. Благинину, подавшим жалобу в старообрядческий суд, даны нелестные, оскорбительные характеристики («эти два выродка»). Автор сочинения считает их «потерянными людьми и лишенными отеческого достоинства».³⁵ Споры между О. Ф. Мокеевым и И. А. Благиным не утихли и в конце 1970-х гг.³⁶

Использование *argumentum ad hominem* в этих спорах не было редкостью. О. Ф. Мокеев был вдов и вторым браком женат на своей двоюродной сестре, Е. Л. Баншиковой (урожденной Завьяловой), тоже вдове. Екатерина Лазаревна была дочерью наставника поморской общины села Кипельского (сейчас село Кипель Юргамышского района Курганской области) Лазаря Никандровича Завьялова (ум. в

³² Традиционная книжная культура... С. 182, 246.

³³ ЛАИ УрФУ. V.5p/540. Л. 58–63 об.

³⁴ ЛАИ УрФУ. V.5p/540. Л. 58 об., 63.

³⁵ ЛАИ УрФУ. V.5p/540. Л. 58 об., 62 об.

³⁶ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 45/78. Л. 6. Запись от 10 июля 1978 г.

1933 г.).³⁷ Его подпись также стоит под постановлениями Озерского собора 1905 г.³⁸ Рукой Л. Н. Завьялова переписан в 1912 г. крюковой Ирмологий.³⁹

Очевидно, что старики, будучи родственниками, сошлись, чтобы доживать вместе. Но брак в четвертой степени кровного родства (между двоюродными) каноны не допускают. Такой брак, как и второбрачие, для наставника недопустимы. Осип Федорович был удален от должности наставника, но, имея активную позицию по актуальным для согласия внутренним вопросам, постоянно участвовал в спорах. В этих дискуссиях неканонический брак Мокеева использовался его оппонентами как дополнительный аргумент в свою пользу. С другой стороны были нападки подобного рода и на И. А. Благинина.⁴⁰

Дальнейшее изучение истории поморского согласия на Южном Урале и в Зауралье, изучение местной книжности, возможно, позволит дополнить биографию О. Ф. Мокеева новыми фактами. Важно также реконструировать биографии других старообрядческих книжников региона.

Список литературы

- Мангилев П. И., прот.* Род зауральских старообрядцев-поморцев Тельминовых // Культура российской провинции: Памяти М. Г. Казанцевой. Екатеринбург, 2005. С. 152–165.
- Мангилев П. И., прот.* Соборы старообрядцев поморского согласия Южного Урала и Зауралья второй половины XIX — первой четверти XX в. // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 186–191. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).
- Норкин В. С.* Личность и письменное наследие зауральского старообрядческого писателя поморского согласия Г. Ф. Логинова (1898–1985) // Земля Курганская: Прошлое и настоящее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 12 апреля 2023 г. Курган, 2023. С. 197–203.
- Норкин В. С.* Советская научно-популярная литература в сочинениях уральских поморцев // Глобальные вызовы в меняющемся мире: Тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания. 6-й молодежный конвент УрФУ: Материалы международной конференции. Екатеринбург, 24–26 марта 2022 г. Екатеринбург, 2022. С. 134–137.

³⁷ Архив ЛАИ УрФУ. Дневник 58/79. Л. 3 об. Запись от 31 января 1979 г. Традиционная книжная культура... С. 107, 248.

³⁸ См.: ЛАИ УрФУ. V.22p/641. Л. 36 об.

³⁹ ЛАИ УрФУ. V.303p/5243; Традиционная книжная культура... С. 247–248.

⁴⁰ ЛАИ УрФУ. V.8p/543. Документ № 7.

- Норкин В. С. Сочинение Г. Ф. Логинова «История старообрядцев поморцев брачного согласия города Кургана» как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 137–140.
- Норкин В. С. Старообрядческий писатель Г. Ф. Логинов о книге К. Л. Воропаевой «Жил ли Христос?» // Комплексная археография Московского университета. М., 2023. С. 539–547.
- Пеньковская У. А. Особенности речи одного из носителей старообрядческого говора Урала // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы III научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2001. С. 92–93.
- Пеньковская У. А. Стиль писем Ивана Архиповича Благинина // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 114–130.
- Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук: Последняя четверть XIX — первая четверть XX в. Каталог изданий и избранные тексты / Авт.-сост. Н. Ю. Бубнов. СПб., 2012. 460 с.
- Сборник Протоколов Общества любителей духовного просвещения. С.-Петербургский отдел. Год 1. 1872–1873. СПб., 1873. 356 с.
- Традиционная книжная культура русского населения Южного Урала и Зауралья в XVII–XX вв. Екатеринбург, 2019. 508 с.

А. В. МАНГИЛЕВА

Екатеринбургская духовная семинария

ЖЕНЩИНЫ В ДУХОВНОМ СОСЛОВИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX В. ПО МАТЕРИАЛАМ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА

В статье рассматриваются информационные возможности клировых ведомостей для изучения вопросов, связанных с положением женщин в духовном сословии в Синодальный период. Анализ материалов клировых ведомостей Екатеринбургского уезда этого времени позволяет установить, что в источнике содержатся сведения о социальном происхождении жен белого духовства, уровне образования как женщин, так и их мужей, что позволяет определить уровень сословного самосознания. В клировых ведомостях второй половины XIX в. такие сведения встречаются реже, чем в первой половине столетия, зато в случае получения женщиной образования приводятся данные об учебном заведении, а также о месте ее службы (в случае, если она работала). Данные клировых ведомостей по одному уезду представляются недостаточными для серьезных обобщений, но они помогают понять, в каком направлении может развиваться исследование затронутой темы. Изучение положения женской части духовного сословия представляется важным, поскольку может служить маркером уровня самосознания белого духовенства.

Ключевые слова: белое духовенство, женщины, образование, Синодальный период, Екатеринбургский уезд

Женщины в духовном сословии остаются, наверное, наименее изученной его частью. Духовенство становится предметом пристального внимания историков с середины 1980-х гг. Много внимания уделяется как самим клирикам, так и их сыновьям, но матери, жены и дочери остаются в стороне. Такая ситуация объясняется не отсутствием интереса со стороны исследователей, а недостатком сведений, которые могли бы дать представление о женской части сословия. Пожалуй, главным видом источников в данном случае являются документы личного происхождения, следом за ними идет публицистика. Но они дают лишь отрывочные сведения, которые не позволяют проанализировать положение представительниц духовного сословия в целом.

Клировые ведомости, содержащие данные в том числе и о составе семей клириков, представляются источником, способным дать сведения, подходящие для статистической обработки. Тем не менее, возможности использования данных клировых ведомостей по интересующему нас вопросу на сегодняшний день еще не изучены. Соответственно, целью данной статьи является выявление информационного потенциала клировых ведомостей в отношении женской части

духовного сословия. В статье рассмотрены материалы клировых ведомостей Екатеринбургского уезда Пермской губернии XIX — начала XX в.¹ Первоначально уезд входил в состав Пермской епархии, а в начале 1885 г. перешел в состав отделившейся от Перми Екатеринбургской епархии.

Прежде всего, часть клировых ведомостей дает сведения о происхождении жен духовенства. Особенно часто эти сведения благочинные вносили в ведомости в начале XIX в. (когда вообще ведомости заполнялись наиболее подробно и содержали наиболее полную информацию о жизни приходских клириков). Всего в ведомостях, хранящихся в фонде Екатеринбургской духовной консистории, имеются сведения о происхождении 445 жен духовенства. Больше всего среди них было дочерей священников — 187. Дочерей диаконов и церковнослужителей — по 49. В целом внутрисословные браки представляют большинство выявленных случаев. На заключении браков в границах сословия настаивали и епархиальные власти. Первый епископ Пермский Иоанн (Островский) в письме в консисторию предлагал: «Все желающие вступить в священно-церковнослужительские чины, вступая в брак, не брали за себя невест, как только из священно-церковнослужительских дочерей и наипаче из остающихся бедных, но честное и непорочное житие препровождающих сирот. Обучавшиеся же в семинарии, с отличным успехом, богословии, могут брачиться и на сторонах, но не иначе, как только с нашего пастырского позволения».² Таблица 1 дает представление о том, с кем «брачились на сторонах», и возникает сильное подозрение, что далеко не все женщины получили пастырское благословение за успехи в учебе.

¹ В статье использованы материалы клировых ведомостей по Екатеринбургскому уезду, хранящиеся в фонде Екатеринбургской духовной консистории (Ф. 6) Государственного архива Свердловской области. Использованы материалы дел (в скобках указаны годы составления ведомостей): ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423 (1806), 431 (1809), 445 (1824), 446 (1824), 449 (1825), 451 (1826), 456 (1828), 465 (1832), 466 (1833), 469 (1834), 472 (1836), 483 (1842), 488 (1843), 490 (1844), 498 (1846), 503 (1847), 509 (1848), 510 (1848), 516 (1849), 520 (1850), 521 (1850), 538 (1854), 548 (1856), 551 (1850), 538 (1856), 551 (1857), 559 (1858), 568 (1859), 569 (1859), 576 (1860), 577 (1867), 578 (1860), 585 (1862), 592 (1863), 599 (1866), 600 (1866), 601 (1866), 602 (1866), 606 (1872), 609 (1873), 610 (1875), 611 (1875), 613 (1876), 614 (1876), 617 (1877), 618 (1877), 623 (1879), 624 (1879), 643 (1882), 644 (1882), 645 (1882); ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 2 (1885), 35 (1888), 43 (1890), 81 (1894), 84 (1895), 93 (1896), 164 (1903), 228 (1907).

² Шишонко В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 35.

Таблица 1

Социальное происхождение жен духовенства Екатеринбургского уезда

отец	всего	грамоте учена	грамоте не учена	молитвы знает
священник	187	33	66	5
диакон	49	4	18	
церковнослужитель	49	1	26	
офицер	10	1	3	
купец	9	3		
чиновник	9	1	2	
унтер-офицер	11	5	4	
крестьянин	69		22	
мастеровой	30	1	11	
мещанин	19	1	7	1
солдат	4			
почетный гражданин	1	1		

Очевидно, что дочери иереев были самыми завидными невестами среди дочерей клириков, но было ли причиной этого только наиболее привилегированное положение их отцов в среде белого духовенства? Из литературы известна практика, когда при отсутствии сыновей у священника его дочь выдавали замуж с тем, чтобы ее муж занял в дальнейшем место тестя. Но в основном об этом обычае упоминают, когда речь идет о семинаристах, приискивающих не только невесту (до брака получить рукоположение нельзя), но и место службы. Большинство священнослужителей Екатеринбургского уезда в первой половине XIX в. не получили полного семинарского образования, да и дефицита штатных мест до середины 1830-х гг. в Пермской епархии не было. Таким образом, предпочтение, которое получали дочери священников перед другими невестами, можно объяснить желанием женихов получить в будущем священническое место только в отношении второй половины XIX столетия, но как раз в ведомостях этого периода сведения о социальном происхождении жен духовенства указываются редко.

Более того, отцов, судя по всему, не слишком волновали служебные перспективы будущих зятьев: главное было пристроить дочь. В представленной ниже таблице 2 приведены сведения об обучении клириков, происхождение жен которых известно. Обучение в семинарии открывало возможности для продвижения по службе, но в первой половине XIX в., как уже было указано, епархиальным властям приходилось мириться с тем, что большинство кандидатов на штатные церковные места в духовных школах не обучались, либо не окончили курса обучения. В таблице 2 не указывается, какую должность испол-

няли мужа на момент составления клировой ведомости, поскольку на момент заключения брака их служебный статус был неизвестен.

Таблица 2

Уровень образования женатого духовенства Екатеринбургского уезда

<div style="display: inline-block; transform: rotate(-45deg);"> зять \ тесть </div>	священник	диакон	церковно-служитель	офицер	унтер-офицер	чиновник	купец	мещанин	солдат	мастеровой	крестьянин
обучался	61	18	10	6	6	4	7	9	2	3	5
не обучался	104	26	34	4	5	4	1	10	2	25	54
всего	165	44	44	10	11	8	8	19	4	28	59

Данные таблицы 2 показывают, что большинство священно- и церковнослужителей, женившихся на дочерях клириков, не получили никакого образования (63 % женатых на дочерях священников, 59 % женатых на дочерях диаконов, 77 % женатых на дочерях церковнослужителей). То, что дьячки и пономари не могли рассчитывать на женихов с образованием, не удивляет, но и священники вынуждены были выдавать дочерей за не особо перспективных женихов.³

Из представителей других сословий ожидаемо предъявляли более высокие требования к женихам офицеры (в том числе горные чины). Среди женатых на дочерях офицеров не только больше половины обучались в семинарии, но и дошли до высших классов.⁴ Еще более показательной была ситуация с зятьями купцов.⁵ Неожиданно соотношение обучавшихся и необучавшихся у женатых на дочерях чиновников (причем обучавшиеся дошли лишь до середины семинарского курса⁶), но здесь необходимо учитывать, что в клировых ведомостях практически нет указаний на конкретный чин, который

³ И. П. Попов первым браком был женат на дочери мастерового (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 166 об.), вторым браком — на дочери священника (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 572. Л. 184 об.), в связи с чем был переименован из пономаря в дьячка. Перспектив повышения у него как у второбрачного, разумеется, не было.

⁴ Лишь один из офицерских зятьев обучался по риторический класс (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 14 об.), четверо дошли до философии (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 20 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 438. Л. 4 об.—5, 5 об.—6, 7 об.—8), один — до богословия (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 14 об.).

⁵ По риторический класс обучались двое (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 2 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 438. Л. 4 об.—5), по философский класс — трое (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 20 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 20 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 490. Л. 4 об.—5), по богословие — двое (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 6 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 5 об.).

⁶ Все обучались только по риторический класс (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 18 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 436. Л. 42 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 437. 111 об.—112; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 4 об.—5).

имел отец женщины. Также неожиданной является ситуация с зятьями солдат.⁷ Здесь, напротив, можно было ожидать преобладания необучавшихся. Но, во-первых, число солдат слишком мало, чтобы делать на его основании какие-то серьезные выводы. Во-вторых, все перечисленные выше социальные группы (а также мещане и унтер-офицеры) были представлены, прежде всего, в городах, в том числе и в тех, где находились семинарии, так что естественно, что семинаристы могли находить себе невест среди городского населения. Что же касается клириков, женатых на дочерях мастеровых и крестьян, то здесь соотношение обучавшихся и необучавшихся вполне предсказуемо (правда, один из женатых на крестьянках, священник Георгий Горных, обучался в семинарии по философский класс и был рукоположен в сан в возрасте 20 лет⁸).

Во второй половине XIX в. сведения о социальном происхождении жен духовенства практически исчезают из клировых ведомостей. Причины, по которым у церковных властей пропал интерес к этой информации, может быть несколько. Во-первых, данные за первую половину столетия уже свидетельствуют в пользу того, что внутрисословные браки становятся нормой для клириков. Вряд ли власти смущали браки с представительницами дворянства и купечества, но многочисленные браки с крестьянками и дочерьми мастеровых демонстрировали реальный статус духовенства в обществе Российской империи, поэтому именно такие союзы надо было исключить. Растущий уровень образования и сословного самосознания духовенства должны были также способствовать сокращению числа подобных браков.⁹

Во-вторых, в 1869 г. дети духовенства были исключены из состава сословия, с правом вернуться в него уже в качестве штатных клириков. В этих условиях церковные власти должны были утратить не только контроль над брачными стратегиями сыновей духовенства, но и интерес к этому вопросу: большинство браков заключалось до поступления на место при храме. Разрозненные записи в клировых ведомостях в этот период не дают четкого представления о ситуации, тем не менее, можно сказать, что браки с крестьянками так и не были изжиты до конца.

Помимо сведений о социальном происхождении жен духовенства, клировые ведомости могут содержать информацию и об их образовании (вопрос этот, как и вопрос о происхождении жен, не был

⁷ Среди них один даже обучался по философский класс (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 14 об.).

⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 24 об.

⁹ Подробнее см.: Мангилева А. В. Белое приходское духовенство российской империи: От сословия к профессии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 241–248.

обязательным, поэтому наличие информации по этому вопросу зависело от заполнявшего ведомость благочинного). Основная формулировка, встречающаяся в ведомостях «грамоте учена/не учена». Но встречается и просто слово «учена (обучена)», что затрудняет определение уровня обучения. Так, об одной и той же женщине в ведомостях за разные годы говорится, что она «грамоте учена», а позднее — «молитвы знает».¹⁰ Можно, конечно, сказать, что одно другому не мешает, но тогда непонятно, куда делась отметка о грамотности? У двух женщин ранние записи о грамотности позднее исправлены на «неграмотна».¹¹ Очевидно, новый благочинный был строже, но все-таки интересно, как определялся уровень грамотности? В таблице 2 подобные случаи рассматриваются все-таки в пользу того, что женщина была более или менее грамотной. Следует также оговориться, что пометки о грамотности или неграмотности имеются не у всех женщин. Во второй половине XIX — начале XX в. ставятся уже отметки об окончании того или иного учебного заведения, причем они также имеются не у всех.

Прежде всего, обращает на себя внимание сравнительно небольшое число грамотных женщин, происходивших из высших социальных страт. Среди дочерей священников таковых оказалось 18% (причем реальный процент для первой половины столетия был бы еще ниже: его повышают поповны, получившие уже вполне приличное образование в конце рассматриваемого периода, но учтенные просто в грамотных). Неожиданно мало грамотных среди дочерей офицеров и чиновников, а вот купцы оказались людьми прогрессивно мыслящими. Относительно много грамотных среди дочерей унтер-офицеров. Представительницы низших страт, как правило, были неграмотны.

Гораздо больше информации можно получить об обучении дочерей духовенства. Благочинные должны были вносить в клировые ведомости сведения об обучении сыновей клириков; зачастую они попутно делали отметки и об обучении дочерей. Церковные власти также, судя по всему, интересовались этим вопросом, поскольку уровень образования во многом определял престиж сословия в обществе.

Всего пометки об обучении дочерей грамоте (или чтению и письму¹²) имеются в сведениях о семьях 233 клириков. При этом в че-

¹⁰ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 438. Л. 2 об.-3; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 451. Л. 149–150 об.

¹¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 438. Л. 22 об.-23, 43 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 456. Л. 22 об.-23, 35 об.-36.

¹² Дочь священника Ольга Алексеевна Серебrenникова, по сведениям ведомости, к 18 годам была «обучена некоторым наукам и рукоделию» — такой нестандартной записью хотели подчеркнуть более серьезный уровень домашнего образования, чем обычно (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 609. Л. 19 об.-20).

тырех случаях обучены грамоте были только старшие дочери, тогда как напротив имен младших (достигших девяти и более лет) стоит отметка «не учена».¹³ Только в одном случае объясняется причина: «За косноязычием оставлена обучением».¹⁴ Объяснить причину в других случаях довольно сложно; возможно, родители, убедившись в том, что грамотность старшим дочерям не пригодилась, не стали заботиться об обучении младших.

Кроме этих четырех случаев, отметка «не учена» имеется в сведениях о дочерях еще 90 клириков, причем имеются и поздние отметки. В 1882 г. благочинный делает отметку «неграмотна» напротив имени дочери исправляющего должность псаломщика И. Т. Затопляева 23-летней Таисьи.¹⁵ Еще в двух семьях у взрослых дочерей стоят отметки «обучена рукоделию»,¹⁶ что можно рассматривать как намек на то, что обучением другим премудростям родители пренебрегли. Тем не менее, подавляющее большинство случаев неграмотности дочерей приходится на первую половину XIX в. Необходимо также отметить, что отметки о грамотности либо неграмотности имеются в этот период не у всех дочерей духовенства. Вероятно, такие отметки были личной инициативой отдельных благочинных, тогда как церковная администрация даже на епархиальном уровне не придавала этому вопросу большого значения.

С начала 1860-х гг. в клировых ведомостях появляются более подробные сведения о том, где проходят или проходили обучение дочери клириков. В 42 случаях имеются отметки об обучении в начальной школе. Не всегда понятно, о школе какого ведомства идет речь, но очевидно, что духовенство вполне лояльно относилось к земским школам, несмотря на ожесточенную полемику между сторонниками земских и церковно-приходских школ в печати. По программе земских школ велось обучение и в детском приюте М. А. Нурова, который посещали дочери диакона и пономаря екатеринбургского храма Сошествия Святого Духа.¹⁷

¹³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 124 об.–125 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 96 об.–97 об., 159 об.–160.

¹⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 44 об.

¹⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 643. Л. 21 об.–22. Семья в целом не была преуспевающей. Старшая из дочерей, Афанасия, служила просфорней, младшая, Александра, «вступила в сем году во второй законный брак с крестьянином Сусанского завода Верхотурского уезда Андреем Ларионовым Закожурниковым». Видимо, отметку о неграмотности Таисии благочинный поставил потому, что она еще не утратила возможности выйти замуж.

¹⁶ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 609. Л. 121 об.–122; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 614. Л. 6 об.–7.

¹⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 568. Л. 32 об.–33, 36 об.–37.

Следующей ступенью в церковной системе женского образования было епархиальное училище. История Екатеринбургского женского училища была довольно сложной. Оно выросло из сиротского приюта, существовавшего при Екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре. В 1838 г. был утвержден устав училища для девиц духовного звания. В апреле 1880 г. четырехклассное монастырское училище было преобразовано в шестиклассное Зауральское епархиальное женское училище, то есть формально отделилось от монастыря, хотя и продолжало существовать в основном за его счет, что порождало многочисленные споры монастыря с духовенством зауральских уездов Пермской, а затем — Екатеринбургской епархии (в связи с выделением самостоятельной епархии в 1885 г. училище было переименовано в Екатеринбургское епархиальное женское училище).¹⁸ Соответственно, это училище фигурирует в клировых ведомостях под разными названиями в зависимости от года составления ведомости.

Отметка об обучении дочерей в училище Ново-Тихвинского монастыря имеется в 25 случаях. К ним можно добавить дочь священника Н. Г. Чиркова Елизавету, которая обучалась «грамоте и рукоделию» в Кунгурском женском монастыре.¹⁹ Обучение в епархиальном женском училище (Зауральском или Екатеринбургском) отмечено в 37 случаях, причем в двух из них девушки были оставлены при нем воспитательницами.²⁰ Еще в трех случаях дочери клириков обучались в Казанском женском духовном училище. Точнее, в одном из этих случаев дочь священника Ольга Константиновна внесена в ведомость уже как жена также священника Е. Н. Львова. Ее муж был сыном псаломщика в селе Михайловском Кокшайского уезда Казанской губернии и окончил Казанскую духовную семинарию, поэтому понятно, что он женился на девушке, также обучавшейся в Казани.²¹ В двух других случаях речь идет о дочерях священников — местных уроженцев,²² поэтому причины, по которым их отцы предпочли Казань, определить нельзя. Причины эти могут представлять интерес, поскольку обычно духовенство жаловалось на нехватку средств на обучение детей, и отправка дочерей дальше от дома, что вызывало дополнительные расходы, выглядит странно. Может быть, в Казани жила какая-то родня.

¹⁸ См.: *Печерин А. В., Богомолов В. В.* Под попечением монастыря: История зданий Екатеринбургского епархиального женского училища (1838–1919) // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии.* 2021. № 36. С. 222–250.

¹⁹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 611. Л. 97 об.–98.

²⁰ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 43. Л. 53 об.–54; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 164. Л. 76 об.–78.

²¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 164. Л. 4 об.–7.

²² ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 578. Л. 5 об.–6 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 643. Л. 27 об.–28.

То, что жалобы на недостаток средств не были надуманными, доказывает пример дочери священника И. М. Ставровского Александры, которая была «уволена из епархиального Екатеринбургского женского училища по недостатку средств содержания родителя».²³ Тем не менее, клириков, пожелавших дать дочерям образование в светских учебных заведениях, было не так уж мало. В 21 случае имеются записи об обучении в Екатеринбургской женской гимназии, 1 — в Пермской.²⁴ В 4 случаях дочери клириков обучались в прогимназии. Дочери трех священнослужителей обучались «в домашней школе г-жи Верещагиной», причем отцы всех трех (священник и два диакона) служили в Вознесенской церкви Екатеринбурга.²⁵ В 2 случаях девочки обучались в частном пансионе в Екатеринбурге.²⁶ Встречается в клировых ведомостях и свидетельство возросшей заботы о детях-инвалидах: дочь священника И. Т. Тимофеева Мария «получила образование в Московском училище глухонемых».²⁷ Наконец, клировые ведомости свидетельствуют о том, что дочери духовенства обучались и на высших женских курсах.²⁸

Получение среднего образования давало возможность работать учительницей в начальной школе. В ведомостях делаются отметки, что дочь того или иного клирика имеет свидетельство на звание учительницы.²⁹ Как правило, работали до выхода замуж,³⁰ либо после

²³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 643. Л. 87 об.—88.

²⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 43. Л. 13 об.—14.

²⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 623. Л. 80 об.—82, 83 об.—84, 84 об.—85.

²⁶ «Окончила курс в частном пансионе г-жи Берваль» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 568. Л. 40 об.—41); «частный девичий пансион» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 611. Л. 3 об.—4). Из-за большой разницы во времени составления ведомостей нет возможности узнать, идет ли речь об одном и том же пансионе или разных.

²⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 93 об.—94.

²⁸ Дочь священника В. З. Земляничина Александра после окончания училища при Ново-Тихвинском монастыре поступила на высшие женские курсы при Казанском университете (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 606. Л. 80 об.—81; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 623. Л. 110 об.—112); дочь священника В. К. Кожевникова обучалась на высших женских курсах в Петербурге (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 43. Л. 74 об.—75).

²⁹ Дочь диакона Г. И. Семенова Екатерина «имеет свидетельство на звание учительницы сельских народных училищ» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 617. Л. 65 об.—67), дочь священника А. П. Дерябина Мария «педагогическим советом Екатеринбургской гимназии удостоена звания учительницы сельского приходского начального народного училища, состоит помощницей учительницы Нижнесельского народного училища Екатеринбургского уезда» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 645. Л. 34 об.—37); жена священника Н. В. Топоркова Елизавета «кончила курс Камышловской прогимназии со званием городской учительницы» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 47 об.—48). См. также: ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 617. Л. 3 об.—4.

³⁰ Упомянутая в предыдущей ссылке Мария Дерябина в более поздней ведомости записана без упоминания работы учительницей, но указано, что она «замужем за смотрителем золотых приисков» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 29 об.). Еще записи о службе

смерти супруга.³¹ Особенно интересна ситуация, в которую попали дочери священника Г. В. Зубкова (друг и одноклассник по Пермской духовной семинарии руководителя Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), женатый на его сестре Антонине). Обе дочери, Любовь и Александра, окончили училище при Ново-Тихвинском монастыре, после чего Любовь «2 года была преподавательницей латинского языка в Московской классической женской гимназии г-жи Фишер, а нынче там же обучается по всем предметам». Младшая сестра окончила Екатеринбургскую женскую гимназию в 1877 г., «занимается изучением древних языков и обучает девочек чтению, письму и арифметике».³²

Также может представлять интерес появляющаяся в некоторых клировых ведомостях во второй половине XIX — начале XX в. информация о замужних дочерях духовных лиц. Сведения эти доказывают, что именно в браках дочерей духовное сословие быстрее всего теряет былую замкнутость. Как пример можно привести семью диакона Ипполита Ивановича Неводчикова. Оба его сына продолжили церковное служение отца, тогда как дочери вышли замуж за представителей самых разных социальных групп: Мария — «за сельским обывателем Каменского завода Камышловского уезда Василием Яковлевым Петуховым», Ольга — «за псаломщиком Логиновского села Екатеринбургского уезда Владимиром Ивановым Тихомировым», Хариесса — «за кондуктором Уральской железной дороги Николаем Яковлевым Дьячковым».³³

Таким образом, данные клировых ведомостей позволяют выявить социальное происхождение жен духовенства, уровень образования жен и дочерей духовенства, в некоторых случаях — возможные варианты замужества дочерей духовенства. В статье приводятся данные только по одному уезду, что сокращает возможности использования клировых ведомостей как источника. Привлечение большего массива ведомостей помогло бы компенсировать имеющиеся лакуны, а также проследить динамику тех или иных процессов (например, изменение

дочерей духовенства учительницами и помощницами учителей см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 624. Л. 13 об.—14; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 643. Л. 54 об.—55; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 644. Л. 92 об.—95; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 6 об., 23 об., 40 об.—41, 97 об.—98, 110 об.—113; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 164. Л. 29 об.—30, 42 об.—43, 66 об.—67). Самый ранний случай отмечен в ведомости за 1862 г.: дочь дьячка Г. Ф. Ребрина Анна, 24 лет, «занимается обучением девиц» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 585. Л. 55 об.—56). Какое образование имела она сама не указано.

³¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 624. Л. 2 об.—5.

³² ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 606. Л. 78 об.—79; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 623. Л. 109 об.—111.

³³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 19 об.—20 об. Судя по фамилии, не исключено, что кондуктор был выходцем из семьи духовенства.

показателей грамотности для женской части духовного сословия). Тем не менее, несмотря на относительную узость источниковой базы, можно сделать вывод не только о росте грамотности на протяжении рассматриваемого периода, но и о повышении качества женского образования в духовном сословии. Рост уровня женской образованности свидетельствует о развитии сословного самосознания (обучение дочерей, в отличие от сыновей, не было неперенным требованием церковных властей, в лучшем случае — пожеланием). Выбор учебных заведений также свидетельствует о том, что образование понимается духовным сословием как важный социальный ресурс, поэтому духовенство старается использовать любые возможности для более серьезного обучения дочерей.

Что же касается социального происхождения жен духовенства, то здесь большую роль играет политика как высших органов церковного управления, так и государства. В начале рассматриваемого периода церковное руководство стремится сократить число внесословных браков, поскольку их большинство заключалось с представительницами низших социальных страт. К концу периода, в связи с попытками государства разрушить замкнутость духовного сословия, препятствия для межсословных браков исчезают, но уже само духовенство предпочитает браки внутрисословные, так что в теории две эти противоположные тенденции должны вступить в конфликт, но какая из них оказалась сильнее, на исследуемом источниковом материале установить невозможно. Поскольку указание происхождения жены не было обязательным пунктом в клировой ведомости и оставлялось на усмотрение благочинного, можно предположить, что в других случаях поиск этих данных может привести к большему успеху.

Список литературы

- Мангилева А. В.* Белое приходское духовенство российской империи: От сословия к профессии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 241–248.
- Печерин А. В., Богомолов В. В.* Под попечением монастыря: История зданий Екатеринбургского епархиального женского училища (1838–1919) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 222–250.
- Шишонко В. Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. 396 с.

И. В. Починская

Уральский федеральный университет имени Первого президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Из истории провинциальных старообрядческих типографий: Заведение А. В. Симакова в г. Уральске*

Статья входит в серию работ, посвященных отдельным старообрядческим типографиям и их группам, публикуемых автором с целью заполнения лакун в знаниях по этой теме. Типография А. В. Симакова — первое из легальных старообрядческих заведений, возникших сразу после уравнивания староверов в правах с другими гражданами России. Инициатором ее создания стал епископ Арсений Уральский (А. В. Швецов), который с 1870-х гг. был главным организатором нелегального книгоиздания белокриницких. В ходе поисков кандидатуры человека, способного реализовать замысел епископа Арсения по созданию официально разрешенной типографии, его выбор пал на купца А. В. Симакова, который к 1905 г. был крупным владельцем ряда торговых предприятий, в том числе торговал книгами, иконами и церковной утварью. Автором статьи дополнен список изданий типографии, опубликованный А. А. Гусевой, проанализирован ее репертуар, отмечены книги, нетипичные для старообрядческих печатен. Подчеркнута роль епископа Арсения не только в организации производства, но и в формировании издательской программы. Отмечена особенность оформления продукции уральской типографии, заключающаяся во влиянии на него декора нелегальных беспоповских изданий, восходящего к типографии Овчинниковых.

Ключевые слова: Уральск, старообрядчество, книгопечатание, типография, епископ Арсений Уральский, А. В. Симаков

История старообрядческого книгопечатания, несмотря на увеличение внимания к этой проблематике с конца XX в., остается недостаточно изученной. Наиболее слабо исследованным является период второй половины XIX — начала XX в. Даже деятельность легальных старообрядческих типографий, возникших после революции 1905–1907 гг., не нашла должного отражения в литературе. Постепенное введение в научный оборот сведений об отдельных типографиях или их группах — путь к заполнению лакуны в истории старообрядчества и кириллической книжной культуры. Нами начата публикация серии очерков такого плана.¹ Данная статья, посвященная типографии в Уральске, продолжает ее.

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», № FEUZ-2023-0018.

¹ Починская И. В. Типографии старообрядцев-беглопоповцев 1905–1917 гг. // Текст. Книга. Книгоиздание (в печати); Починская И. В. Продукция старообрядческих типографий конца XIX — начала XX в. как исторический источник в изучении их деятельности // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (в печати) и др.

Создание старообрядческой типографии в Уральске, несомненно, было инициативой епископа Уральского и Оренбургского Арсения (в миру Анисима Васильевича Швецова), инициатора возрождения книгопечатания у поповцев еще во второй половине XIX в. В 1870-е гг. он приступил к реализации идеи создания сети типографий белокриницкой иерархии. В этот период особенно активной роль Швецова была в организации книгопечатания за рубежом. Он во многом определял издательский репертуар, контролировал ход работ по выпуску книг, занимался сбором заявок и рассылкой заказанной литературы, привозил издания на продажу в Россию, в том числе на Нижегородскую ярмарку.² Белокриницкие для выпуска необходимой им литературы активно пользовались услугами светских типографий в городах на современных территориях Молдавии, Западной Украины и Румынии, где Швецов издавал в том числе и свои сочинения. Например, в 1873 г. во Львове в типографии Ст. Гучковского был напечатан сборник, в состав которого вошли следующие сочинения: «Собрание из разных книг свято-отеческого писания о сложении перст на крестное знамение», «Краткое обозрение существования церкви единоверческой», «Ответы на вопросы, изданные братством Московского Никольского единоверческого монастыря». По мнению учредителя миссионерского «противораскольнического» Братства св. Петра и редактора журнала «Братское слово» Н. И. Субботина, над составлением этого сборника трудился А. В. Швецов, а редактировал его архиепископ Антоний (Шутов).³ Позднее в Яссах были напечатаны сочинения Швецова в типографии, которая на титуле обозначена как «Б. Н. П...кть» («Оправдание старообрядствующей святой Христовой церкви...», 1887; «Показание всеобдержности двуперстного сложения в древней православной церкви и погрешностей противу святого Евангелия в новообрядствующей церкви», 1888; «Книга об антихристе и о прочих действиях, иже при нем быти хотящих», 1888). Н. И. Субботиным неоднократно высказывалось предположение, что эта таинственная типография находилась где-то в России, например, в селе Безводном Арзамасского уезда Нижегородской губернии или в Москве. Он даже пытался доказать, что это была типография, перевезенная из Мануиловки (ныне территория Молдавии).⁴ Там в Никольском мужском монастыре в середине 1870-х гг. Швецовым была

² РГБ. Ф. 246. Карт. 212. Д. 6; [Субботин Н. И.] Летопись происходящих в расколе событий за 1889 год. М., 1889. С. 209.

³ Летопись событий, происходящих в расколе // Братское слово. М., 1875. С. 252–253.

⁴ [Субботин Н. И.] Летопись происходящих в расколе событий за 1889 год. С. 184–185; [Субботин Н. И.] Летопись происходящих в расколе событий за 1890 год. М., 1891. С. 5, 89.

создана первая самостоятельная зарубежная типография белокрыницких, где, наряду с другой литературой, ее организатор публиковал также и свои труды (например, «Истинность старообрядствующей иерархии противу возводимых на нее обвинений». 1885).⁵

После нескольких лет, проведенных за границей, в 1885 г. Швецов вернулся в Россию и принял иноческий чин под именем Арсения. С 1887 г. он постоянно проживал в с. Безводном, выезжая оттуда с проповеднической, миссионерской целью, для участия в различных дебатах. В Безводном в начале 1890-х гг. совместно со своим ближайшим другом и соратником И. Г. Усовым (позднее епископом Нижегородским Иннокентием) о. Арсений организовал мастерскую по производству гектографов.⁶

А. В. Швецов — о. Арсений был главным героем «Летописи событий, происходящих в расколе» в журнале «Братское слово». Члены Братства св. Петра следили за каждым его шагом. Н. И. Субботин неоднократно повторял на страницах «Летописи» свое подозрение в том, что многие нелегальные старообрядческие типографии, возникшие в России во второй половине XIX в., инициированы Швецовым и находятся под его контролем.

Во время своих поездок по России о. Арсений бывал с проповедями и в г. Уральске, например, в 1889 г. по приглашению епископа Уральского Виктора (Лютаева).⁷ Такого рода поездки сыграли важную роль в формировании авторитета Арсения в среде белокрыницких, поэтому в 1897 г., после смерти епископа Виктора, представители старообрядческих общин Уральска и его окрестностей обратились к архиепископу Московскому Савватию (Левшину) с просьбой поставить священноинока Арсения в сан епископа и определить на Уральско-Оренбургскую кафедру.⁸

Правительственные акты 1905–1906 гг., вводившие свободу вероисповедания и уравнивавшие в правах старообрядцев с другими категориями населения страны,⁹ дали им возможность открывать официально разрешенные типографии. Конечно же, епископ Арсений, для

⁵ [Субботин Н. И.] Летопись происходящих в расколе событий за 1887 год. М., 1888. С. 48.

⁶ [Субботин Н. И.] Летопись происходящих в расколе событий за 1888 год. М., 1889. С. 129–130.

⁷ [Субботин Н. И.] Летопись происходящих в расколе событий за 1889 год. С. 198, 205.

⁸ Урушев Д. А. Долг послушания // Остров веры. 2003. № 4. С. 36–38.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. С. 258–261. № 26126: «Апреля 17 [1905 г.]. Об укреплении начал веротерпимости»; С. 754. № 26803: «Октября 17 [1905 г.]. Об усовершенствовании государственного порядка».

которого книгопроизводство было важной составляющей его деятельности всю жизнь, не мог не воспользоваться сложившейся ситуацией. Типография в Уральске стала первым легальным старообрядческим полиграфическим заведением, оно начало функционировать уже в 1906 г.¹⁰

Документов, отражающих сам процесс создания типографии, не сохранилось, но поскольку официально заведение называлось «Старообрядческая типография под фирмою “Андрея Васильевича Симакова в г. Уральске”», напрашивается следующее предположение. Видимо, для реализации своего замысла епископ Арсений искал предпринимателя, способного воплотить его в жизнь, и выбор пал на купца А. В. Симакова, который к 1905 г. был крупным владельцем ряда торговых предприятий. Он имел оптово-розничную торговлю широчайшим кругом хозяйственных товаров: посудой, в том числе фарфором, фаянсом и хрусталем, различной кухонной утварью, керосиновыми лампами, кадилами, умывальниками, самоварами, мясорубками, швейными машинами, венской мебелью, зеркалами, а также строевым лесом и дровами, другими строительными материалами, углем, минеральными маслами для смазки техники. Не менее широк был и ассортимент его продуктовой торговли: зерновые культуры (пшеница, рожь, пшено, просо, овес и др.), разнообразная гастрономия, в том числе чай, сахар, собственного производства балыки и икра, вино-водочные изделия. Имел Симаков и свою гостиницу. Наряду с этим он торговал иконами, киотами, богослужебными книгами, различной церковной утварью.¹¹ Возможно, именно торговля этим товаром повлияла на выбор епископом Арсением А. Симакова в качестве исполнителя своего замысла.

Семья Симаковых, видимо, принадлежала к числу активных членов общины. Известно, что брат Андрея Васильевича, Павел, прини-

Логотип типографии А. В. Симакова

¹⁰ Старообрядческая типография // Церковь. 1908. № 25. С. 834.

¹¹ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов, 1898. С. XII–XIII; Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1906 год. Уральск, 1906. С. III; Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1907 год. Уральск, 1907. С. II; Старообрядческий месящеслов-календарь на 1910–1911 гражданский год. Уральск, 1910. С. X, XI, XIII.

Реклама заведений А. В. Симакова в «Памятной книжке... на 1898 год»
и в «Старообрядческом месяцеслове-календаре на 1910–1911 гражданский год»

мал самое деятельное участие в организации поставления о. Арсения во епископа. Он занимался сбором подписей белокриницких епископов под письмом владыки Савватия с просьбой дать согласие на рукоположение Арсения, объезжая их всех.¹²

Косвенные данные позволяют предположить, что А. В. Симаков родился примерно в середине XIX в. Его отец, Василий Федорович, числился бузулукским купцом, но большую часть жизни провел в Уральске. Он имел в центральной части этого города большой одноэтажный дом площадью более 1000 м² и три двухэтажных дома, а также еще один двухэтажный дом в Гурьеве. После смерти В. Ф. Симакова в 1895 г. все его имущество перешло к сыновьям Андрею и Павлу.¹³ Один из домов Симаковых до 1911 г. сдавался Уральскому окружному суду.¹⁴ Андрею, кроме части домов, достался и посудно-ламповый магазин, который был организован отцом в 1843 г.

Андрей Васильевич Симаков.
Музей «Старый Уральск».
URL: <https://ibirzha.kz/vnachale-bylo-slovo-2/?ysclid=m45j54i3sp499923797> (дата обращения 10.11.2024)

А. В. Симаков активно участвовал в общественной жизни города, много лет входил в состав Уральского благотворительного общества, сначала как заведующий народной столовой,¹⁵ потом как кандидат ревизионной комиссии,¹⁶ состоял в торговой депутации войскового хозяйственного правления от купеческого сословия,¹⁷ также был членом Уральского управления общества Красного Креста.¹⁸

Старообрядческая типография в Уральске начала работать в 1906 г. Революционная активность рабочих 1905–1907 гг. успела отразиться на работе нового заведения. Пресса зафиксировала кон-

¹² Урушев Д. А. Долг послушания.

¹³ Объявления // Уральские войсковые ведомости. 1895. № 13, 2 апреля. С. 3; № 15, 23 апреля. С. 5; 1989. № 12, 12 марта. С. 5.

¹⁴ Вафеев Р. Банкиров царственный чертог... // Информбиржа news. № 2 (1018), 9 января 2014. URL: <https://ibirzha.kz/bankirov-tsarstvennyj-chertog-2/> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁵ Памятная книжка... на 1898 год. С. 181.

¹⁶ Памятная книжка... на 1907 год. С. 237.

¹⁷ Памятная книжка... на 1906 год. С. 157–158; Памятная книжка... на 1907 год. С. 197.

¹⁸ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1909 год. Уральск, 1909. С. 271.

фликтную ситуацию между А. В. Симаковым и уральским обществом типографских рабочих.¹⁹ К началу 1907 г. во всех типографиях Уральска был введен восьмичасовой рабочий день, а в старообрядческой был установлен десятичасовой. В связи с этим общество типографских рабочих объявило бойкот книгопечатне Симакова, и все ее сотрудники должны были прекратить работу до удовлетворения требования о сокращении рабочего дня. Однако трое из них, Н. Я. Зуев, А. Л. Гусев и В. Я. Кулюкин, нарушили постановление общества, которое на своем собрании решило исключить их из его состава, а в отношении Зуева, «как главного организатора штрейкбрехеров», «приложить все старания, чтобы он не мог нигде приискать себе работы». Кроме того, в заметке газеты «Уральский дневник» общество типографских рабочих обратилось к своим коллегам из других городов: «В типографию Симакова не ездить, так как она находится под бойкотом». Также было решено «на предстоящей всероссийской конференции Союза рабочих печатного дела объявить имена бойкотируемых лиц». Как был улажен этот конфликт, неизвестно. Возможно, он стал причиной небольшого количества вышедших из типографии изданий в 1907 г. Но надо полагать, погашение революционной ситуации к середине 1907 г. помогло Симакову установить в своем заведении приемлемый для него режим работы.

Определение масштабов деятельности типографии имеет некоторые трудности. В отличие от других старообрядческих книгопечатен легального периода она не выпускала отдельных каталогов своих изданий, либо они до сих пор не обнаружены. Исключение составляют небольшие рекламные списки продаваемых изданий, опубликованные в журнале «Церковь»,²⁰ в книгах гражданского шрифта И[вана] З[ыкова] «Старообрядцы-поморцы» (Уральск, 1909) и Арсения (Швецова) «Истинность старообрядствующей иерархии противу возводимых на нее обвинений» (Уральск, 1910), в календаре на 1910–1911 гг., который печатался в типографии Симакова²¹ и в некоторых других изданиях.

Наиболее полный список продукции уральской типографии с очень кратким их описанием составлен А. А. Гусевой в каталоге кириллических изданий 1801–1917 гг.²² Он базируется на коллекции

¹⁹ О борьбе типографских рабочих г. Уральска за 8-часовой рабочий день и против штрейкбрехеров // Уральский дневник. 29 марта 1907 г.

²⁰ Церковь. 1909. № 22. С. 722.

²¹ Старообрядческий месяцеслов-календарь на 1910–1911 гражданский год. Уральск, 1910. С. 92.

²² Гусева А. А. Каталог изданий кирилловской печати 1801–1918 гг.: Из собрания НИО редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки. М., 2021. Т. 2, 3.

РГБ и дополнен ссылками на книги, описанные в опубликованных каталогах других книжных собраний, в том числе ЛАИ УрФУ. Нам удалось несколько расширить список А. А. Гусевой, включив в него неучтенные исследователем книги из перечней указанных выше рекламных сообщений и из фондов ЛАИ УрФУ. Итоговый список изданий типографии составил 75 единиц кириллического шрифта и девять гражданского.

Этот список, конечно же, далеко не полон, но он позволяет дать предварительный анализ своеобразия деятельности уральской старообрядческой типографии. В соответствии с ним хронологическая картина изданий выглядит следующим образом: в 1907 г. было напечатано 8 книг, в 1908 — 34, в 1909 — 13 кириллических и 1 гражданская, в 1910 — 4 кириллических и 3 гражданских, в 1911 — 1, в 1912 — 2, в 1913 — 1. У 12 кириллических и 5 гражданских изданий точная дата выхода в свет не установлена, но поскольку они перечислены в списках продаваемых книг, изданных в начале 1909 и 1910 гг., логично предположить, что время их выпуска 1907 — начало 1909 или 1910 г.

Несмотря на неполноту списка изданий типографии, произведенные на его основании подсчеты выпуска книг по годам, однозначно указывают на роль епископа Арсения в организации книгоиздательства в Уральске. В 1906–1907 гг. типография организовывалась, ее работа набирала темп. В 1908 г. она работала в полную силу. 10 сентября 1908 г. Арсений Уральский скончался, и издательская деятельность пошла на спад.

Состояние типографии на начало 1909 г. отражает репортаж о визите архиепископа Московского и временно на тот момент епископа Уральского Иоанна (Картушина):

...Архиепископ первоначально вошел в наборную, подробно осмотрел шрифты, обратил особое внимание на мелкий шрифт, которым печатаются учебные книги для старообрядческих училищ. Из наборной по пути остановился в корректурной, перешел в переплетную. Интересовался как переплетом, так и усовершенствованными переплетными машинами. Из переплетной вернулся вновь в корректурную, рассматривал отпечатанные листы с иосифовского напрестольного Евангелия, пожелал корректорам полного успеха в святом деле печатания патриарших богослужебных книг. Взял каталог на вышедшие книги.

Прошел в машинное отделение, — осматривая скоропечатные большие машины, заметил: «Я никак не думал, что в Уральске такая обширная типография...» Штамповальное и стереотипное отделения не смотрел, а вернулся опять в корректорскую где была приготовлена книга Праздничная Миния, переплетенная в особый переплет с золотым обрезом, вызолоченными застежками и заставками, на первом листе в золоченой рамке с виньетками золотыми буквами отпечатано: «Господину Иоанну, архиепископу московскому, в память посещения уральской старообрядческой типографии, 23-го февраля 7417 лета».

Эту книгу преподнес архиепископу А. В. Симаков.²³

Известно, что в 1910–1911 гг. в типографии было произведено переоборудование производства — приобретены шесть станков новой конструкции, работавших на пару. К этому моменту в заведении трудилось около 70 человек.²⁴ Этот факт вступает в противоречие с приведенными выше данными о количестве выпуска книг по годам. Встает вопрос, чем занималась типография после переоборудования? И ответа на него пока нет.

Участие епископа Арсения в деятельности типографии не ограничивалось только его ролью в решении организационных вопросов, но также отразилось в подготовке материалов к изданию. Наиболее ярким показателем этого направления работы является составленный им «Краткий практический устав», который был опубликован в 1908 г. В ходе подготовки издания епископ провел сравнительный анализ служебных практик разных приходов. В книгу был включен весь круг церковных служб, они сопровождаются указаниями по их ведению, множеством разного рода комментариев, даны объяснения обрядов, понятий и т. д. Текст последней главы «Краткое объяснение церковного богослужения» организован в форме ответов на актуальные вопросы.

В репертуаре типографии среди изданий до середины 1909 г. много отдельных канонов, иногда сброшюрованных по два. В настоящее время обнаружено 29 таких изданий, это составляет более 50 % от всей продукции указанного периода.

Среди изданий типографии есть выделяющиеся из общей массы старообрядческой печатной продукции. К ним относится, например, «Домострой» (Уральск, 1912), не издававшийся никогда ревнителями старины. Книга печаталась по списку XVII в. из Древлехранилища М. П. Погодина, об этом было сказано в ее выходных данных. Печатный вариант сочинения, как и рукописный оригинал, в восьмую долю листа.

К числу нестандартных изданий типографии можно отнести и публикацию «Поморских ответов». Они печатались и в других старообрядческих типографиях, но уральский вариант отличается оформлением. Это книга гражданского формата 1/16. Текст сопровождается оригинальными черно-белыми гравюрами: сюжетными, отражающими процесс создания сочинения, а также воспроизводящими поморские настенные листы с родословным деревом рода Мышецких-

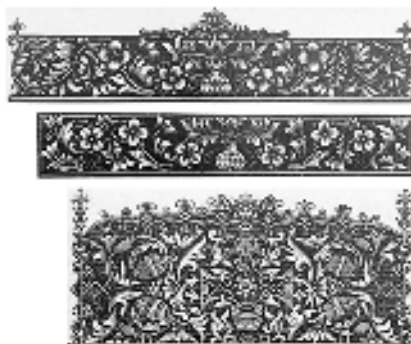
²³ Уральск (от нашего корреспондента). Приезд владыки // Церковь. 1909. № 12. С. 419.

²⁴ Обзор событий в старообрядчестве всех согласий со дня дарования свободы вероисповедания // Старообрядческий адрес-календарь. Рига. 1911. С. 94.

Заставки тип. Овчинниковых

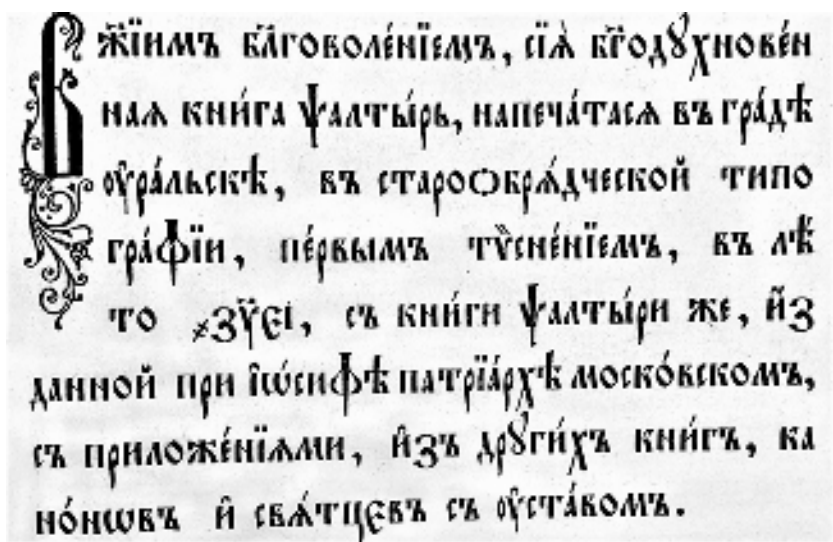
Заставки тип. Симакова

Заставки типографий Овчинниковых и Симакова из книг фонда ЛАИ УрФУ

Вторушиных-Денисовых и панорамными видами выго-лексинских монастырей. Судя по рекламной информации, опубликованной в 22 номере журнала «Церковь» за 1909 г., это издание должно было выйти в свет к 1 июля 1909 г., но выпуск задержался до 1911 г. Однако в 1909 г. был издан очерк И. Зыкова «Старообрядцы-поморцы». Весьма вероятно, что оба издания печатались по заказу представителей поморского согласия.

Обращает на себя внимание тот факт, что в выходных данных некоторых изданий уральской типографии указано на их перепечатку с книг, «напечатанных почаевской типографией» (см., например, Часовник, 1907 г.). Со ссылкой на почаевскую типографию в выходе печатали свои книги нелегальные старообрядческие типографии второй половины XIX — начала XX в. и, в первую очередь, беспоповские типографии Андрея и Алексея Овчинниковых, а также использовавшие их шрифтовые и орнаментальные материалы печатни Д. Крупина и Л. Гребнева. Ориентация уральской типографии на продукцию беспоповцев особенно ярко прослеживается в орнаментике. Основная часть заставок представляет собой копии клише Овчинниковых. При внимательном их рассмотрении складывается впечатление, что они, в отличие от тех, что послужили образцом, выполнены не в дереве, а в металле. В то же время инициалы, концовки, рамки на полях имеют оригинальный рисунок. В оформлении книг активно использовались и литые наборные украшения в стиле ар-деко, вероятно, приобретенные в каком-то магазине полиграфических товаров, которые в то время существовали в каждом городе России, либо отлитые в уральской типографии по шаблонам распространенных типов наборной орнаментики.

Образец шрифта типографии А. В. Симакова

Однако в небольших, малоформатных изданиях, как, например, отдельные каноны, для оформления использовались только заставки, как было отмечено, в большинстве своем сходные с овчинниковскими. В таких случаях при атрибутировании дефектных экземпляров следует обращать внимание на шрифт. В изданиях уральской типографии его графика отличается от графики шрифтов всех других старообрядческих типографий.

Выявленные в настоящее время сведения о старообрядческой типографии А. В. Симакова в Уральске оставляют еще много вопросов в изучении ее деятельности. К числу важнейших задач относится составление каталога продукции, выпущенной заведением. Решение этой задачи возможно только соединенными усилиями специалистов разных археографических центров.

Список литературы

- Вафеев Р. Банкиров царственный чертог... // Информбиржа news. № 2 (1018), 9 января 2014. URL: <https://ibirzha.kz/bankirov-tsarstvennyj-chertog-2/> (дата обращения: 20.11.2024).
- Гусева А. А. Каталог изданий кирилловской печати 1801–1918 гг.: из собрания НИО редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки. М., 2021. Т. 2. 400 с.; Т. 3. 400 с.
- Объявления // Уральские войсковые ведомости. 1895. № 13, 2 апреля. С. 3; № 15, 23 апреля. С. 5; 1989. № 12, 12 марта. С. 5.

- Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов, 1898. 289 с.
- Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1906 год. Уральск, 1906. 229 с.
- Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1907 год. Уральск, 1907. 271 с.
- Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1909 год. Уральск, 1907. 303 с.
- Починская И. В.* Типографии старообрядцев-беглопоповцев 1905–1917 гг. // Текст. Книга. Книгоиздание (в печати).
- Починская И. В.* Продукция старообрядческих типографий конца XIX — начала XX в. как исторический источник в изучении их деятельности // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (в печати).
- Старообрядческая типография // Церковь. 1908. № 25. С. 834–835.
- Старообрядческий месяцеслов-календарь на 1910–1911 гражданский год. Уральск, 1910. 117 с.
- [*Субботин Н. И.*] Летопись происходящих в расколе событий за 1887 год. М., 1888. 274 с.
- [*Субботин Н. И.*] Летопись происходящих в расколе событий за 1888 год. М., 1889. 199 с.
- [*Субботин Н. И.*] Летопись происходящих в расколе событий за 1889 год. М., 1889. 215 с.
- [*Субботин Н. И.*] Летопись происходящих в расколе событий за 1890 год. М., 1891. 139 с.
- Урушев Д. А.* Долг послушания // Остров веры. 2003. № 4. С. 36–38.

Т. Ф. Волкова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

ПЕЧОРСКИЕ КНИЖНИКИ ИЗ РОДА НОСОВЫХ

В статье приводятся материалы базы данных о печорских книжниках, созданной автором статьи, касающиеся разветвленной семьи Носовых. Приводятся сведения о всех основных видах деятельности книжников Носовых — переписке ими рукописей, наличии у них в домашней библиотеке старинных книг, сведения о них как о читателях. Источниками для автора послужили записи на рукописях и старопечатных книгах печорского бытования, отчеты об археографических экспедициях ленинградских и сыктывкарских археографов в Усть-Цилемский район Республики Коми, списки писцов и владельцев значительных собраний рукописей, составленные открывателем «книжной» Печоры В. И. Малышевым по устным рассказам печорских крестьян и архивным документам.

Ключевые слова: старообрядческая книжность, род Носовых, археографическая практика

Данная статья является продолжением предыдущей нашей публикации, посвященной самому известному книжнику из рода Носовых — Степану Анфиногевичу.¹ В ней мы приведем материалы базы данных и о других представителях рода Носовых, которые внесли свой вклад в сохранение старинной книжности на Нижней Печоре.

Род Носовых в Усть-Цильме, наверное, самый разветвленный. Т. Д. Вокуева, имеющая к этому роду прямое отношение по отцовской линии, провела разыскания о самом значении фамилии Носов. «Было прозвище или мирское имя Носко, — пишет она. — Его, по-видимому, давали тем, кто отличался своим носом. Например, в начале XVI в. известен Григорий Матвеевич Большой Нос Колычев, еще раньше, во второй половине XV в., известен князь Федор Семенович Дубовый Нос Шехонский».²

¹ Волкова Т. Ф., Мелихов М. В. Вклад старообрядца С. А. Носова в создание и сохранение рукописно-книжной традиции на Нижней Печоре: По материалам базы данных о печорской книжности // Археография и источниковедение Сибири. Вып. 1 (43). Новосибирск, 2024. С. 261–272.

² Вокуева Т. Д. Основатели Усть-Цильмы и ее хранители в моих родовых истоках // От истоков рода к истории страны: XIV Родословные земляческие чтения «От семьи и рода — к единству нации». Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 875-летию города Москвы, 870-летию города Костромы, 480-летию села Усть-Цильмы (в рамках проекта Московского дома национальностей «Межкультурная коммуникация в столичном мегаполисе»). Москва, 26 ноября 2022 года. М., 2023. С. 147.

Фамилия Носов впервые появляется в «Переписной книге Пу-стозерского уезда» 1679 г. В ней названы шесть человек по фамилии Носов: «Савка Филипов сын Носов, у него два сына: Терешка да Конанка, у Терешки два сына: Петрушка 5 лет, да Оська 3 лет, у Кононки сын Ивашко 3 же лет».³ Как мы уже неоднократно отмечали, в Усть-Цильме практически все рода имеют не только официальную фамилию, но и родовое прозвище, которое считалось в народе более значимым и передавалось от поколения к поколению с середины XIX века. Т. Д. Вокуева приводит в своей статье, например, такие прозвища Носовых: «Железниковых, Иванковы, Левкины, Огрушиных».⁴ Из рода Носовых вышло много известных людей. Было в нем и много книжников — писцов, владельцев значительных собраний рукописей, читателей старинных книг.

Среди переписчиков рукописей В. И. Малышев назвал двух Носовых: Никиту Ивановича, с пометой «(Усть-Цильма). Умер в 1884 г.»,⁵ и Тараса Семеновича, с пометой «(д. Верховская), умер лет 25 назад».⁶ Он упомянут и в списке владельцев рукописных собраний.⁷

Гораздо больше В. И. Малышевым названо имен владельцев книжных собраний из числа Носовых. Так, в его монографии «Усть-Цилемские рукописные сборники...» в списке владельцев старинных книг⁸ названо 13 имен из рода Носовых: устьцилемка Анна Ивановна, жители д. Коровий ручей возле Усть-Цильмы Алексей Васильевич и Василий Васильевич, Андрей Степанович из д. Канахино на Печоре, пинежане Василий Калинович из д. Верховской, Игнатий Лукич, Матрена Михайловна и Клеон Мартынович из д. Загривочной, цилемские книжники из д. Филиппово Василий Ефимович, Архип Васильевич и Семен Васильевич, а также жители цилемской д. Ортино Трофим Ефимович и Яков Трофимович.

В другом списке, помещенном в приложении к статье о письмах печорских крестьян,⁹ В. И. Малышев расширил временной диапазон

³ Переписная книга опубликована в очерках по истории коми крестьянства: *Матцук М. А.* Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар, 1993. С. 166.

⁴ *Вокуева Т. Д.* Древнерусское происхождение устьцилемов, вытекающее из сохранившихся родовых прозвищ/фамилий // Родовые предания устьцилем: Материалы районной научно-практической конференции к 465-летию Усть-Цильмы. Республика Коми, с. Усть-Цильма, 28 февраля 2007 г. Усть-Цильма, 2007. С. 58–71.

⁵ *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 16.

⁶ *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. С. 18.

⁷ *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. С. 25.

⁸ *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. С. 24–26.

⁹ *Малышев В. И.* Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 455–457.

жизни книжников, включив в список писцов и владельцев рукописей XVIII в., а также материалы архивных документов. Таким образом, список писцов и владельцев старинной книжности пополнился именами еще шестерых Носовых: устьцилемов Ивана Артемьевича (с пометой «родился около 1790 г.»), Игнатия Ивановича (с пометой «родился около 1805 г.») и Петра Ивановича (с пометой «родился около 1823 г.»). В д. Рошинский ручей указан Василий Васильевич Носов, в д. Уег — Иван Афанасьевич (с пометой «родился в 1783 г.»). В этом списке появляется и Степан Анхенович Носов как житель д. Загри-вочная на Пижме (с пометой «переписывал рукописи»). Остальные имена Носовых-книжников нам пришлось восстанавливать по записям на рукописных и старопечатных книгах, археографическим отчетам и описаниям рукописей.

Прежде всего рассмотрим, содержится ли в составленной нами базе данных какая-то дополнительная информация о тех книжниках-Носовых, которых упоминает в своих списках В. И. Малышев. Оказалось, что половина включенных Малышевым в его списки имен в источниках нигде не встречается. О других Носовых из трех малышевских списков нашлась информация, достаточно неоднородная по количеству упоминаний. Наибольшее число указаний на причастность к книжной культуре связано с именем Степана Анфиногеновича Носова, о чем было рассказано в нашей первой статье.

Вторым печорским, точнее пижемским, книжником, на деятельность которого в области книжной культуры указывает большое количество источников, является Клеон Мартынович Носов из д. Загри-вочной, который известен как «представитель старообрядческих изданий на Пижме».¹⁰ Он не занимался перепиской рукописей, но был владельцем собрания рукописных и старопечатных книг, о принадлежности которых к его библиотеке свидетельствует его личный владельческий штамп, обнаруженный на целом ряде его рукописных книг (ИРЛИ, УЦ 360; 407; 417; ИРЛИ, УЦ н. 186, НБ СГУ, УЦ р. 43; НБ СГУ, Гагар. 9; НБ СГУ, НМРК, Р-87) и книг кириллической печати: НБ СПбГУ, ОРК 5744:¹¹ «Клеон Мартынов/ Носов/Устьцылем-ской вол. Замежен. общ.». В отчетах В. И. Малышева есть сведения и о покупке и продаже Клеоном Мартыновичем старинных книг.¹² Сохранились его читательские записи на рукописи ИРЛИ, УЦ н. 25

¹⁰ Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. С. 22–23.

¹¹ Савельев А. А. Книги кириллической печати с берегов Печоры в собрании Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 83, № 70.

¹² Малышев В. И. Пижемская рукописная старина: Отчет о командировке 1955 г. // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 473.

и старопечатной книге — НБ СПбГУ, ОРК 5646:¹³ «1845 (1847?) года сиу книгу глаголемую Обиходник держал Клеоник Мартынов Носов» (ИРЛИ, УЦ н. 25, л. 331, карандаш, скоропись); «1915 года месяца апреля 23 дня читал Клеон Мартынов Носов» (НБ СПбГУ, ОРК 5744).

Обнаружились дополнительные сведения и о некоторых других печорских книжниках, имена которых назвал в своих списках В. И. Малышев. Так, руке Никиты Ивановича Носова, печорского писца с характерным и легко узнаваемым крупным полууставным почерком, явно принадлежали рукописи: ИРЛИ, УЦ 337,¹⁴ УЦ н. 202¹⁵ (писец части рукописи); НБ СГУ, УЦ р. 105.¹⁶

Удалось найти и несколько указаний на причастность к книжной культуре печорских книжниц из рода Носовых, названных в списках В. И. Малышева. Одна из них — Анна Ивановна Носова, о которой как владелице собрания рукописей В. И. Малышев упоминает в одном из своих археографических отчетов,¹⁷ а как о дарительнице рукописи — в другом отчете,¹⁸ упоминается она и как «адресат рукописи» (то есть ее заказчица) в записи на рукописной книге ИРЛИ, УЦ н. 110: «Сии стихи писал Иван Григорьев Носов Анны Иванов Носов на пам[ять], 1909 г., декабря 26-го дня» (л. 4 об.). Возможно, именно она скрывается под инициалами А. И. как последняя владелица рукописи, подаренной сыктывкарским археографам, — НБ СГУ, УЦ р. 19.

Матрена Михайловна Носова, так же по указанию В. И. Малышева владелица собрания рукописей, упомянута в поминальной записи на рукописи ИРЛИ, УЦ н. 65: «Умершая память Матрены Носовой 1875-го 3 ноября» (л. 144 об.), а Андрей Степанович Носов, упомя-

¹³ Савельев А. А. Книги кириллической печати с берегов Печоры... С. 80, № 53.

¹⁴ Последование об усопших. Последняя треть XIX в. 8°. 31 л., полуустав (почерк Н. И. Носова). Переплет не сохранился. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина. Заглавия и начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма (неизданное описание богослужебных книг, составленное В. И. Малышевым).

¹⁵ Сборная служебная рукопись (конволют). XVIII–XX вв. 8°. 188 л., полуустав и скоропись, часть листов — печатный текст, некоторые листы написаны Н. И. Носовым в XIX в., несколько заставок (чернила и киноварь), владельческая запись XIX в. некоего Осташова. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей. Из д. Уег (неизданное описание Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ).

¹⁶ Канон общий усопшим, фрагмент. Начало XX в. 8°. 6 л. Бумага русская машинная, без маркировки. Полуустав печорский крупный носовского типа. Киноварь в заголовках и инициалах. Без переплета. Получен в 1984 г. от жительницы с. Усть-Цильмы Н. Ф. Татаринцевой (см.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель. Ч. 1: Рукописные книги. Вып. 1: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар, 1989. С. 192).

¹⁷ Малышев В. И. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 470.

¹⁸ Малышев В. И. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 430.

нутый В. И. Малышевым как владелец рукописей, оказался и писцом одной из них (ИРЛИ, УЦ н.115), согласно указанию описания Усть-Цилемского нового собрания,¹⁹ а также адресатом письма (ИРЛИ, УЦ н. 106).²⁰ Иван Носов, владелец собрания рукописей (отчество в списке В. И. Малышева не указано), оставил владельческие записи на рукописи ИРЛИ, УЦ 340²¹ и фигурирует как автор писем: ИРЛИ, УЦ 277²² и УЦ 278²³ и составитель документа (НБ СГУ, УЦ р. 139²⁴). Петр Иванович Носов, писец и владелец рукописей, указан в нашей базе данных и как автор письма (ИРЛИ, УЦ н. 337²⁵). Возможно, именно он фигурирует без отчества, как Петр Носов, упомянутый в деловой записи в рукописи ИРЛИ, УЦ 68.

Уже после опубликования В. И. Малышевым списков писцов и владельцев рукописных собраний в ходе археографических экспедиций 1960–1980-х гг. были выявлены имена печорских книжников, которые в списках не фигурируют. Их достаточно много — 32 имени. Приведу наиболее интересные записи из базы данных.

О некоторых из не вошедших в списки В. И. Малышева книжниках есть сведения об их роли в создании и сохранении рукописно-книжной традиции Нижней Печоры. Так, сохранились владельческие записи на рукописи ИРЛИ, УЦ 340: «Книга принадлежащая Ивану Носову» (внутри верхней крышки переплета); «Книги Ивана

¹⁹ Сборник стихов. 1910-е гг. 8°. 34 л., полуустав, без обложки. Рукопись написана Андреем Степановичем Носовым и приобретена от его внучки Марфы Васильевны Носовой из д. Канахино. А. С. Носов занимался перепиской рукописей до 1930-х гг., проживал в то время в д. Канахино.

²⁰ Письмо Степана Ивановича, настоятеля Поморской пустыни, Андрею Степановичу Носову, в д. Канахино, о получении 50 копеек денег, через Якова Степановича, и с просьбой впредь не забывать своей милостынею. Около 1894 г. 4°. 2 л., подражание печатному шрифту. Из д. Канахино.

²¹ Псалтырь. Вторая четверть XVII в. 4°. 318 л., полуустав двух почерков. Переплет — доски, покрытые кожей. Записи: «Книга принадлежащая Ивану Носову» (внутри верхней крышки переплета); «Из книг, принадлежащих Ивану Носову» (л. 318 об.); «Книги Ивана Носова» (внутри нижней крышки переплета).

²² Письмо Тимофею Семеновичу Бобрецову от 22 декабря 1823 г. в Великопоженский скит из д. Скитская. Содержит благодарность за оказанное внимание и просьбу известить о поездке на Вашку (см.: *Малышев В. И.* Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. С. 447).

²³ Письмо тому же адресату о присылке вина, содержит также просьбу выслать книгу и винную стопку для некоего Чуркина по просьбе Степана Хромого (Степана Никифоровича Еремина, отца И. С. Мяндина).

²⁴ Речь идет о какой-то выписке, которую должен был прислать И. Носов некоему Андрею Степановичу, заканчивается формулами уважения и извинения: «С совершенным почтением пребывая слугою. Иван Носов ноября 13 дня 1913 года. Извините, что худо писал, торопился, в виду того, что не успел писать по причинѣ именин. Аминь».

²⁵ Письмо Петра Ивановича Носова с австрийского фронта родным в Усть-Цильму. 8 января 1915 г. 4°. 2 л., скоропись. От Натальи Даниловны Осипенко (д. Федосеевка).

Носова» (внутри нижней крышки переплета); «Из книг принадлежащих Ивану Носову» (л. 318 об.). На рукописи ИРЛИ, УЦ 74 написано: «Сия книжица принадлежит И. Я. Носову» (л. 22 об.). Сохранилась также помета-автограф И. Я. Носова на рукописи ИРЛИ, УЦ 22:²⁶ «Иван Яковлевич Носов» (л. 245, карандаш).

Другой книжник, Фрол Федорович Носов, передал сыктывкарским археографам одну рукопись — Ирмологий нотированный (НБ СГУ, УЦ р. 64. Середина XVIII в. 4°. 179 л.) и одну кириллическую книгу — Минея общая (НБ СГУ, УЦ п. 51. XVII в. 2°. 437 л. Переплет — доски в коже, утрачена застежка на верхней крышке). Ф. Ф. Носов также известен и как хранитель исторических преданий (ФА СГУ, У-Ц 0342-36).

Как писец рукописи в базе данных фигурирует Иван Григорьевич Носов (ИРЛИ, УЦ н. 110 — см. его писцовую запись выше), но он оставил и читательскую запись на рукописи НБ СГУ, УЦ р. 213,²⁷ а Евгений Яковлевич Носов, о котором как о писце упоминает В. И. Малышев,²⁸ оставил и свои читательские записи на двух рукописях: ИРЛИ, УЦ 59²⁹ (сборник, содержащий Слова Андрея Денисова, Повесть о происхождении табака, Житие Ефросина, псковского чудотворца, выписки из Киево-Печерского патерика, сочинение об антихристе) и ИРЛИ, УЦ н. 3³⁰ (Торжественник поморский. Первая четверть XIX в. 4°. 196 л., полуустав. Переплет — доски, покрытые кожей, с двумя застежками).

²⁶ Сборная рукопись. Вторая четверть XVIII — начало XX в. 8°. 250 л., поморский и печорский полуустав нескольких почерков. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей. Содержит большое количество литературных текстов, в частности: Повесть о Таисии блуднице, выписку из поучения отца к сыну о правилах христианского жития, повесть из Киево-Печерского Патерика о Матвее Прозорливом, Повесть о Петре и Февронии муромских, слова из Скитского Патерика и Старчества (см.: *Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.* С. 79–82).

²⁷ Слово Епифания Кипрского о погребении тела Иисуса Христа. Конец XIX в. 4°. 34 л., полуустав, красные чернила в заголовке. Переплет поздний: картон в ледерине. На л. 34 карандашом написано: «Сею книгу читал Иван Носов», на л. 34 об. также карандашом: «Сию книгу чита(л) Иван Григорьевич Нос(ов)».

²⁸ *Малышев В. И.* Рукописи из Пустозерска и Нарьян-Мара // ТОДРЛ. Т. 20. М.: Л., 1964. С. 411.

²⁹ «Сию книгу читал и списал крестьянин села Устьцильмы Евгений Яковлев Носов 20 лѣтъ от роду. Списал в 1919-м году от Рождества Христова. 1919 года марта 6 дня» (л. 163).

³⁰ «Сию книгу читали И. и Е. Я. Носовы» (на внутренней стороне верхней крышки переплета); «Сию книгу случилось почитать крестьянским детям Ивану и Евгению Яковлевичам братьям Носовым, сыновьям крестьянина Якова Прокопьева Носова в Устьцильмы. Читали с начала и до конца. Месяца мая 2-го дня 1913 года от сотворения мира 7121 И. Носов» (л. 195 об.).

Владельческие записи оставили на рукописных книгах Носовы Василий Петрович (ИРЛИ, УЦ 138, л. 17 об., карандашная помета), Осип Терентьевич (ИРЛИ, УЦ 317) и Петр Осипович, его сын, — на той же рукописи: «Сия книга / Оски Носова» (л. 33–33 об.); «Сия книга / Осипа / Терентиева сына / Носова / кублѣнина (л. 34–36); «Сия / книга / Петра / Носова» (л. 3–5); «Сия / книга Петръ (!) / Носова / сына / Осифова (л. 26 об.–32); «Сия книга / Петра / Носова / сына / Осифова» (л. 36 об.–39).

Больше всего новых имен стало известно благодаря фиксации в научных описаниях сведений, от кого получена та или иная книга. Среди них назову тех, кто передал несколько рукописей археографам. От Зиновии Григорьевны Носовой сыктывкарскими археографами получено 12 рукописей, сейчас хранящихся в Усть-цилемском собрании НБ СГУ (УЦ р. 74, 84, 88, 92, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 145³¹). От Ф. С. Носова — две рукописи (УЦ р. 196³² и 197³³). В ИРЛИ передала рукописи Марфа Васильевна Носова: ИРЛИ, УЦ н. 250 (Сборник. Конец XVIII в. 8°. 64 л., поморский полуустав и скоропись нескольких почерков. Переплет — береста, покрытая бумагой. Содержит 17-ю кафизму Псалтыри, канон за единоумершего и др.); ИРЛИ, УЦ н. 254 (Сборная рукопись. XVIII — начало XIX в. 8°. 192 л., поморский полуустав нескольких почерков, заставка чернилами. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, выговской работы. Содержит каноны, в том числе Зосиме и Савватию Соловецким, скитское покаяние, чин исповеди перед иконой, месяцеслов); ИРЛИ УЦ н. 289 (Сборник. XX в. (новейшего письма). 8°. 14 л., подражание печатному шрифту (карандашом). В бумажной обложке. Содержит Азбуку, стихи о юноше воине, «Выйду я на реченьку», рассказы «Слепой и глухой», «Пожарные собаки», стих «Ах, как веет ветерок» и др.).

От Матрены Васильевны Носовой получено три рукописи: ИРЛИ, УЦ н. 307 (Каноны на исход души. XIX в. 8°. 24 л., полуустав. Обложка бумажная. Из д. Конахино); ИРЛИ, УЦ н. 308 (Канон Георгию Победоносцу (отрывок). XIX в. 8°. 5 л., полуустав. Заглавие и начало не сохранились); ИРЛИ, УЦ н. 310 (Служба по умершему младенцу (без конца). Первая половина XIX в. 4°. 10 л., полуустав. Обложка не сохранилась).

Несколько Носовых передали археографам кириллические печатные книги. Ксения Васильевна Носова передала в НБ СГУ следую-

³¹ См. описание этих рукописей: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР.

³² Сборник («Книга 16»), составленный С. А. Носовым. 1970-е гг. 8°. 139 л.

³³ Последование великого повечерия, фрагменты. Первая четверть XIX в. 8°. 5 л.

щие издания: Азбука (фрагмент). М.: Старообрядческая тип., 1915. 8°. 6 л., без переплета. Книга приобретена в 1980 г. в с. Трусово (НБ СГУ, УЦ п. 12). От нее же в 1984 г. получен Канон за умерших и за единоумершего. Вятка, с. Тушка, 1910. 8°, переплет разбит (НБ СГУ, УЦ п. 35). В том же году от Ксении Васильевны получены еще две книги: Служба по вся дни. XVIII–XIX вв. 8°. 20 л., без переплета и без окончания, с рукописной реставрацией листов (НБ СГУ, УЦ п. 36) и Канон Всемиловитому Спасу. Уральск: Старообрядческая тип., 1908. 8°. 14 л., без переплета (НБ СГУ, УЦ п. 37). Ранее К. В. Носова передала ленинградским археографам старопечатный Канонник (М., 1652), поступивший в НБ СПбГУ, ОРК 6311.³⁴

Выявлены и читательские записи Носовых. Их оставили Гавриил Григорьевич Носов на рукописях Усть-Цилемского нового собр. ИРЛИ УЦ н. 6.³⁵ (Житие и служба Зосимы и Савватия Соловецких. Конец первой трети XIX в. 2°. 177 л., полуустав. Переплет — доски, покрытые кожей, с одной застежкой) и Усть-цилемского собрания НБ СГУ (УЦ р. 213. Слово Епифания Кипрского о погребении тела Иисуса Христа)³⁶ и Матвей Ефимович Носов — на кириллической книге Ефрем Сирин. Книга о жизни. Вильно: Королевская тип., 1768. 8°. 565 л. (НБ СГУ, УЦ п. 89)³⁷ и на рукописи НБ СГУ, УЦ р. 211 (Цветник. Сборник учительный. XVIII в. 4°. 197 л. Переплет — доски в коже, застежки утрачены).³⁸

Семь Носовых оставили на рукописных книгах свои автографы, без уточнения, были ли они владельцами, переписчиками или читателями. Назовем эти имена: Мавринна Ивановна, Киприян Семенович, Макар Ермилович, Филипп Ефимович (ИРЛИ, УЦ 16. Сборная рукопись. Первая четверть — конец XVIII в. 4°. 149 л., полуустав и скоропись нескольких почерков. Переплет картонный, покрытый тисненой замшей, корешок ветхий. Содержит стихи о блудном сыне, о приближении смертного часа, стих покаянный грешника и др.), Василий Тимофеевич и Григорий Прокопьевич (НБ СГУ, УЦ р. 10. Кафизма 17-я, фрагмент. Начало XX в. 8°. 23 л).

³⁴ Издание отлично от описанного А. С. Зерновой: есть тетради 47 и 48 с текстом главы 23. Нет многих листов. Переплет — доски в коже, с остатками двух застежек. Поступила в 1970 г. (Савельев А. А. Книги кириллической печати с берегов Печоры... С. 79, № 45).

³⁵ «Гавриил Григорьев Носов прочитал чудотворения преподобных вси до конца. В лето 7412-е (1904) месяца мая 23 день» (л. 173 об.).

³⁶ «Сию книгу читал Гаврил Носов» (л. 34 об., запись карандашом).

³⁷ «Сию книгу читал Матвей Ефимов Носов» (верхний переплетный лист, скоропись XIX в.).

³⁸ «Сию книгу читал Матвѣй Ефимов сын Носов 1876, апрѣля 9 дня, от крѣщения лѣтъ родившись в 18(47)» (л. I).

Назовем и несколько представителей фамилии Носовых, известных как хранители исторических преданий. Кроме упомянутого ранее Фрола Федоровича, к ним относятся: Евдокия Федоровна (ФА СГУ У-Ц 03110-6, 8, 11, 13), Мирон Степанович (ФА СГУ У-Ц 0344-4), Акулина Родионовна (ФА СГУ У-Ц 03110-54, У-Ц 03110-55) и Агафья Степановна (ФА СГУ У-Ц 0350-5).

Несколько имен Носовых появились в базе данных после изучения писем, опубликованных В. И. Малышевым: Носовы Степан Козьмич и Яков Козьмич (наставник) предстают как адресаты письма (ИРЛИ, УЦ н. 102. Письмо Якова Козьмича, настоятеля Каркозерской пустыни (Каргопольский уезд), Степану Козьмичу Носову в дер. Канахино (Усть-Цилемский уезд) о получении милостыни и с просьбой прислать еще подаяние «на ладон, свечи и на пропитание». Последняя четверть XIX в. 4°. 2 л., подражание печатному шрифту. Из дер. Канахино). Кроме того, Яков Степанович упоминается и в другом письме (ИРЛИ, УЦ н. 106. Письмо Степана Ивановича, настоятеля Поморской пустыни, Андрею Степановичу Носову, в дер. Канахино, о получении 50 копеек денег, через Якова Степановича, и с просьбой впредь не забывать своей милостынею. Около 1894 г. 4°. 2 л., подражание печатному шрифту. Из дер. Канахино).

Таковы материалы нашей базы данных о печорских книжниках Носовых. Они показывают, насколько большой вклад сделали представители этого рода в создание и сохранение печорской рукописной традиции.

Список литературы

- Вокуева Т. Д. Древнерусское происхождение устьцилемов, вытекающее из сохранившихся родовых прозвищ/фамилий // Родовые предания устьцилем: Материалы районной научно-практической конференции к 465-летию Усть-Цильмы. Республика Коми, с. Усть-Цильма, 28 февраля 2007 г. Усть-Цильма, 2007. С. 58–71.
- Вокуева Т. Д. Основатели Усть-Цильмы и ее хранители в моих родовых истоках // От истоков рода к истории страны: XIV Родословные земляческие чтения «От семьи и рода — к единству нации». Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 875-летию города Москвы, 870-летию города Костромы, 480-летию села Усть-Цильмы (в рамках проекта Московского дома национальностей «Межкультурная коммуникация в столичном мегаполисе»). Москва, 26 ноября 2022 года. М., 2023. С. 146–157.
- Волкова Т. Ф., Мелихов М. В. Вклад старообрядца С. А. Носова в создание и сохранение рукописно-книжной традиции на Нижней

- Печоре: По материалам базы данных о печорской книжности // Археография и источниковедение Сибири. Вып. 1 (43). Новосибирск, 2024. С. 261–272.
- Мальшев В. И.* Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 425–439.
- Мальшев В. И.* Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 469–480.
- Мальшев В. И.* Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 442–457.
- Мальшев В. И.* Пижемская рукописная старина: Отчет о командировке 1955 г. // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 461–493.
- Мальшев В. И.* Рукописи из Пустозерска и Нарьян-Мара // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 409–411.
- Мальшев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. 214 с.
- Мацук М. А.* Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар, 1993. 182, [2] с.
- Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель. Ч. 1: Рукописные книги. Вып. 1: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар, 1989. 288 с.
- Савельев А. А.* Книги кириллической печати с берегов Печоры в собрании Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 66–85.

Н. П. МАТХАНОВА

Институт истории СО РАН, Новосибирск

ПИСЬМА ИСТОРИКОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Рассмотрены возможности эпистолярия для освещения отдельных аспектов научно-исследовательской деятельности историков. Это поиск ученым своего исследовательского поля, мотивы обращения к конкретным исследовательским темам, оценка собственного вклада в науку, эмоционально-психологическая сторона творчества и взаимоотношений между коллегами. Используются письма специалистов в области отечественной истории XVII–XIX вв., живших и работавших во второй половине XX в., — Н. М. Дружинина, Д. С. Лихачева, М. В. Нечкиной, Н. Н. Покровского, А. П. Пронштейна, М. Н. Тихомирова. Доказано, что эпистолярный нематериальный источник при изучении «человеческой» составляющей исторической науки.

Ключевые слова: эпистолярный, историографические источники, эмоционально-психологические аспекты научного творчества, Н. М. Дружинин, Д. С. Лихачев, М. В. Нечкина, Н. Н. Покровский, А. П. Пронштейн, М. Н. Тихомиров

Эпистолярное наследие историков, как и другие их эго-документы, прочно вошло в круг источников, используемых в историографических исследованиях. В многочисленных работах, освещающих биографии и деятельность выдающихся ученых, анализируются их творчество, эволюция научных взглядов, характеризуются исследовательские приемы, вклад в изучение различных тем. Традиционно для этих целей привлекались научные труды и их черновики, рецензии на них, воспоминания историков, делопроизводственные документы, в частности, протоколы обсуждений монографий и т. п. Письма преимущественно использовались для реконструкции биографий вообще — установления основных событий, их дат и значения, того, что можно назвать событийным рядом. В. П. Корзун, Л. А. Сидоровой, В. В. Тихоновым и некоторыми другими исследователями использовались письма историков, в том числе советской эпохи, для изучения художественных вкусов и эстетических интересов, общественно-политических взглядов и умонастроений, взаимоотношений с властями, коллегами, непосредственным начальством. В. П. Корзун изучала переписку Н. Л. Рубинштейна с А. В. Флоровским,¹

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

¹ Корзун В. П. А. В. Флоровский, Н. Л. Рубинштейн: Два измерения историографического процесса // Творческая лаборатория историка: Горизонты возможного. К 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1. Томск, 2019. С. 320–325.

А. С. Лаппо-Данилевского и М. А. Дьяконова² и др. Л. А. Сидорова проследила отражение в дневниках и письмах круга чтения и знания художественной литературы в жизни и творчестве М. М. Богословского, Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной.³ В статье В. В. Тихонова по письмам А. П. Пронштейна к учителю, академику М. Н. Тихомирову анализируется отражение ощущения и осознания и постепенного преодоления «историографической провинциальности» Ростова-на-Дону.⁴ В наших с Н. А. Старухиным статьях определен источниковый потенциал, основные темы и мотивы писем живших и работавших в Сибири специалистов в области отечественной истории XVII–XIX вв. их столичным коллегам, а также писем работавших в НГУ и Сибирском отделении АН специалистов по истории феодализма в Сибири М. М. Громыко, Н. А. Миненко, Н. Н. Покровского и др., адресованных профессору ТГУ З. Я. Бояршиновой.⁵

В настоящей статье эпистолярию заданы несколько иные вопросы.

Л. П. Репина еще в 2002 г. писала, что «для создания развернутой биографии личности (в том числе интеллектуальной) необходимо знание эмоционально-психологического, социального и интеллектуального опыта индивида, то есть предшествовавшей истории его жизни, его прошлого, из которого складывается состояние, обуславливающее его мысли и действия в текущий момент времени, на данной стадии его жизненного цикла, в определенной конфигурации межличностного взаимодействия. Основная идея состоит в погружении как в жизнь героя, так и в конкретную ситуацию».⁶

В статье рассматриваются лишь некоторые аспекты проблемы — возможности эпистолярия для освещения поиска ученым своего исследовательского поля, мотивов обращения к конкретным исследовательским темам, оценки собственного научного творчества и своего

² Бухерт В. Г., Корзун В. П. «Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой...» // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2014. С. 60–64.

³ Сидорова Л. А. Книга в духовной жизни российских историков // История и художественная литература. М., 2018. С. 337–351.

⁴ Тихонов В. В. Советская «историографическая провинция» в переписке М. Н. Тихомирова и А. П. Пронштейна // Омские научные чтения–2020. Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск, 2020. С. 2223–2227.

⁵ Матханова Н. П. Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации: На примере писем из Сибири в столицу // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 8: История. С. 130–140; Матханова Н. П., Старухин Н. А. З. Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 143–150.

⁶ Репина Л. П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2002. Вып. 8. С. 8.

вклада в науку, об эмоционально-психологических аспектах творчества и взаимоотношений между коллегами. Понятие «интеллектуальная биография» не используется, т. к. оно представляется более широким, охватывающим всю систему воззрений ученого, предполагающим «синтез всех сфер жизни и деятельности».⁷ Использованы письма специалистов в области отечественной истории XVII–XIX вв., живших и работавших во второй половине XX века: Н. М. Дружинина, Д. С. Лихачева, М. В. Нечкиной, Н. Н. Покровского, А. П. Пронштейна, М. Н. Тихомирова.

Именно из письма выясняются обстоятельства обращения будущего академика Н. Н. Покровского к новой теме исследований, ставшей главной в его жизни. Его кандидатская диссертация была посвящена актовым источникам по истории феодальной собственности в России XIV — начала XVI в., историей старообрядчества он не занимался и изначально не собирался. О первом прикосновении к этой теме он упоминает в воспоминаниях, но вскользь, косвенно, в связи с планами экспедиционной деятельности.⁸ А вот в письме М. Н. Тихомирову Николай Николаевич писал прямо: «На пару дней здесь появилась Марина Михайловна Громыко, которая теперь является моим непосредственным начальством, так как руководит здесь всем феодализмом. Она дала мне некоторые поручения, связанные с текущей институтской работой (внутреннее рецензирование и т. д.), поручила знакомиться с литературой по сибирскому расколу, в значительной мере в связи с собирательской работой».⁹ Да, здесь тоже говорится о «собирательской работе», то есть об экспедициях, но лишь «в значительной мере». Все же эпистолярный, во-первых, позволяет точно датировать обращение к теме, так как письмо М. Н. Тихомирову было написано 11 августа 1965 г., буквально через несколько дней после приезда в Новосибирск. Во-вторых, очевидно, что тема возникла не вполне по собственной инициативе, а вроде бы по поручению начальства. На деле ситуация была более сложной: М. М. Громыко была знакома с Н. Н. Покровским со времен совместной работы в Московском университете в 1950-е гг., сыграла большую роль в организации его переезда в Новосибирск, впоследствии они стали друзьями и единомышленниками, разделявшими политические взгляды и религиозные убеждения.

⁷ Базанов М. А. Интеллектуальная биография: Контурь нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 55. С. 229, 227.

⁸ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. С. 11.

⁹ Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022. С. 300.

Выдающийся историк, источниковед, методолог А. П. Пронштейн, выросший и получивший образование в Москве, ученик М. Н. Тихомирова, занимался историей Великого Новгорода в XVI в. Этой теме посвящена и его кандидатская диссертация,¹⁰ и основанная на ней первая монография.¹¹ В годы «борьбы с космополитизмом» А. П. Пронштейн в 1949 г. оказался («трудоустроился») в Ростове-на-Дону, откуда была родом его жена. Сначала он рвался в Москву, но постепенно привык, освоился и, как показывают его письма М. Н. Тихомирову, немалую роль в этом сыграли находки в местном архиве, вызвавшие неподдельный интерес к истории Дона. В первое время А. П. Пронштейн сомневался в целесообразности пребывания и работы в Ростове, мечтал только о возвращении в Москву, тема — история донского казачества в XVI–XVIII вв. — вызвала у него некоторое сомнение, хотя учитель ее одобряет.¹² Но вскоре он начинает подробно информировать М. Н. Тихомирова о своей работе в ростовском архиве, отмечает наличие и богатство материалов, советуется по конкретным вопросам.¹³ В 1956 г. появляются его статьи, посвященные истории Дона и основанные на материалах ростовского архива.¹⁴ И именно истории Дона посвящена его вторая монография¹⁵ и защищенная в 1962 г. докторская диссертация, носившая то же название. В 1961 г. у А. П. Пронштейна появилась возможность покинуть Ростов, хотя для еще более далекого Новосибирска, но все же перейти в Академию наук и оставить вроде бы тяготившее его преподавание, да к тому же наконец получить нормальную квартиру, но он отказывается. Вот что он пишет М. Н. Тихомирову: «Несколько дней назад получил письмо от М. М. Громыко. Она работает в Сибирском отделении АН СССР; историк. Я с ней познакомился в Киеве и в разговоре с ней проявил интерес к тому, чем будут там заниматься историки. А сейчас она предлагает мне переехать туда на работу. Обещают хорошие квартирные условия и место в Институте истории». Но важны аргументы: «Ведь третий раз придется менять направление всей своей работы. К тому же по Дону у меня накопился большой материал, и

¹⁰ Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1949.

¹¹ Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957.

¹² Академик М. Н. Тихомиров. Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.: СПб., 2022. С. 568.

¹³ Академик М. Н. Тихомиров. С. 573–578.

¹⁴ Пронштейн А. П. Документальные материалы Государственного архива Ростовской области по истории дореволюционной промышленности Дона // Исторический архив. 1956. № 1. С. 226–231.

¹⁵ Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.

хочется его весь исчерпать. А там для этого не будет ни книг (архив я уже весь использовал), ни издательства, заинтересованного в публикации работ по истории Дона».¹⁶ Главным оказывается возможность продолжать работу по избранной теме. Так что письмо позволяет судить о приоритетах, значении для ученого не просто научной работы, а работы по конкретной теме.

Эпистолярный, впрочем, как и дневники, может раскрыть или хотя бы приоткрыть историографам эмоционально-психологическую сторону научной деятельности.

Об участии в составлении первого библиографического указателя мемуаров советской эпохи¹⁷ Н. Н. Покровский писал в официальных документах — в автобиографии, в личном листке по учету кадров, этот факт зафиксирован и в официальном письме главного редактора издания А. И. Тодорского в Генеральную прокуратуру.¹⁸ После ареста по печально известной 58-й статье имя Покровского было изъято из числа редакторов-составителей. Но только из его писем матери мы узнаем, каким важным было для Николая Николаевича это дело, сколько усилий, переживаний, радостей и огорчений с ним было связано. Вот что и как он писал в разгар работы: «Последние недели у меня сплошная лихорадка из-за этого проклятого указателя мемуаров; если бы ты знала, сколько приходится нервничать и волноваться; <...> все знают и понимают, что мы делаем нужнейшее дело, делаем его в невероятно трудной обстановке хотя бы с чисто технической точки зрения — работа требует особых условий, к[ото]рые не обеспечены и в малейшей степени, все дело держится на одном нашем “энтузиазме”, на том, что мы уже чуть ли не два месяца ежедневно часов по 8, а то и 10 тратим на это — и все же всякий и каждый сует палки в колеса, через каждые несколько дней дело окончательно проваливается — все боятся, все трясутся за свою шкуру — “ах, какая опасная вещь”; во время нынешнего временного похолодания наши исторические “столпы” ужасно трусят и вообще “растерявшись”. 13-го будет решающее обсуждение на кафедре, когда, видимо, завалят это

¹⁶ Академик М. Н. Тихомиров. С. 623.

¹⁷ Дробижев В. З., Дунаевский В. А., Кукушкин Ю. С., [Покровский Н. Н.] История советского общества в воспоминаниях современников 1917–1957 гг.: Аннотированный указатель мемуарной литературы. М., 1958.

¹⁸ Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ: Переписка Н. Н. Покровского и его близких в 1957–1963 гг. // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 7–41. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36); Матханова Н. П. О работе Н. Н. Покровского над указателем «История советского общества в воспоминаниях современников». Статья вторая: По материалам Генеральной прокуратуры СССР // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 129–141. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 38).

дело окончательно, а жаль — так много трудов положено на это и столько нервов (после недавней особенно сильной драки, окончившейся, правда, в мою пользу, я целую ночь не мог спать)». ¹⁹ Уже из лагеря, узнав об исключении себя из числа редакторов-составителей, Н. Н. Покровский даже хотел подать в суд на Московский университет, чтобы отстоять свое авторское право. Он отказался от этого, и не только ввиду нереальности благоприятного для истца исхода, но и из этических соображений — нежелания судиться с *alma mater*. ²⁰

Этическая сторона научной деятельности прослеживается в нескольких письмах академика Н. М. Дружинина якутскому историку Г. П. Башарину. Тот был обвинен в «буржуазном национализме», в течение нескольких лет подвергался гонениям. Н. М. Дружинин сочувствовал Г. П. Башарину и помогал ему. Но это не помешало академику сурово отчитать подопечного после того, как якутский ученый сумел добиться восстановления своего положения, повторно защитил докторскую диссертацию, стал заведующим кафедрой, а затем и деканом и... принялся яростно обличать своих научных противников. Н. М. Дружинин призывал решать научные проблемы «в спокойном научном деловом споре, не приклеивая политических ярлыков» ²¹. «Я, как старший товарищ, — писал академик, — хочу дать Вам дружеский совет: продумайте еще раз всю свою аргументацию... и сохраните товарищеский тон в начатой дискуссии. Ваши аргументы будут убедительны только при двух условиях: 1) если они будут вполне точными и 2) если будут устранены политические обвинения по адресу Ваших противников в “антипартийности,” “антиленинских” точках зрения». Он усовещивал: «Вы сами испытали на себе влияние этих несправедливых политических обвинений. Зачем продолжать применение тех же приемов к сторонникам иных научных воззрений, чем Ваши?» ²²

В эпистолярии ученых можно найти ответ на важный вопрос — в чем они сами видят свой вклад в науку, значение своего научного труда. Так, М. В. Нечкина выражала недовольство оценкой своего классического двухтомника «Движение декабристов», которое в статье в иркутском сборнике дала С. В. Житомирская. В начале статьи характеризуется история публикации, изучения, введения в научный оборот источников по теме. ²³ Затем делается вывод: «Ре-

¹⁹ Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. С. 68–69. 10 февраля 1957 г.

²⁰ Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. С. 110, 128, 134.

²¹ Профессор Башарин: Переписка с историками (1943–1989 гг.) / Сост. В. Г. Бурхерт. 2-е изд., доп. Якутск, 2022. С. 118–125.

²² Профессор Башарин. С. 124–125.

²³ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные вопросы // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978. С. 28–40.

результатом долгой разносторонней научно-издательской и исследовательской работы стали сложившиеся фундаментальные представления о движении декабристов. К концу 1950-х — началу 1960-х гг. этот этап подошел к концу. Рубежом его стало появление двухтомной монографии М. В. Нечкиной, подводивший итог многолетним исследованиям».²⁴ Милица Васильевна писала иркутскому декабристоведу С. Ф. Ковалю, что огорчена такой оценкой, тем, что, по мнению коллеги, ее двухтомник, «оказывается, “подвел итоги” прежним работам — и все». Она считает, что ее вклад в декабристоведение был не просто значительнее, но и заключался в другом. В письме Нечкина подчеркивала: «Мой двухтомник идет против старых концепций (М. Н. Покровского и др.), отрицавших движение декабристов как целое, несмотря на внутр[еннюю] борьбу течений (это моя т[очка] зр[ения]) — я стала на эту новую точку зрения, дала новую характеристику движения. А по старой — Северное общество из движения исключалось, революционность признавалась лишь за Пестелем, южанами и Славянами. <...> Я же стала на т[очку] зр[ения] ленинской концепции, и разработала ее, что было в декабристоведении новым. Почему же все это лишь “итоги”, а новый этап начался де лет через пять после меня? Не понимаю. Сарра Влад[имировна] знает эти мои возражения и, как я поняла ее, принимает их».²⁵

Образные, красивые и поэтические характеристики собственного творчества дал М. Н. Тихомиров в письме В. И. Малышеву. Два замечательных ученых переписывались часто и откровенно, и вот как писал известный не только своими научными и педагогическими достижениями, но и даром слова историк: «Да, вероятно, я написал после покойного Б. Д. Грекова больше любого гуманитарного академика. Но велика ли заслуга у птицы, что она поет. А для меня лучшие часы моей жизни, когда я работаю. И это мне дано. Судьба сохранила меня в самые трудные дни, когда мой брат безвинно погиб». Борис Николаевич Тихомиров был арестован в 1937 г. и расстрелян,²⁶ сам Михаил Николаевич в 1930 г. был арестован по «Академическому делу» и освобожден «ввиду недоказанности», чудом избежав более печальной участи, которая постигла его коллег.²⁷ Далее поэтический тон в обращении к Владимиру Ивановичу сменяется горькой иро-

²⁴ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 30.

²⁵ Нечкина М. В., Коваль С. Ф. Переписка декабристоведов: 1974–1985 гг. / Публ., предисл., коммент. Н. П. Матхановой. Иркутск, 2025. С. 110. (Приложение к серии «Полярная звезда»).

²⁶ Артизов А. Н. Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939): Материалы о жизни и деятельности // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 110–123.

²⁷ Панях В. М. М. Н. Тихомиров в «Академическом деле». 1930 // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 37.

нией: «Вы один из немногих людей, с которыми меня сближает способность работать по принципу певчей птицы; поет в лесу и никто ее не слышит, разве забредет прохожий, да и то иногда с сеткой, чтобы поймать певчую птичку и отнести ее в дирекцию на предмет изучения идеологических основ птичьего пения».²⁸

Любопытную и трогательную характеристику Малышева находим в письме Д. С. Лихачева М. Н. Тихомирову. Дмитрий Сергеевич просит помочь Малышеву: «ВАК (очевидно, по проискам Ник[олая] Фед[оровича] Бельчикова не разрешил Вл[адимиру] Ив[ановичу] Малышеву не сдавать кандидатского минимума.²⁹ Вы знаете, какой хороший и полезный ученый Вл[адимир] Ив[анович], но сдача экзаменов для него просто невозможна! Он, например, никогда не сможет одолеть иностранный язык (это черта его психического, слишком русского склада — я так считаю). Сейчас он совершенно подавлен (он ведь нервно очень неуравновешенный человек) и хочет уходить с научной работы. Очень прошу Вас за него: сделайте, что можете. Узнайте в ВАК'е — почему они проявили такое невнимание к такому хорошему ученому. Нельзя ли добиться пересмотра этого решения ВАК'а?»³⁰ Как известно, в марте 1956 г. В. И. Малышев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII в.», но как был решен вопрос о кандидатских экзаменах, выяснить пока не удалось. Письмо Д. С. Лихачева М. Н. Тихомирову и его интонация важны и интересны характеристикой личности В. И. Малышева и отношения к нему.

Итак, эпистолярный может быть не только полезен, но и незаменим при изучении тех аспектов научных биографий, которые редко освещаются в историографических работах. Между тем, не обращаясь к «человеческой» составляющей исторической науки, мы обедняем и

²⁸ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 30. Л. 31–31 об. 11 июля 1961 г.

²⁹ Инструкцией «о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» от 23 июня 1972 года «Высшей аттестационной комиссии предоставлено право, в порядке исключения, освобождать от частичной или полной сдачи кандидатских экзаменов лиц (преимущественно работников производства), имеющих готовые диссертации, учебники для вузов, монографии, написанные без соавторов, или разрешение ВАК защищать работы, указанные в п. 2 (“б”, “в”) настоящей Инструкции» (это были: «б) опубликованные работы, изобретения и открытия, зарегистрированные в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, выполненные индивидуально и коллективно; в) завершённые работы по созданию новых машин, систем управления, приборов, сооружений и технологических процессов, выполненные индивидуально и коллективно». См.: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/885238543> (дата обращения: 12.11.2024).

³⁰ «Будем надеяться на все лучшее...»: Из эпистолярного наследия Д. С. Лихачева. 1938–1999. М., 2024. С. 148–149.

ее строго научное содержание. Многое остается непонятным, если не знать характеров ученых, их взаимоотношений, эмоционально-психологического опыта.

Список литературы

- Академик М. Н. Тихомиров. Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.; СПб., 2022. 784 с.
- Артизов А. Н. Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939): Материалы о жизни и деятельности // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 110–123.
- Базанов М. А. Интеллектуальная биография: Контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 55. С. 221–234.
- «Будем надеяться на все лучшее...»: Из эпистолярного наследия Д. С. Лихачева. 1938–1999. М., 2024. 1024 с.
- Бухерт В. Г., Корзун В. П. «Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой...» // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2014. С. 60–64.
- Дробижев В. З., Дунаевский В. А., Кукушкин Ю. С., [Покровский Н. Н.] История советского общества в воспоминаниях современников 1917–1957 гг.: Аннотированный указатель мемуарной литературы. М., 1958. 407 с.
- Житомирская С. В. Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные вопросы // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978. С. 28–40.
- Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ: Переписка Н. Н. Покровского и его близких в 1957–1963 гг. // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 7–41. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).
- Корзун В. П. А. В. Флоровский, Н. Л. Рубинштейн: Два измерения историографического процесса // Творческая лаборатория историка: Горизонты возможного. К 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1. Томск, 2019. С. 320–325.
- Матханова Н. П. О работе Н. Н. Покровского над указателем «История советского общества в воспоминаниях современников». Статья вторая: По материалам Генеральной прокуратуры СССР // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 129–141. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 38).
- Матханова Н. П. Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации: На примере писем из Сибири в

- столицу // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 8: История. С. 130–140.
- Матханова Н. П., Старухин Н. А. З. Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 143–150.
- Нечкина М. В., Коваль С. Ф. Переписка декабристов: 1974–1985 гг. / Публ., предисл., коммент. Н. П. Матхановой. Иркутск, 2025. 288 с. (Приложение к серии «Полярная звезда»).
- Панях В. М. М. Н. Тихомиров в «Академическом деле». 1930 // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 35–39.
- Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022. 716 с.
- Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. 344 с.
- Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1949.
- Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957. 288 с.
- Пронштейн А. П. Документальные материалы Государственного архива Ростовской области по истории дореволюционной промышленности Дона // Исторический архив. 1956. № 1. С. 226–231.
- Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. 375 с.
- Профессор Башарин: Переписка с историками (1943–1989 гг.) / Сост. В. Г. Бухерт. 2-е изд., доп. Якутск, 2022. 299 с.
- Репина Л. П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2002. Вып. 8. С. 5–10.
- Сидорова Л. А. Книга в духовной жизни российских историков // История и художественная литература. М., 2018. С. 337–351.
- Тихонов В. В. Советская «историографическая провинция» в переписке М. Н. Тихомирова и А. П. Пронштейна // Омские научные чтения–2020. Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск, 2020. С. 2223–2227.

С. Г. ПЕТРОВ

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Н. Д. Зольникова как исследователь биографии и научного творчества Н. Н. Покровского*

В статье рассмотрен цикл работ сибирского историка, археографа и источниковеда Н. Д. Зольниковой (1949–2018), посвященный изучению жизненного пути и научного наследия выдающегося ученого, академика РАН Н. Н. Покровского (1930–2013). Показано, что Н. Д. Зольникова в своих разноплановых работах исследовала широкий спектр проблем, связанных со значительным количеством лагун в истории научной, педагогической, общественной и личной жизни Н. Н. Покровского. Установлено, что она была одной из первых в историографии, осуществившей переход от исследований, основывавшихся на устной традиции о сибирском академике, к строго научным, базирующимся на анализе архивных источников.

Ключевые слова: Сибирское отделение РАН, академик РАН Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова, историческая наука, историография, обзор научных работ

Уверен, что читателям ежегодника «Археография и источниковедение Сибири» не нужно подробно представлять Николая Николаевича Покровского, выдающегося историка, археографа и источниковеда, академика РАН и, как сказано недавно в одном московском издании, «отца» сибирской археографии,¹ и его ученицу Наталью Дмитриевну Зольникову, историка, археографа и источниковеда, крупного специалиста по истории Русской православной церкви синодального периода и истории старообрядчества, первооткрывателя самобытных писателей-староверов XX в. и исследователя их творчества. Они относительно недавно ушли от нас, и постепенно приходит осознание того, что наступает время изучения их жизненного пути и научного творчества.

Исследование биографии и вклада в отечественную историческую науку Н. Н. Покровского началось еще при его жизни и до сего дня он привлекает внимание российских и зарубежных исследователей, что подтверждает недавняя публикация трех статей о нем на страницах предпоследнего выпуска «Археографического ежегодника».²

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций». № FWZM-2024-0006.

¹ Плигузов А. И. Преподобный Иосиф Волоцкий: Послания, «Просветитель», жития. М., 2020. С. 4–5.

² Пихоя Р. Г. Академик Николай Николаевич Покровский как археограф // АЕ за 2014–2015 гг. М., 2023. С. 97–100; Афиани В. Ю. Вклад Н. Н. Покровского в археографию документов XX в. // АЕ за 2014–2015 гг. М., 2023. С. 101–108; Швейковская Е. Н. Н. Н. Покровский — историк и источниковед // АЕ за 2014–2015 гг. М., 2023. С. 109–123.

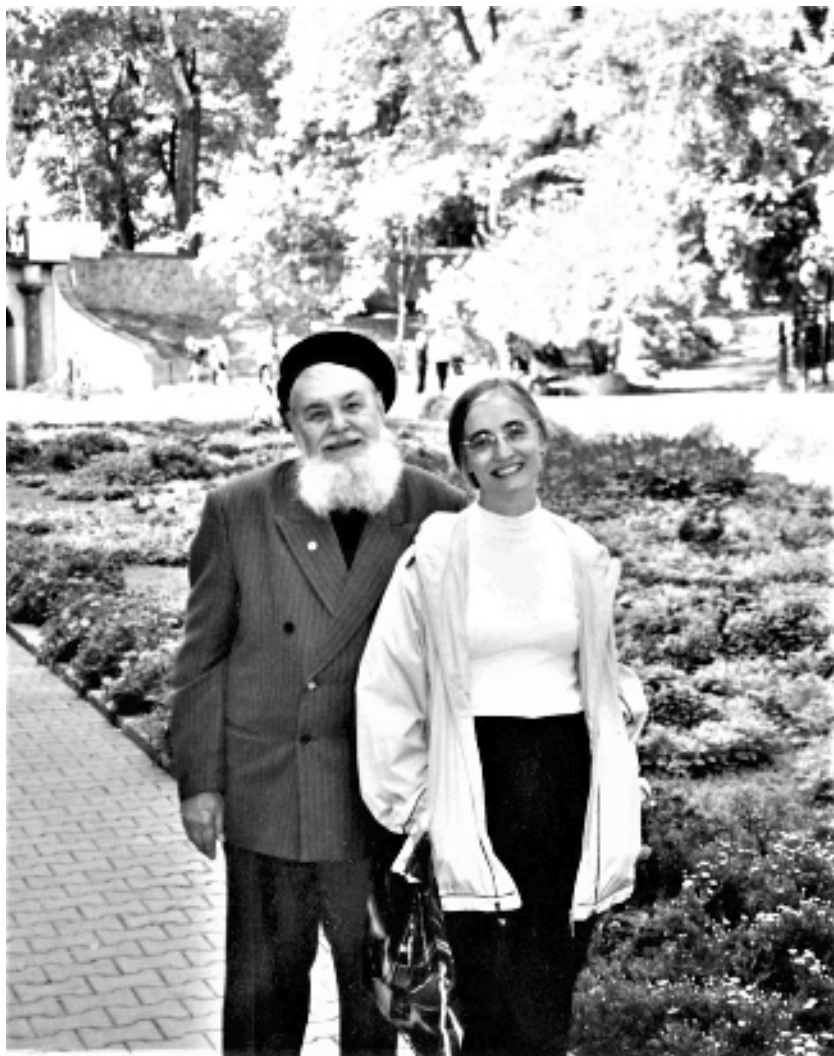

Наталья Дмитриевна Зольникова. 2014 г.

С Н. Д. Зольниковой дело обстоит несколько иначе. Масштаб и значение ее творчества еще не до конца осознаны. Но и здесь дело сдвинулось с мертвой точки, и не только усилиями коллег, работавших рядом с ней в одном секторе Института истории СО РАН, но и других исследователей, которые трудятся в тех же направлениях исторической науки, что и она. К примеру, в вышедшем в 2024 г. очередном томе «Введения в историю Церкви» (ч. 4, т. 2), подготовленном к печати кафедрой истории Церкви исторического факультета Московского государственного университета, есть отдельный параграф, озаглавленный «Православное духовенство в фокусе социальной истории: Г. Фриз и Н. Д. Зольникова».³ Автор его, заведующий Центром изучения религии и Церкви Института всеобщей истории РАН А. Л. Беглов, дал высокую оценку полученным ею и не утратившим своего значения результатам исследования приходской общины и духовного сословия XVIII в.

³ Введение в историю Церкви: Учебное пособие для вузов по направлению подготовки 030600.62 «История». Ч. 4: Обзор историографии истории Церкви в России. Т. 2: Тысячелетие христианства в России: Ключевые проблемы в трудах отечественных и зарубежных исследователей. СПб., 2024. С. 342–345, 357.

В последние годы жизни Н. Д. Зольниковой одним из предметов ее исследований, очевидно, одним из главных, стала биография и научное творчество Н. Н. Покровского. В настоящей статье хотелось бы представить результаты предварительного изучения серии работ (очерков, статей и документальных публикаций) Н. Д. Зольниковой, посвященных Н. Н. Покровскому. По моим подсчетам, ею написано

Наталья Дмитриевна Зольникова и Николай Николаевич Покровский
на отдыхе в Ростове-на-Дону, родине Николая Николаевича. 16 сентября 2002 г.

десять таких работ, опубликованных в основном в сборниках научных трудов и различных журналах.⁴ Тексты двух из них были повторно воспроизведены при публикации ее экспедиционной находки — старообрядческого Урало-Сибирского патерика, в конце второй книги данного издания.⁵ Не учитывая вышедший в свет уже после ее ухода из жизни объемный сборник «Н. Н. Покровский. Письма и воспоминания», в который включены подготовленные ею к печати личные письма Н. Н. Покровского.⁶

К сожалению, Н. Д. Зольникова не оставила своего личного архива, по-видимому, она его уничтожила, поэтому работать можно только с напечатанными текстами. Известно, что в течение долгих лет она вела переписку с коллегами из разных городов, есть даже упоминания об этом в ее работах. Более того, приведены ответы ее корреспондентов на обсуждаемые с ними вопросы. Остается надеяться, что письма сибирского историка сохранятся в архивах ее коллег и со временем будут опубликованы.⁷

⁴ Зольникова Н. Д. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Николаевич Покровский. М., 2010. С. 7–20. (Материалы к биобиблиографии ученых); Зольникова Н. Д. Археографическая экспедиция в Туву в 1967 г.: К 85-летию со дня рождения академика РАН Н. Н. Покровского // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 60–64; Зольникова Н. Д. Выдающийся археограф: К 85-летию со дня рождения академика Н. Н. Покровского // *Universum Humanitarium*. 2015. № 1. С. 214–221; Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как исследователь // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 4–13; Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский по письмам коллег и друзей: Личность в общественной среде (1970–1980-е гг.) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 8–24; Зольникова Н. Д. Письмо архимандрита Иннокентия (Провсирнина) Н. Н. Покровскому // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 2 (14). С. 221–230; Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как историк церкви и православия: Начало пути // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 3 (19). С. 111–146; Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как организатор науки: Вторая половина 1960-х — 1980-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 1. С. 32–39; Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ: Переписка Н. Н. Покровского и его близких в 1957–1963 гг. // Проблема сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 7–41; Зольникова Н. Д. Полевой дневник археографической группы Н. Н. Покровского (Тува, 6–7 августа 1967 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 152–157.

⁵ Дневник археографической группы Н. Н. Покровского 1967 г. // Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. Кн. 2. Т. 3. М., 2016. С. 153–193, 210–212; Зольникова Н. Д. Дневник тувинской археографической группы 1967 г. как источник по истории староверия // Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. Кн. 2. Т. 3. М., 2016. С. 270–277.

⁶ Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022.

⁷ Искренне признателен о. П. И. Мангилеву, приславшему фрагменты из полученных им писем Н. Д. Зольниковой, посвященных подготовке статей о Н. Н. Покровском и их публикации в «Вестнике Екатеринбургской духовной семинарии».

Несмотря на появившиеся в западной гуманитарной науке и заимствованные некоторыми российскими историками теоретико-методологические положения о том, что объективное и правдивое изучение истории науки может быть только при максимальном удалении от центра исследования и источников, и самих исследователей,⁸ мне кажется все же, что историографическую ценность может представлять не только периферия, но и работы тех, кто находился непосредственно в центре и сумел разглядеть те нюансы и подробности, которые на большом удалении от объекта изучения заметить просто невозможно. В нашем случае особый момент составляет тот факт, что Н. Д. Зольникова была не только ученицей Н. Н. Покровского, одной из первых и самой преданной, но и его второй супругой.⁹

Одной из причин появления ее работ на эту тему стали разбор личного архива Н. Н. Покровского и подготовка к передаче его на государственное хранение. Разнообразие и богатство документов и материалов архива, в первую очередь эпистолярных источников, думаю, были побудительным мотивом проведения исследований. До этого момента на призывы заняться подобной деятельностью или взять на такую работу молодого сотрудника, Наталья Дмитриевна отвечала отказом, говоря: «Ну вот, скажут, пошла писать жена про мужа». При этом она ревниво относилась к попыткам, в том числе и своих коллег по сектору, обратиться к этой теме. Так или иначе, Н. Д. Зольникова нашла силы, чтобы одной из первых, с опорой на первоисточники, приступить к изучению биографии и творчества Н. Н. Покровского.

Работы Н. Д. Зольниковой по данной теме, если вводить формальную градацию, можно разделить на две непропорциональные части. К одной из них, небольшой по количеству, можно отнести работы, написанные при жизни Н. Н. Покровского и сразу после его смерти, в основе которых лежит устная традиция, базирующаяся на рассказах о своем жизненном пути и творчестве самого Н. Н. Покровского или тех, кто был свидетелем и очевидцем событий недавнего прошлого. Имя его всегда было овеяно всевозможными преданиями и легендами, созидаемыми его близкими, друзьями, коллегами, научной и студенческой средой да, видимо, и самим Николаем Николаевичем. Как известно, он обладал даром блистательного рассказчика, и все мы, сотрудники его сектора, были слушателями его устных повество-

⁸ Вишленкова Е., Парсамов В. Архив как исследовательская проблема для историка университетской культуры // Биографии университетских архивов. М., 2017. С. 9–12.

⁹ Петров С. Г. Наталья Дмитриевна Зольникова — исследователь истории Русской православной церкви и старообрядчества XVII — начала XXI в. // Церковно-историческая наука в России XIX — начала XXI в.: Институты, школы, ключевые проблемы. Сборник материалов всероссийской (с международным участием) научной конференции. Смоленск, 2020. С. 65–76.

Сектор археографии и источниковедения Института истории СО РАН. Первый ряд, слева направо: Е. А. Шафферт, О. Д. Журавель, Н. Н. Покровский, Н. П. Матханова, Л. И. Журова, Т. В. Панич. Второй ряд, слева направо: А. Х. Элерт, Н. С. Гурьянова, И. А. Шипилов, Л. В. Титова, С. Г. Петров, Н. Д. Зольникова. 21 декабря 2010 г.

ваний, связанных с личной и научной жизнью, экспедиционной деятельностью.

Вторую часть составляют аналитические статьи и статьи-публикации Н. Д. Зольниковой, созданные во время разбора архива Н. Н. Покровского, на основе выявленных в нем источников. Здесь представлены работы, в которых освещены конкретные сюжеты биографии и творчества, подкрепленные зачастую публикацией документов.

В первую часть входят обобщающие обзорные работы Н. Д. Зольниковой, охватывающие практически весь жизненный и научный путь Н. Н. Покровского: «Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности» из академической серии «Материалы к биобиблиографии ученых», журнальная публикация «Выдающийся археограф: К 85-летию со дня рождения академика РАН Н. Н. Покровского» и статья «Н. Н. Покровский как исследователь», напечатанная в одном из выпусков «Археографии и источниковедения Сибири».¹⁰ Первая написана при жизни Н. Н. Покровского, две другие вскоре после его ухода, к 85-летию со дня рождения.

¹⁰ Зольникова Н. Д. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности; Зольникова Н. Д. Выдающийся археограф; Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как исследователь.

Николай Николаевич Покровский в книжном собрании Института истории, филологии и философии СО АН СССР. 1980-е гг.

Первая из этих работ¹¹ представляет собой биографический очерк, в котором в главные вехи жизненного пути плотно вписаны, как неотделимая часть, крупные научные проекты героя повествования, выдающиеся результаты проведенных исследований и вышедшие по их итогам монографии и издания источников. Отмечена научная значимость всего достигнутого и тесная связь со сложными процессами развития отечественной и мировой исторической науки. На протяжении всего очерка ведется полемика с теми, кто публично приписывал трудам Н. Н. Покровского не присущие им научные особенности — исключительный регионализм и категорическое отрицание какой-либо ценности русской православной монархии и наивного монархизма. По всей видимости, текст очерка создавался с учетом проявленного к нему внимания со стороны Н. Н. Покровского и, как мне представляется, является тем вариантом биографии, который соответствовал его представлениям о самом себе.

¹¹ Зольникова Н. Д. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности.

Две другие работы написаны по тем же канонам, что и краткая биография. Во второй названной статье¹² последовательно в биографическую канву Н. Д. Зольниковой вплетена главнейшая, для широкой публики до сих пор идентифицирующая Н. Н. Покровского составляющая его научной деятельности — археографическая: от изложения истории приезда в Новосибирск по протекции его учителя, академика М. Н. Тихомирова, с подаренной им Сибирскому отделению АН СССР уникальной коллекцией рукописей, старопечатных книг и редких документов, организации и проведения экспедиционных полевых исследований, использования с учетом сибирских особенностей опыта московских и ленинградских археографических школ, непредсказуемых порой путей пополнения собрания рукописей и редких книг Института истории СО РАН, составления археографических описаний найденных книжных памятников, их научной публикации и до выхода в свет монографий, научно-популярных и просветительских работ, созданных на основе экспедиционной работы в старообрядческой среде, анализа полученных от староверов книжных памятников. Названы автором статьи и археографические открытия Н. Н. Покровского: от отдельных книжных памятников, неизвестных ранее списков произведений древнерусской литературы, оригинальных сочинений писателей-старообрядцев, позволивших сделать вывод об огромнейшем пласте самобытной крестьянской литературы XVIII — начала XXI в. и интенсивной духовной жизни народных низов.

Волновала Н. Д. Зольникову и проблема исповедуемых Н. Н. Покровским теоретико-методологических подходов, изучению которых она посвятила статью «Покровский как исследователь».¹³ Исходя из состояния отечественной исторической науки в советское время и тех возможностей, которые были у ученых, она подвергла сомнению утверждения о том, что Николай Николаевич существовал исключительно в концептах официальной советской историографии (теории формаций, классовой борьбы и т. д.) и был их стойким адептом. Она развила и обосновала изложенные достаточно скупое еще в кратком очерке положения о том, что нельзя абсолютизировать официальные историографические постулаты, которыми пользовались скорее формально, как своеобразным прикрытием, понимая всю схематичность и упрощенность этих конструкций, в которые с трудом можно было вписать исторические реалии прошлого. Н. Д. Зольникова делает вывод о том, что практически одновременно со знаменитой французской школой «Анналов», но только на отечественном материале,

¹² Зольникова Н. Д. Выдающийся археограф.

¹³ Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как исследователь.

В археографической экспедиции. 1960-е гг.

Н. Н. Покровский стал использовать те же самые подходы в освоении прошлого, которые позднее стали обозначать как историческую антропологию и микроисторию. В подтверждение своего вывода она привела схожее суждение, высказанное известным американским славистом Р. О. Крамми о Н. Н. Покровском и его научной школе.

Ко второй, существенно большей части, работ Н. Д. Зольниковой о Н. Н. Покровском можно отнести семь ее статей и документальных публикаций, напечатанных в журналах и сборниках научных трудов в 2016–2018 гг.¹⁴ Как уже говорилось, они разительно отличаются от первых трех, не только тем, что написаны на основе анализа неизвестных ранее архивных источников, но и посвящены разработке отдельных сюжетов биографии и творчества Н. Н. Покровского. В трех статьях проанализированы сохранившийся обширный эпистолярный комплекс семейной переписки за 1957–1963 гг., когда Покровский находился в заключении в мордовских лагерях,¹⁵ и полученные им в 1970–1980-е гг. письма от коллег — российских и зарубежных гуманитариев, издателей, духовенства, старообрядцев.¹⁶ В этих статьях представлен подробный обзор сохранившихся писем, систематизированных с учетом их принадлежности тем или иным авторам и тематики. Изучая лагерные письма Н. Н. Покровского матери, Т. А. Прасоловой, и жене, З. В. Бородиной, а также письма этого периода Зои Васильевны Бородиной, адресованные его матери, Н. Д. Зольникова воссоздала полноценную картину повседневной жизни Н. Н. Покровского в лагере и состоявших с ним в переписке ближайших родственников. При этом Н. Д. Зольникова справедливо указала на ограниченные информативные возможности проанализированных эпистолярных источников, обусловленные наличием перлюстрации и самоцензуры авторов, и пути преодоления этих трудностей при работе с данными источниками.

Круг общения Н. Н. Покровского в 1970–1980-е гг. и, соответственно, состоявших в это время с ним в переписке корреспондентов из разных профессиональных и социальных кругов был чрезвычайно широк. Н. Д. Зольникова сделала выборочный обзор таких писем,¹⁷

¹⁴ Зольникова Н. Д. Археографическая экспедиция в Туву в 1967 г.; Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский по письмам коллег и друзей; Зольникова Н. Д. Письмо архимандрита Иннокентия (Просвирнина) Н. Н. Покровскому; Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как историк церкви и православия; Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как организатор науки; Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ; Зольникова Н. Д. Полевой дневник археографической группы Н. Н. Покровского.

¹⁵ Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ.

¹⁶ Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский по письмам коллег и друзей; Зольникова Н. Д. Письмо архимандрита Иннокентия (Просвирнина) Н. Н. Покровскому.

¹⁷ Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский по письмам коллег и друзей.

Николай Николаевич
Покровский — заключенный
Дубравлага. Поселок Явас
Зубово-Полянского района
Республики Мордовия.
1958 г.

Татьяна Андреевна Прасолова с Зоей Васильевной Бородиной
и внуками Колей и Леной. Конец 1950-х гг.

полученных от известных исследователей, историков и филологов: Н. М. Дружинина, Д. С. Лихачева, К. В. Чистова, С. О. Шмидта, В. М. Панеяха, Ю. Г. Алексеева, Л. Н. Пушкарева, А. И. Рогова, А. Х. Горфункеля, Н. Я. Эйдельмана, А. В. Сиренова и зарубежных коллег — Е. Накамуры, Д. Симмонса, И. Марыняковой и др. Н. Д. Зольникова проследила, какую роль письма старших коллег сыграли в судьбе и научном становлении Николая Николаевича, подчеркнула значимость в его жизни профессионального и дружеского эпистолярного общения. Она уделила внимание и корреспонденции, полученной сибирским академиком от крестьян-старообрядцев. Часть этих писем была опубликована Н. Д. Зольниковой. В отдельной статье-публикации она осветила взаимоотношения Н. Н. Покровского с выдающимся церковным исследователем-археографом архимандритом Иннокентием (Просвирниным).¹⁸

Особое место занимает статья Н. Д. Зольниковой, посвященная Н. Н. Покровскому как историку Церкви и православия в самом начале его профессионального пути.¹⁹ Ценность этой работы в том, что ее автор скрупулезно и весьма подробно аккумулировала вплетенные по крупницам сюжеты, связанные с церковным землевладением, из первой монографии Н. Н. Покровского,²⁰ в основу которой был положен переработанный текст его кандидатской диссертации об актовых источниках по истории феодальной собственности XIV — начала XVI в. Столь же детально она проанализировала историю подготовки и издания уникальной экспедиционной находки Н. Н. Покровского — наиболее раннего и полного судного списка Максима Грека,²¹ проделанной высококвалифицированной аналитической и публикационной работы с найденным памятником, непростых взаимоотношений с другими исследователями судьбы и творчества преподобного Святоторца.

В исследовании, проведенном с использованием воспоминаний и сохранившегося дневника одной из первых археографических экспедиций Н. Н. Покровского в Туву в 1967 г.,²² Н. Д. Зольникова воссоздает ход самой экспедиции и разработанные Н. Н. Покровским приемы, к которым прибегали участники экспедиции для успешной

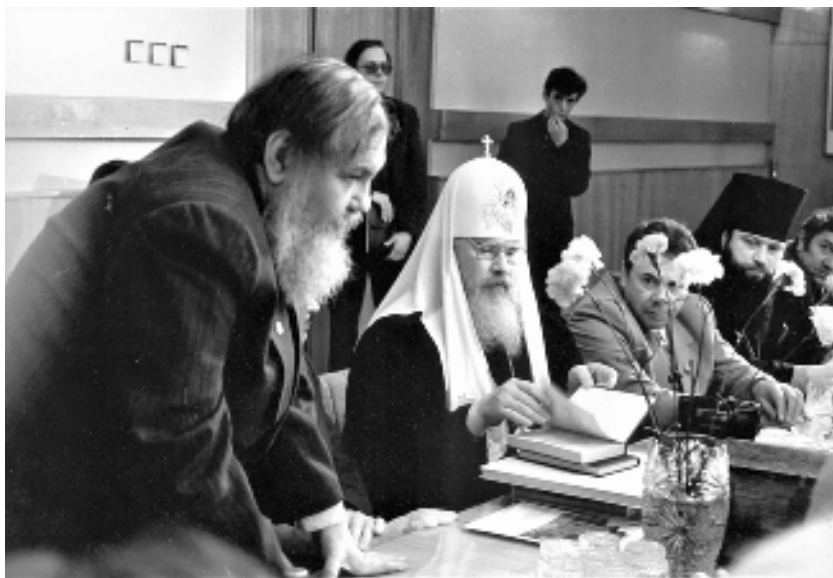
¹⁸ Зольникова Н. Д. Письмо архимандрита Иннокентия (Просвирнина) Н. Н. Покровскому.

¹⁹ Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как историк церкви и православия.

²⁰ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973.

²¹ Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки / Подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971.

²² Зольникова Н. Д. Археографическая экспедиция в Туву в 1967 г.; Зольникова Н. Д. Полевой дневник археографической группы Н. Н. Покровского.

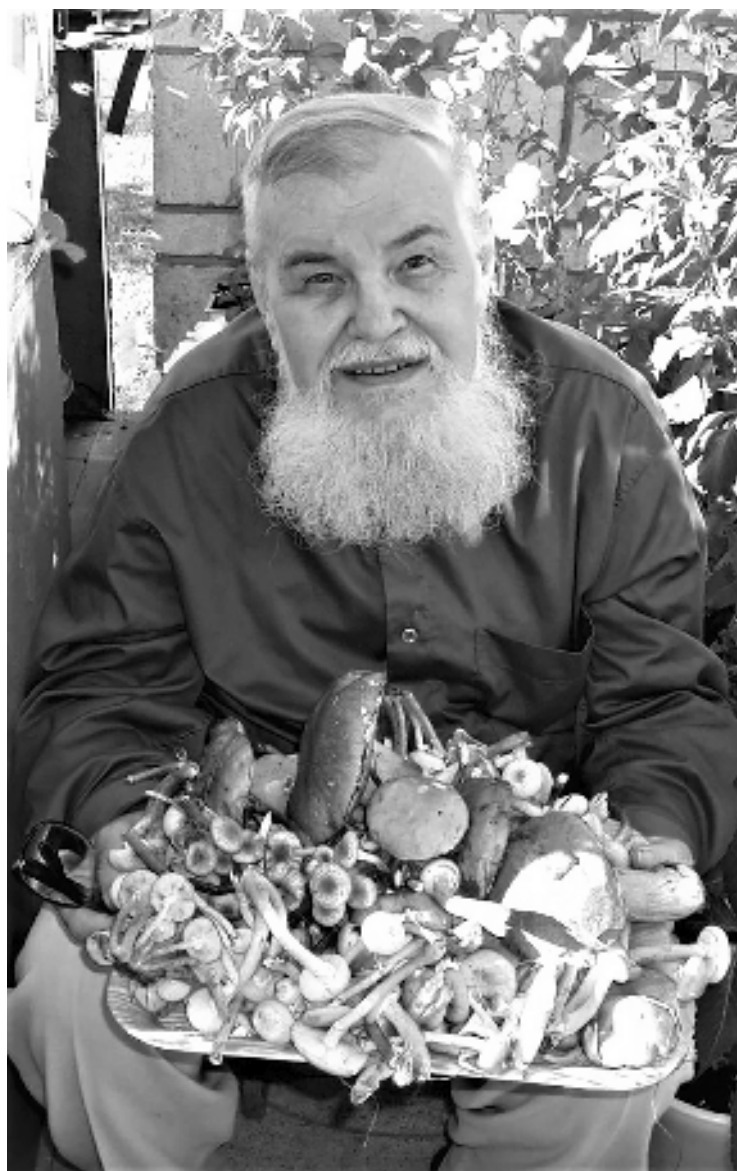

Н. Н. Покровский показывает книжные издания Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Новосибирский Академгородок, Дом ученых. 14 мая 1991 г.

полевой работы в старообрядческой среде. В частности, она отмечает, что уже тогда Н. Н. Покровский использовал «метод включенного наблюдения» (глубокого экспертного интервью) еще недавно запрещенной социологии. Здесь же она сопоставляет результаты полевой деятельности академических экспедиций и московских журналистов. Н. Д. Зольникова делает вывод, что если у первых работа была ориентирована на фиксацию объективных данных старообрядческой жизни, то у вторых — на интерпретацию жизни сибирских староверов в контексте вульгарной антирелигиозной пропаганды, как «фанатиков и изуверов», сбивавших народ с социалистического пути развития.

В 2017 г., выявив в архиве Н. Н. Покровского достаточный круг соответствующих источников, Н. Д. Зольникова делает попытку создания обобщающей работы, посвященной Н. Н. Покровскому как организатору науки в период со второй половины 1960-х до конца 1980-х гг.²³ Но в отличие от предыдущих своих обобщающих работ, в своем изложении событий из истории научно-организационной деятельности Н. Н. Покровского она следует изученным источникам из его архива. Ее внимание концентрируется на инициативах Н. Н. Покровского, в частности, на проекте создания единого музея истории СО АН (1966 г.), обследования всех сибирских музеев, ар-

²³ Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как организатор науки.

Удачная грибная охота.
Новосибирский Академгородок. 13 августа 2003 г.

Наталья Дмитриевна Зольникова.
Ботанический сад Новосибирского Академгородка. 3 августа 2003 г.
Фото Н. Н. Покровского

живов, библиотек и создания на единой научной основе описаний их коллекций рукописей и старопечатных книг (1966 г.), установления книгообменных связей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР с Кодрингтонской библиотекой Оксфордского университета (1976 г.). Н. Д. Зольниковой отмечается работа Николая Николаевича по организации экспедиционных исследований старообрядческих поселений Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Киргизии, вовлечению в эту деятельность студентов Новосибирского университета, созданию в Институте истории СО РАН хранения с необходимым температурно-влажностным режимом для привезенных из экспедиций рукописных и старопечатных книг, созданию Сибирского отделения Археографической комиссии Академии наук и многому другому.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что в изучении биографии Н. Н. Покровского Н. Д. Зольникова была одним из первых исследователей, осуществившим переход от основывавшихся на устной традиции, зачастую баснословной, исследований к строго научным, базирующимся на анализе архивных источников. Ей удалось сделать это в отношении имеющихся биографических лакун жизненного пути Н. Н. Покровского. При исследовании научных трудов использовать имеющиеся в его архиве рукописи и черновики она, видимо, не успела, поэтому опиралась исключительно на опубликованные тексты. Думается, исправить сложившуюся ситуацию можно будет после открытия доступа к документам фонда Н. Н. Покровского в Государственном архиве Новосибирской области. Работы Н. Д. Зольниковой знаменуют новый этап в изучении жизненного и творческого пути Н. Н. Покровского.

Список литературы

- Афиани В. Ю. Вклад Н. Н. Покровского в археографию документов XX в. // АЕ за 2014–2015 гг. М., 2023. С. 101–108.
- Введение в историю Церкви: Учебное пособие для вузов по направлению подготовки 030600.62 «История». Ч. 4: Обзор историографии истории Церкви в России. Т. 2: Тысячелетие христианства в России: Ключевые проблемы в трудах отечественных и зарубежных исследователей. СПб., 2024. 509 с.
- Вишленкова Е., Парсамов В. Архив как исследовательская проблема для историка университетской культуры // Биографии университетских архивов. М., 2017. С. 9–12.
- Дневник археографической группы Н. Н. Покровского 1967 г. // Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. Кн. 2. Т. 3. М., 2016. С. 153–193, 210–212.

- Зольникова Н. Д. Археографическая экспедиция в Туву в 1967 г.: К 85-летию со дня рождения академика РАН Н. Н. Покровского // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 60–64.
- Зольникова Н. Д. Выдающийся археограф: К 85-летию со дня рождения академика Н. Н. Покровского // *Universum Humanitarium*. 2015. № 1. С. 214–221.
- Зольникова Н. Д. Дневник тувинской археографической группы 1967 г. как источник по истории староверия // Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. Кн. 2. Т. 3. М., 2016. С. 270–277.
- Зольникова Н. Д. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Николаевич Покровский. М., 2010. С. 7–20. (Материалы к биобиблиографии ученых).
- Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как исследователь // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 4–13.
- Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как историк церкви и православия: Начало пути // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 3 (19). С. 111–146.
- Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как организатор науки: Вторая половина 1960-х — 1980-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 1. С. 32–39.
- Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский по письмам коллег и друзей: Личность в общественной среде (1970–1980-е гг.) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 8–24.
- Зольникова Н. Д. Письмо архимандрита Иннокентия (Просвирнина) Н. Н. Покровскому // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 2 (14). С. 221–230.
- Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ: Переписка Н. Н. Покровского и его близких в 1957–1963 гг. // Проблема сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 7–41.
- Зольникова Н. Д. Полевой дневник археографической группы Н. Н. Покровского (Тува, 6–7 августа 1967 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 152–157.
- Петров С. Г. Наталья Дмитриевна Зольникова — исследователь истории Русской православной церкви и старообрядчества XVII — начала XXI в. // Церковно-историческая наука в России XIX — начала XXI в.: Институты, школы, ключевые проблемы. Сборник материалов всероссийской (с международным участием) научной конференции. Смоленск, 2020. С. 65–76.

- Пихоя Р. Г.* Академик Николай Николаевич Покровский как археограф // АЕ за 2014–2015 гг. М., 2023. С. 97–100.
- Плигузов А. И.* Преподобный Иосиф Волоцкий: Послания, «Просветитель», жития. М., 2020. 306 с.
- Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. 231 с.
- Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. СПб., 2022. 716 с.
- Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971. 181 с.
- Швейковская Е. Н.* Н. Н. Покровский — историк и источниковед // АЕ за 2014–2015 гг. М., 2023. С. 109–123.

СТАТЬИ-ПУБЛИКАЦИИ

УДК 947.065(571)“16”

А. А. Бродников, А. С. Зуев

Новосибирский государственный университет

ЧЕЛОБИТНАЯ ИРКУТСКОГО СЫНА БОЯРСКОГО ИВАНА ПЕРФИРЬЕВА

Впервые публикуется текст Челобитной, направленной сыном боярским Иваном Максимовичем Перфирьевым на высочайшее имя. Во вводной статье охарактеризованы обстоятельства появления Челобитной, дано описание использованных списков. Сделан вывод, что текст, хранящийся в фонде 208 РГАДА, послужил источником для копии, внесенной в книгу Сибирского приказа.

Ключевые слова: челобитная, дети боярские Перфирьевы, Сибирь, Иркутск, Иркутский уезд, служилые люди, XVII век

В исследовательской литературе достаточно подробно описана служба основателя династии Максима Перфирьева, его сына Ивана Максимовича¹ и внуков Ивана Ивановича, Василия Ивановича и Астафия Ивановича,² введены в научный оборот два документа, авторами которых были представители семейства Перфирьевых.³ Один из них — челобитная Ивана Максимовича Перфирьева на имя

¹ Максим Перфирьев служил по Енисейску, а его сын Иван Максимович сначала служил тоже по Енисейску, затем — по Иркутску. Сохранилась грамота царя Федора Алексеевича енисейскому воеводе Александру Петровичу Салтыкову от 22 февраля 1682 г. о переводе И. Перфирьева и двух его сыновей в Иркутск (РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 6. 3 л.).

² Бродников А. А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев: Опыт биографического исследования // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 213–227; Бродников А. А. Иван Максимович Перфирьев: Из истории сибирской служилой династии XVII в. // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков. Тобольск, 2005. С. 151–168; Бродников А. А. Борьба за чин атамана в енисейском гарнизоне в 30-е гг. XVII в. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: Вчера, сегодня, завтра»: Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 21 декабря 2008 г. Новосибирск, 2009. С. 122–127; Бродников А. А. Третье поколение Перфирьевых: Из истории сибирской служилой династии XVII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11. Вып. 8: История. Новосибирск, 2012. С. 27–34; Бродников А. А. Выборный судья Иркутска Иван Перфирьев: Проблемы управления городом и уездом в конце XVII в. // Память о прошлом в письменных источниках XVIII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 104–112.

³ Бродников А. А. Память о заслугах предков в семье иркутских служилых людей XVII — начала XVIII в. Перфирьевых // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 258–265.

царя Петра I. Она хранится в РГАДА в фонде статского советника Ф. А. Юни и может быть датирована периодом с 1 сентября по 31 декабря 1699 г.⁴ Второй документ — челобитная одного из внуков Ивана Максимовича, сына Астафия Ивановича, имя которого, к сожалению, пока остается не известным по причине отсутствия у документа начала и конца, может быть датирован не ранее 1711 г., хранится в Тихомировском собрании рукописей ГПНТБ СО РАН.⁵ Содержание этих двух документов свидетельствует, что в 1711 г. в семье Перфирьевых все еще хранился какой-то вариант (возможно, черновой) первоначального документа, послуживший основой для челобитной внука И. Перфирьева.

Франц Александрович Юни в 1805 г., состоя в чине коллежского асессора, был включен в свиту графа Ю. А. Головкина, который возглавлял посольство в Китай.⁶ Во время своего пребывания в Иркутске в 1805–1806 гг. Ф. А. Юни сумел приобрести подлинники документов 1667–1700 гг. После его смерти в 1857 г. эти документы (13 единиц) были куплены у его наследников Московским Главным архивом Министерства иностранных дел.⁷ В настоящее время эти документы хранятся в РГАДА (ф. 208 — статского советника Ф. А. Юни). Поскольку все они связаны с деятельностью семьи Перфирьевых (9 документов адресованы Ивану Максимовичу, 3 — Василию Ивановичу и 1 — челобитная Ивана Максимовича на имя Петра I), очень вероятно, что и приобретены они были Ф. А. Юни в Иркутске у кого-то из потомков этих служилых людей.

Появление челобитной И. М. Перфирьева связано с тем, что удинские и селенгинские служилые люди в 1698 г. обвинили его в потворстве («поноворке») прежнему иркутскому воеводе Афанасию Тимофеевичу Савелову, на различные злоупотребления которого они прежде жаловались в своих челобитных. Челобитные на А. Савелова были поданы в Енисейске думному дьяку Даниле Леонтьевичу Полянскому и дьяку Даниле Берестову, которые по указу Петра I занимались в это время в Енисейске сыском о злоупотреблениях сибирских воевод.

⁴ РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 13. 7 л.

⁵ ГПНТБ СО РАН. Тих. Дп. XXVI. 8. 3 л.

⁶ О посольстве в Китай графа Головкина / Сообщ. В. Н. Баснин. [М., 1875]. С. 7; Пятнов А. П. Головкин Юрий Александрович // Большая Российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3792864 (дата обращения: 10.11.2024).

⁷ Пуцилло М. П. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому Главному архиву Министерства иностранных дел. М., 1879. С. 39–40, 54.

На смену А. Савелову в 1696 г. в Иркутск был направлен новый воевода, стольник Семен Тимофеевич Полтев. Но он скончался в Идинском остроге в двух днях пути до Иркутска.⁸ Однако указ об отставке А. Савелова в Иркутск был доставлен, поэтому жители, опасаясь возможного сохранения воеводской власти в руках ненавистного им А. Савелова, все еще находившегося в городе, приняли на воеводство сына С. Полтева — Николая. Поскольку тот был в «малых летах», иркутяне «выбрали и приневолили» давно уже являвшегося отставным сына боярского И. М. Перфирьева быть с ним в воеводской приказной избе судьей «и всякие великого государя дела делать»,⁹ то есть по сути стать временно исполняющим обязанности воеводы.

Поданные в Енисейске удинскими и селенгинскими служилыми людьми жалобы на А. Савелова Д. Полянский и Д. Берестов переслали в запечатанном виде в Иркутск. Поскольку от самих жалобщиков никаких челобитных в Иркутскую приказную избу не поступало, а из Енисейска, судя по всему, по этому поводу не было никаких инструкций, И. Перфирьев решил, что присланные из Енисейска документы лучше не распечатывать и передать ожидаемому из Москвы новому воеводе. Тем более, что забайкальские служилые люди были настроены против него и ранее даже составили челобитную о снятии его с управления Иркутском.¹⁰ В итоге до приезда в Иркутск нового воеводы стольника Ивана Федоровича Николева¹¹ эти документы так и оставались не распечатанными.

А. С. Зуев при изучении книг Сибирского приказа обратил внимание на копию текста челобитной И. М. Перфирьева, которую 21 декабря 1700 г. в Сибирском приказе подал его сын Астафий.¹² Таким образом, в нашем распоряжении оказались два экземпляра этого документа. Челобитная И. М. Перфирьева из коллекции Ф. А. Юни несомненно является более ранним вариантом текста, написанным, возможно, собственноручно И. М. Перфирьевым. В нем он ссылается на государев указ, присланный из Сибирского приказа новому иркутскому воеводе И. Николеву, указывая, что «в нынешнем», в «208-м

⁸ Об этом см.: Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. С. 123; *Кудрявцев Ф. А.* Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск, 1939. С. 67; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 321.

⁹ РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 25 об.

¹⁰ Об этом см.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. С. 324–325.

¹¹ В научной литературе встречаются разные варианты написания фамилии иркутского воеводы: Никалев, Николев, Николаев. См.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. С. 394; *Гурулев С. А.* Первые иркутяне. Иркутск, 2011. С. 134. Наблюдается эта разница и в документальных источниках: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 4–5; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 26.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 25–26.

(1699/1700) году», согласно которому на нем следует «доправить» 300 рублей.¹³ Государева грамота, в которой содержался этот указ, была отправлена из Москвы в Иркутск 31 октября 1699 г. Об этом свидетельствует помета на выписке думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса, возглавлявшего в то время Сибирский приказ.¹⁴ Учитывая расстояние, в Иркутск эта грамота могла поступить не ранее марта 1700 г. В челобитной, доставленной 21 декабря 1700 г. в Сибирский приказ его сыном, Астафием Перфирьевым,¹⁵ говорится, что государев указ о взыскании 300 рублей был прислан в Иркутск «в прошлом» в «208-м году».¹⁶ Соответственно, этот документ (челобитная) был составлен позже доставки государева указа в Иркутск.

Таким образом, текст челобитной из коллекции Юни является более ранним и, судя по всему, послужил основой для копии аналогичного документа в книге Сибирского приказа. Вполне возможно, что Астафий Перфирьев привез первоначальный текст, составленный его отцом, Иваном Перфирьевым (попавший позднее в коллекцию Ф. А. Юни), с собой в Москву, и в приказе его переписали в книгу. Как видим, недавний указ Петра I о ведении делопроизводства в тетрадах с использованием двух сторон листа в Сибирском приказе уже неукоснительно выполнялся.

Кроме того, в челобитной И. Перфирьева из фонда Юни на обороте третьего листа имеется объемная вставка о событиях 1678/79 и 1679/80 гг.: о набеге монголов на Тункинский острог и уводе ими ясачных бурят и тунгусов. По указу царя Федора Алексеевича енисейский воевода князь Иван Петрович Борятинский тогда посылал И. Перфирьева из Енисейска в Иркутск, входивший в то время в состав Енисейского уезда, для урегулирования ситуации с монгольским правителем Цецен-нойоном.¹⁷ Обращает на себя внимание и то, что пять листов этой челобитной написаны без помарок достаточно четким, аккуратным почерком. На обороте листа 3 почерк совсем иной, беглый. Вероятно, когда документ уже был готов, отставной сын боярский, вспомнив еще об одной своей важной заслуге, решил написать о ней в уже готовом документе и добавить на обороте листа сведения о своем участии в возвращении на территорию Иркутского присуда ясачных бурят в 1679 г., ранее уведенных в монгольские степи. Почему этот действительно важный факт его биографии был пропущен первоначально, остается только догадываться.

¹³ РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 28–28 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 28 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 26.

¹⁷ РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3 об.

Тем не менее, очевидно, что такой текст, со вставкой, сделанной беглым почерком, И. Перфирьев не мог отправить на имя государя. Теперь этот документ мог использоваться только как черновик. Логично предположить, что его взял с собой отправленный в Москву А. Перфирьев. Впрочем, не исключено, что И. Перфирьев все же сделал новый, чистовой, вариант своей челобитной и отправил его в Москву с сыном, но новое делопроизводство (в книгах или тетрадях с использованием двух сторон листа) потребовало от чиновника Сибирского приказа переписать ее текст в книгу. Надо полагать, что отправка иркутским воеводой в Москву «с соболиною казною и мягкой рухлядью»¹⁸ именно сына «поставленного на правеж» отставного иркутского сына боярского, была не случайной. Авторитет И. Перфирьева у жителей Иркутска был весьма высоким и новый воевода, которого тот, несомненно, и вводил в курс дел, вынужден был это учитывать.

Прибытие в Москву А. Перфирьева сыграло свою роль в решении проблемы его отца. Доставленная им в Сибирский приказ челобитная И. Перфирьева оказалась записанной в книге, на листах с оборотом. Таким образом, ее текст был переписан уже непосредственно в приказе и скреплен в конце каждого листа подписью Астафия: «К сей челобитной вместо отца своего Ивана // Перфирьева сын ево Осташка Перфирьев // руку приложил».¹⁹

Записи, следующие в книге после копии челобитной, свидетельствуют, что в Сибирском приказе к этой проблеме отнеслись по-деловому и рассматривалась она весьма основательно. В этих записях излагается содержание царской грамоты, отправленной в январе 1697 г. новому иркутскому воеводе С. Полтеву, где идет речь о жалобах забайкальских казаков на бывшего воеводу А. Савелова и о мерах, которые С. Полтеву должен был предпринять в его отношении в соответствии с сыском, проведенным думным дьяком Д. Полянским. Отмечается в записях, что пребывание И. Перфирьева «в товарищах» при малолетнем воеводе Николае Полтеве до государева указу было санкционировано из Москвы.²⁰

Кроме того, последующие записи в книге свидетельствуют, что в Сибирском приказе первоначально поверили извещениям забайкальских служилых людей, обвинявших И. Перфирьева в «поноровке» воеводе-лихоимцу А. Савелову. Находившемуся в Енисейске думному дьяку Д. Полянскому тогда была отправлена грамота не просто «розыскать» о всех обидах со стороны бывшего воеводы, причиненных

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 28 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 25, 25 об., 26.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 26 об. – 27.

жалобщикам, но и, если эти обвинения подтвердятся, взять в Иркутске «с его знакомцев за их вины» животы «в государеву казну».²¹

Судя по всему, думный дьяк Д. Полянский, не вникая особо в сложившуюся ситуацию, посчитал И. Перфирьева «знакомцем» воеводы Савелова, поскольку тот не проводил розыск о его действиях, о чем и сообщил в Москву. Как следствие, 31 октября 1699 г. новому иркутскому воеводе И. Николеву, по указу государя Петра I, из Сибирского приказа была отправлена грамота, в которой велено на Иване Перфирьеве за то, что он про Савелова «не разыскивал», «доправить пени 300 рублей, а если он помер, то взыскать на его детях или тех, кому его животы достались».²² Указанная сумма пени для семьи служилого человека была совершенно неподъемной, это наказание ввергало в нищету сразу несколько поколений. В челобитной И. Перфирьев просит государя не взыскивать с него этих денег, чтобы ему «в древней <...> старости з детишками <...> и со внучаты, и с правнучаты от того вконец не погинуть и меж дворы не скитатца».²³

Отправка в Москву иркутским воеводой И. Николевым А. Перфирьева оказалась весьма кстати.²⁴ Новый воевода, явно сочувствовавший И. Перфирьеву, знал, что делал: Астафий Перфирьев, как и его отец, имел многолетний административно-управленческий опыт. За время своей службы сыном боярским он многократно назначался приказчиком в разные остроги Иркутского уезда, а в 1697–1698 гг. даже возглавлял Илимский уезд.²⁵ Следовательно, он имел и опыт решения бюрократических проблем. Кроме того, А. Перфирьев, во время своего пребывания в Москве, вместе с другими сибирскими служилыми людьми давал в Сибирском приказе показания по делу бывшего илимского воеводы Богдана Челищева,²⁶ на которого, как и на А. Савелова, поступило много жалоб и которого по государеву указу заменял на воеводстве до присылки из Москвы следующего воеводы сам А. Перфирьев. В глазах чиновников Сибирского приказа это обстоятельство также могло сыграть положительную роль: А. Перфирьев имел возможность предоставить всю необходимую по этому поводу информацию, позволить им сравнить, как выполняли обязанности воевод сам Астафий и его отец и обвиняемые воеводы

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 27–28.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 28–28 об.

²³ РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 4; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 26.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 28 об.

²⁵ *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 128; *Бродников А. А.* Третье поколение Перфирьевых. С. 31–33.

²⁶ Сборник документов по истории Бурятии: XVII в. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 420–421, № 150.

Б. Челищев и А. Савелов. Последующие документы рассматриваемой книги свидетельствуют, что А. Перфирьев находился в Москве до февраля 1701 г. и активно взаимодействовал по разным вопросам с «чиновниками» Сибирского приказа.²⁷ Он смог выехать из Москвы в Иркутск только в конце февраля 1701 г.²⁸

Обращает на себя внимание, что в книге Сибирского приказа после челобитной приводятся сведения о том, что во время управления И. Перфирьева Иркутским уездом в результате денежных и соболинных сборов, таможенных сборов за провоз китайских товаров в государственную казну были получены средства в размере 2542 руб. 5 алтын 1,5 деньги. Сумма эта значительно превышала ту, что была собрана за два предшествующих года при воеводе А. Савелове.²⁹

Надо полагать, что именно это обстоятельство — большой сбор денежных средств в казну (как явное свидетельство добросовестной службы отставного сына боярского в качестве «товарища» при малолетнем воеводе Н. Полтеве) — повлияло на решение главы Сибирского приказа. В итоге, 25 января 1701 г. дьяк А. Виниус приказал не взыскивать 300 рублей с И. Перфирьева,³⁰ а в феврале 1701 г. в Сибирском приказе была подготовлена соответствующего содержания грамота для отправки в Иркутск очередному воеводе Юрию Филипповичу Шишкину.³¹

Таким образом, челобитная Ивана Перфирьева сыграла свою роль в освобождении его семьи от несправедливо наложенной на него пени в огромном размере. Совершенно очевидно, что первоначальный вариант этого документа (приобретенный в последующем Ф. А. Юни) был подготовлен если не самим И. Перфирьевым, то при его непосредственном участии. Выявленный вслед за этим пропуск важной информации, в результате чего появилась вставка на обороте листа 3, уже не позволял этот документ отдавать в Приказ. Но он мог быть использован как черновик. Выше высказывалось предположение, что Астафий Перфирьев мог отвезти в Москву новый, исправленный, чистовой вариант челобитной отца. Что касается первоначального варианта челобитной, то он был в последующем оставлен в семье не просто «на память», но и как важный документ для его возможного использования представителями последующих поколений Перфирьевых при возникновении необходимости обосновать значение своего рода заслугами предков.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 14 об. — 15, 28 об., 33–51, 59 об. — 61, 165 об. — 166, 201, 276 об., 307 об., 473 об., 490 об., 495, 499, 523.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 544, 554.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 29 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 29 об.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 30 об. — 32 об.

В нашем распоряжении сейчас имеются два варианта челобитной И. Перфирьева: первоначальный текст, ставший из-за пропущенного фрагмента черновым и оставшийся в семье, и текст, занесенный в книгу Сибирского приказа. Не исключено, что где-то в фондах Сибирского приказа имеется и третий текст — чистовой вариант челобитной, переписанной в книгу, который, по своей сути, может являться вторым, а скопированный в книгу Сибирского приказа текст тогда становится третьим.

В заключение обратим внимание на мелкую, но интересную деталь: в челобитной из коллекции Ф. А. Юни фамилия челобитчика пишется через «р»: Перфирьев, так же, как и в большинстве документов XVII в., а в книге Сибирского приказа — через «л»: Перфильев. Можно предположить, что в приказе текст челобитной переписывался подъячим на слух под диктовку А. Перфирьева.

При сравнении текстов обнаруживаются и другие различия. В частности, небольшие фрагменты текста челобитной из коллекции Юни в тексте, переписанном в книгу, пропущены. Имеются некоторые различия в царской титулатуре: в первоначальной челобитной у И. Перфирьева говорится, что он приводил тунгусов под государеву «высокосамодержавственную руку», в то время как в книге — под государеву «высокую самодержавную руку». В первом тексте упоминаются имена братьев царя Петра Федора и Иоанна. Во втором тексте имя Иоанна отсутствует.

Ценность челобитной иркутского сына боярского И. М. Перфирьева заключается в том, что в этом документе не просто описана его служба в течение всей жизни. Он обращает внимание на важнейшие, с его точки зрения, события, в которых он принимал участие. Поскольку он с 1650-х гг. практически все время находился при исполнении административных обязанностей, выполняя непосредственные указания енисейских, а затем и иркутских воевод, то его службы дают нам сведения о формировании механизма управления сибирскими территориями, о важнейших задачах, стоявших перед сибирской администрацией в те или иные годы. Большую ценность представляют сведения о развитии взаимоотношений между русским военно-служилым населением и администрацией с одной стороны и местными народами с другой. Есть возможность из содержания челобитной отметить и влияние внешнего фактора на эти отношения — действия правителей соседних кочевых государственных образований. Что касается причины появления челобитной — решения взыскать на Иване Максимовиче 300 рублей, — то это красноречивый показатель усиления центральной власти, проявление абсолютизма.

Ниже приводится текст челобитной из коллекции Ф. А. Юни, ставший черновым. Выше говорилось, что обнаруженный в книге Сибирского приказа текст является вторичным, копией первого варианта, хотя и с некоторыми поправками. При этом возможно, что он является даже третьим текстом челобитной И. Перфирьева. В сносках показаны разночтения, обнаруженные при сравнении двух текстов.

За основу берется первоначальный текст челобитной: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–5 об. (Та). В качестве сравнения приводится Текст челобитной: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 25–26 (Тв).

Челобитная сына боярского Ивана Перфильева

л. 1 Великому¹ государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой Иркутцкого² города отставной³ сын боярской Ивашко Перфирьев.

В прошлых, великий⁴ государь, годех блаженные⁵ памяти деду твоему государеву⁶ великому государю царю и великому князю Михайлу Феодоровичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу служил⁷ отец мой, Максим Перфирьев, с начала, как почался быть Енисейской острог, по Енисейску в атаманех и в детех боярских болши сорока лет. И будучи на твоих, великого государя⁸, службах на великой реке Лене и в братцких и в тунгуских улусах, многих неясачных людей под твою, великого государя, высокосамодержавственную⁹ руку приводил в ясачной платеж и в вечное холопство и Байкал море проведаль. И ныне с тех людей твой, великого государя, ясак собираетца по вся годы. И на боях был ранен не по одно время. И я, холоп твой, служил блаженные¹⁰ памяти отцу твоему, государеву¹¹, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и братьям¹² твоим, государевым, великим государям царям и великим князям Феодору Алексеевичу, Иоанну Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем¹³ и тебе, великому

¹ 1701 года генваря в 5 день выписать. Великому Тв; ² Иркутцкого Тв; ³ отставленной Тв; ⁴ нет Тв; ^{5–6} деду твоему государеву блаженные памяти Тв; ⁷ доб. со всяким радением и чистосердием Тв; ⁸ доб. многих Тв; ⁹ высокую самодержавную Тв; ^{10–11} отцу твоему государеву блаженные памяти Тв; ^{12–13} брату твоему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу Тв;

государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, по Енисейску и по Иркутску¹⁴ в детех боярских сорок восемь лет. И, будучи на твоих, великого государя, службах, многих неясачных людей под твою, великого государя, высокосамодержавственную¹⁵ руку привел, и на великой реке Шилке князца Гантимура с родом и с улусными ево людьми и иных тунгус//ких родов в ясачной платеж и в вечное холопство в¹⁶ прошлом¹⁷ во 161-м году и ясак первой с них в твою, великого государя, казну взял сем сороков пять соболей с пупки и с хвосты. Да в прошлом же, великий¹⁸ государь, во 166-м году, изменя тебе, великому государю, братцкие¹⁹ ясачные люди от Братцкого и Балаганского острогов отъехали в Мунгальскую землю все без остатку. И того ж, великий²⁰ государь, 166-го²¹ году послан был я, холоп твой, в Братцкой острог для твоего, великого государя, ясачного збору и для призыву под твою, великого государя, высокосамодержавственную руку тех изменников. И я, холоп твой, сыскивая тех изменников²² и вновь неясачных людей ласкою и приветом под твою, великого государя, высокосамодержавственную²³ руку в ясачной платеж и в вечное холопство призвал и твой, великого государя, ясак собрал против прежних лет сполна. Да в прошлом²⁴ же, великий государь, во 171-м и во 172-м годах призвал я, холоп твой, под твою, великого государя, высокосамодержавственную²⁵ руку к Иркутскому острогу в ясачной платеж и в вечное холопство тунгуса Заектая с родом и с улусными ево людьми, и хлебную твою, великого государя, пашню завел, и пашенных²⁶ крестьян поселил. Да в прошлых же, великий²⁷ государь, в 175-м и во 176-м годах призвал я, холоп твой,²⁸ к Иркутскому²⁹ острогу из мунгал прежних изменников и вновь братцких людей Туртуерского³⁰ и Комкодорского родов³¹. И будучи, великий³² государь, в тех годах, я, холоп твой, в Ыркутском³³ в ясачном и в денежном зборех³⁴ и в хлебной пахоте учинил тебе, великому государю царю³⁵ и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу³⁶, прибыль немалую.

¹⁴ Иркутску Тв; ¹⁵ высокую самодержавную Тв; ^{16–17} нет Тв; ¹⁸ нет Тв; ¹⁹ брацкие Тв; ²⁰ нет Тв; ^{21–22} 161-го году я, холоп твой, тех вышеписанных изменников Тв; ²³ высокую самодержавную Тв; ²⁴ прошлых Тв; ²⁵ высокую самодержавную Тв; ²⁶ нет Тв; ²⁷ нет Тв; ²⁸ доб. под твою великого государя высокую самодержавную руку в ясачной платеж и в вечное холопство Тв; ²⁹ Ыркуцкому ж Тв; ^{30–31} Тертеевского и Конкодорского родов с улусными людьми Тв; ³² нет Тв; ³³ Ыркуцком Тв; ³⁴ збор Тв; ^{35–36} нет Тв;

В³⁷ прошлых же, великий³⁸ государь, во 175-м и во 183-м годах по³⁹ указу блаженные памяти отца твоего, государева, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца⁴⁰, посылан был я, холоп твой, с твоими, великого государя, грамотами и з жалованьем в Мунгальскую землю к мунгальскому Калке хану и к Очирою Саин хану и к брату ево Батуру тайше для договору всякого мирного состояния // и для проезду твоим, великого государя⁴¹, людем через их Мунгальскую землю с торгами в Китайское государство. И того ж, великий⁴² государь, 183-го году по моему, холопа твоего, договору пропущен был чрез Мунгальскую землю в Китайское государство торговой человек Гаврило Романов. Да^a в прошлом же, государь, во 187-м году, мунгальские воинские люди погромили под Тункинским острогом твоих, великого государя, братских и тунгуских ясачных людей многое число и свели с собою в Мунгальскую землю з женами и детьми⁴³, а иных побили. И в прошлом же, государь, о 188-м году по⁴⁴ указу блаженные памяти брата твоего, государева, великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, боярин и воевода князь Иван Петрович Борятинский посылал меня, холопа твоего⁴⁵, из Енисейска в Ыркуцкой острог для твоего, великого государя, ясачного збору. И пришед я⁴⁶, холоп твой⁴⁷, в Ыркуцкой, посылал в Мунгальскую землю⁴⁸ твоих, великого государя, служилых людей Гришку Кибирева, толмача Алешку Калакаева с товарищи пять человек к⁴⁹ мунгальскому тайше к Цецен-ноену⁵⁰ и велел я, холоп твой, Гришке с товарищи мунгальскому тайше Цецен-ноену веля⁵¹ говорить, чтоб тайша Цецен-ноен⁵² твоих, великого государя, ясачных людей отпустил⁵³ от себя⁵⁴ по-прежнему к Тункинскому острогу в твой, великого государя, ясачной платеж и⁵⁵ чтобы в том меж твоими, великого государя, ясачными людьми с ними⁵⁶, мунгальскими людьми⁵⁷, ссоры не было.

³⁷ Да в Тв; ³⁸ нет Тв; ³⁹⁻⁴⁰ нет Тв; ⁴¹ доб. посланником и торговым Тв; ⁴² нет Тв; ^{a-6} Написано скорописью XVII в., почерком, отличным от основного на л. 3 об.; ⁴³ доб. и с улусными их людьми Тв; ⁴⁴⁻⁴⁵ посылан был я, холоп твой Тв; ⁴⁶⁻⁴⁷ нет Тв; ⁴⁸ доб. к мунгальскому тайше к Цецен ноену Тв; ⁴⁹⁻⁵⁰ нет Тв; ⁵¹⁻⁵² говорить, чтоб он, тайша Тв; ⁵³⁻⁵⁴ которых он погромил, отпустил из своих улусов под твою великого государя высокую самодержавную руку Тв; ⁵⁵ доб. в вечное холопство Тв; ⁵⁶⁻⁵⁷ ним, мунгальским тайшею Цецен ноеном, и с сынами ево людьми впредь Тв;

И по⁵⁸ той, государь, моей⁵⁹ посылке и по договору отпустил он, тайша⁶⁰, к Тункинскому острогу твоих, великого государя, ясачных людей⁶¹ девяносто юрт с женами и с детьми⁶². И ныне, государь⁶³, те ясачные люди есть налицо⁶⁴, твой, великого государя, ясак платят в Ыркуцком и в [Ту]нкинском по вся годы⁶. И служа и радея я, холоп твой, блаженные⁶⁵ памяти отцу твоему, государеву, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и братьем твоим, государевым, великим государям царям и великим князям Феодору Алексеевичю, Иоанну Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем и тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу⁶⁶, многие⁶⁷ службы и всякую нужду и бедность и голод терпел ибудучи на тех твоих, великого государя, службах в пороке ни в каком не бывал, и жалоб и челобитья тебе, великому государю, на меня, холопа твоего, ни от каких чинов людей не бывало⁶⁸. В⁶⁹ прошлом же⁶⁹, великий⁷⁰ государь, в 205-м⁷¹ по твоему, великого государя царя⁷² и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца⁷³, указу и по наказу из Сибирского приказу послан был с Москвы в Ыркутск⁷⁴ на воеводство стольник и⁷⁵ воевода⁷⁶ Семен Тимофеев сын Полтев на перемену прежнему стольнику⁷⁷ и воеводе⁷⁸ Афанасею Тимофееву сыну Савелову. И не доехав Иркутска, он, стольник⁷⁹ и воевода⁸⁰ Семен Полтев, умре. И Иркутского города всяких чинов жители вместо ево, Семена Полтева, приняли на воеводство сына ево, Николая Семенова сына Полтева. А для ево, Николаева, малолетства выбрали⁸¹ и приневолили иркутские всяких чинов жители быть⁸² в приказной избе с ним, Николаем, мне, холопу твоему, судьей и всякие твои, великого государя, дела делать. И в прошлом же, великий⁸³ государь, в 206-м году февраля в последних числах прислан⁸⁴ твой, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца,

⁵⁸⁻⁵⁹ после той моей, холопа твоего *Тв*; ⁶⁰ *доб.* Цецен ноен, из улусов своих под твою великого государя высокосамодержавную руку в ясачной платеж и в вечное холопство *Тв*; ⁶¹ *доб.* которых он, тайша Цецен ноенен, погромил *Тв*; ⁶² *доб.* и с улусными их людьми *Тв*; ⁶³ *нет Тв*; ⁶⁴ *доб.* и *Тв*; ⁶⁵⁻⁶⁶ *нет Тв*; ⁶⁷ *доб.* твои великого государя *Тв*; ⁶⁸ *доб.* ж *Тв*; ⁶⁹ *А в Тв*; ⁶⁹⁻⁷⁰ *нет Тв*; ⁷¹ *доб.* году *Тв*; ⁷²⁻⁷³ *нет Тв*; ⁷⁴ Ыркуцк *Тв*; ⁷⁵⁻⁷⁶ *нет Тв*; ⁷⁷⁻⁷⁸ иркуцкому воеводе стольнику *Тв*; ⁷⁹⁻⁸⁰ *нет Тв*; ⁸¹⁻⁸² иркуцкие всяких чинов жители выбрали и приневолили быть в Иркутску *Тв*; ⁸³ *нет Тв*; ⁸⁴⁻⁸⁵ прислана твоя великого государя *Тв*;

с Москвы из Сибирского приказу указ⁸⁵ — грамота: велено мне, холопу твоему, быть с ним, Николаем, в това//рыщах и всякие твои, великого государя, дела делать против твоих, великого государя, указов со всяким радением. И я, холоп твой, служил, работал и радел тебе, великому государю царю⁸⁶ и великому князю Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу⁸⁷, со всяким чистосердием⁸⁸ и меж твоих, великого государя⁸⁹, людей, елико посмей⁹⁰ моей росправы⁹¹ против твоих, великого государя, указов чинил и во всяких твоих, великого государя, денежных и соболиных зборех и в китайских товарах в 205-м и в 206-м годах против збору прошлых 203-го и 204-го годов сиденья в Ыркуцком стольника и воеводы Афанасья Савелова учинил тебе, великий⁹² государь⁹³, прибыль немалую, и от градцких всяких чинов жителей тебе, великому государю, на меня, холопа твоего, челобиться⁹⁴ и жалобы никакой нет. Мне⁹⁵, холопу твоему, против твоего, великого государя, указу, каков указ был послан из Сибирского приказу в Ыркутск⁹⁶ к стольнику и воеводе Семену Полтеву, велено сыскать против челобитья удинских и селенгинских служилых людей в обидах и в налогах на прежняго стольника⁹⁷ и воеводы⁹⁸ Афанасья Савелова. И мне, холопу твоему, сыскивать было про то дело невозможно никоими примерами для того, что удинские и селенгинские служилые люди были в упорстве и не послушны. И⁹⁹ в бунтовое время называли они стольника и воеводу Афанасья Савелова вором и изменником и меня, холопа твоего, и всех градских жителей называли ворами и изменниками и на меня, холопа твоего¹⁰⁰, били челом тебе, великому государю, те^{II.1} удинские и селенгинские служилые люди², подали челобитную Николаю Полтеву, чтобы³ мне, холопу твоему, не быть с ним, Николаем, у твоего, великого государя, дела. И тое⁴ челобитную он, Николай Полтев, свез с собою к Москве. И которые челобитные тех⁵ служилых людей на прежняго стольника⁶ и воеводу⁷ Афанасья Савелова были посланы в Ыркутск⁸ к стольнику и воеводе Семену Полтеву от думного дьяка Данила Леонтьевича Полянского, да от⁹

⁸⁶⁻⁸⁷ нет Тв; ⁸⁸ доб. радетельным попечением безкорыстно Тв; ⁸⁹ доб. иркуцких всяких чинов Тв; ⁹⁰⁻⁹¹ по силе моей, холопа твоего, росправу Тв; ⁹²⁻⁹³ великому государю Тв; ⁹⁴ доб. не бывало Тв; ⁹⁵ Да мне ж Тв; ⁹⁶ Ыркуцк Тв; ⁹⁷⁻⁹⁸ иркуцкого воеводу стольника Тв; ⁹⁹⁻¹⁰⁰ и на меня, холопа твоего, они, удинские и селенгинские служилые люди Тв; ^{II.1-2} нет Тв; ³ чтоб Тв; ⁴ доб. государь Тв; ⁵ доб. удинских и селенгинских Тв; ⁶⁻⁷ воеводу стольника Тв; ⁸ Ыркуцк Тв; ⁹ нет Тв;

дьяка Данила Берестова¹⁰ запечатаны в листу. И те челобитные не распечатываны до приезде в Ыркутск¹¹ стольника и¹² воеводы¹³ Ивана Федоровича¹⁴ Николева. И мне было¹⁵, холопу твоему, розыскивать¹⁶ не против чего. //

л. 5 И те удинские и селенгинские служилые люди о том тебе, великому государю, не бивали челом и мне, холопу твоему, в приказной избе не говаривали, чтоб против их челобитья сыскать. И в прошлом, великий¹⁷ государь, в 208-м году прислан твой, великого государя, указ из Сибирского приказу в Ыркуцк к стольнику и воеводе к Ивану Федоровичу¹⁸ Николеву. Велено на мне, холопе твоём, доправить¹⁹ триста рублей денег за то, что я, холоп твой, против твоего, великого государя, указу²⁰ не сыскавал. И то мне, холопу твоему, поставлено в послушание и в поноворку Афонасью Савелову²¹. И ныне я²², холоп твой, в тех деньгах²³ стою на правеже. А окупитца мне, холопу твоему,²⁴ нечем. Милосердный государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, за мои многие службишки и работу, не вели, великий²⁵ государь, тех трехсот рублей денег на мне, холопе своем²⁶, править, чтоб мне, холопу твоему²⁷, в древней моей старости з детишками моими и со внучаты, и с правнучаты от того вконец не погибнуть и меж дворы не скитатца. Великий государь царь, смилуйся. //

л. 5 об. И²⁸ поноворки, государь, моей Афонасью Савелову никакой не было²⁹.

РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–5 об.

Список литературы

- Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 400 с.
- Бродников А. А. Борьба за чин атамана в енисейском гарнизоне в 30-е гг. XVII в. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: Вчера, сегодня, завтра»: Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 21 декабря 2008 г. Новосибирск, 2009. С. 122–127.
- Бродников А. А. Выборный судья Иркутска Иван Перфирьев: Проблемы управления городом и уездом в конце XVII в. // Память о

¹⁰ доб. и Тв; ¹¹ доб. на воеводство Тв; ^{12–13} нет Тв; ¹⁴ нет Тв; ¹⁵ нет Тв; ¹⁶ доб. было Тв; ¹⁷ нет Тв; ¹⁸ нет Тв; ¹⁹ доб. в твою великого государя казну Тв; ²⁰ доб. каков прислан к Семену Полтеву Тв; ²¹ доб. А поноворки, государь, моей Афонасью Савелову никакой не было Тв; ^{22–23} государь, в тех деньгах я, холоп твой Тв; ²⁴ доб. за скудостью и за старостью Тв; ²⁵ нет Тв; ²⁶ твоём Тв; ²⁷ доб. в скудости и Тв; ^{28–29} нет Тв.

- прошлом в письменных источниках XVIII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 104–112.
- Бродников А. А.* Иван Максимович Перфирьев: Из истории сибирской служилой династии XVII в. // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков. Тобольск, 2005. С. 151–168.
- Бродников А. А.* Память о заслугах предков в семье иркутских служилых людей XVII — начала XVIII в. Перфирьевых // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 258–265.
- Бродников А. А.* Сибирский служилый человек Максим Перфирьев: Опыт биографического исследования // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 213–227.
- Бродников А. А.* Третье поколение Перфирьевых: Из истории сибирской служилой династии XVII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11. Вып. 8: История. Новосибирск, 2012. С. 27–34.
- Гурулев С. А.* Первые иркутяне. Иркутск, 2011. 412 с.
- Кудрявцев Ф. А.* Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск, 1939. 100 с.
- О посольстве в Китай графа Головкина / Сообщ. В. Н. Баснин. [М., 1875]. 103 с.
- Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. 188 с.
- Пуцилло М. П.* Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому Главному архиву Министерства иностранных дел. М., 1879. IV, 123 с.
- Пятнов А. П.* Головкин Юрий Александрович // Большая Российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3792864 (дата обращения: 10.11.2024).
- Сборник документов по истории Бурятии: XVII в. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. 493 с.
- Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. 596 с.

И. А. ШИПИЛОВ

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КНИГИ СЕКРЕТАРЯ
И ПЕРЕВОДЧИКА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ И АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
МАРТИНА САУЕРА:
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ Ф. В. КАРЖАВИНА
Статья вторая***

В статье продолжены введение в научный оборот и изучение перевода на русский язык избранных частей из английской монографии секретаря и переводчика Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции 1785–1795 гг. М. Сауера. Русскоязычная трансляция содержания книги «Донесение о географической и астрономической экспедиции в северные части России, для определения точных градусов широты и долготы устья реки Ковымы, всего чукотского берега до Восточного мыса, и островов простирающихся по Восточному океану до Американского берега, предпринятой по повелению Ея Императорского Величества Екатерины Второй, императрицы всероссийской; под командою commodора Иосифа Биллингса, в 1785 и в следующих до 1794 годах», ценной как для изучения истории путешествия под руководством Дж. Биллингса и Г. А. Сарычева, так и для академических и правительственных экспедиций XVIII в., выполнена в начале XIX в. переводчиком Адмиралтейств-коллегии Ф. В. Каржавиным и является первой и единственной до сих пор, что придает этому источнику уникальный характер. В статье впервые публикуются «особенные краткия примечания» (комментарии), сделанные Каржавиным к наиболее примечательным фрагментам книги путешественника.

Ключевые слова: российские академические и правительственные экспедиции XVIII в., северо-восток Сибири, Северо-Тихоокеанский регион, Аляска, экспедиция Дж. Биллингса и Г. А. Сарычева, «Донесение» М. Сауера, «примечания» Ф. В. Каржавина

Большая научная актуальность и значимость для отечественной историографии академических и правительственных экспедиций в Сибирь XVIII в. введения в оборот, перевода на русский язык и анализа английской книги за авторством Мартина Сауера, секретаря и переводчика Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (СВГИАЭ) под руководством Дж. Биллингса и Г. А. Сарычева (1785–1795) нами уже неоднократно была отмечена.¹ Моно-

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

¹ Шипилов И. А. Источники по истории географических исследований Западной Сибири и Якутии в конце XVIII века: Материалы М. Сауера // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 45–48; Шипилов И. А. Источники по истории изучения народов

графия «An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima, performed by command of Her Imperial Majesty, Catherine the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785, &c. to 1794» (далее — «Донесение») была впервые опубликована в Лондоне в 1802 г.² После этого книга, посвященная организации, проведению и результатам СВГИАЭ, была переведена на основные европейские языки, многократно переиздавалась в Старом и Новом Свете, где стала основным источником для изучения истории экспедиции. В российской историографии ситуация прямо противоположная: «Донесение» Сауера не переведено и мало исследовано. Главной причиной этого, как нами отмечалось ранее, являлось нарушение путешественником запрета на публикацию материалов экспедиции, признанных в России секретными. Сауеру удалось скрыть и вывезти в Великобританию копии собственного дневника, журналов и карт Дж. Биллингса, штурмана-гидрографа А. М. Батакова, других морских офицеров и геодезистов, натуралиста экспедиции К. Г. Мерка и его помощников Дж. Мейна и К. Кребса, этнолингвистические записи штаб-лекаря М. Робека, изобразительных материалов художника Л. А. Воронина.³ Перечисленные скопированные труды и материалы послужили источниками для монографии. Каким образом Сауер, несмотря на неоднократные обыски в его квартире, смог утаить и тем более увезти все эти материалы? На этот вопрос ответил сам автор «Донесения», отметив во введении к своей книге, что в перевозке экспедиционных рукописей и карт ему помогли «английские джентльмены», проживавшие, как и он, на Английской набережной в Санкт-Петербурге.⁴ Эти джентльмены, вероятно, были членами англиканской общины и концессионерами Британской торговой компании. Сауер был адептом течения «естественной теологии» в англиканстве, близком немецкому пиетизму своей религиозной толерантностью и верой в возможность познания Бога с помощью Церк-

Сибири, Дальнего Востока и северной части Тихого океана: Материалы М. Сауера // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 126–143; Шипилов И. А. К истории изучения книги секретаря и переводчика Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции Мартина Сауера: Перевод и комментарии Ф. В. Каржавина. Статья первая // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск, 2022. С. 401–441. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 41).

² Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima, performed by command of Her Imperial Majesty, Catherine the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785, &c. to 1794. London, 1802.

³ Шипилов И. А. К истории изучения книги секретаря и переводчика... С. 402–405.

⁴ Sauer M. An account... P. X–XI.

ви, науки, разума и опыта, и являлся негоциантом (коммерсантом) фактории Английской торговой компании. Последняя была открыта вместе с Англиканской церковью в Санкт-Петербурге в 1723 г. и располагалась на Нижней, впоследствии Английской набережной. Здесь с начала 1780-х гг. жил и работал биржевым маклером Сауер.⁵ Для него, как и для соотечественников и единомышленников, которых он встретил в столице Российской империи и поименно поблагодарил за содействие в книге, цель Британской торговой компании, основанной в середине XVI в. для торговли с Россией и «открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и доселе морским путем не посещаемых», стала целью жизни. Реализовать ее Сауеру помогли знакомство и общение с одним из организаторов СВГИАЭ, знаменитым ученым, академиком Петербургской (Российской) академии наук, историографом Адмиралтейств-коллегии П. С. Палласом, а через него — с будущим руководителем путешествия морским офицером, впоследствии капитан-командором Дж. Биллингсом. Энциклопедическая образованность, знание нескольких европейских и русского языков, начитанность, прогрессивное религиозно-философское и научное мировоззрение Сауера, в основе которого толерантность, эмпиризм и рационализм, безусловно были замечены энциклопедистом, рационалистом, эмпириком и пиетистом Палласом, а также Биллингсом, имевшим схожие взгляды с академиком и соотечественником. Как итог, академик и морской офицер приняли непосредственное участие для включения М. Сауера в состав экспедиции и опосредованно, наряду с упомянутыми выше «английскими джентльменами», поспособствовали тому, что несколько поколений исследователей всего научного мира имеют в своем распоряжении «Донесение» — фундаментальную работу по истории СВГИАЭ, Сибири, Дальнего Востока и северной части Тихого океана в XVIII в. Российское научное сообщество не должно быть исключением. Это осознавал писатель, путешественник, просветитель и переводчик Адмиралтейств-коллегии Ф. В. Каржавин, который в начале XIX в. приступил к работе над русскоязычной трансляцией монографии М. Сауера. Каржавин выполнил переводы краткого содержания четырех первых глав «Донесения», сопроводив их собственной аналитикой, а к остальным разделам книги составил «примечания» с русскоязычной трансляцией избранных фрагментов. В 1812 г., с кончиной Ф. В. Каржавина, работа над русскоязычным изданием книги

⁵ Cross A. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge; New York, 1997. P. 216–251; Кобак А. В., Антонов В. В. Англиканская церковь Иисуса Христа // Санкт-Петербург: Энциклопедия. URL: <http://encspb.ru/object/2804678183> (дата обращения: 12.03.2025).

М. Сауера прекратилась и не возобновлялась до сегодняшнего дня. Уникальный характер рукописных материалов Каржавина предопределяет необходимость их научной публикации.

В данной статье впервые публикуются «особенные краткие примечания» к книге М. Сауера по автографу Ф. В. Каржавина, хранящемуся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Колл. 238. Оп. 2. Картон 146. Д. 21. Л. 17–45). Публикуемый источник отражает универсальный характер экспедиционной работы М. Сауера, дает информацию об исследованиях географии, природы и населения Сибири, Дальнего Востока, Алеутских и других Берингоморских и Северотихоокеанских островов, Аляски, выполненных Г. А. Сарычевым, Дж. Биллингсом, Р. Р. Галлом, К. Г. Мерком, Х. Т. Берингом, Дж. Мейном, А. М. Батаковым и другими участниками СВГИАЭ. Рукопись Каржавина, как и книга Сауера, представляет ценность для изучения истории российских и зарубежных научных экспедиций в обозначенные регионы, имеет значение для исследований по исторической географии, этнографии, биологии, лингвистике и истории науки.

Текст, являющийся рукописным памятником русского языка начала XIX в., передан с сохранением стилистики и орфографии оригинала. Знаки препинания расставлены по правилам русского языка XXI в., но с примерами характерных особенностей авторской пунктуации: злоупотребление знаком ;, использование : вместо . и других. Исправления, которые оговариваются в подстрочных примечаниях, вносятся лишь в случае неточности, допущенной автором рукописи. Пропущенные буквы, слова и фразы восстанавливаются в квадратных скобках. Сокращения слов раскрываются в публикации без оговорок. Ъ в конце слова опускается.

[Ф. В. Каржавин]

Из книги английской Заура о путешествиях господина Биллингса;
особенные краткие примечания

л. 17 В главе 6ой страница 76–77^а. в 19^й день июля 1787го года; проехавши Бараний камень¹, имея от 10 до 12 сажен глубины, и множество плавающих льдин вокруг Палласа, из числа которых иные возвышались на 8 фут² над поверхностью моря, в 11 часов по полудни, господин Биллингс нашел себя в опасном положении, и поворота против ветра пошел назад, сделавши сигнал Ясашне³ следовать за ним; и, наконец, стал на якорь возле берега на против Бараньяго камня; а проехали — было его за 15 верст⁴, и были

^а Испр., в ркп. 76.77; ^б испр., в ркп. Ясашному;

на половинном пути от Песочного мыса^v, так названного Шалауровым^{vi}, которой мыс составляет юго-западной конец Чаунской губы^{vii}. В следующий день, 20^e число июля, в 7^m часу капитан Сарычев приехал на Палласа, будучи позван господином Биллингсом, которой объявил ему, что он положился оставить дальнейшее предприятие и возвратиться в Нижний Ковымск^{viii} при первом способном ветре. Шир: 69°35'56". долгота по времени^{ix} 168°54'. Бараний камень, разстоянием в 3^x милях^x в юг. Песочной мыс, 30 миль в восток. Склонение компаса 17°40'. на восток. В 21^e число ветер был свежий с запада, лед и течение на восток, и так продолжалось до полуночи 25го числа: тогда примечено течение на восток же по одной мили, с небольшим северо западным ветром, которой вскоре стал северо-восточным. До сего времени мы находили, что морская вода была довольно пресна, а иногда совершенно пресная, так что мы кушанье с нею варили: с северо восточным ветром, примечено что течение пошло на запад и вода сделалась соленою; увидели много морских телят^{xi}, несколько небольших китов называемых белухами, и одного настоящего кита посредственной величины, сии явления заставили господина Заура быть такого мнения, что теперь-то очень можно бы сыскать проход; господин Сарычев не только был тех же мыслей, //

л. 17 об. но и предлагал что он охотно поедет с шестью матросами в большой байдаре для сыскания прохода, а приставать будет на ночь к берегу. Возможность успеха подкрепляема была еще мнением господина Шмалева^{xii}; но не показалась она господину Биллингсу, которой взял подписание с офицеров в том, что гораздо осторожнее будет возвратиться в Нижний-Ковымск. Погоды всегда состояли либо снежные, либо дождливые, либо туманные: термометр^{xiii} показывал попеременно от самой точки замерзания до 4^x градусов тепла, а ближе к берегу, 8° и 7°. В 26^e число, [в] 8^m часу по утру, подняли якорь, и пошли на запад к реке Ковыме^r, в которую не без труда было въехать чрез мелководные места в самом ее устье; однако 29го дня июля, в 8 часов по утру, приехали в Нижне-Ковымск, и сдали как суда, так и все принадлежащее к ним, начальнику онаго места. Господин Заур заметил, что в холодную погоду горизонт Ледовитого моря бывает всегда чище и светлее нежели в теплую погоду; и думает, что надлежало бы пуститься в море не прежде

^v здесь и далее *испр.*, в *ркп.* Шалауровым; ^r здесь и далее так в *ркп.*;

1го числа августа; путешествие было бы благоуспешнее, по свидетельству самых охотников, звериных ловцов, и других людей, которые промышляют на берегах Ледовитаго моря; ибо они все утверждают, что никогда лед не отходит от берегов до Ильина дня, то есть до 20го числа июля по старому, или до 31го ч. июля же, по новому штилю.

Взморье при реке Ковыме, у Шалауровых зимовьев, под 69°16' широты, 166°10' долгот., склонение магнитн. стрелки 17°30' на восток.

Река Ковыма бывает покрыта льдом около 20го дня сентября, взкрывается же около 24го дня мая.

В 25^е число ноября, солнце заходит за горизонт до 1го дня генваря; в оной день показывается над горизонтом, и тут бывает самая несносная стужа. //

л. 18

В главе 14. Страница 188. Написано, что в 20^е число июля 1790 Зунде^{xiv} принца Вилияма^{xv} у острова Монтагю^{xvi}, на якоре, господин Биллингс полагая, что то есть самое место, которое Беринг в 1741^м году назвал Мысом Святаго Илии, взял на себя, по данному ему указу, повышение чина, объявил себя капитаном перваго ранга, и приведен к присяге священником на берегу, в самый день пророка Илии. На странице 195ой господин Заур утверждает, что Ильин мыс не есть южной конец острова Монтагю, но острова Кайеса^{xvii}.

Господин Биллингс на своем мнимом мысе св: Илии, был на широте 60°18'48" на долготе 213°42'45'. От сего места он поехал в 30^й день июля того же 1790го года, пробыв тут 10 дней. В следующий день увидели по утру остров Кайес; широта 59°51'22" в разстоянии осьми миль от сего острова. Самая южная часть его составляет без всякаго сомнения то место, которое Беринг назвал мысом Св. Илии. На восток северо-восточный от острова Кайеса лежит в 30^{ти} лье (на милях) гора ужасной высоты, покрытая снегом, именуемая Горою Святаго Ильи. Но, пишет господин Заур на 202^й странице, я не думаю, чтоб которое ни есть место, виденное нами, выключая горы св. Илии, было частью матерой земли; самой Елисаветин мыс^{xviii} не есть материк, даже сомневаюсь и об Аляске. А думаю, что все сии места составляют разные острова, отделенные от матерой земли морским проливом; ибо я не приметил ни какой перемены в цвете воды у самого даже берега; где конечно вода имела бы другой цвет, ежели бы реки втекали тут в море: мы их

искали, но не нашли; не одной не видали; и не имеем притчины полагать, чтоб тут были какая либо реки, а разве за проливом. Вода везде была самая светлая, вкус ея не переменялся, даже и на том месте, где мы стояли на якоре. //

л. 18 об. Глава 17. стран: 229. 25го июня 1791 года, вошедши в бухту Амокнак^{xix} и ставши на якоре в пристани Иллулукской^{xx} острова Уналашки^{xxi} с северной стороны, капитан Биллингс объявил, что «он совсем бросил намерение свое, чтоб осмотреть Американской берег лежащий на полдень от Куковой реки^{xxii}; а расположился ехать прямо в губу св. Лаврентия, что в чукоцкой земле, где двое унтеров Даверкин и Кобелев, посланные в 1789^м году из Охотска, будут ожидать его приезда; а ежели капитан Галл между тем не подъедет с своим судном к Уналашке, то он намерен был оставить ему свой приказ с лекарем Аллегреттием, с Иваном Алексеевым и с одним матросом, которые имели оставаться на Уналашке для сбережения припасов, оставленных капитаном Биллингсом для судна господина Галла; а Галлу ехать без медления за ним в помянутую губу», где Биллингс намеревался окончить свое мореплавание, не имея столько любопытства, чтоб узнать опытом, как далеко можно ехать на север за Берингов пролив^{xxiii}. Господин Биллингс выдавал притчиною перемены своего намерения, что «становилось уже поздно, что приближалась осень и зима, и что можно ему будет утвердить все нужные сведения и на сухом пути».

Ни что на свете не могло показаться всей экспедиции так странным и толь мало удовольствия делающим всем сопутствующим, как вышеобъявленное намерение. Оно не иначе показалось всем, как конец экспедиции, начатой по неограниченной щедрости великодушнейшей в свете монархини; экспедиции, которая заставила всех народов ожидать славнейшего успеха и уже наслаждаться предчувствием всеобщей пользы от усовершения географических познаний сея неизвестной части земного шара, и от заключительного уверения о существовании или о несуществовании северо-западного прохода по морю. Но к общему несчастию! после нескольких годов препровожденных в трудах и в опасностях, после толиких сумм издержанным правительством, после великаго шага, сделаннаго уже в // предприятии нашем, в самое то время, как нам надлежало ожидать ежеминутно прибытия нашего спутника, и, как господину Зауру

л. 19

казалось, в самое то время как приступили к главнейшему намерению экспедиции; бросить все! Это такое дело, которое оправдать, за которое дать похвальной отчет, ни как не возможно.

Не оставалось надежды увидеться еще с капитаном Галлом, разве по возвращении в Камчатку либо в Петербург. Однако все почли бы за щастие, если бы судно его приехало к Уналашке, пока господин Биллингс тут был, в надежде, чтоб он переменял теперешний план свой, и поехали бы все вместе для сыскания истинного предмета экспедиции.

Представления господина Сарычева в Ковыме, на Ледовитом море и в других местах, также представления всякого офицера, мыслящего, что он имел право продолжить что либо к пользе общей, всегда командиром опровергаемы были посредством надменных и непристойных уверток. Я во истину имел множество случаев, говорит о себе господин Заур, приметить, что чин и власть помрачают ум человека, выключая, когда они даются ему в награждение за истинные достоинства или за старшинство в действительной службе; ибо тогда человек знает всю цену своей власти и почитает ее, как богатство, нажитое потовыми трудами, а не употребляет в суету так, как случайное и неожиданное наследство, попавшее в руки расточительного человека.

Выключая господина Биллингса, не было другого флотского офицера на корабле кроме господина Сарычева; и утвердительно можно сказать, что он один и был ученой мореплавателем при экспедиции, человек, отличный тою скромностью, которая всегда сосоставляет достоинству, и теми нежными чувствами, которые совершенство свое получают от истинного источника чести; при том он был в надежде показать усердие свое преодолением трудностей нынешняго предприятия. На конец долг его взял верх над терзанием его духа и принудил его спросить, разве — де — // нельзя послать на сухой путь другога человека, пока бы капитан Биллингс постарался осмотреть те же берега с моря? и разве необходимо надобно, чтоб шел туда сам господин Биллингс? На сии вопросы получены ответы ни чего незначащие. Однако господин Сарычев надеялся еще успеть, если бы капитан Галл подоспел на ту пору и поддержал его мнение.

л. 19 об.

Желал бы я, продолжает господин Заур, скрыть завесою сию часть моей повести, но я чрез то более бы несправедливости оказал затмевая достоинства других офицеров: они состояли по разделению на три вахты, в господине Сарычеве, о котором читатель уже известен; в господине Бакове, которого должность состояла в сохранении материалов, шлюпок и всего что принадлежало к кораблю; но он ни чего не знал в науке мореплавания, столько же мало знал в цыфирной науке; третья особа, был штурман господин Батаков^{xxiv}, которого должность состояла в том чтоб вести порядочно шканечной журнал^{xxv}, сказывать рулевому как держать, и проч... Но ему не было дела до управления корабельного. Все его знание простиралось не далее ежедневных корабельных трудов, как то, брать высоту солнца в полдень и его азимут для склонения компаса, делать описание берегам и сему подобное. Сии господа имели опытность, и по тому могли простоять вахту. Большой науки в них не было, но они от небес получили здравой разсудок; при том любили трудиться, были расторопны и предприимчивы; особливо господин Баков имел особенное присутствие духа во всех опасных случаях. Матрозы и унтер офицеры разделены были на две вахты; и не худо приметить здесь, что из простых матрозов ни один человек не видывал прежде и корабля, а из унтеров только три человека имели понятие об нем.

л. 20

И так оставивши на берегу под сохранением вышепомяну//тых троих человек все нужное для судна господина Галла, господин Биллингс оставил Уналашку в 8^е число июля. В полдень 10го числа проехали только 29 миль на северо-запад 36°57'. Глубина моря 80 или 75 саж. В полдень 11го числа видели множество морских львов^{xxvi}, играющих на воде, морских птиц и морских трав. В целые сутки проехали 75 миль на северо-запад 49°20'. В 11^е число по утру увидели берег острова Св. Георгия в 16 милях расстояния; вьскоре по том увидели остров св: Павла^{xxvii}. На них земля высока с пригорками, однако негориста. Видны издали зеленеющие долины, но дерев нет. Пристани ни одной не видели, а есть на северо-восточной стороне мелководныя бухты, куда промышленники ездят, и первое их дело вытащить судно свое на берег, дабы оно безопасно было от прибоя морского во время ветра. Луханина товарищи были тогда в промысле на сем острове св: Георгия, но по сказкам жите-

л. 20 об.

лей, приехавших на корабль, и других, с которыми встречались и говаривали на Уналашке, промысел ту должен быть плох, по тому что зверей там мало. Наноснаго леса также мало, хотя было его много в то время как Пребулов^{xxviii} открыл оные острова. В 14^e число по утру увидели землю, и это был Куком названный так Пиннакль остров^{xxix}. В 8 часов увидели въпереди камень. В 10 часов виден въпереди остров Гóрес^{xxx}. В полдень шир: 60°30'50". долг: 187°15'. расстояние от берега, 2 мили. Земля посредственна высока, и снег лежал на высочайших горах, которых верхушки совсем скрыты были в облаках. Многия бухты видны были, мысы состояли в пригорках с отделенными камнями, лежащими в море на 50 и на 100 саж: от берега. // Долины были очень зелены, но возвышенная земля казалась голою и каменистою. Пространство всего острова 26 миль. Остров Пинакль лежит от Большаго острова в 8 милях на полуденной стороне; совершенно голой камень; на котором торчат другие высокие камни же на подобие печных труб после пажара в деревянном доме; а вокруг его, особливые отделенные камни. От Юго Западнаго конца Гóресова и Матфеева острова^{xxxi}, в 4^x милях лежит еще каменной же остров длиною в шесть миль. В проливе дно песчаное, 12 саж: глубины. Желая узнать есть ли жители на сем острове, господин Биллингс стал на якорь посреди пролива, велел спустить ял и байдару, и поехали на берег Западнаго^d острова. Позади отделеннаго одного камня нашли не большую бухту, и место где пристать можно было. Вышли на берег песчаной, над которым в 10^m саженьях возвышается перпендикулярно каменная Ска́ла, а берег покрыт наносным лесом, костями и зубьями моржей; между костями китовыми, примечена целая хребтовая кость с ребрами какого-та большова зверя, может быть белаго медведя; видно много прозрачных голышей и дорогих каменьев, ахатов и других им подобных. Весь остров состоит из гор будто яшмовых зеленого, красного и более желтаго цвета, а в оных камнях светятся прозрачныя перелѣфтовыя^e жилы^{xxxii}. Лисиц черных, красных и голубых множество. Вся земля покрыта была калом животных и несчетнаго количества птиц, подобных тем, которыя водятся на берегах Камчатских и на Алеутских островах; крик их оглушал людей так, что один другаго слышать не могли. Надобно думать, что летом те ли-

^d написано над зачеркнутым Горесова; ^e написано над зачеркнутым середоликовыя;

л. 21

сицы питаются птицами, яйцами их и морскими зверями, которых море выбрасывает // на берег, а зимою, как скоро пролив замерзает, перебираются оне на остров противолежащий, в котором низменные места казались толь зеленеющими, и, следовательно, производят довольно число всяких кореньев на целую зимнюю провизию тех лисиц. Никаких раковин на берегу не видно было и никаких следов человеческих не найдено. Сей остров имеет около шести миль длины от севера к югу, а может быть столько же имеет и ширины, ибо форма его казалась четвереугольною. Другой на против его лежащий остров имеет около 14 миль в длину от севера к югу. Пока корабль стоял на якоре, плавало вокруг его множество белых медведей, а особливо трое из них старались всячески вскарабкаться на корабль. На конец все поплыли вместе к Большому острову. Капитану Куку пролив^{xxxiii} сей не был известен, ибо он почел виденную им землю за один остров. В полночь подняли паруса, и в 15^е число по утру, с южным юго-западным средним ветром, плыли прямо на север. От сего острова отъехавши, глубины нигде не находили более 40^а сажен: во 100^е милях от Уналашки глубина была 80 сажен и с того места безпрестанно уменьшалась. В 16^е число, за туманную погоду, земли не видать нигде, но глубина мало по малу уменьшилась около полудня до 25^{ти} саж: дно чистое песчаное. В последние сутки переехали 106 миль к северо-востоку 27°7'. [широта, 62°39'. долгота 188°54']. Потом поворотили более на север и взяли предосторожности, чтоб не набежать на Клерков остров^{xxxiv}. В полночь глубины было 24 саж. на дне, песок и мелкие камни.

л. 21 об.

В 17^е число июля погода туманная и сырая. В 2 часа по утру держали на север. Глубина убавилась до 15 саж. птички летали вокруг корабля. В 6 часов по утру 12, 11, 10 саж. глубины // и вдруг глубина только 6 саж. Стали держать круче к ветру и выехали на 8, 9 и 10 саж. глубины, но опять стало только 6 сажен. Корабль будучи таковым образом прижат к острову Клёркову, надлежало ему подняться к ветру, и при каждом повороте глубина правильно уменьшалась. В полдень широты было по изчислению 63°23'. долготы 189°29'. До двух часов за полдень, корабль шол на коротких галсах^{xxxv}, на конец встал на якорь в шести саженья глубины, на дне песчаном с камушками: а как 1ой якорь

^{*} испр., в ркп. гл́асах;

не стал держаться, опустили другой, и вскоре усмотрели низкой берег в трех милях расстояния, идущий от востока северо-востока к западу северо-западу; однако опять, все скрылось в тумане. Ветр сделался по сильнее и во всю ночь погода продолжалась сырая с дождем. Весь следующий день корабль находился в великой опасности. Погода продолжалась самая дурная со шквалами. Канаты лопались, судно дрейфовало, другие якоря опускали, на конец укрепились на 4 саженьях глубины, а позади имели только 3 сажени, и по близости море буруном кипело. В 19^е число погода стала поутихать, но туман продолжался. Однако на корабле могли работать, сыскали потерянной якорь, посылали мерять глубину у берега и нашлось 3 сажени, но прибой волны на берег был весьма силен. На конец в 6 часов по полудни, туман разошелся и явилось множество гор, покрытых снегом с одной стороны, а с другой приметна была низкая земля. В 20^е число погода продолжалась сырая с туманом, однако около полудня стало ращищаться на небе, теже горы появились и позади их еще пока//залась остроглавая высокая в отдаленности гора. Широта судна, по наблюдению была 63°26'34". В 2 часа по полудни показались на низком берегу два человека, которые остановились против³ корабля, и имея что то привязанное к шесту, махали оным възад и въперед. На корабле подняли флаг. Господин Баков поехал на байдаре к берегу, но сильной бурун принудил его возвратиться без успеха в 7^м часу. В следующий день ветер был самой малой и перепадывал дождик. В полдень господин Биллингс с некоторыми офицерами поехал на берег ко вчерашнему месту. В 8 часов по полудни сделался ветерок от северо-запада и очистил всю атмосферу. Господину Зауру вздумалось влезть на верх грот стѣнги^{xxxvi}, и оттуда он ясно видел положение места, где господин Биллингс вышел на берег, не далеко от горы, имеющей великое пространство до одного позади ея озера, на котором он усмотрел большую байдару, идущую на гребле к нагорной стороне. В девять часов по полудни господин Биллингс возвратился на корабль и подняли паруса. Он сказывал, что бурун у берега столь велик что на силу могли они пристать к берегу, а уналашкинец которой с ним поехал в малой своей байдаре, едва не погиб в волнах. Матросы, которые караулили баркас, усмотрели человек до 30 островитян ехавших

³ далее зачеркнуто: берега;

л. 22 об.

на пространной байдаре по одному озеру от стороны долин к другому берегу. Один матрос побежал-было за господином Биллингсом по той узинькой дорожке, по которой он пошел во внутренность // острова; но как не мог он его догнать, то дал знак выстрелом из ружья; по которому островитяне поехали шибко назад, а господин Биллингс возвратился на судно, не видевшись с островитянами, а усмотрел только на своей дороге по острову несколько собак, которых показались ему смирными. В 22^e число июля в 5 часов по полуночи, проехавши 23 мили на юго-восток 39°, усмотрели еще берега въпереди судна и уверились, что все горы, между которыми казались быть проливы морские, соединены были низким берегом; по чему и не удивительно что лейтенант Синд полагает столько островов в сем месте, будучи обманут видом помянутых гор издали. С корабля господина Биллингса в зрительныя трубы видны были ясно разныя долины с жилищами островитян и с помостами на каких они сушат рыбу либо мясо морских зверей. Видно также было множество больших байдар на самом берегу, по чему должно судить, что число жителей тут велико. В полдень корабль шол против юго-восточной части острова в разстоянии полторы мили от берега. Широта 62°55' от места же, где стояли на якоре, 43 мили ехали на восток юго-восток (050). Проехавши сию часть острова, увидели пред нею два островка, из которых один мог иметь одну милю в длину, узок, наполнен жилищами и сушильнями, а позади его казалось место, удобное для стояния на якоре. На дальнем разстоянии от острова глубина была 12 саж. и нечувствительно уменьшалась до 4^x саж. в полуторе миле от берега. Проехавши сей остров, курс держали на север и на северо-восток 20 миль, тогда северо-восточной край берега стоял в западе от судна с видом страшной горы, кончающейся высоким тупым носом; но Андерсонова острова^{xxxvii} не видали. Корабль в туманной погоде подвигался к Норд вест тен вестену, широта его в полдень была 63°43'. долгота 192°7' //

л. 23

В 24^e число при крепкой погоде от севера северо запада корабль держал курс свой на восток северо-восток дабы проехать восточной мыс Клёркова острова; в полдень шир. 64°4'26" до полуночи глубина продолжалась 19, 18 и 17 сажен.

В 25^e число шир. 63°26'23". долгота 193°20'.

В 26^е число в 7 часов по полуночи увидели Клёрков остров пред собою. В полдень шир. 63°.10'.41" по полудни шли на север.

В 27^е число шир. в полдень 63°31'8". долгота 192°55'.

В 28^е число в 10 часов по утру увидели высокую землю в северо востоке 7°, низкую землю в северозападе 10°. [в полдень шир. 64°12'19"]. Остров Слédж^{xxxviii} лежал в северозападе 6° в разстоянии 12 миль. В начале 2го часа по полудни материк Америки показался от северозапада 55° до северо востока 35'. В 4 часа по полудни расстояние от ближайшего берега 8 миль, якорь опущен в 12 саженную глубину: [шир. 64°20', долг. 164° к востоку]. Остров Следж лежал в юге 78° на запад в отстоянии 9 миль; мыс Роднеев^{xxxix} в северо-западе 75° в 9^{ти} же милях расстояния.

Капитан Биллингс поехал с вооруженными людьми на берег. В 29^е число в 7^м часу по утру байдара с 9^{ью} туземцами подъехала к кораблю и по первому приглашению, оставя всякое оружие в байдаре, вошли в борд^и без страха. Народ здоровой, имеет открытую физиономию, одевается чисто, волосы имеет подстриженные, короткие, показывал великое любопытство при взирании на всякую вещь, но не примечено в нем ни малейшей охоты к воровству, так как замечается оное у всех диких народов. Господин Заур дал каждому из сих гостей по одному зерну стеклянного бисера и сие возбудило в них желание получить по больше, но меняться им было не чем. Однако стали отдавать тапоры свои каменные, весьма острые, по том дошло дело и до оружия, и на конец стали скидывать с себя платье и отдавали все за бисерныя зерна, за ножики, и проч... Один из них, по нещастию, разбил не большое оконничное стекло и все от

л. 23 об.

того пришли в робость. Однако тотчас // виноватой стал отдавать свой дротик, аки замен за разбитое стекло, но люди на корабле дали ему знать, что потеря невелика, можно вставить другое стекло, и посмеялись над его страхом, что их всех развеселило. Потом оставили они корабль, делая знаки что скоро опять возвратятся с товаром, чтоб менять на бисер и проч. и поехали на гребле к Родневу мысу.

Капитан Биллингс возвратился в десять часов по полудни на яле, но другие бывшие с ним из офицеров, приехали на корабль не прежде 30го числа в полночь на барказе.

^и здесь и далее так в ркп.;

Здесь господин Заур делает описание места и жителей, выбранное из подлинных замечаний одного из офицеров бывших на берегу с господином Биллингсом. Описание его весьма согласно с тем какое сделано в журналах Биллингсовых.

Господин Баков купил от американцев байдару, которая с 4^{мя} матросами насилу приехала к кораблю в 31^е число в 4 часа по утру. Матросы сказывали, что они, хотя поехали с берега на кануне, потеряли корабль с виду в темноте ношней; потом ветром и дождем занесло их обратно на берег, десять верст западнее того места, где пристал господин Биллингс, что на разсвете они окружены были жителями, и торговали с ними, приписывая однако им весьма не хорошия свойства. Господин Заур тут пишет, что нельзя узнать, чем те матросы могли торговать с американцами, а известно только то, что они получили несколько кож черных и красных лисиц, соболей и других зверьков: полно не американцы-ли имели более притчины жаловаться на них, нежели они на американцев?

л. 24

У страницы 246ой гравировка X^{ая} представляет кирку чукоцкую // зделанную из моржоваго зуба, небольшой американской каменной топорик с его влагалищем. Фигура 3^{ия} есть инструмент во употреблении у чуоц для ловли моржей. Фиг. 4ая есть гробница, срисованная в Уналашке. Фигуры 5, 6, 7 представляют байдару, лук и платье, какия употребляются жителями обоих берегов Берингова пролива.

Того же 31го дня июля 1791го года подняли якорь с южным ветерком и пошли-было на запад и на запад-северо-запад; но чрез 6 часов, имянно в 2 часа по полудни, погода заштилела и течение влекло корабль к западу на одну милю с половиною в час; и того ради стали на якоре между Санным островом^{xl} и материком Американским. Тут еще несколько американцев подъехали к кораблю и меняли разные вещи на бисер и протч. В 8 часов по полудни, пошли под парусами и 1го числа августа в полдень, [широта была 64°.40'. долгота, 192°27'] в 4 часа по полудни, увидели Королёвской King's остров^{xli}, весьма высокий; верхушка его вся разбита и представляет не правильной фигуры острые камни. Вид острова, круглой, пять миль округлость его.

Корабль шол на запад с изрядным марсёльным ветром^{xlii} южным юго-западным.

Традиционные предметы быта чукчей и алеутов.
 Иллюстрация из книги: *Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia... London, 1802. P. 246*

Во 2ой день августа, начали направлять путь к губе святого Лаврентия^{xliii}. В 9 часов утра увидели три острова что в середине Берингова пролива. В полдень [широта 65°23'50", исправленная долгота 190°37'] тут видны стали ясно, выдававшиеся горы на обоих материках с промежуточными островами. В 8 часов по полудни взяты следующие пёленги^{xliv}: [мыс на американском берегу NO. 49°] первой остров NO. 35° [2ой остров, NO. 18°], Зий остров, NO. 9°. [мыс восточной, Азии; NW. 29°]. В 4^е число, шир: 65°.37'. долг: 189°.18'. ветер подул северной, пошли в губу, и в 4 часа по полудни, стали на якорь. //

л. 24 об.

Глава 18ая стран. 250. Господин Заур описывает с обыкновенным своим красноречием какой был прием господина Биллингса от чукоцкого народа. Повторять журнал Биллингса здесь не для чего, по тому что сходно. Кобелев был тогда на Восточном мысе^{xlv}, а Даверкин находился между сродниками своими около Анадырска^{xlvi}, и послано за ними: а 6го числа Даверкин явился с 12^{ью} байдарами полными народа и всяких шкур для меновой торговли с русскими. ——. В 7-е число [августа 1791 г. — И. III.] Заур сошел на берег в мундире и находился между чукоцкою толпою в дальнем расстоянии от биллингсова шатра. Чукцы обходились с ним по дружески, и один из них стал обрезать пуговицы на его мундире, потому что ему оне показались. Заур ударил его кулаком в грудь, так что туземец не устоял на камушках, которыми земля тут покрыта была, и упал назад. Один из русских матросов Василей Толстухин уроженец Анадырской, увидя сие происшествие, прибежал к Зауру на помощь. Между тем чукоц встал, смеялся и ни мало не посердился. Толстухин сказал Зауру, что чукцы не уважают людей малаго роста, ни тех, которые живости никакой не показывают в своих поступках. Слыша сие, Заур предложил чукцам бегать с ним или скакать. Один из них согласился бежать с Зауром до одного местечка расстоянием на одну милю и назад, но Заур, от осторожности, не захотел туда бежать, а предложил ему, не хочет ли добежать с ним до берега, где были биллингсовы шлюпки, расстоянием около 100 сажен. Согласились и побежали, но господин Заур выпередил и, следовательно, получил от всех чукцов поздравление что он, хотя был весьма малаго роста, однако подлинно что человек. Заур не имея более намерения забавлять их своею особою, уехал на корабль с крепким на-

мерением не выходить на берег пока корабль будет стоять в губе.

л. 24а Весь берег покрыт был байдарами, на ночь их опрокидывали вверх дном; один шкафут^{xlvi} был на земле, другой поддерживался // на костылях, которые употребляются вместо весел. Старья оленьи кожи, сшитыя вместе, служили занавескою, и все чукцы мужчины и женщины стали под теми байдарами вместе. Товар мужской состоял в собственном их платье, в мехах, в моржовых зубьях, в китовых так называемых усах и в калбасах, сделанных из оленьих кишок, начиненных рубленным мясом с мозгами и жиром. Женщины отдавали в наем прелести свое за пронизки, за пуговицы, за табак и протч... Сами мужчины, когда уже не имели никаких товаров, приводили русских к женщинам; однакож не к женам своим, но к американкам, попавшим к ним в плен на войне, ибо чукцы часто дерутся с американцами. Последняя война имела следующую притчину: чукцы и американцы, будучи на ловле морских зверей, съехались вместе и поссорились; американцы имели победу, овладели байдарою и всех в ней бывших чуков увезли в плен. Чукцы в свою очередь, получа подкрепление от своих, поехали к американским берегам, сделали десант, и захватили несколько женщин в полон, а за тем воспоследовало в море.

л. 24а об. Чукоцкой народ разделен на 2 колена: есть чукцы усадебные, живут на берегах морских в непременных жилищах; другие кочующие, или оленьи. Первых считается до 3000 мужеского пола. Они держатся на тех местах, где больше рыбы и морских зверей для их промысла, от реки Анадыра до Восточного мыса и несколько по далее на север. Главные их жилища, около Анадырской губы, особливо по близости Сердца-камня, и в Мечигменской губе^{xlvi}, которая лежит между губами, Анадырскою и Святого Лаврентия. Выше к северу от Восточного мыса жилища редки, по тому что море там не так рыбисто, да и лесов нет; однако морских зверей там более, и для того чукцы стекаются // туда на промысел, а иногда доходят мимо^к Шалатского носа^{xl} до Чаунской губы, которая, по счислению чукоцкому, лежит в 15-ти днях езды от Восточного мыса; и в сем путешествии они всякую ночь спят на берегу. Они по два раза ожидали нашего приезда из Ковымы, собравшись в сей

^к написано над зачеркнутым чрез;

губе; так пишет господин Заур на стран. 253ⁱⁱ и полагает, что это было в 1787^m и 1788^m годах. Усадебные чукцы переимчивы, остроумны, чисты в своих работах, что доказывается байдарами, дротиками, луками, стрелами, скарбом и посудой их, они же всеми такими вещами снабдевают чукцов кочующих. Они же торгуют и военно-пленницами, а берут за них оленей, медные и железные котлы, ножи, пронизки^l и все то, что достать можно от разнощиков российских, торгующих в тех странах. Они копают ямы на подобие погребов и хранят в них свою провизию для пищи и разные масла. Провизия их состоит в вяленых мясах морских зверей, в сушеной оленине, в кореньях и в ягодах. Морда и губы моржовыя почитаются у них отменным кушанием, когда сварены на подобие студени. Ворвань^{li}, сделанную из разных морских животных, хранят они в кожах морских телят и надевают великое количество ея; по тому что не только идет она в пищу, на освещение и даже на разведение огня, но составляет еще знатную ветвь торговли между усадебными и кочующими чукцами.

л. 25

Толмачи Кобелев и Даверкин рассказывали много странностей о сем народе. Между прочим говорили, что когда случится кому быть очень больным или с лишком старым, то просит приятелей своих, чтоб его убили, что исполняется в тот же час, будь он хоть мужчина, хоть женщина; и что во всех болезнях // лутчее их лекарство есть острый нож. Однако чукцы сказывали, что это не правда. Как же согласить с словами чукцов, то что господин Биллингс видел в 25^e число ноября 1791¹⁰ года и написал в своем журнале о старухе, пришедшей от простуды в общей паралич всего тела своего, и по прошению ея заколотой мужем, и сожженной при всех сродниках и приятелях на какой-то горе. Толстухин сказывал господину Зауру, что старые чукцы подвержены бывают духому лому, происходящему от простуды, а вылечиваются огнем, то есть сухими листочками травы полыни, изготовленными, на подобие трута так, что оные листочки зажигают на больном месте, где они курятся и до тех пор не стряхиваются пока не прогорят и не погаснут. Тоже обыкновение известно у юкагиров, у тунгузов и у якутов. В случае воспаления в ранах, они прикладывают к больному месту катаплáсм^{lii}, составленный из жованных снелных кореньев и свежего масла, а в случае жестокой болезни приносят они оленей на жертву духам, которые их

мучат. Иногда убивают пса, водят больнова вокруг его и обмазывают его кровью и жиром. Ежели умрет кто, сжигают тело его в пепел. Кладут камни на то место, подражая сколько можно лежащему трупу человеческому. Большой камень кладут в головы, обливают его мозгом и жиром, а возле накладывают кучу оленьих рогов вместо памятника. Сродники приезжают один раз в год на то место, выхваляют дела усопшаго в вечную ему память, по том каждой из приезжих прибавляет по одному рогу к куче оленьих рогов и обмазывает головной камень, как сказано выше.

Господин Заур не мог получить никаких подробных известий о вере, об обрядах священных, ниже о примечательных каких либо обычаях чукоцкого народа. У них в году, только лето и зима. При начале того и другого времени, у них есть веселия и жертвоприношения, при которых благодарят за прошедшее и молятся // о добром успехе в период.

Кобелев утверждал будто кочующие чукцы имеют обыкновение, чтоб подчевать гостей своими женами в знак дружества и даже меняются часто ими на короткое время. Господин Заур пишет, что это не правда, что чукцы весьма привязаны к своим женам и к своим детям. Ежели же чья жена изменит своему мужу, то никто не примет ее в свою кампанию и нельзя де ни чем более обезславить чукотку, как подозревая ее виновною в сообщении с чужестранцем.

Кочующие чукцы чтут себя отменными и превосходными людьми, и самыми независимыми в роде человеческом. Всех народов, которые живут вокруг их, они называют старухами, которых годятся только смотреть за их скотиною и быть у них во услужении, особливо коряков. Олени составляют все их богатство. Кожами их и мехами разных животных, которых удается им убить во время своего кочевания, они торгуют с руским народом, от котораго получают в замен котлы, ножи, и разныя безделушки, а за сии товары, они получают от усадебных чукоцов оружия, платье, рабынь и проч...

В 12^й день августа (1791го года) господин Биллингс был уже в готовности оставить корабль во все и выбрал себе в спутники от губя св: Лаврентия до реки Ковымы, следующих людей, [а] имянно: натуралиста доктора Мерка, помощника его господина Мейна^л, штурмана Батакова, подштурмана Гилева^м, рисовальщика господина Воронина,

^л здесь и далее *испр.*, в *ркп.* Мена; ^м *испр.*, в *ркп.* Гилеева;

подлекаря Лемана, толмачей Даверкина и Кобелева, двух солдат вместо деньщиков и своего юнгу. Всех их 12 человек. Кобелев хотел приехать в каманду на дороге, не в дальном разстоянии, по тому что не мог успеть к отъезду господина Биллингса^{liii}. //

л. 26

Страница 256ая. Господину Сарычеву приказано главнокомандующим, чтоб он ехал к Уналашке, для збирания ясака от жителей всех соседних островов во время зимы, а при начале весны ехал бы к Камчатке и там дожидался бы прибытия господина Биллингса. Подобный приказ отдан капитану Галлу, которому надлежало получить оной от чукцов живущих при губе св. Лаврентия, как скоро он туда приедет.

В вечеру 12го числа августа все спутники господина Биллингса оставили корабль в намерении пуститься в путь на другой день рано по утру. Биллингс взял с собою страшное количество всяких вещей для сыскания подарками дружбы чукоцкого народа и для сохранения чрез то собственной своей и спутников своих жизни, но господину Зауру казалось, что все сие будет иметь противное действие. Однако господин Биллингс был уверен, что нечего было опасаться со стороны чукцев.

В 13^е число августа рано по утру байдары спущены с берега на воду и начали грузиться скарбом наших друзей, так изъясняется господин Заур, которому все видно было с корабля: в 9 часов поехали на 15 байдарках, сопровождаемые усерднейшим желанием от оставшихся на корабле всякаго благополучия и доброго успеха, хот[ь] не предвиделось никакого добра от сея разлуки.

Осталось на берегу только 2 чукоцких семей в их намете. Капитан Сарычев и господин Заур поехали их посетить. Тут они видели много мальчиков, скачущих чрез веревку и узнали, что молодья женщины забавляются там часто сею любимую их игрою: она состоит в том, что две женщины держат слабую веревку за концы и вертят ее кругом с низу к верху и с верха на низ; между тем третья женщина, стоя между ими, скачет и пропускает веревку себе под ноги. В другом месте мальчики и девушки прыгали на коже, как прыгают на остроге Танаг^{liv}. Кожа была моржовая и 6 либо 8 человек держали ее за ремни, один стоял на середине и кидали ево высоко к верху, он прямо падал на ноги на натянутую кожу и сие // продолжалось более или менее

л. 26 об.

смотря по искусству прыгуна. Другое веселие состоит в том, что две кучи людей, ставши в довольном расстоянии, бегают из одной [стороны] в другую, и полонят того, кто не успел добраться до меты; также с великим искусством кидают камни пращю.

Клерков остров по чукоцки называется Эувóген; и чукцы сказывали, что между им и северо-восточным мысом Анадырского залива, или Чукоцким носом, расстояние тоже, что между Кйгмилем или мысом Принца Валийского^{lv} и Восточным носом Азии; и что они ездят туда в одни сутки, и что на оном острове великое множество жителей.

Расстояние одного материка от другого полагается 48 миль, Восточной нос лежит в северозападе 42° от мыса Принца Валийского, а губа святого Лаврентия лежит от тогоже мыса на западе к северу (на Вест Тен Норден) расстоянием на 62 мили по верному компасу. Три промежуточные острова именуются, 1ой Иналин в 24^x милях от Восточного носа, лежит на юго востоке 26° шесть миль по далее, в востоке к северу (в ост тен норден) лежит второй и большой остров Имаглин: в 10 милях, в юге к востоку (в зюд тен остен) третий и самой малой остров лежит именем Окива́ки^{lvi}. Кйнгс остров называется Окибен, а Следж остров называется по чукоцки Аяк. Губа простирающаяся от Роднеева мыса до мыса Принца Валийского, называется Имагру; самая глубокая часть тоя губы есть форватер большой впадающей в нее реки Каувéрены^{lvii}; а около вершины сея реки, вся страна, сказывали чукцы, покрыта изрядным лесом; а Кобелев говорил об одной реке по близости сего места, что на берегу ея стоит на большой горе с церковью и с острогами, выстроенный и населенный рускими людьми. Он полагал что те люди часть спасшихся после разбития судна товарищей Дёжневаⁿ российского промышленника, которой в 1648^m годе выехал из реки Лены на семи судах и, объехавши всю чукоцкую землю, приехал // в Анадырск на одном судне, а о других шести судах с тех пор и не слышать было. Господин Заур не находил после, ни одного человека ни где, которой бы знал что либо о сей истории, и слышал бы когда нибудь о существовании того города российского в Америке; а обстоятельства Дёжневой экспедиции описан с подлинных бумаг в книге Кокса о российских открытиях.

л. 27

ⁿ здесь и далее *испр.*, в *ркп.* Дёшнева;

Тогоже 13го числа августа, в полдень, господа Сарычев и Заур возвратились на корабль; и снялись с якоря. Не надлежало напрасно терять время, особливо по тому что мало было дров на корабле; а надобно было ему зимовать у Уналашки, где леса нет, выключая мелкой ивняк толщиною в палец, и тот растет кое-где между горами где достать его трудно. Господин Сарычев думал, где бы запастись дровами по дороге, вспомнил что много наносного леса видели на берегах острова Гореса, или Матфеева, и для того велел ехать к сему острову. Погода была весьма туманна. Корабль ехал мимо западных берегов берегов Клёркова острова и ни кто земли не приметил. Ветер продолжался северо восточной, а погода осталась сырая и туманная, так что проехали мимо Матфеевых островов, также не выдавши земли. Правда не смели приближаться с лишком к сему месту. В таком положении, если бы не капитан Галл и офицеры, оставленные в Уналашке, беспокоили мысли господина Сарычева, тобы он поехал прямо в Петропавловскую гавань, что в Камчатке. Но сие одно обстоятельство принудило его держать на Уналашку, куда корабль приехал в 29^й день августа не выдавший других земель во весь проезд, и стал на якорь в старом своем месте, в гавани Иллукской. Тут узнали, что капитан Галл приехал к сему острову несколько дней после отъезда господина Биллингса, и взявши в борд офицеров и провиант оставленной для него, поехал, не теряя времени, за Биллингсом в губу Св: Лаврентия. Сие известие заставило господина Сарычева ждать в скором времени его возвращения; и подлинно // л. 27 об. в 31^е число далеко в море появился корабль; а на утро, то есть, 1го сентября, опустил свой якорь возле Славы России. Сей корабль стоял в бухточке позади одного каменного островка, а бухточка имела вид бассейна в 25 саж. ширины и во 150 саж. длины. Со стороны северо востока берег был низок, а со всех других сторон стояли высокие горы. 4 якоря утверждены были на берегу, два со штирбордовой, да два с бакбордовой стороны^{lviii}, с носа и с кормы; а канаты якорные были попарно закреплены вместе. Капитана Галла судно, именуемое Черной орел, укреплено также было борд против борда в расстоянии 20^{ти} фут. Такие предосторожности взяты были, для того что жители уверяли, что зимою бывают жестокие шквалы, особливо на сей стороне острова. Стёнки и реи служили для строения кладовой,

которую покрыли парусами, а в ней поставлен запас и все то что вынесено из кораблей. Для парусного мастера, плотника, блокового мастера и протчих зделана мастерская из дернин^{lix} и покрыта болотным тростником или травною ситником^{lx}. Запасные рей, жерди и весла служили на связание кровли, а в окнах рамы сделаны были из досок старых бочек. В сей мастерской были еще две печи для печения хлебов и протч... Комисар или разходчик Ерлін с господином Зауром, выстроил себе не большую юрту почти по образцу мастерской, и внутренность всю обложили китовыми усами^o. Капитаны обоих кораблей с протчими офицерами и с большею частью матросов остались жить на своих кораблях. Никто даже из матросов не захотел жить между уналашкинцами, по тому что жилища их были все тесны и не имели ни каких уютов. Иллулук, ближайшее жителей островных селение, стоял в одной миле от судов. // Оное селение состоит в четырех или пяти юртах, глубоко вырытых в земле, верхушки их заросли травною и казались простыми бугорками, вход был на самой маковке чрез одно четырехугольное отверзтие, для выхода дыма и для впускания света. Недостаток в дровяном лесе и в строевом не допустил матросов строить себе казармы, и уверение островитян о умеренности климата доказало после, что они лутче сделали что остались жить на кораблях; они же чрез то выиграли себе порцию вина и провианта, которая им дается только на море или когда стоят в чужой гавани.

Часть людей всегда была в разъезде в байдарах для сбирания леса по берегам, которой был столько вымочен морскою водою что с великим трудом мог гореть. Его же так мало было, что едва доставали на ежедневной разход. Ездили всегда с ружьями для стреляния дичи, которая была крайне острожна и в малом количестве. Другая партия людей ходила во внутренность острова и собирала мелкой там растущей ивнячок.

Островитяне узнавши до отъезда нашего в чукоцкую землю, что мы возвратимся зимовать на Уналашке, наловили и насушили для нашей команды множество голибутов^{lxi}, трески и семги. Также приготовили в боченках разныя ягоды, а те боченки были им оставлены нами нарочно для сей

^o прим. в ркп.: "whales' fins, китовыми плавательными перьями: но господин Ерлін говорит что это не правда, а обложена была их юрта тоюже травною что и мастерская (Ф. К.);

провизии; так что мы на целую зиму обеспечены были со- стороны пищи; а наша солонина совсем потеряла свой пи- тательной сок, сухарей же оставалось очень мало; однако было у нас много муки, и мы могли во всякое время печь свежий хлеб, лишь бы было где достать сухих дров.

Из сего читатель может себе вообразить, что мы со- ставили у себя маленькую республику: у всех мысли были одни, все друзья, все согласны, образ жизни у всех был оди- наковый, строгости никакой между нами не было, однако везде наблюдались порядок и подчиненность. Все что имел л. 28 об. один, не выключая и кошелька, употре//блялось для поль- зы всех. Вся дружеская кампания состояла из следующих людей: капитаны Роберт Галл, Гавриил Сарычев и Христи- ан Беринг, господин Заур, штаб-лекарь Робек, лекарь Алле- гретти, господа Баков, Бакулин, Ерлин и Пребулов.

Господин Заур описавши нам свое положение, намере- вается далее описать в чем состояли упражнения их. Жи- тели знали, что им приказано было собирать ясак, и все то, что принесут к ним добровольно в знак верноподданности своей; знали также, что русские не имели права брать от них что либо силою, а сказано им чтоб они приносили в экс- педицию росписки данные им промышленниками в полу- чении ясака. В скором времени жители принесли шкуры черных и красных лисиц, за что получали подарки, кото- рые, хотя не могли равняться с ценою тех шкур, но для них важными казались. Будучи на ловле морских зверей, они повстречались с жителями других островов и им рассказа- ли о деле российской экспедиции, так что слух разнесся по всем западным и по восточным островам до самого Кадья- ка. Шелехово селенье^{lxxii} прислало оттуда двух товарищей, сопровождаемых множеством жителей как с Кадьяка, так и с других Алеутских островов. Они посланы в экспеди- цию просить лекарств с наставлением, как их употреблять для [излечения] венерической болезни, которая язву свою распространила по всем тамошним селениям. У них также не доставало разных нужных вещей, как то табаку, вина и протч... Сего к ним не послано, по тому что господин Бил- лингс оставил весьма мало, но лекарств довольно число послано с наставлением от штаб-лекаря. Многие из алеутов приехавшие в этом отряде, жаловались на жестокие с ними поступки русских людей и желали ехать обратно домой. Экспедиция их освободила, однако // сказано промыш-

л. 29

ленникам, что они остаются в ответе за ясак тех людей, которых они употребляют в свою службу и за жестокость с каковым они с ними поступают.

Господин Заур спрашивал алеутов об Аляске, по тому что он почитал сию землю островом и казалось ему что жители называют ее Кыхтáком^{lxiii}; но они уверили его, что она не есть Кыхтак, то есть остров, что пролива никакого нет, и что они сами перетаскивали часто свои байдары чрез небольшой перешеек иⁿ приходили к реке на северной части сего полуострова. Под именем алеутов, Заур означает жителей всех островов от Аляски к Западу до самой Камчатки, выключая острова Берингов и Медной.

Едва экспедиция успела расположиться у острова Уналашки на зимованье, как цынга появилась между людьми. Больным дано место в мастерской. Был солод, хмель, вдовольном количестве, также имелось в запасе много эссенции спрюсовой (род черной американской сосны)^{lxiv} и начали варить спрюсовое пиво для всех, особливо для больных. Кормились ягодами и всем тем, что почитается противocyнготным средством; однако заметили, что ни что не помогает. Слухи о бедном состоянии людей Левашовского^{lxv} корабля, зимовавших на Уналашке, где они заразились цынгою, привели в ужас всю команду. Господин Заур положил себе в голову, что для сбережения себя от сея болезни, надлежало жить по образу жизни, какую ведут сами островитяне; и так начал питаться сырою рыбою, и раковинами, в место чая, по утрам, разводил на кипетке одну ложку спрюсовой эссенции, а в вечеру, варил паиво с ягодами, с сахаром и с перцом, с прибавлением хлебнаго вина, и составлял себе с приятелями противocyнготной пунш. Каждой день доставал он себе дикой режухи^{lxvi} на салат, а по воскресеньем и все братство пользовалось ею. Раз два или три в неделю ловил он свежую рыбу, которая во время прибылой воды заходила в ямы между камнями, и при убылой, в них оставалась. //

л. 29 об.

Между птицами, случилось в начале апреля отряду матросов бывшему на дровяном промысле, убить одну величайшую птицу из рода рыболовов; крыло ея имело три состава, вместо двух, какие у других птиц бывают. Руской народ называет ее семи-саженною от пространства между краями обоих ея крыльев. Жители часто их видають, но ни-

ⁿ далее зачеркнуто: ездили в низ;

где не находили гнезд или яиц их. Ее один орел загнал в пещеру, в которой те матросы отдыхали, и так ея тут убили. Будучи ощирана, она казалась большою индейкой^{lxvii}, а будучи приправлена голодному брюху показалась не хуже всякой индейки дворовой.

В 1^й день апреля 1792 года при ясной погоде господин Заур, которой с самага приезда своего на остров десяти раз не видал солнца, пошел прогуливаться на полуденной стороне гор; и будучи там, увидел пред входом в нору одной полевой мышки, довольно число снедных кореньев, макаршины^{lxviii}, сараны^{lxix} и другаго неизвестнаго величиною в кофейное зерно (однако сего было очень мало:), а всех весом могло быть, фунтов^{lxx} около десяти. Мыши вытаскали их и расклали на солнце, чтоб просушить, из чего господин Заур заключил, что мыши острова Уналашки имеют больше осторожности нежели часть жителей, имеющих на себе образ человеческой.

Отряды матросов, ходящие за дровами, много помогали, хотя дров мало находили, и те самыя сырыя; а на охоте они никакого успеха не имели, ни одного зверка убить не могли, потому что ходили большим числом и шумели как матросы; а господин Заур ходил один и всегда убивал что нибудь, хотя и заметил великую осторожность в диких птицах. Вообще погода продолжалась сырая и туманная: иногда звезды показывались ночью, но редко; шквалы были частые. Особеннаго же замечания достойна буря, подействовавшая однажды на экспедиционные суда // с отменною силою; которую приписать должно высоким по близости стоящим горам: вихрь потащил Черного орла к берегу и, подхватя Славу России, так перевернул ее, что все ея канаты лопнули в один миг как пáсмо гнилых ниток^{lxxi}; была она в совершенной воле бури, которая поворачивала ее на все стороны; однако разныя, одно другому противныя, течения воды в бассейне, где она стояла, потащили ее с якорнаго места на небольшое расстояние и потом притащили ее назад к тому же месту. Все люди как на ней, так и на берегу, считали ее совершенно пропащею, ибо должно ей разбиться о камни, но сила бури уменьшилась, укрепили ее по прежнему и вся опасность прошла.

При конце 1791го года, многие из матросов слегли от цынги; и похоронен один молодой человек, которой с самага приезда жил на берегу.

Глава 19ая стран. 269ая. Начало 1792го года ничего хорошего не предзнаменовало; выключая господина Заура, все имели цынгу, кто более, кто менее: иные уже ходить не могли, и едва было на кораблях столько людей в силах, чтоб они могли принять в борд бочку воды. Островитяне снабдевали их свежеею рыбою и ездили за дровами, которые состояли в мелком ивовом прутняке. Господин Заур получал ясак с алеутов и отдаривал их, чем только мог. Когда же сею должностью не был он занят, тогда ходил по горам, собирал режуху, или в доль морских берегов ловил рыбу и искал разных снедных раковин. Птицы были так осторожны, что ему редко удавалось их застреливать. Он ходил всегда один, по тому что товарищи его, хотя часто выходили прогуливаться с ним, но вскоре делались усталыми и возвращались домой, желая ему щастливо гулять далее. Чем более приближаться стало время отъезда, тем более обстоятельства становились печальными, ибо три доли людей от цынги слегли в свое койки. Один господин Аллегретти, лекарь при экспедиции, мог еще с места на место двигаться и то на // костылях, по чему господа Заур и Ерлин дали ему уголок, также и господину Бакулину, в своей юрте. Не смотря на все старания врачей, чтоб пресечь цынготную болезнь, она так усилилась, что на конец февраля, хоронили по три человека на день; и чем сильнее был человек, тем скорее он сваливался. Болезнь никого не щадила. На берегу, также как на судах, все были больные. Сам господин Заур почувствовал на конец, что ему трудно становилось лазить по горам, однако не переставал ходить прогуливаться каждой день. В самом начале марта ветер, которой всегда дул с севера, стал поворачиваться к югу и, хотя днем погода была дождливая, однако туманы уменьшались, ночи становились светлее, люди перестали умирать, больные не чувствовали прибавления в своей болезни, и в скором времени, начали все выздоравливать. Островитяне и алеуты, приезжающие с ясаком, приносили множество свежей рыбы, олибута и трески, собирали дикую горчицу^{lxxii}, которая около жилищ росла, и раздавали ее по всем артелям. Так что все на конец жили в надежде увидеть лутчие дни нежели каковы были на том острове во время зимования их тут.

В разсуждении веры уналашкинцов, господин Заур пишет, что они суеверны до крайности: воображают себе, что

кугахи, или духи, которым кланяются россиане, имеют гораздо больше силы, нежели кугахи уналашкинские, что последние пришли в рабское и трудное состояние с тех пор, как россиане стали посещать их остров. «Некоторые из нас, говорил один крещеной алеут, приняли даже образ их моления, в надежде той, что кугахи их к нам будут милостивы; однако это нам не помогло». Островитяне думают, что, когда русские явили любопытство свое, чтоб видеть их обряды, они делали то с намерением, чтоб наругаться их кугахам, и принудить их лишиться островитян их покровительства, а чрез сию де хитрость россиане успели привести все острова их в подданство. Воображение островитян, не имея чем занять пустоту их главы, занимаются крепко суеверием; // и они никогда не открывают своих шаманов, и не изъясняют руским, что значат их обряды. Они по сие время хранят обычай плясать однажды в год в масках и с раскрашенными лицами; и те маски называются у них кугах; на странице 272ой гравировка XI^{ая} представляет полдюжину таких кугахов. Особенное платье какое они надевают при той пляске, служит им для охранения от опасных случаев и от всякого несчастия в промыслах их, или на войне^{lxxiii}; однако ныне ни с кем уже не воюют.

По лутчим известиям, какая мог господин Заур собрать о числе жителей всех Алеутских островов, оно не превышает тысячи ста человек мужескаго пола, считая тут и малчиков; из сего числа 500 человек из лутчих людей употреблены силою в службу разных артелей российских промышленников. В прежние годы, одно селение имело в себе более жителей, нежели сколько выше сказано; и в то время, был начальник во всем острове, именуемый Кикагадог, котораго островитяне избрали [из] их тококов или догоков^p, то есть начальников разных селений^{lxxiv}. Протчие все были подданными того главного начальника, и назывались тальха^{lxxv}. Островитяне сказывают, что народы суть отродие псов, тако повелевшему Агху-гуку^{lxxvi}, и все де они пришли от Западной страны, где должно быть, по их мнению, пространной и многолюдной земле^{lxxvii}.

^p прим. в ркл.: На разных островах разнo произносят сие слово: кто говорит токок, кто догок. Самые россиане называют начальников в селениях, тўку; а другие говорят, тойон. Не известно откуда произошло тўку, но тойон или тойгон, есть настоящее якуцкое название всякаго начальника;

л. 31 об.

Хотя островитяне имели в старину места для хранения наловленной ими добычи, однако ни когда не помышляли о провизии на целую зиму, а хранили ее единственно до дня, в которой надлежало им по очереди делать у себя празднество и общую пирушку. А как остров тогда был многолюден и селения были большие, то они чрез то ничего не теряли: ибо все селения были по переменно театром // гостеприимства и угощения всенародного, пока было что в запасе; а запас всегда продолжался до того времени, как принимались за новую рыбную ловлю. Тогда требовали совета у шаманов и у самого кикаги-догока, которые возобновляли ворожебные обаяния для новаго успеха на новую годину, с уверением своих кугахов, что они ни чего напрасно не потеряли из прежде пожалованной им добычи.

Рыбу удят костяными крючками, а леса состоит из морской травы достойной примечания, длиною в 70 саж. или усов китовых, рашепанных в тонкия и гладкия нити. Когда они ловят олибута рыбу на 70 и на 80 саженной глубине, то часто леса их притаскивает с собою красивыя белыя палочки с их кореньями длиною в 6 и 8 фут, весьма тонкия, не имеющие ни коры ни сучков; при вытаскивании их из воды, оне имеют упругость китовых усов, но со временем принимают на себя вид белаго коралла и ломаются, как сие, древу подобное морское произведение.

Для зверей они имеют стрелы и дротики, раскрашенные краскою, иные черною краскою, ибо из одной горы, не подалеку от Амадскаго селения (неизвестно где оно), достают они разныя краски или красильныя глины, которыя они растирают на ворвани, [а] имянно: белую, синюю, красную, и черную.

л. 32

Способность их ко всему, превосходит всякое понятие, какое мы обыкновенно имеем о народах в диком их быту. Порядок установленной между ими и повиновение их к начальникам избранным ими же для управления народом, происходят без сомнения от внутренней их подчиненности высочайшему невидимо существующему начальству; и ведут они жизнь свою с благочинием, требующим защиты от всевышняго как в сем мире, так и в другом следующем за ним: ибо они крепко веруют, что есть другой свет после сей жизни, и что // человек, живший здесь сходственно с законом Агхугука, получит на том свете вся ему нужная без дальнаго труда, и не будет под ведомством кугаков. В след-

ствие сея веры, обхождение их не имеет в себе ни чего отвратительнаго, но есть самое тихое, учтивое и гостеприимное. С другой стороны, размер, пригожество, искусство с каким они делают байдары, разные орудия и мебели, доказывают, что ни как нельзя назвать их бессмысленными глупцами, каковое название весьма щедро дают европейцы тем народам, которые дикими почитают. Величайшее для них несчастие, что они состоят в повиновении у скитающихся промышленников, которые сами в тысячу раз дичее тех народов, которых мы в тех странах находим. Несчастие их тем усугубляется, что в обидах им нанесенных никто помочь им не может: тогда разве кончатся несчастия их, когда весь зверь переведется и нечево будет ловить! Господин Заур смело пророчествует, что, смотря на опустошение, какое ежедневно делают промышленники, не много еще осталось им годов для произведения там своего промысла. Подробнее о сем роде людей. Галитоты свои строят они в Охотске или Нижне-камчатске. Правительство же, думая ободрить торговлю, предписало командующим в тех местах, чтоб они давали всевозможную помощь промышленникам с верх того, как транс//портныя казенныя суда очень часто разбиваются, то потеря сия чувствительна для одной казны; а промышленники находят в том свою пользу, ибо умеют починивать те самыя суда, либо из материалов их делают себе новыя для своего промысла, в чем издержки их бывают очень невелики. Матросы их соглашаются на некоторое число паев, вместо платы; и так промышленники легко достают себе готовые суда с людьми. Груз состоит из 500 фунтов табаку, из 100 фунтов стеклянных пронизок; из одной дюжины тапоров и из несколько дурных ножей; при чем не забывают взять с собою сколько можно более кляпцов для ловли лисиц. Провиант их не важен: несколько окороков копченых и масла прогорклаго, несколько кулей ржаной и пшеничной муки (ибо они не всякой день едят хлеб;) и большое количество соленой и вяленой семги, составляют всю их провизию. Притом берут с собою несколько винтовок с порохом и с пулями для защиты своей от тамошних жителей.

Когда все вышесказанное готово, пускаются в море с божиею помощию. Приехавши на которой нибудь из обитаемых Алеутских островов, обыкновение их бывало прежде, захватить по более женщин и малое число мужчин к себе

в таль^{lxxviii}, а ныне овладевши селением, вытаскивают судно свое на берег, раздают кляпцы жителям для ловления лисиц, а других артелями посылают собирать дрова, ловить рыбу, или морских больших зверей. Несколько промышленников уезжают на соседние острова, и там всех жителей принуждают к повиновению, пока сами живут в праздности и в изобилии: из своих товаров, так они бездельюшки свое называют, дарят в самом малом количестве бабам, дабы чрез то привязать их более к себе; а мужикам, за целой день трудов и работы // дают по одному листочку табаку, как величайшую награду.

С тех пор как Шелехов завел селение свое на Кадьяке уже другая компания не осмелилась пуститься в восток за Шумагин остров^{lxxix}; и надобно думать что судно Луханина будет последнее, которое осмелится посетить сии острова для пушного товара; и уповательно достанет оно одних только лисиц, которых по сию пору там весьма много, так что оне прибегают в холодныя ночи к самим селениям для искания какой либо добычи.

Шелехов имеет намерение выпросить себе исключительную привилегию для торговли в сих частях света и нельзя чтоб ему не удалось. Однако не прежде как торговля его придет в упадок от уменьшения зверей и потребуется свежий капитал, [с] помощью котораго можно будет искать далее новых источников торговли или лутче сказать обогащения, тогда директоры нынешних промыслов прикажут пошарить по берегам Американскаго материка и ежели не найдут себе в том пользы, то принуждены будут отстать от своих промыслов, скрыть свои капиталы и оставить новым компанейщикам продолжать как себе захотят.

В месяце марте цынга стала в таком положении, что больные не могли приметить ни прибавления, ни убавления своей болезни, но как скоро настал апрель и новыя растения снѣдныя появились из недр земных, то ходящие на костылях были в состоянии оставить их и охотно их передали тем больным, которые только-что начинали ползти из своих коек. Погода, хотя была пасмурная, однако суше прежняго и такая, каковой не бывало со дня^с приезда на сей остров. Того ради начали все готовиться к отъезду, но вдруг приметили, что паруса, снасти и всякаго рода веревки претерпели не менее людей от злаго климата. Все было гнило

^с далее в ркп. зачеркнуто: нашего;

л. 33 об.

и суда имели скверной запах. Капитан Галл, старший // по команде, принял на себя управление корабля Славы России, а капитан Сарычев был командиром на Черном Орле. Все люди до единого поспешали, как было можно, всяк в своей работе. Однако не были готовы к отъезду прежде середины месяца маяя. Ясак, собранной с пяти сот алеутов от разных островов, состоял в двенатцати шурах морских выдр и в шести стах[†] шурах лисиц разных родов; а им розданы все мелочи и табак, оставленные при экспедиции. Крайняя бедность сего места не допустила господина Заура с товарищи до того, чтобы для себя достать что либо драгоценное; выключая несколько любопытных вещей, они ничего неполучили.

В 16^е число маяя суда выведены были в наружную бухту, и все люди полны были радости в надежде опять увидеть Камчатку, после печалей, каким подвержены чрез целые восемь месяцев и шестнадцать дней, препровожденных в безпристанном безпрестанном безпокойствии на сем острове, сделавшемся гробом семьнатцати лутчих служителей корабельных, в котором, во все время стояния тут судов, солнце было видно только восемнадцать раз и не было ни единого дня совершенно ясного. В 17ое число вышли из бухты Амакнакской и того же числа увидели [‡] камень весьма достойной примечания, по тому что он один и стоит как столп в 30 милях на севере от восточного края острова Умнака^{lxxx}. Впрочем ничего не случилось примечательного во все время переезда от Уналашки до Камчатки.

Слава России потеряла из виду Черного орла в 7^е число июня и увидела остров, которой показался быть Семисопошным^{lxxxi}, ибо он во многих местах горел, особливо у южного своего края. В 16^е число июня, после несколько противных ветров и скучных штилей, Слава России [вошла] в Авачинскую губу, во время самого густого тумана, покрывшаго ее при входе в губу, и стала на якорь возле входа во внутреннюю Петропавловскую пристан[ь], со всем не выдавши берегов; а господин Сарычев на Черном орле прибыл 19го числа^{lxxxii}. //

л. 34

Хотя на Славе России все было тихо и никто не смел шуметь, по тому что хотелось всем удивить жителей когда бы, при разжижении тумана, они вдруг увидели у себя в пор-

[†] далее в ркп. зачеркнуто: шкур; [‡] прим. в ркп.: Такие камни Шелехов и Крашенинников в книгах своих называют кекурами [Ф. К.];

ту Славу России, не выдавши, когда она приехала. Однако вскоре слышно стало гребное судно, идущее прямо к кораблю, и какое ж было удивление всех на нем людей, когда увидели возле себя английскую восьмивесельную шлюпку и сидящего в ней капитана Карла Виллиама Барклея^{lxxxiii}, которого корабль Алцион приехал из Бенгала^{lxxxiv} и стоял во внутренней гавани с товарами! С товарами неоцененными для сей части света, особливо в такой пристани, которая самая способнейшая для восстановления торговой связи между отдаленными народами: груз сего иностранного корабля состоял из полоснаго железа^{lxxxv}, якорей, канатов и веревок со всякою железною посудою и с отменным количеством рома. Однако командир над портом, не имея уполномочия, ни столько духа, чтоб купить оныя вещи на щот правительства; а торгачи камчатские, которые принимают на себя имя купцов, будучи не иное что, как шайка разнощиков без капитала и без кредита, а пуца всего без знания, как оные наживать. Капитан Барклея принужден был уехать назад с своими товарами, хотя он отдавал их третью долею дешевле против того, во что бы они стали, ежелиб надобно было доставать их из Сибири, хотя там есть свои заводы.

л. 34 об.

Вообразите себе человека, желающего завести новую отрасль торговли в странах света мало известных, какова есть Камчатка; человека, не знающего языка и в чем жители имеют более нужды; такой человек не барыши считает, но видит явной убыток от первого своего неудачнаго предприятия; разве единая надежда лутчаго в перед успеха может наградить его за беспокойство и печаль в каких он тогда, верно, находится! Такой // человек истинно заслуживает всякое одобрение от правительства, которое должно взирать на предбудущую пользу такой торговли в разсуждении того, что оба экспедиционные суда имели совершенную надобность в новой оснастке, в якорях и проч... что правительство камчатское много выиграет покупкою на месте самонужнейших и необходимых для порта вещей; что и самому капитану Барклею будет ободрение от продажи части своего груза. Господин Заур сделал свои предложения о том как главному командиру над портом, так и экспедиционным начальникам, но никто не осмелился приняться за такое дело без точнаго приказанія; в протчем дано английскому капитану всевозможное вспоможение со

стороны России. Он имел при себе свою жену и семилетнего сына. На конец пошел в море 1го дня июля по старому штилю.

Другой английской капитан Виллиам Петерс^{lxxxvi} [†]ф, приехавший в Петропавловскую гавань 9го числа августа 1786го года, был удачливее в продаже своих товаров, по неожиданному случаю, что встретился тут человек, имеющий капитал и пространной кредит в Москве, по чему он в состоянии был купить; а сей человек был сам Григорий Шелехов, выехавший в 22^й день мая тогоже года из селения своего в Кадьяке и возвращающийся в Охотск с грузом пушных товаров. Противные ветры не допустили его до Курильских островов по 30^й день июля и тут его задержали еще 8 дней, а как они дули с запада, то он положился ехать в Чекавинскую [гавань]^{lxxxvii} не по далеку от устья Большой реки на западном берегу Камчатки, дабы купить там запас свежей рыбы. Приехавши к сему месту, он стал на якорь, потом поехал в шлюпке на берег и шлюпку отпустил назад. Накупивши рыбы на берегу, намеревался он возвратиться на свое судно; но сильной шквал утащил его в море; а как все матросы были больны от цынги, Шелехов заключил, что они пустятся прямо в Охотск. И так он поехал в Большерецк, куда прибыл в 15^е число августа, и купил там себе три лошади, чтоб ему ехать сухим путем до Охотска. Но в самое то время из Петропавловской гавани // дошло в Большерецк сведение, что прибыл в оную Английской корабль, по чему Шелехов отправился тудаж, приехал в 23^е число и принят был англичанами ласково. Вот что сам Шелехов о том пишет.

л. 35

«^xАнгличане, приметив мой приезд, несколько из них поспешили ехать на берег в своей шлюпке. Капитан и двое офицеров встретили нас весьма по дружески, и позвали нас на свой корабль, где показывали мне образцы своих товаров, и сказали, что имеют письма от своей Ост Индийской компании к главному командиру в Камчатке, в которых та компания являет свое желание открыть торг с Россиею и требует на то позволения. Я старался узнать, откуда они приехали и как они плавали по морю; ибо они карты своей от меня не скрывали; и так я слышал от них, что они при-

[†] прим. в ркп.: на шна́ве Layk, то есть жаворонок; ^x прим. в ркп.: Сие я перевел нарочно ради того, чтоб читатель мог сличить слова Зауровы с подлинником Шелехова напечатанным С. П. Б. 1793. стран: 60. 61. 62. 63 [Ф. К.];

ехали от Бенгала, оставя сей берег в 20^й день марта по нашему штилю; потом в 16^е число апреля оставили Малакку^{lxxxviii} и приехали в Кантон^{lxxxix} 29го дня мая; на конец поехали от Кантона 28го дня июля и приехали сюда в 9^й день августа. Их было три офицера и один португалец; служители корабельные были все англичане, индиане, негры и китайцы; всех 70 человек. Корабль весь построен был из красного дерева, о двух мачтах, о дватцати восьми парусах, и был обшит медью по самой шкафут, и вооружен 12^{ью} пушками. После ужина капитан Петерс с офицерами своими проводил меня на берег, но мы отложили торг до прибытия начальника Камчатского барона фон Штейнгеля^{xc}, которой приехал в 25^е число, и был между нами переводчиков знаючи говорить по французки. Англичане согласились платить пошлину какая положена правительством, а я дал им реестр товаров нужных в Камчатке, дабы они могли въперед сообразоваться нашим требованиям. Купил я у них товаров на 6611 рублей; заплатил 1000 деньгами и дал вексель на Москву, чтоб заплатить по объявлении в два месяца, с шестью процентами по день платежа. В 3^е число сентября я простился с англичанами, которые намеревались ехать в море в следующий день. В 8^е число приехал я с товарами в Большерецк и продал все тутже на чистые деньги за 10000 с небольшим». // Капитана Петерса корабль после разбит об остров Берингов, и только два человека могли спасти свою жизнь, один португалец и один ласкар^{xcⁱ}, которые в осень 1788го года ехали вместе с господином Зауром из Охотска в Якутск, и намеревались путешествовать до самага С. Петербурга. Португалец рассказывал господину Зауру, что капитана Петерса намерение было такое, чтоб нагрузить корабль свой медью, будучи уверен, что он столько меди наберет на Беринговом либо Медном острове. А вероятно, что ошибка его произошла от того, что он легко поверил рассказам людским о количестве самородной меди, находящейся на сих двух островах. [‡]

Глава 20ая страница 282.

Предвидя, что трудно будет войти в Охотскую гавань с большим судном, расположились оставить корабль в Камчатке и ждать приезда транспортного судна, которое еже-

[‡] прим. в ркп.: В путешествии капитана Диксона около света, напечатанном в Париже 1789го года упоминается о сем кораблекрушении на стран: 24 и 25. Перваго тома, что случилось оно у Меднаго острова [Ф. К.];

годно привозит запас на полуостров Камчатской. Но как всех людей не можно было перевезть на галиоте, капитаны Галл и Сарычев вознамерились ехать в Охотск на Черном орле со всеми людьми сколько их может поместиться. Они готовы были к отъезду в начале июля; однако восточные ветры задержали их в Камчатке до последних чисел того месяца, и на конец поехали они, расположившись осмотреть Курильские острова и весь Китайской берег до Охотска. Однако и сего сделать не могли за противными ветрами, которые задержали их на Курильских островах почти до конца августа; так что они разсудили тогда ехать прямо в Охотск.

В скором времени после их отъезда получено известие в Камчатке, что капитан Биллингс приехал здоров в страну реки Ангарки^{xcii} по многочисленным затруднениям и препятствиям, чинимым ему от чукцов. Господин Заур, оставшийся в Камчатке, получил письмо от другого своего господина Мейна, с коего здесь приложена копия.

«Любезной Заур!

л. 36

Я себя почел бы неблагодарным ежели б пропустил случай уведомить вас о нашем благополучном прибытии на реку // Ангарку (*)^ч в 15^е число сего месяца; претерпевши бедствия всякаго рода в продолжении шести месяцев и двух дней, на жесточайшем морозе, без защиты от черных северных ветров, ибо в сем голом климате не находили мы ни одного куска дров, разве что попадется нам река, имеющая на берегах своих растилающийся по снегу ивнячок. И так мы принуждены были довольствоваться мерзлым мясом оленя, кита либо морского коня, и то сырым; при том чукцы кормили нас с великою экономиею, только что голодом не морили, а между тем всякой день грабили нас в наших глазах. При том, в двух местах они сговаривались, чтоб капитана и всех нас умертвить; однако Бог всемогущий не допустил их до того, чтоб они руку насильства наложили на нас; и мы имеем истинную притчину благодарить Создателя нашего, которой вывел нас теперь совершенно из подвласти их; ибо мы теперь готовимся ехать в Нижнековымск завтра по утру, а провожает нас господин Баннер, которой в здешнем месте ожидал приезда чукцов для получения с них ясака. Поверьте мне, не один раз проклинал я

^ч (*) прим. в ркп.: река Ангарка не велика: она имеет начало свое не далеко от вершины реки Чауны, пошла в сторону и втекает в Сухой Аннуй, а сия река впадает в Ковыму реку против Нижнековымска;

ту минуту, в которую я оставил Славу России, ибо с того времени принужден был безпрестанно сносить с терпением всякия обиды от дичайших из всех диких людей, и ежедневно ожидал от них смерти. Я имею много, о чем с вами поговорить, но должен оставить до другого случая, теперь занят укладкою для дороги, и радостью, что увиделся с нашим старым знакомцом, с господином Баннером, которой всегда путешествует с хорошею провизиею; а как мы целые шесть месяцев не отведавали водки, то одна капля нас делает веселыми. И так остаюсь, уверяя вас, любезнаго Заура, о истинной моей дружбе.

Джон Мейн
при реке Ангарке,
21го дня февраля 1792.

Многия другия письма уведомляли, что чукцы истребили все их // мерительные и писательные инструменты, запрещая строго, чтоб никаких замечаний не делать; правда что, и без сих угроз, жесточайшие морозы и метеличные снега не допускали русских путешественников усматривать, где берег, где озеро; ониже никогда близко к морским берегам не подъезжали, а видели только Мечигменскую губу и Ключенье [Klutshenie]^{xciii}, но сия последняя тогда была покрыта льдом и от нее продолжалось биллингсово шествие на Ангарку, курсом на восток; так что никакого вернаго своего примечания им не сделано о положении Шелатскаго мыса, Чаунской губы или самага берега Ледовитаго моря между Восточным мысом и дальнейшим местом, где экспедиция была в 1787^м году в кратком своем походе по Ледовитому морю; имянно 30 миль на восток от Бараньяго камня к мысу, названному Шалауровым пещаным.

В тех же письмах написано было, что капитан Биллинг намеревался ехать немешкавши в Якуцк; и господину Зауру в бумагах, присланных от него в команду, приказано было дабы он старался съединиться с ним в помянутом городе, как можно будет скорее. Между тем в Камчатке ожидали со дня на день приезда транспартнаго судна. Офицерская компания состояла в 5^{ти} человеках только, принадлежащих к экспедиции, имянно: капитан Беринг, господин Баков, господин Бакулин, господин Робек и господин Заур. Кроме их еще упомянуть должно командира над портом майора Шмалева и помощника его прапорщика Росторгуева. Протчий народ состоял из ундеров, матросов и казаков.

Как никакия дела не принуждали господина Заура жить безотлучно в Петропавловской пристани, то он имел по большей части свое пребывание в Паратунске, откуда он часто дней на 8 или на 10 ходил с камчадалами на охоту по лесам и по горам в небольшом разстоянии от Авачинской губы, в южной от нее стороне. Видал множество медведей, волков, лисиц и весьма мало оленей; убивал же только медведей, для того что не было при нем собак для ловли протчих зверей; зайцов, // хотя и много попадалось, но они были крайне осторожны и охотника к себе близко не подпускали.

В 11^е число августа, будучи в Петропавловской гавани, господин Заур приметил множество ласточек, летающих во все стороны в великом страхе. Оне были из числа краснозобых и сего рода жители никогда прежде не видывали, по чему и стали они прорекать, что будет какой нибудь примечания достойной случай; однако ласточки тогоже утра все скрылись. В следующий день, около 5 часов утра, по всему городу слышан был глухой какой то шум на подобие отдаленного грома, по том началось сильное землетрясение и чрез целую минуту земля изгибалась валами как надутое ветром море. Господин Заур на ту пору одевался и свалился с ног, вспрыгнул и побежал скорее из избы. Вода в губе кипела как в котле. Движение земли было от северо-востока и, показалось господину Зауру, что оно продолжалось больше 2^х минут, но другие офицеры уверяли его, что оно не продолжалось более одной минуты. Матрос, один из караульных на корабле, выброшен из своей койки. Однако трясение было гораздо сильнее в Паратунске. Там земля разверзлась во многих местах и метнула очень высоко воду с песком, ни единого строения во всем селении не осталось в целости, все были повреждены, которое более, которое менее. Балаган один со всем свалился, многия печи провалились, а другаго кирпичнаго строения там и не было. В церкви все образа с гвоздей своих попадали. Уцелел только памятник капитана Клерка.

В Нижнем Камчатске жители так перепугались, что никто из них не мог сказать, что они первые чувствовали удар ли трясущейся земли или шум. Сей город стоит на косе при устье Радуги^{xciv}, немалой реки, впадающей в реку Камчатку. Ложе сея реки стало вдруг без воды и жители перебежали чрез него в нагорную сторону. // Однако все падали и са-

мой скот не устоял на ногах. Земля не переставала трястись почти целой час, во многих местах она разверзлась и в некоторых глубоко провалилась. Ключевская сопка изрыгала высокой столп черного дыма, шум на подобие грома, казался исходящим из недр земли. В обеих церквах колокола громко звонили; словом сказать, вой собак и крик пронзительной самого народа превосходили всякое описание, ибо народ ежеминутно ожидал совершенного разрушения своего города. Однако, как скоро трясение перестало, вода, утекшая из реки, вступила паки в свои берега и жители возвратились всяк в свое жилище. Ни единая печка, ни единая камельковая труба не осталась в целости. Строение деревянное алтаря у одной церкви отвалилось от протчаго церковного строения без малаго на фут^ш; и большая часть балаганов была повержена на землю.

Достоин примечания, что жительствующие у подошвы горы извергающей огонь слышали только шум, а трясения никакого не чувствовали; и вся сия тревога не перешла гор к западным берегам полуострова.

Письма от С.П.бургскаго правительства к командующему над портом объявляли, что российской один подданный именем Торклер^{xcv} поехал из Франции на собственном корабле с тем, чтоб снабдить сии отдаленныя страны провиантом и всем нужным; чего ради предписано было, чтоб главный командир давал помянутому Торклеру // всякое вспоможение. И подлинно на конце сентября корабль Флавия приехал новопостроенной, имеющий дно, обитое медью, и поднимающий до шести сот тонов груза. Народа было на нем до 60 человек кроме офицеров. Он был под республиканским флагом, и офицеры носили трехцветную кокарду. Господин Торклер был только прикащиком, а не хозяином. Большая часть товаров состояла в крепких напитках. Капитан и офицеры были все люди благороднаго обхождения, при том знающие в науках. Около того времени, как сей корабль приехал в Петропавловскую пристань, получено в команду известие, что транспортное судно из Охотска село на мель возле реки Ичи^{xcvi}, между Большою рекою и Тигилем; и для того, капитан Беринг и господин Баков поехали туда посмотреть, не могут ли и они быть по-

л. 38

^ш прим. в ркп.: Господин Заур заметил, что колоколья имеет 40 фут вышины в Нижне Камчатске и что она более как на 3 фута сошла на одну сторону с перпендикуляра своего;

лезными судну, а господин Заур остался в Петропавловске командиром над морскими служителями.

Глава 21^я стран: 289ая.

Капитан Беринг с господином Баковым возвратился в декабре около Рождества Христова, а господин Заур поехал в Нижне-Камчатск и возвратился не прежде как в апреле месяце следующего 1793го года. Сия его прогулка с некоторыми прежними помогла ему в приобретении хорошего сведения о Камчатском полуострове. Вот что он пишет:

Южной конец Камчатки, имянуемой Лопатка, лежит под 51° широты, 156° 40' долготы на восток от Гринвича. Земля узкая и плоская, постепенно расширяется и становится выше к горам, камениста, голая, ничего не производящая на 40 миль расстояния; разве кое-где растет мелкой ивняк и разстилающийся кедр. Потом показываются березы в небольших долинах, которые изобилуют озерами и другими водными истоками, падающими в море с востока и с запада. Целой хребет гор^{xcvii} занимает все место от Лопатки до 53° 5' широты северной; ибо тут, около деревни Малки^{xcviii}, он разделяется на две отрасли, из которых одна идет на (N.N.W) север-северо-запад, другая, которую можно бы назвать главным хребтом, простирается в (N.N.O.) северную северо-восточную страну^{xcix}. Место, где сии горы // л. 38 об. раздвоятся на два хребта, есть самое возвышенное на всем полуострове; оно составляет голую каменистую степь в 65 миль длины; положение ея север и юг [N. и S.), ширина ея от трех до 15 миль; по местам видны прутяк, разной кустарник и несколько малорослых берез, что ерником называются. Везде показываются источники и ручейки; некоторые из них, соединившись своим течением на юг и югозапад, составляют реку Быструю; другие разстоянием в несколько саженях от первых потекли в другую сторону и составили вершину реки Камчатки. При конце сея степи горы сошлись в одной или в двух милях и пошел березовой лес до деревни Апушинской, где можно на лодках ехать по реке Камчатке до самага ея устья.

Тут вся страна переменяет свой вид и земля кажется весьма плодородною. Долина расширяется и горы на восток и на запад имеют 40 миль разстояния между собою у Верхне-Камчатска. Грунт глубок и богат, состоит из чернозема, смешанного с черною мелкою золою из сопок и с мелким железным песком, которой лнет к магнитному камню,

и можно его ковать с полосным железом, но сам по себе делает железо весьма крепкое.

В великом количестве растет везде не большое деревцо, называемое черемха, род дикой черной вишни; дерево очень крепко и камчадалы делают из него свои ошталы, палочки, коими правят на санках. Самая большая толщина онаго деревца ^м 3 дюйма. Сосна, ель, лиственница весьма толстая, береза, тополь, осина, ольха покрывают горы по самой верх; между ими растет множество кустов, разного рода производящих ягоды.

Климат сея части полуострова со всем разнится от климата северных и южных частей его, ибо помянутая долина со всех сторон скрыта от морских ветров, которые делают воздух несносным в других местах и мешают плодородию земному, которое здесь начинается в марте месяце. //

л. 39

Ландшафты так приятны, что не можно их описать. Река не хуже Меандры^с, извивается по середине долины, имея разную ширину от 50 аршинов до 250, а глубину от 8 до 15 фут; всегда полна рыбою, особливо семгою разных родов по разным временам года. Долина имеет 180 миль в длину, и в разных местах открывает вид на Толбачинскую^с, о двух главах, гору, которая всегда изрыгает огромной столб черного дыма; пока другая сопка, Ключевская^с, поднявшаяся до не вероятной высоты, освещает пламенем всю атмосферу и представляет ночью вид ужасно величественный.

В двенатцати верстах ниже Верхне Камчатского острога стоит деревня Милкова, населенная земледельцами сибирскими на кошт правительства, имеющими разныя данныя им выгоды, дабы они трудились о хлебопашестве и о заведении огородов для удовольствования тоя страны. Однако, как никакого за ними присмотра нет, то они нашли легкой способ наживать богатство, вступили в мелочную продажу от камчатских купцов и сами ходят на ловлю соболей и другого зверя, по тому что оно веселее и не так трудно, как ворочать землю, которая у них лежит в запустении. Однако в огородах их растут весьма хорошая капуста, картофель, репа, морковь, огурцы и другие овощи; сеют гречиху^б и рожь для домашнего употребления, а жатва их всегда бывает изобильна; и господин Заур думает, что естьлибы они

^с прим. в ркп.: черемуха, а не черемха, ибо черемха есть трава, а не деревцо. [Ф. К.];
^б испр., в ркп. гречуху;

имели настоящего за собою зрителя, то все могло бы у них расти, и могли бы они снабдить хлебом всякого рода не только Камчатской полу-остров, но и все соседняя страны, Охотск и проч... Пенька у них хорошая, однако нет дальней нужды разводить там много конопли, по тому что камчатская крапива отвечает за все, не только камчадалы, но и русские делают из нее тонкия нитки для шитья и связывают рыболовные сети, которыя будучи употреблены с бережливостью и хорошо высушенны, служат им целые четыре или пять лет. // Приготовление крапивы есть почти тоже и не так заботно, как приготовление обыкновенной пеньки; а крапива растет на 6 и на 7 фут вышины: волокна ея гораздо тонее волокон конопляных и нитки крапивныя, равной тонкости с обыкновенными, суть гораздо крепче.

При Толбачинске горы голыя и будто разтерзанныя, поддались много в долину и делают ее узкою. Между сею сопкою и Ключевскою бывают частыя бури, однако не доходят никогда до Милковы; и деревья там не так толсты, как в других местах. Однако вся страна плодоносна до 30 верст от деревни Ключевской с северной стороны; а в сей деревне живут, также как в Милкове, сибирские мужики для земледельства, которые однако мало о том пекутся, а вдалились в разные промыслы, за что их и винить нельзя, по тому что Нижне Камчатской магистрат требует с них такая же подати, какия наложены на купцов, имеющих свое лавки в городах. Суд состоит из одного бургомистра, четырех членов или ратманов, одного секретаря, писарей и сторожей; все они получают плату пока в службе; а часто и на мирском иждевении посылаются депутаты в Тигильск, в Большерецк, в Верхний Камчатской острог и в другия места, состоящая под их ведомством. Так что сомнительно, чтоб земледельство могло производить жатвы довольно богатыя для удовольствования всех требований, которые часто бывают в 18 или 20 рублей с каждой души, а иногда еще в половину больше того.

Ежели приближаетесь к северу, то почувствуете умножение суровости в климате; земля показывается песчаною и каменистою; растения все слабы и низкия. Перешеек всего полуострова лежит под 59°20' широты северной и расстояние одного моря от другаго не превосходит 40 миль. На против того самое широкое место считается от Кронотскаго носа^{ciii} до реки Ичи — 220 миль.

Город Нижне Камчатск имеет в себе 80 изб или дворов и 2 церкви. // Число жителей с робятами 548 душ; широта 56°33'.

Западной берег Камчатки песчан и низок на 25 или 30 миль внутрь, а там уже начинаются горы. Растет на нем всякого рода кустарник и стланец. С гор текут везде ручьи, которых рекою ни как назвать нельзя, хотя во всех довольно находится рыбы, которая в свое время идет из моря, особливо разных родов семга. Одна только есть великая река, которая называется Большою. Протчия речки обыкновенно имеют миль на 15 или 20 раазстояния между собою. Ича и Тигиль между ими виднее всех; однако и сии реки со всеми своими переворотами не далее течение свое простирают как на 100 миль.

На западных берегах Камчатки море на великое от берега расстояние мелководно; так что шкиперы транспортных судов, не теряющие из вида берегов сколько им можно, судят в туманную погоду о расстоянии своем от берега по лоту^{civ}, ибо каждая миля дает им сажень глубины; но при входе в устье реки ни где нет более шести фут глубины при убылой воде, а прибой морской волны^{by} к берегу песчаному везде велик.

Деревни по сему берегу суть Тигильск, Ичинск и Большерецк, получившия свои названия от рек Тигила, Ичи и Большой. Первая из них важнее протчих, ибо в ней считают 45 деревянных домов и одну церковь. По российским картам она стоит под 57°55' северной широты, построена в 1752^m году и окружена тыном, по чему россиане называют ее укрепленным городом. Жителей деревенских с бабами и с робятами 338 душ. В Ичинске есть также церковь, хотя нет больше как 10 дворов, в которых живут до 50 человек. Большерецк имеет 37 дворов, а жителей в нем считают 235 человек. Кроме сих трех главных деревень, на западном берегу сыщется еще селений с 8, состоящая каждое из трех либо четырех изб.

Восточной берег Камчатки состоит из гор, камней, утесов и огромных мысов, между которыми есть, а инде только что // кажется будто есть, бухты. Однако вход труден по притчине камней наружных и подводных, которые далеко в море простираются, а между ими проехать нельзя иначе как на камчадальской байдаре. Некоторые из

^{by} написано после зачеркнутого: воды;

сих камней разсеяны и по морю пред входом в те бухты на 2 и на 3 мили разстояния от берегов; которые под водою, те видны по буруну, которой всегда на них бывает, а другие камни стоят как высокия башни по среди воды. Самая глубина моря не постоянна, ибо часто и вдруг от 30 сажень переменяется в 90 или более сажень. Землетрясения там бывают частыя, а иногда пресильныя.

Единая на всем Камчатском полуострове корабельная пристань есть в Авачинской губе (*)^b, которая почесться может одной из безопаснейших и пространнейших в целом свете. Господин Заур старается ее описать в следующих словах: «Положим, что судно мое приближается к берегам с юго-восточной стороны. Сперьва берег покажется прямой, единовидной, без заливов и без бухт. Нечувствительно земля возвышается в посредственные горы, позади которых видны другия горы гораздо выше прежних. Три из них на северной стороне губы привлекают на себя внимание зрителей; оне высоки и кажутся одною горою; однако отдаленнейшая из них или та, которая на западе от других, всех превышает и вид имеет конуса. По том ближайшая к ней гора есть сопка, отличающаяся столбом дыма, выходящего из ея верхушки, которая равна. 3^{ья} представляет взору несколько плосковатых верхушек, идет по ниже к востоку, где узкой, высокой, не ровной и разбитой кусок земли простирается на 15 лье [45 миль] и кончится мысом. Которому дано имя Шипунского носа^{cv}. В южной стороне губы приметны // две высокия горы; одна из них, которая к устью ближе, имеет вид сахарной головы и называется Вилукческою сопкою^{cvi}; другая, Аполская^{cvi}, гораздо далее от берегов, не столько высока и верхушку имеет плоскую. Приблизившись к берегу, он покажется высок, с утесами, не имеющими связи между собою, так что можно подумать, что тут в промежутках есть бухты. Однако, подъехавши в широту 52°45' на 159°15' долготы, вход в Авачинскую губу открывается ясно, в норд вестътен вестену. От онаго входа в юг, разстоянием в 4^x милях, высокие острые камни составляют круглой островок, коему дано имя Старицковска-

л. 41

^b (*) прим. в ркл.: Место Авача так безопасно для кораблей и так скрыто со всех сторон, что нельзя назвать его губою; однако, видя коль неосторожны были мореплаватели в названиях разных положений как моря, так и берегов, употребляя иногда некстати имена, пристани, губы, залива, бухты, рейды и протч... то я не осмелюсь переменить общепринятое имя, хотя бы мог дать другое более приличное (Куково последнее путешествие);

го острова^{cvi}. Северной мыс есть туп и широк, имеет на себе маяк на самой вершукше, а сей маяк издали кажется караульною будкою. От сего мыса в восток в разстоянии трех миль есть подводные камни, простирающиеся на юг около полумили, но они не опасны, потому что волны безпрестанно переливаются на них буруном. В самом фарватере приметны к северной стороне три острые отделенные камни, а на другой стороне есть камень же огромной, имеющий вершукшу почти плоскую, и он тут один. Глубина уменьшается от 40а до 12ти сажень по каменистому дну, а в фарватере только 10 сажень по иловато песчаному дну.

Вход лежит под 52°33' широты и 158°48' долготы, тогда Шипунской нос лежит в осте-норд-осте в разстоянии 17 лье. Тут канал идет норд норд вест на 4 мили, имеет ширины три мили в самом широком и две мили в самом узком месте. Оба берега каменисты. Верхи их покрыты березником, ясенником и белым терновником. Проехавши сей канал, вы въезжаете в самой величавой бассейн, которой имеет около 25 миль в окружности, со всех сторон окруженной берегом, а тот берег везде высок, выключая северо-западной конец его, и покрыт деревьями. По мере как вы плывете по бассейну, открываются взору вашему хорошия пристани. // К востоку Раковая бухточка^{cix} имеет три мили в глубину, или в длину, и три четверти мили в ширину. Южной мыс состоит из высокой перпендикулярной каменной груды. Мелководие на камнях идет от берега в губу около 50 саж. от юга на север и делает затруднение при входе. Северной мыс состоит из высокаго каменнаго берега и небольшого числа камней в воде от берега отдаленных, которые однако видны и не далеко простираются. Внутренней глубины считают от 13^{ти} до 3^х сажень.

л. 41 об.

Небольшая Петропавловская гавань лежит на северной стороне. Круглой и тупой ея южной мыс очень виден. Перед ним строение также все видно. Она гавань весьма способная для всякой починки корабельной; можно в ней запастися водою и дровами, а в разсуждении всех удобностей и добрых ея качеств, можно сказать об ней, что лутче ея не сыщется во всем свете. Шесть или восемь военных кораблей могут свободно стоять в ней, закрепленные с носа и с кормы. Южная часть гавани замкнута узкою и низменною косою, выдавшеюся от восточнаго берега на запад. На ней построено много балаганов и несколько изб. Где кончится

сия коса, тут самой вход в гавань шириною в 38 сажень, а глубиною в 6 саж. с половиною. Корабли могут проезжать так близко к концу сея косы, что человек может с корабля прыгнуть на берег. Западная сторона гавани состоит из одной узкой посредственной вышины горы, которая поддалась к югу, и кончится круглою тупою главою, на которой выстроена одна батарея о трех пушках и выставляется флаг. От сея оконечности мелкое место простирается на 100 сажень к югу. Верхний конец гавани стоит к северу; и тут пошла долина, на которой построены магазейны, казармы и главнейшия жилища. С восточной стороны видны высокия горы, покрытыя лесом по самой верх, имянно: березником, ясенником, белым терновником, низменным кедровником, серебрянником^{сх} и протч... На сей стороне много есть ключей, из которых вода самая чистая течет с гор в гавань, в местах где корабли могут удобно ею запастись. // С северозападной стороны подошли к губе просторныя авачинския поля, по которым две реки, Авача и Паратунка, втекают в губу. В старину камчадалы имели свои жилища вокруг гавани, но воины гарнизонные заняли те места, а камчадалы пошли жить на устье Авачи.

Таринская гавань^{схi} открывается на западе губы. Вход имеет около мили в длину, по том вдруг поворачивает к юго востоку; длиною на 12 миль, шириною на три мили; глубина от 6 до 8 сажень, дно иловато-песчаное. Узкая коса возвышеннаго грунта в задах сея пристани отделяет ее от моря, будто какая либо руками человеческими зделанная плотина. Сия пристань по форме своей кажется очень выгодною или по образованию своему, но она ни мало не выгодна по своему местоположению, ибо из нее корабль должен выходить с восточным ветром, а вошедши в Авачинскую губу тот же ветер будет ему противен. Кроме сего, ветры северные и северо западные дуют чрез авачинския поля или равнины прямо в нее и пригоняют множество льда, которой тает очень поздно.

Поблизости устья сея гавани, на северо западном ея берегу, простирается долина и составляет поляну одной мили с половиной в квадрате, с хорошим березником; и майор Бем^{схii} во всей окружности лутчаго не находил положения для строения на нем города. С севера и с юга стоят высокия горы, но всходить на них легко, и оне покрыты лесом до самого верха. На западной стороне долины есть озеро с

пресною водою, имеющее около 15 миль в окружности; и рыба в нем не переводится во весь круглой год, а на берегах его растут кусты с ягодами, сарана, черемча (род дикаго чеснока) и множество трав, для варения щей годных. Сие озеро есть главной источник реки известной под названием Паратунки, о которой будет особое описание, как и о других реках. Остатки жилищ и селений кругом сего озера доказывают ясно, что сие место было некогда хорошо населено, а ныне тут бегают медведи, волки и зайцы. //

л. 42 об. В Авачинской губе во весь год ловится треска; как скоро лед начинает пропадать, является рыба скат, олибут и плоская рыба. Белую всякую мелузгу мальчики и девушки ловят во всю зиму, для чего делают отверзтия во льду, ложатся брюхом и видят, как идет рыба в воде; тогда спускают мертвую петлю из лошадиного волоса на конце палки, наводят ее на тело рыбы и с проворством вытаскивают ее на лед. На конце апреля сельди идут огромными рунами в губу и остаются там до начала июня. Количество их по истинне невероятно. В последнем Куковом путешествии капитан Кинг пишет так: «Матросы корабля Дискавери^{cxiii} окружили своим неводом однажды такое количество сельдей, что принужденными нашлись выкидывать большую часть, дабы не прорвался их невод. Со всем тем, кроме той рыбы, которую они оставили на тот день для всего экипажа, они насолчили столько бочек сколько могли найти у себя. При том отослали весьма много рыбы для пищи и для соления на корабль Резолюцион^{cxiv}, а осталось еще на берегу столько ея, что можно бы наполнить ею множество четвериков». Господин Заур пишет о себе следующее: «В 7^e число июня во внутренней Петропавловской гавани я приметил во время прилива марского, что множество сельдей плывет в круги, имеющие около сажени в диаметре. Видя, что сие продолжается, любопытство меня принудило подъехать к ним поближе; и я заметил, что в каждом круге одна сельдь лежала на дне на траве, и казалось, что никакого движения не делает. Я не понимал сперва, какая бы могла быть притчина сего плаванья кругами, но вскоре усмотрел, что трава //

л. 43 вокруг рыбки, лежащей в середине, приняла на себя яркой желтой цвет. По отливе морской воды те места оставались сухими, и тут я увидел, что трава, камни, палки и все, что лежало на дне, покрывалось икрою толщиною на пол-дюйма. И тут собаки, чайки, вороны, сороки делали

изрядную пирушку. Сих рунных ходов бывает два в году: один весною, другой осенью. Однако в величине рыбы примечается великая разность, и думаю, что сельдь весенняя бывает более в теле своем нежели осенняя. Природные камчадалы и другие жители ловят их ужасное количество осенью для прокормления своих собак ими».

Из сельдей делают масло самое чистое и хорошее вкусом. Яйца всяких птиц в нем целой год свежими. Правда, что и другое всякое масло. Вытопленное из морских зверей, делает то же.

Когда сельди вышли в море, превеликими рунами поспешает в губу и в реки, впадающие в нее, рыба семга^{cxv} разных родов. 1^й род, он же самой малой, называется горбуша от горба, какой сия рабы имеет на спине. В 4 или в 5 недель сей рыбе самая лутчая пора, а как скоро она начала пропадать, другой рыбе, более или крупнее преваго, спешит на упалое место. По том следует до сентября месяца род за родом, а все семга: даже нельзя род от рода отличить иначе как по сварении рыбы, ибо тогда она бывает либо краснее телом, либо бледнее, и по тому только можно различить один род от другого. Имена их в камчатке суть следующие: семга, чавича (обе знатной величины), горбуша, кайко, красная и белая^{cxvi}. Все идут по рекам в верх и ищут озера, где два последние роды зимуют, однако делаются безобразными, // тело роняют, получают на спине необыкновенную выгибь и покрываются красными пятнами. Верхняя челюсть делается длиннее нижней ⁹ челюсти и крюком изгибается под нее. Зубы делаются широкими, а тело ея мягковатым от излишнего жир. В той же губе находят разных родов плоские раки, морския яйца, мушели^{cxvii}, раковины и малая жемчужная устрица.

л. 43 об.

Авачинския поля или равнины, что на северо западной стороне губы, идут 18 миль с востока на запад и 35 миль — с севера на юг. На северном своем конце имеют по местам березник, топольник и осинник. Остальная земля там покрыта вся болотинами, на которых растет высокая грубая трава с прутняком ивовым и ольховым. Там убежище себе находят неизчетныя тысячи водяных птиц, лебедей, гусей, уток и куликов. Река Авача течет по сим равнинам разными разтоками. В северном конце есть множество холодных ключей, составляющих разные бассейны, из которых мно-

⁹ прим. в ркп.: А у нас называется чилим [Ф. К.];

гочисленные струи водные соединяются в ручей, текущий милю с две на юг и впадающий в реку Илмич, которая известна больше под именем Паратунки. Но истинная Паратунка есть ручеек, вышедший из помянутых ключей, а на устье сего ручейка стоит селение Паратунское. Оные ключи зимою не мерзнут, почему там во всю зиму бывают лебеди, гуси и разные утки, особливо савки, которые имеют музыкальной приятной голос. Тут обильную себе те птицы находят пищу и корень мушнистой одной водяной травы, с наружи имеющий вид оливки, а вкусом подобный каштану. Господин Заур сам ел его и предпочитал всем огороженным овощам. Камчадалы называют его гузиною сараною⁴.

В разсуждении рек самая важная есть река // Камчатка. Выше сего сказано, где она имеет свое начало, оттоль она течет почти на север до Нижнекамчатска, а тут делает поворот на восток юго восток разстоянием на 25 миль и впадает в широкую, но мелкую бухту между двумя мысами Кронотцким и Камчатским. При устье своем она очень мелка — воды больше 8 фут не бывает никогда, а ветры восточные надувают тут весьма сильной бурю. Со всем тем другой судоходной реки на всем Камчатском полуострове нет.

Река Большая простирает свое течение только на 20 миль. Она сделалась от соединения реки Быстрой с Начикою^{cxviii} немного пониже Большерецка. Первая имеет начало свое в ключах, что возле начала реки Камчатки и течет от полудня на запад. Вторая начало свое берет в юге от деревни Начикинской^{cxix} и течет почти на запад около ста верст. Ни та, ни другая не судоходна, а хотя камчадалы весною отваживаются ехать в низ на своих лодках, однако это весьма трудно по притчине быстрины и протч...

Река Авача имеет также течение не спокойное и не способное для судового хода на восток юго восток разстоянием на 70 верст. Жители Коряцкой деревни, которая стоит в 20^{ти} милях от ея устья кверху, ездят по ней как в низ, так и в верх в своих лодках; однако принуждены перетаскивать их чрез мелкия места.

Илмич, которую называют также Паратункою, берет свое начало по близости сопки Вилучинской, (названной в последнем Куковом путешествии Паратунскою), и от одного озера в близи Таринской гавани; и после 85-верстного течения впадает в Авачинскую губу в трех только милях по прямой линии от своей вершины. Лодки везде по ней мо-

л. 44 об.

гут ездить, а г. Заур проехал ее всю от самого озера в лодке в 14 часов. Паратунчане ловят оленей, медведей, аргалиев или каменных баранов около вершины сея реки, спускаючись в Таринскую гавань и перетаскивая свои лодки чрез реченной волок в помянутое озеро. Множество речек вытекают с гор в Восточной океан, но ни одной нет достойной примечания, и даже по берегам их нет жителей. // Озер пространных нет. Первое от мыса, что Лопаткою называется, лежит в 40 милях ^ю. Кроноцкое в 20^{ти} милях на юго восток Толбачинской сопки. Другое озеро не так велико как Кроноцское называется Нерпичье лежит в 40 милях на север Нижнекамчатска. Природные жители сказывают, что они все полны рыбы. Но преданьем известно, что вся та рыба о двух главах либо имеет ноги, а как она посвящена какому нибудь духу или божку, то дерзающие ловить ее без наказания не остаются. Однако многие камчадалы тому веры не имеют, а другие по сию пору крепко пребывают в своем заблуждении.

л. 45

Горячих ключей есть множество по всем углам Камчатского полуострова, но г. Заур упоминает только о славнейших. Опальские иди Озерные горячие ключи положение свое имеют почти на половине дороги от Лопатки до Большерецка в 15 милях на южной стороне от деревни камчадальской, коей дано имя Явинской^{хх}. Со всех сторон те ключи окружены горами и разстояние их от Опальской сопки невелико, посреди пространной долины, где они разбросаны на шести милях. Земля на тех местах кажется составом из разноцветного мергеля с окомными камнями, имеющими вид такой будто они были некогда разсыпаны сильным извержением из огнедышущих гор. Самой главной горячий ключ находится у подошвы большой горы и бульканье кипящей воды слышно почти за одну милю прежде нежели увидишь ключ. Вся его окружность 6 сажень вода кипит высок. Середина представляет вид котла. Кусок говядины сварится в нем в самое короткое время. В самой окружности ключа везде вода кипит между большими камнями. Потом, разделившись на 2 разтока, спускается между камнями // и в низу съединяется с ручьем, вытекшим из других ключей, что на северной стороне. Таким образом течет вся вода вместе к югу по том обращается к западу и про-

^ю прим. в ркп.: Г. Заур назвал сие озеро Озерным, но по карте видно, что оно Курильское [Ф. К.];

падает в озере [†] Озерном. Около самага края оных ключей и ручейка, от них произтекшаго, много находят листочков сладкой травы^{сххi}, либо березовых и щепок, превращенных в каменное, а лутче сказать в известковое белейшаго цвета вещество. Но столь они нежны, что нельзя их сохранить даже в хлопчатой бумаге, ибо превращаются в пыль. Камчадалы полагают, что в таких местах живут духи и делают какое ни будь жертвоприношение, хот самое неважное, для умоления их, а без того, говорят они, те духи насылают от себя ужасныя бури. Господа натуралист [К. Г. Мерк] и рисовальный мастер [Л. А.] Воронин, оба принадлежащие к Биллингсовой экспедиции, восходили к тем ключам в 1790^м годе. Но на ту пору возстал такой сильной вихрь, что палатка их разодрана, а все что в ней было разбросано так, что инья вещи у них совершенно пропали. Снег усыпан был пеплом на 4 дюйма толщины, а сей пепел имел вид крупнаго пушечнаго пороха. Произошел, по видимому, от Алаида, что есть гора по среди моря разстоянием от Лопатки на 20 миль в юго-западе^{сххii}. Она в феврале 1793го года горела сильным огнем, а с самого 1790го года изрыгала дым в разныя времена. Самые старики из жителей не помнят, чтоб сия гора была огнедышущей прежде, однако по преданию знают, что она некогда делала сильные извержения.

Около вершины реки Быстрой возле деревни Малки есть еще горячие ключи^{сххiii} при подошве одной горы; и вода кипит из земли в двух или в трех местах шириною в фут. Подобные ключи есть не подалеку от деревни Начикиной^{сххiv}, однако сии очень пространны и в искривлениях своего течения составляют многия выгодныя для купанья места.

НИА СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2.

Картон 146. Д. 21. Л. 17–45

Комментарии

ⁱ Большой Баранов (*устар.* Большой Баранов Камень) — мыс на территории Билибинского района Чукотского автономного округа, расположенный на побережье Восточно-Сибирского моря между Колымским устьем и устьем р. Раучуа (Большая Бараниха).

ⁱⁱ Английский фут — 0,3048 м.

ⁱⁱⁱ «Паллас» и «Ясашна» — суда экспедиции для плаванья из Колымского устья и Северному Ледовитому океану.

[†] прим. в ркп.: Курильском.

^{iv} Верста путевая — мера длины, равнявшаяся в XVIII в. 500 саженим (1 сажень — 213 см) или 1,0668 км.

^v Мыс Песчаный — крайняя северная оконечность полуострова Кыттык, расположенного на севере Чукотки на побережье Малого Чаунского пролива, соединяющего Чаунскую губу и Восточно-Сибирское море.

^{vi} Никита Павлович Шалауров (? — ок. 1764) — российский купец, исследователь северо-востока Сибири (подробнее см.: *Шипилов И. А.* К истории изучения книги секретаря и переводчика... С. 432, комментарий VI).

^{vii} Чаунская губа — залив на Чукотском полуострове в восточной части бассейна Восточно-Сибирского моря.

^{viii} Нижнеколымск (Нижне-Колымск) — село в Нижнеколымском улусе Республики Саха (Якутия) Российской Федерации. Основано в 1644 году как Нижнеколымское зимовье.

^{ix} Времямер (времемер) — хронометр или часы солнечные, песочные, механические.

^x Миля географическая равняется 1855,3 м, немецкая — 7420 м.

^{xi} В данном случае речь идет о тюленях и других представителях хищных млекопитающих парвотряда ластоногих.

^{xii} Тимофей Иванович Шмалев (1736–1789) — российский военнослужащий, с 1770 г. капитан, исследователь северо-востока Сибири и Камчатки (подробнее см.: *Шипилов И. А.* К истории изучения книги секретаря и переводчика... С. 438, ком. LXXVII).

^{xiii} Тепломер — прибор для измерения температуры воздуха, воды, почвы; термометр.

^{xiv} Зунд — небольшая акватория (залив, лагуна, бухта), обычно соединенная с морем или океаном.

^{xv} Принц Уильям Саунд (*устар.* Чугацкий залив) — залив у южных берегов американского штата Аляска и в пределах одноименного залива к востоку от Кенайского полуострова.

^{xvi} Монтагью — остров у входа в залив Принца Уильяма, открытый В. И. Берингом во время Второй Камчатской экспедиции, а позже названный Дж. Куком «Montague Island».

^{xvii} Мнение Мартина Сауера, как и капитана Г. А. Сарычева, справедливо, поскольку мыс Святого Ильи расположен на юго-западной оконечности острова Каяк в заливе Аляска. Именно на Каяк в 1741 г. высаживались В. И. Беринг, назвавший его мыс указанным выше образом, и другие члены команды «Св. Петра», включая адъютанта Академии наук Г. В. Стеллера. В 1778 г. капитан Дж. Кук посетил и картографировал о. Каяк, назвав его в честь корабельного капеллана Кайе «Kaye's Island» (*Сарычев Г. А.* Путешествие по Северо-Восточ-

ной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 158–164; *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1935. С. 211).

^{xviii} Елизаветин мыс или мыс Святой Елизаветы — Остров Элизабет у юго- западного конца Кенайского полуострова (Аляска, США).

^{xix} Амакнак или Умакнак (*англ.* Amaknak Island; *алеут.* Амахнаĥ) — остров в бухте Уналашка, расположен северо-западнее острова Уналашка, входит в состав Лисьих островов, в цепи Алеутских островов.

^{xx} Иллюлюкская (Капитанская, Левашова) бухта (гавань) — современный залив Уналашка у одноименного острова.

^{xxi} Уналашка (*англ.* Unalaska; *алеут.* Nawax-Alaxsxa) — остров из группы Лисьих островов в центральной части Алеутского архипелага.

^{xxii} Залив Кука или Кенайский залив — залив Тихого океана у южных берегов Аляски, отделяет Кенайский полуостров от материка. Залив назван в честь Джеймса Кука, который исследовал его в 1778 г., но ошибочно считал большой рекой. Отсюда наименование — «Кукова река».

^{xxiii} О составе экспедиции и названных участниках подробнее см.: *Шипилов И. А.* Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция (1785–1795 гг.): Проблема статуса // *Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция.* Новосибирск, 2014. С. 64–66.

^{xxiv} См. предыдущий комментарий.

^{xxv} Судовой или вахтенный журнал.

^{xxvi} Сивуч или северный морской лев Стеллера (*лат.* Eumetopias jubatus) — крупнейший представитель семейства ушастых тюленей, единственный современный вид рода сивучей.

^{xxvii} Острова св. Павла и св. Георгия — острова Прибылова в Беринговом море. Названы в честь русского промышленника, мореплавателя, исследователя Северо-Тихоокеанского региона и участника экспедиции Биллингса-Сарычева Гавриила Логиновича Прибылова (1747/48–1796). В административном отношении входят в состав штата Аляска, США.

^{xxviii} См. предыдущий комментарий.

^{xxix} Пиннакл или Пиннакл Рок — скалистые острова, расположенные в Беринговом море к югу от о. Св. Матвея (Аляска, США).

^{xxx} Gore's Island или остров Гора — наименований о. Св. Матвея, данное участниками третьего кругосветного плавания Джеймса Кука 1776–1779 гг. в честь лейтенанта Джона Гора (*Иванова Л. А.* Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры: Проблемы источниковедения и атрибуции. М., 2005. С. 24; Geographic Names Information

System. URL: <https://edits.nationalmap.gov/apps/gaz-domestic/public/summary/1408972> (дата обращения: 02.05.2025)).

^{xxx}ⁱ Остров Святого Матвея (*англ.* St. Matthew Island) — остров в южной части Берингова пролива, открыт в 1766 г. в ходе секретного путешествия во главе с лейтенантом российского императорского флота И. Б. Синдтом (*Магидович И. П.* История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962. С. 239).

^{xxx}ⁱⁱ Перелифть (перелифт, перелефть) — разновидность халцедона с переливающимися слоями.

^{xxx}ⁱⁱⁱ Пролив Сарычева, отделяющий острова Св. Матвея и Холл.

^{xxx}^{iv} Клерков (Клярков) остров — другое название острова Святого Лаврентия в южной части Берингова пролива, данное англичанами в честь Чарльза Клерка — участника путешествий Дж. Кука (Аляска, США).

^{xxx}^v Галс — курс судна относительно ветра.

^{xxx}^{vi} Стеньга — рангоутное (надпалубное) дерево, надставляемое на мачте для увеличения ее высоты. Грот-стенга — вторая ступень грот-мачты (второй мачты от носа), служащая ее продолжением вверх.

^{xxx}^{vii} В реальности не существующий остров, ошибочно нанесенный на карту Дж. Куком (*Сарычев Г. А.* Путешествие по Северо-Восточной части Сибири... С. 179).

^{xxx}^{viii} Следж (*англ.* Sledge Island) — остров в Беринговом море. Расположен в 8,5 км от юго-западного побережья полуострова Сьюард, вблизи побережья Аляски. Остров получил свое название 5 августа 1778 года от английского мореплавателя Джеймса Кука.

^{xxx}^{ix} Мыс Родни (Cape Rodney) на полуострове Сьюард (Аляска, США).

^xⁱ Остров Следж.

^xⁱⁱ Остров Кинг (*англ.* King Island, *инуитск.* Ugiuvak) — остров в Беринговом море, к западу от побережья Аляски, в 64 км от мыса Дуглас, южнее мыса Принца Уэльского. Открыт и картографирован в 1732 г. русскими геодезистом М. С. Гвоздевым и подштурманом И. Федоровым. В 1778 г. исследован и назван Дж. Куком в честь лейтенанта Джеймса Кинга, участника экспедиции третьего кругосветного плавания (Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / Под ред. А. В. Ефимова. М., 1964. С. 82; *Ципоруха М. И.* Забытые исследователи русских морей. М., 2005. С. 5).

^xⁱⁱⁱ Марсельный ветер — ветер, при котором парусное судно может нести только марсельные паруса, а брамсели уже не ставят, опасаясь за целостность рангоута.

^{xliii} Залив Лаврентия (*устар.* Лаврентия святого губа или Лаврентия губа) — залив в северной части Берингова моря. Административно относится к Чукотскому району Чукотского автономного округа России.

^{xliv} Пеленг — направление по компасу (румб) на наблюдаемый объект. В морской и воздушной навигации то же, что и азимут.

^{xlv} Мыс Дежнева (Чукотский или Восточный нос) — крайняя восточная материковая точка Евразии.

^{xlvi} Анадырский острог.

^{xlvii} Шкафут — широкие доски, уложенные горизонтально вдоль бортов деревянных парусных кораблей. Служили для прохода с бака на квартердек (или шканцы). В парусном флоте — часть верхней палубы корабля от фок-мачты или носовой надстройки до грот-мачты или кормовой надстройки.

^{xlviii} Мечигменская губа — крупный мелководный залив Берингова моря, расположенный в пределах Чукотского района Чукотского автономного округа России.

^{xlix} Шелагский мыс.

ⁱ Бусы, украшения или пирсинг в форме трубочки.

^{li} Ворвань — жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих, белого медведя и рыб.

^{lii} Катапласма — примочка, припарка.

^{liii} См. комментарий xxi.

^{liv} Танага (*англ.* Танага; *алеут.* Тапахах) — один из Андреяновских островов Алеутского архипелага, открытие которого связано с плаванием русского купца и промышленника Петра Башмакова 1750–1760-х гг. Сейчас входит в состав штата Аляска, США (*Bancroft H. H. History of Alaska: 1730–1885. San Francisco, 1886. P. 115; Атлас географических открытий... № 150, с. 100*).

^{lv} Мыс Принца Уэльского — крайняя западная материковая точка Северной Америки. Находится в Беринговом проливе на полуострове Сьюард (Аляска) и разделяет Чукотское и Берингово моря.

^{lvi} Перечислены эскимосские наименования островов Диомиды: Ратманова, Крузенштерна и Фэррей-рок.

^{lvii} Речь идет о заливе Порт-Кларенс и Гавани Грантли на полуострове Сьюард, штат Аляска, США (см.: *Orth D. J. Dictionary of Alaska Place Names. Washington, 1967. P. 220–221, 451*).

^{lviii} Правый и левый борта судна соответственно.

^{lix} Дернина — верхний слой почвы.

^{lx} Ситник (*лат.* *Juncus*) — крупный род цветковых растений семейства ситниковые (*Juncaceae*).

^{lxi} Халибут (галибут, олибут) — тихоокеанский белокорый палтус (*Pacific Halibut*) и другие рыбы семейства камбаловых.

^{lxii} Гавань Трех Святителей — русское поселение, основанное в 1784 г. Г. И. Шелиховым (Шелеховым) в Бухте Трех Святителей на о. Кадык.

^{lxiii} Кыктак (Кыхтак) — эскимосское наименование острова Кадык.

^{lxiv} Эссенция из спрюса — черной или канадской ели.

^{lxv} Михаил Дмитриевич Левашов (около 1738 — 1774 (1776)) — российский мореплаватель, исследователь Аляски и Алеутских островов в составе секретной экспедиции под руководством П. К. Креницына в 1764–1770 гг. (*Глушанков И. В. Секретная экспедиция. Магадан, 1972*).

^{lxvi} Пастушья сумка обыкновенная (*лат. Capsella bursa-pastóris*) — травянистое растение, вид рода пастушья сумка (*Capsella*) из семейства капустные (*Brassicaceae*).

^{lxvii} Дикая американская индейка (*Meleagris gallopavo*).

^{lxviii} Макараша́, или горец живородящий (*Polygonum viviparum* L.) — растение семейства гречишных, рода спорыш. В настоящее время в пищу употребляются красноватые луковички, расположенные на соцветии, ранее использовались также корневища.

^{lxix} Лилия, или сарана кудреватая, или мартагон (*Lilium mártagon*) — многолетнее луковичное растение рода лилия. В традиционных культурах местного населения Сибири, Дальнего Востока и Северо-Тихоокеанского региона исторически имела пищевое и лекарственное значение.

^{lxx} Английский фунт — 0,45359237 кг.

^{lxxi} Пасмо, пасма — часть, слой мотка текстильных нитей (пряжи и пр.) или небольшой моточек, применяемые при определении их свойств (прочности и т. д.).

^{lxxii} Горчица полевая (*лат. Sinapis arvensis*) — вид однолетних травянистых растений рода Горчица (*Sinapis*) семейства Капустные (*Brassicaceae*).

^{lxxiii} М. Сауер сообщает, что алеуты именуют маски так же, как и своих добрых и злых духов, — «куга» («*kugahs*») и считают их материальным отображением лика божества, увиденного шаманом в трансе. Путешественник отметил ритуальный характер алеутских танцев с использованием масок, в которых туземцы обращались к духам-хозяевам вещей, сил и явлений природы, животных-объектов охоты, другим божествам, чью личину они надевали на лицо, благодаря их за все хорошее, что было в прошлом, и, прося защиту от врагов, удачу в бою, пособничество в промысле, детей и иных благодатей

в будущем (*Sauer M. An account... P. 271–273; об этом см.: Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения северо-востока Сибири. М., 1983. С. 22).*

^{lxxiv} Туккук (*tukux, тукук или туку*) — вождь, или тойон, у алеутов (Народы северо-востока Сибири. М., 2010. С. 125).

^{lxxv} В данном случае приведен один из алеутских диалектных вариантов обозначения рабов или прислуги, для которых также используются термины: калга, таляк, аягам талягана (Народы северо-востока Сибири. С. 126).

^{lxxvi} Агугук (Агугух) — верховный бог алеутов, которого они считали творцом вселенной, духов и человека и почитали своим верховным покровителем и защитником как в этом, так и в ином мире (*Sauer M. An account... P. 273; ср.: Народы северо-востока Сибири. С. 130, 132).*

^{lxxvii} В данном случае М. Сауер примыкает к группе исследователей, включая Г. В. Стеллера, И. Вениаминова и др., считавших прародиной алеутов северо-восток Сибири, откуда они мигрировали на Алеутские острова и Аляску (*Sauer M. An account... P. 273; о проблеме алеутского этногенеза см.: Ляпунова Р. Г. «Алеутская проблема» в новейших зарубежных исследованиях // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 185–208).*

^{lxxviii} Таль — заложник, аманат.

^{lxxix} Острова Шумагина — группа островов в восточной части Алеутского архипелага. Открыты и исследованы Второй Камчатской экспедицией в 1741 г. Названы в честь умершего от цинги и похороненного там матроса 2-й статьи Никиты Шумагина из команды пакетбота «Святой Петр», возглавляемой В. И. Берингом (Аляска, США).

^{lxxx} Умнак (*алеут. Unmax, Umnaх; англ. Umnak*) — один из Лисьих островов, третий по величине из Алеутских островов, отделен от острова Уналашка проливом Умнак (Аляска, США).

^{lxxxi} Семисопочный — остров в составе Крысьих островов, входящих в состав Алеутской гряды на юге Берингова моря.

^{lxxxii} «Слава России» и «Черный орел» — корабли экспедиции, ходившие в Беринговом море и северной части Тихого океана.

^{lxxxiii} Чарльз Уильям Баркли (*англ. Charles William Barkley; 1759–1832*) — английский мореплаватель и торговец пушниной.

^{lxxxiv} Бенгалия (*Bengal*) — историческая область в северо-восточной части Южной Азии, в бассейнах нижнего течения Ганга и Брахмапутры. С древних времен на территории Бенгалии существовали различные индийские государства. В 1757 г. она была захвачена Великобританией и затем стала провинцией Британской Индии; с 1947 г. Западная Бенгалия вошла в состав Индии как штат, Восточная

Бенгалия — в состав Пакистана; с 1971 г. Восточная Бенгалия — государство Бангладеш.

^{lxxxv} Железо полосовое (полосное) — железо, отпускаемое с заводов в виде полос.

^{lxxxvi} Уильям (Вильям) Питерс (Петерс) — капитан корабля «Ларк» Британской Ост-Индской компании, заключивший в 1786 г. договор о торговле с Г. И. Шелиховым (Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 199–200).

^{lxxxvii} Чекавинская гавань (бухта) — залив в устье р. Большой на Камчатке, названный по р. Чекавиной, притоку Большой (*Быкасов В. Е.* Первая гавань Камчатки // «Гордиться славою своих предков...»: Материалы XXXVI Крашенинниковских чтений к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 280-летию города Петропавловска-Камчатского. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 19–23).

^{lxxxviii} Малакка — город и порт в Малайзии, на юго-западном побережье полуострова Малакка. Административный центр штата Малакка.

^{lxxxix} Кантон — старое европейское название города Гуанчжоу на юге Китая.

^{xc} Иоганн Готфрид Штейнгель (Штейнгель) (около 1750 — 1804) — барон, российский военный служащий и чиновник немецкого происхождения. В 1784–1790 гг. служил капитан-исправником Нижнекамчатского округа. Отец декабриста В. И. Штейнгеля.

^{xci} Ласкары (*перс.* *laschkari* ‘солдаты’) — ост-индские матросы, также канониры.

^{xcii} Ангарка — река в России, протекающая по Билибинскому району Чукотского автономного округа, правый приток Большого Анюя.

^{xciii} Река Ключкона, впадающая в Мечигменскую губу (*Сарычев Г. А.* Путешествие... С. 246).

^{xciv} Радуга — река на полуострове Камчатка. Протекает по территории Усть-Камчатского района Камчатского края России.

^{xcv} П. Торклер — российский купец французского происхождения (см.: Архив внешней политики Российской империи: Путеводитель / Сост. Ю. В. Басенко. Minneapolis, 1995. С. 141).

^{xcvi} Ича — река на западном побережье полуострова Камчатка в России. Протекает по территории Быстринского и Соболевского районов Камчатского края.

^{xcvii} Срединный хребет — горная цепь, главный водораздельный хребет на полуострове Камчатка.

^{xcviii} Мálки — поселок в Елизовском районе Камчатского края России.

^{xcix} В Срединном хребте выделяют Малкинский, Быстринский и Козыревский хребты.

^c Меандр — старое название реки Большой Мендерес, протекающей на юго-западе Турции. Извилистое русло реки стало именем нарицательным для соответствующих русловых форм и излучин — речной меандр, а также для орнамента в виде завитков.

^{ci} Толбáчик, Толбачинский — вулканический массив на востоке Камчатки, в юго-западной части Ключевской группы вулканов.

^{cii} Ключевская сопка или Ключевской вулкан — действующий стратовулкан на востоке полуострова Камчатка.

^{ciii} Кроно́цкий полуостров (нос) — один из четырех крупных полуостровов Камчатки на тихоокеанском побережье, второй, после Шипунского, на север от Петропавловска-Камчатского.

^{civ} Лот (*нидерл.* Lood; *нем.* Lot) — гидрографический и навигационный прибор для измерения глубины водоема. Представляет собой пирамидальный или круглый груз из свинца или чугуна, подвешиваемый на лотлине (ручной лот) или металлическом тросе лебедки (механический лот). Ручной лот применяют при глубине до 30 м, механический — для больших глубин.

^{cv} См. комментарий с.

^{cvi} Вилю́чинская сопка или Вилю́чинский — потухший стратовулкан на юго-востоке Камчатки, расположен за Авачинской бухтой на водоразделе рек Вилюча и Большая Саранная, в верховьях реки Паратунки.

^{cvii} Опа́ла, Опальская, Апальская или Апачинская сопка — действующий стратовулкан на юге полуострова Камчатка.

^{cviii} Остров Ста́ричков — остров в России, расположенный у юго-восточного берега полуострова Камчатка в северной части бухты Саранная в южной части Авачинского залива Тихого океана. Свое название получил из-за гнездящейся на нем колонии водоплавающих птиц — обыкновенных ста́риков. Показательно, что Сауеру было известно актуальное название острова еще до его посещения Ф. П. Литке и К. В. Дитмаром в XIX в., а в трудах С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера и других предшественников он фигурирует под названием Вилючинский.

^{cix} Раковая губа — внутренняя бухта Авачинского залива, лежащая к юго-востоку от Петропавловской гавани.

^{cx} Серебаринник, своробаринник, сербалина — старое название шиповника.

^{cxі} Бухта Крашенинникова (*устар.* Тареинская, Тарьинская губа, Тарья) — бухта на восточном берегу полуострова Камчатка, расположенная в южной части Авачинской губы между полуостровом

Крашенинникова и материком. Первое научное изучение и описание выполнено в 1739 г. во время Второй Камчатской экспедиции С. П. Крашенинниковым (*Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки*. М.; Л., 1949. С. 119–120, 188).

^{cxii} Магнус Карл (Матвей Карпович) фон Бем (нем. Magnus Carl von Behm (Bohm); 1727–1806) — российский государственный деятель; в 1772–1779 гг. начальник Камчатки.

^{cxiii} «Дискавери» (англ. Discovery) — британский корабль, под командованием Чарльза Клерка участвовавший в третьем кругосветном путешествии Джеймса Кука 1776–1779 гг.

^{cxiv} «Резолюшн» (англ. Resolution) — флагманский корабль Джеймса Кука, участвовавший во втором и третьем путешествиях в Тихий океан.

^{cxv} Здесь и далее имеется в виду лосось, то есть виды рыб из семейства лососевых (лат. Salmonidae) отряда лососеобразных (Salmoniformes).

^{cxvi} Кайко в переводе с ительменского кета; белой рыбой называли кижуча, а красной — нерку.

^{cxvii} Мúшели — двустворчатые моллюски (раковины), мидии.

^{cxvii} Начики — река на северо-востоке полуострова Камчатка, образуется при слиянии рек Правая и Левая Начики и протекает по территории Карагинского района Камчатского края. Впадает в Укинскую губу пролива Литке.

^{cxix} Сейчас Нáчики — поселок в Елизовском районе Камчатского края. Входит в Начикинское сельское поселение.

^{cxx} Озерновские (Явинские) горячие источники — минеральные горячие источники на территории Усть-Большерецкого района Камчатского края России в среднем течении р. Озерная.

^{cxxi} Борщевик шерстистый, или борщевик сладкий (Heracleum lanatum).

^{cxixii} Алáид — действующий вулкан на острове Атласова Большой Курильской гряды

^{cxixiii} Малкинские термальные источники расположены около села Малки в долине реки Ключевка, которая является левым притоком реки Быстрая.

^{cxixiv} Начикинские минерально-термальные источники расположены на территории Елизовского района Камчатского края России по правому берегу реки Плотниковой, на западном склоне горы Зеркальце Начикинское.

Список литературы

- Архив внешней политики Российской империи: Путеводитель / Сост. Ю. В. Басенко. Minneapolis, 1995. 452 с.
- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / Под ред. А. В. Ефимова. М., 1964. 194 карт., XV, 134 с.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1935. 411 с.
- Быкасов В. Е. Первая гавань Камчатки // «Гордиться славою своих предков...»: Материалы XXXVI Крашенинниковских чтений к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 280-летию города Петропавловска-Камчатского. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 19–23.
- Глушанков И. В. Секретная экспедиция. Магадан, 1972. 178 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1903–1909. Т. 1–4.
- Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения северо-востока Сибири. М., 1983. 150 с.
- Иванова Л. А. Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры: Проблемы источниковедения и атрибуции. М., 2005. 308 с.
- Кобак А. В., Антонов В. В. Англиканская церковь Иисуса Христа // Санкт-Петербург: Энциклопедия. URL: <http://encspb.ru/object/2804678183> (дата обращения: 12.03.2025).
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. 842 с.
- Ляпунова Р. Г. «Алеутская проблема» в новейших зарубежных исследованиях // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 185–208.
- Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962. 476 с.
- Народы северо-востока Сибири. М., 2010. 773 с.
- Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. 384 с.
- Сарычев Г. А. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. 326 с.
- Ципоруха М. И. Забытые исследователи русских морей. М., 2005. 280 с.
- Шпилов И. А. Источники по истории географических исследований Западной Сибири и Якутии в конце XVIII века: Материалы М. Сауера // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 45–48.
- Шпилов И. А. Источники по истории изучения народов Сибири, Дальнего Востока и северной части Тихого океана: Материалы М. Сауера // Религиозные и политические идеи в произведе-

ниях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 126–143

Шипилов И. А. К истории изучения книги секретаря и переводчика Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции Мартина Сауера: Перевод и комментарии Ф. В. Каржавина. Статья первая // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск, 2022. С. 401–441. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 41).

Шипилов И. А. Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция (1785–1795 гг.): Проблема статуса // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск, 2014. С. 53–68.

Bancroft H. H. History of Alaska: 1730–1885. San Francisco, 1886. 775 p.

Cross A. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge; New York, 1997. 474 p.

Orth D. J. Dictionary of Alaska Place Names. Washington, 1967. 276 p.

Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima, performed by command of Her Imperial Majesty, Catherine the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785, &c. to 1794. London, 1802. XXVI, 332, 58 p. (appendix).

Т. В. Панич

Институт истории СО РАН, Новосибирск

«Видение Феклы» из рукописного собрания Института истории Сибирского отделения РАН*

Рассматривается и публикуется текст «Видения Феклы» (список второй половины XX в. из собрания рукописей Института истории Сибирского отделения РАН, № 3/23). Видение относится к началу XX в., но продолжает традиции средневековых эсхатологических видений, отражающих представления о загробном мире, о посмертной участи души человека. Определяются особенности списка сочинения, анализируется содержание и мотивная структура видения, прослеживается связь с «Хождением Феодоры по воздушным мытарствам» из Жития Василия Нового.

Ключевые слова: видение начала XX века, послушница Фекла, потусторонний мир, эсхатология, мотивная структура текста

В 2023 г. в собрание рукописей, старопечатных книг и редких изданий Института истории Сибирского отделения РАН поступил рукописный текст «Видения Феклы».¹ Список второй половины XX в., числится в собрании под № 3/23. Это школьная тетрадь в линейку, 16 + II л. Рукопись плохой сохранности, бумага пожелтела от времени, обложка (на ней имеется дата выпуска тетради — 1965 г.) разорвана, обтрепана по краям.² Сочинение в данном списке называется «Феклушин сон», текст переписан крупным, аккуратным почерком, занимает всю тетрадь и внутреннюю сторону нижней обложки. Рукопись содержит орфографические ошибки, описки и искаженные в результате неверного прочтения слова. Отмечаются пропуски слов, некоторые утраты текста, вероятно, они имелись в протографе.

«Видение Феклы» имеет позднее происхождение, сочинение появилось в начале XX в., впервые оно было записано, по всей вероятности, в Тихвинском Введенском монастыре, где и состоялось чудесное происшествие, о чем сообщается в начале текста. По своему содержанию и структурному строению сочинение относится к эсхатологическим видениям, отражающим представления о загробном

* Статья написана по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций», № FWZM-2024-0006.

¹ Рукопись получена от Татьяны Кирьяновны Новоземцевой в составе небольшого архива Зои Семеновны Крупниковой, которая проживала в селе Селякино Арзамасского района Нижегородской области, была прихожанкой православного храма в г. Арзамасе, умерла в 2021 г. в возрасте около 87 лет.

² В тетрадь вложен листок потемневшей бумаги с записью молитвы «Боголюбивая Царица», почерк — имитация полуустава.

мире и посмертной судьбе душ грешников и праведников.³ Сочинение продолжает традиции средневековых эсхатологических видений.

Жанр видений, как известно, являлся одним из самых распространенных жанров древнерусской литературы. Видения бытовали как в виде отдельных самостоятельных сочинений, так и (что наблюдается чаще) как часть структуры произведений других жанров. Как писала Е. К. Ромодановская, «видения пронизывают всю жанровую систему древнерусской литературы и являются существеннейшим элементом агиографии, исторических сочинений, хождений, торжественного и учительного красноречия».⁴ Особо широкое распространение видения самого разного содержания и идейной направленности получили в XVII в. Всплеск интереса к ним был вызван событиями Смутного времени, а во второй половине века — церковной реформой патриарха Никона и теми трансформациями, которые происходили в этот период в жизни русского общества и культуре. Однако интерес к жанру сохранялся в народной среде и в новое время. Особенно это касается эсхатологических видений, затрагивающих глубинные вопросы, касающиеся не только земной жизни человека, но и его бытия в ином мире. По наблюдению А. В. Пигина, видения подобного рода и в XX в. по-прежнему распространяются в списках церковными прихожанами, переписываются в монастырях и в старообрядческих общинах.⁵ Об этом свидетельствует и зачитанная тетрадь со списком «Феклушиного сна» из собрания рукописей Института истории Сибирского отделения РАН, № 3/23.

«Видение Феклы» довольно хорошо известно. В числе ряда близких по типу поздних видений оно привлекалось А. В. Пигиным в его обзорной статье.⁶ Текст был несколько раз издан как вид сочинений религиозной литературы, где он представлен в разных вариантах.⁷ Его

³ Демин А. С. Путешествие души по загробному миру (в древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. М., 1994. С. 51–74; Пигин А. В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 551–557; Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006; Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. С. 21–55.

⁴ Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях: К вопросу о специфике жанра видений // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 144.

⁵ Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. С. 16.

⁶ Пигин А. В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв.

⁷ Чудесное сновидение, виденное послушницей Тихвинского Введенского монастыря 5-го декабря 1902 года. Одесса, 1909; Чудесное сновидение послушницы Тихвинского Введенского монастыря Феклы. М., 1913; Тайны загробного мира / Сост. архим. Пантелеимон. Калуга, 1999. С. 42–55. См. также: Знаменский А. Г. Тайны загробного мира: Свидетельства об умерших, о бессмертии души и о загробной жизни // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/fiction/tajny-zagrobного-mira/3/> (дата обращения: 10.05.2024).

бытование зафиксировано и в устной форме,⁸ с которой, по-видимому, и связано происхождение видения, как и многих других произведений визионерской литературы. Текст сочинения довольно большой по своему объему, состоит из введения, основной части (собственно видения Феклы, имеющего развернутый характер) и заключения.

В рассматриваемом нами списке сочинение имеет две части, заключительная часть отсутствует, хотя небольшой фрагмент из нее читается во вступлении. Здесь повествование ведется от лица анонимного автора, который, как показывает содержание и характер текста, был свидетелем происшествия и знакомит читателя с обстоятельствами, ему предшествовавшими, а также, в соответствии с требованиями жанра, называет время и место чудесного события: 5 декабря 1902 г., Тихвинский Введенский монастырь. Приведенные автором конкретные сведения сообщают событию достоверный характер, создают у читателя чувство уверенности в том, что знаменательный эпизод в жизни одной из послушниц Тихвинской обители действительно состоялся. Рассказчик представляет здесь также и образ ясновидящей — послушницы Феклы (Феклуши), которой в необычайно долгом («с полчасу девятого утра до шести часов следующего»), глубоком сне (вызванном ее болезненным состоянием⁹) было явлено видение потустороннего мира (мест мучений душ грешников и «обетованной земли»). Указывается точный возраст Феклы — 33 года (17 из них она жила в монастыре). Она описывается как скромная, трудолюбивая и усердная в послушаниях, добрая нравом, благочестивая христианка, живущая «в страх Божий». Отмечается ее малограмотность (едва умеет читать Псалтирь), а также невнятная, невразумительная речь (автор объясняет это тем, что в деревне, где ранее жила Фекла, распространено «особое наречие»¹⁰).

После вступительной части следует пространный рассказ самой Феклы, в котором она последовательно излагает историю своего пре-

ния: 03.05.2025). Здесь текст «Видения Феклы» структурно разделен на две части: «Замечательное сновидение» и «Рассказ послушницы Феклы».

⁸ Например, в виде отдельного устного рассказа, составленного из нескольких эпизодов видения (здесь ясновидящая упоминается как «Фекла какая-то»), записанного в одной из деревень Тверской области в 1989 г. См.: *Лурье М. Л., Тарабукина А. В.* Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 26.

⁹ Это подтверждает и другой вариант сочинения, где после рассказа послушницы о ее видении добавлен текст, повествующий о том, что она еще 15 дней находилась между жизнью и смертью, на 19 день ее соборовали, и после прочтения Евангелия чудесным образом она выздоровела: «И с этого дня стала поправляться, и теперь совершенно здорова, ходит на все послушания; страх ее также прошел» (Тайны загробного мира. С. 54).

¹⁰ В другом варианте видения есть уточнение о том, что Фекла происходила из Олонецкой губернии. См.: Тайны загробного мира. С. 54.

бывания в загробном мире, где ее «путеводителями» были сначала умершая от чахотки в юном возрасте родная сестра, которая проводила ее до «темного места» и скрылась, затем — «светлые юноши» и святой Георгий. Фекла оказывается в месте, где душа человека должна дать отчет о своей земной жизни. Перед ней последовательно открываются ряд устрашающих сцен страданий грешников, истязаемых демонами. Пройдя затем через вьюгу, преодолев заснеженное холодное пространство, Фекла в сопровождении своих проводников оказывается в местах блаженства («обетованной земле»), где обитают души праведников.

На пути ясновидящей встречаются ее умершие родственники (сестра, племянник), деревенские знакомые и монастырские насельницы (монахини «в мантиях белых с золотыми венцами») и другие обитатели потустороннего мира. Она называет имена некоторых из них: недавно умершая игуменья Тихвинского Введенского монастыря Рафаила, старица Людмила, мать Поликсения, «царица Дарья».¹¹ Знакомые и родственники встречают Феклу приветливой улыбкой, ласково называют Феклушей. Многие из них извещают ее о возвращении в монастырь: «тебе надо еще потрудиться в своей обители», «еще рано тебе», «вернешься обратно». Фекла встречает мученицу Варвару «с чашей в руках» (один из иконописных образов святой), удостаивается встречи с Богородицей, которая перекрестила ясновидящую три раза и велела св. Георгию возвратить «эту душу обратно». Возвращает Феклушу к жизни святитель Николай («старичок седой в блестящей одежде и в крестах»). Ясновидящая говорит о том, что он привел ее в келью, затем «пошел в большой угол и скрылся». Здесь ей вновь являются игуменья Рафаила «в парчовой блестящей мантии, на голове венец» и «благочестивая царица», монахиня Дарья, «на голове корона». Обе благословили Феклу.

В «Видении Феклы» присутствуют многие структурные элементы, присущие текстам визионерской литературы, в том числе эсхатологическим видениям.¹² Как правило, видению предшествует усердная молитва визионера, откровение происходит в «тонком сне», «в ис-

¹¹ Речь идет о царице-монахине Дарии, в миру — Анна Алексеевна Колтовская, четвертая супруга Ивана IV, которая была пострижена в монашество с именем Дария. Она много лет провела в Тихвинском Введенском монастыре, в жизни которого занимала особое место, где высоко почиталась и после кончины. См.: *Маштафаров А. В.* Дария // *Православная энциклопедия*. Т. 14. М., 2006. С. 199–201.

¹² О структуре жанра видений см.: *Прокофьев Н. И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // *Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина*. Т. 231. М., 1964. С. 35–56; *Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения». С. 21–55; подробно о жанровой специфике и топике эсхатологических видений см.: *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. С. 163–205.

ступлении ума» или в состоянии кратковременной смерти («обмирании»). В рассматриваемом случае речь, по-видимому, идет о таком «обмирании». Во вступительной части сочинения говорится о продолжительном и крепком, выходящем за пределы нормального, сне, в который внезапно после причащения погружается ясновидящая, находившаяся, как явствует из дальнейшего повествования, в состоянии какой-то болезни. В описываемом Феклой пространстве загробного мира действуют *проводники*, «*душеводители*». Важными составляющими образной структуры видения являются также следующие топосы: *мотив испытания* в греховности души ясновидящей (демоны предъявляют послушнице Фекле «хартию» с записанными на ней грехами, накопленными ею «от юности»); *мотив перехода, преодоления* какого-то препятствия (тесного пути, темной/высокой лестницы, огненной/глубокой пропасти/реки/рва, узкого мостика, холодного ледяного пространства), которые предстоит пройти ее душе. В видении присутствует также традиционный *мотив запрета*. Св. Георгий не разрешает Фекле рассказывать о том, что она видела в местах блаженства еще живых монахинь из Тихвинского монастыря, которые за свою благочестивую, праведную жизнь уже удостоены пребывания здесь после смерти: «Обратишься назад в житейское море, не говори никому про живых, кого здесь увидела, чтобы они, узнавши про себя, не возгордились. Что не запрещаю, то все можешь сказать».¹³ Второй запрет Фекла получает от отца Клавдиана, который наказывает молчать о виденных ею в ином мире монастырских насельниках «с распущенными волосами», которые из-за нераскаянных грехов были лишены возможности перейти реку: берег обваливался всякий раз при их попытке это сделать. В рассказе Феклы много раз встречается магическое число *три*, широко используемое в сказках и других фольклорных жанрах (она видит в ином мире *три* печи, в которых горели грешники, *три* головы у змеи, *три* стола посреди храма, *три* обители в местах блаженства праведников, и др.). Нужно также отметить, что число *три*, как и 33 (возраст Феклы, когда случилось видение), несет особую смысловую нагрузку и в христианской символике чисел. Многие из названных мотивов и образов имеют родственную, глубинную связь с древними представлениями и верованиями, отраженными в устном народном творчестве, а также с текстами традиционной книжности.

Каждый из элементов сложной мотивной структуры видения актуализируется в описании той или иной ситуации, в которой оказывается душа Феклы. Путешествуя в пространстве иного мира, ясно-

¹³ Собрание рукописей ИИ СО РАН. № 3/23. Л. 12. Далее при цитировании текста указание на листы рукописи приводится после цитаты в скобках.

видящая знакомится с препятствиями («мытарствами»), которые должна пройти душа человека после его смерти, и воздаяниями за грехи. Правда, слово «мытарство» звучит в ее рассказе только один раз, когда светлый юноша-путеводитель объясняет Фекле причину страданий некоего грешника, вновь и вновь падающего с высокой лестницы «в пучину»: «Этот человек прошел все мытарства, а вот это не прошел, потому что был жесток и не милосерд» (л. 9).

Душа ясновидящей в потустороннем мире исполняет одновременно роль зрителя и роль действующего лица, наблюдая ужасающие картины мучений грешников или ликование праведников и преодолевая с помощью своих проводников возникающие на пути преграды, участвуя в коротких диалогах с обитателями иного мира. Повествуя об этом, Фекла не забывает сказать и о своих впечатлениях от увиденного, описывает собственные чувства и состояние: ощущение ледящего холода, испуг, ужас (при виде демонов, «страшилищ» и истязаемых грешников). Созерцаемые послушницей сцены были наполнены звуками (она слышала громкие стенания, вопли и визг) и запахами (Фекла упоминает невыносимый смрад в месте пребывания тех, кто страдал за «содомские грехи»).

В противоположность этому Фекла описывает приятное ощущение тепла, чувство радости и восторга при посещении «обетованной земли», где росли поражающие воображение красивые цветы, возвышался величественный храм, слышалось церковное пение, «такое чудесное, что нет слов передать его», и где она повстречалась с Богородицей. Примечательно, что некоторые радостные восклицания Феклы, о которых она упоминает в своем рассказе («Господи! Господи!» и «Царица Небесная!»), слышат свидетели ее «беспробудного» сна (обитатели монастыря и приглашенный фельдшер, осматривавший больную и безуспешно пытавшийся ее разбудить). Эти возгласы фиксирует автор вступительной части, что дополнительно должно было подтвердить достоверность чуда.

В контексте видения особо значимым по своему смысловому посылу представляется описанный Феклой эпизод с платочком, которым она когда-то одарила нищего и который на весах, определяющих меру добра и зла, совершенных испытваемой душой в земной жизни,¹⁴ перевесил все ее грехи. Она рассказывает: «Здесь юноша оставил меня, и я очень испугалась, когда увидела страшилищ, которые стали меня страшить своими длинными руками. Они хотели меня схватить и бросить на весы, которые стояли посреди храмины и на которых

¹⁴ Весы здесь имеют значение символа меры, правды и справедливости. Ср.: «весы правды» — Иов 31:6: Пусть взвесят меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность.

взвешивали добрые и худые дела. Я очень испугалась, вся затряслась. Вдруг я увидела, что явился ангел-хранитель и принес мой платочек, который я дала когда-то нищему, бросил его на весы, и перетянул все мои худые дела» (л. 5–5 об.). Эпизод отражает одну из ключевых нравственных установок христианства — сострадание и милосердие к обездоленным и нищим, восходящую к Нагорной проповеди: «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36); «Просящему у тебя дай» (Мф. 5:42; Лк. 6:30). Милостыня нуждающимся традиционно рассматривалась на Руси как богоугодное и душеспасительное деяние. В репертуаре «душеполезного» чтения было множество назидательных слов на тему милосердия и милостыни, например, «Слово о милостыни, яко дая нищему, Христу дает»;¹⁵ «Слово о милостыни, яко даяи милостыню убогим, Христу дает и сторицею приимет»¹⁶ и ряд других учительных сочинений, принадлежащих знаменитым церковным писателям, которые появились на Руси вместе с принятием христианства и которые сформировали милосердное отношение древнерусского человека к нищим. «Видение Феклы» продолжает эту традицию в XX веке.

Морально-нравственный аспект имеет также не один раз обозначенная в сочинении тема моления за умерших.

Как многие эсхатологические видения на тему потустороннего мира и посмертных судеб душ праведников и грешников, «Видение Феклы» несет на себе следы влияния популярного на Руси переводного памятника византийской литературы — Жития Василия Нового, той его части, где повествуется о хождении прислужницы св. Василия, старицы Феодоры по воздушным мытарствам. Влияние, скорее всего опосредованное, через ряд других сочинений визионерской литературы. Прежде всего, оно проявляется в использовании в «Видении Феклы» самой темы «мытарств», хотя ее реализация здесь имеет свои особенности (например, количество и порядок мытарств там и там различны, как и их описание), текстуальных совпадений нигде не наблюдается. Некоторую близость между видениями можно заметить при сравнении двух эпизодов (в «Хождении Феодоры» они связаны между собой, а в «Видении Феклы» разведены, представлены в разных фрагментах). В одном из них фигурирует «хартия» (образ «хартии» содержат оба сочинения), на которой записаны грехи обоих испытуемых, о которых демоны («эфиопы», бесы) требовали дать отчет. При этом на помощь Феодоре являются два юноши, «златы власы имуща на главе украшене, бели, яко снег, крас-

¹⁵ См.: Пролог. М., 1642. Л. 73 об.–74.

¹⁶ Пролог. М., 1642. Л. 474–475 об.

не зело»,¹⁷ защитившие и оправдавшие старицу, а спасителем Феклы становится ангел-хранитель, после заступничества которого изгладилась все ее грехи, накопленные «от юности», «хартия сделалась совершенно чистая» (л. 3).

Определенную связь между обоими видениями можно отметить и в репрезентации упомянутого выше эпизода взвешивания на весах добрых и плохих дел испытываемых душ. Хотя и здесь тексты сближает лишь ситуация, в основе которой лежит традиционный устойчивый мотив, в остальном фрагменты значительно различаются по своему объему и имеют текстуальные и смысловые отличия. Так, если для оправдания старицы Феодоры понадобилось множество найденных ангелами ее благих дел в земной жизни и покровительство св. Василия (он к тому же дал ангелам «некаку керстицу червлёну, полную злата имущю» для искупления в дальнейшем ее долгов, «егда миновати ей мимо мытаря»),¹⁸ то грехи Феклы искупает лишь один брошенный ангелом на весы платочек (ее милостыня нищему), что демонстрирует душеспасительную пользу милосердия. Хотя милосердные поступки назывались и в числе добрых дел старицы Феодоры, но в «Видении Феклы» делается акцент именно на милосердии, сила которого превосходит здесь все другие добродетели.

В «Видении Феклы» отчетливо проступает дидактическое начало, которое традиционно присуще жанру видений, одна из функций которого заключалась в том, чтобы «открыть читателю истины, недоступные человеческому познанию».¹⁹ Подобные истины отражены здесь в краткой, но емкой по смысловому содержанию проповеди ясновидящей, которой она завершает свой рассказ. Опираясь на полученные ею в откровении знания о посмертном воздаянии за благие и злые дела, и осознав назидательное значение открытых ей картин загробного мира, Фекла обращается к монастырским сестрам с таким нравоучением: «Девушки, не делайте никому зла. За зло что будет на том свете, страшно и подумать!»

Несмотря на то, что «Видение Феклы» относится к началу XX века, оно, как показывает его структурное строение и содержание, во многом продолжает традиции жанра средневековых эсхатологических видений, отражающих представления о загробном мире и посмертной участи человеческой души, сформировавшиеся на основе

¹⁷ См.: Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам / Подгот. текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина, перевод М. Б. Михайловой и В. В. Семакова, коммент. А. В. Пигина // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8: XIV — первая половина XVI века. СПб., 2003. С. 498.

¹⁸ Из «Жития Василия Нового». С. 500.

¹⁹ Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения»... С. 21.

традиционных народных верований, мотивов и образов Священного Писания, произведений отцов Церкви, агиографической литературы, апокрифов и других источников.

Текст публикуется по рукописи: Собрание Института истории Сибирского отделения РАН, № 3/23. Орфография списка сохраняется. Расстановка знаков препинания выполнена в соответствии с современными правилами. Исправления, обозначенные литерой Т, сделаны по изданию: Тайны загробного мира.

л. I

Феклушин сон

л. 1

5 декабря 1902 года после причащения послушница Тихвинского^а Введенского монастыря по имени Фекла, которая спала с полчасу девятого утра до шести часов следующего, почувствовала слабость и необычайно захотела спать, так что не могла пить, а успела только с одной ноги снять чулок, так и уснула. Сразу же, как уснула, начала вздрагивать, страшно стонать. Слезы текли у нее из глаз, всю ее сильно передергивало, как бы от страшного испуга. Она, то вдруг замирала так, что едва можно было уловить ее дыхание, по всему лицу и на конечностях выступал пот. Из монашествующих^б приходили смотреть ее. Все думали, что она // до утра не доживет.

л. 1 об.

В 11 ч[асов] вечера был вызван фельдшер. Он сказал, что пульс у нее нормальный, но разбудить ее не мог. Пробовал поднять веку, но она не поднималась, рот тоже невозможно было открыть. Давал нюхать нашатырный спирт, но никакого признака пробуждения не было. И так ее оставили до тех пор, пока она сама не проснулась. С 3-х ч[асов] дня до 6-ти улыбалась, хотя и были подергивания, но видно было, что они не от испуга, а от радости. В продолжении этих 3-х ч[асов] 3 раза сказала: «Господи!», а сама улыбалась. Потом сделала движение руками, как будто старалась что-то поймать и громко на всю келию сказала: «Царица Небесная!». После этого опять лежала тихо и все улыбалась. Еще раз сказала вслух: «Господи!». И потом проснулась.

л. 2

Девица // эта живет в монастыре 17 лет, почти неграмотная, с трудом читает Посалтырь. Целыми днями находится в монастырских послушаниях благочестивой жизни, усердная в труде, скромная, одним словом, живущая в страхе Божий. В настоящее время ей 33 года. Несколько лет она прибезропотно жила, первое время говорила плохо,

^а Испр., в ркп. Тихвинского; ^б испр. по Т, в ркп. нашествующих;

так как в их деревне особое наречие. О праведных и грешных она мало имела понятия.

[Рассказ послушницы Феклы о видении]

л. 2 об. Когда я уснула, вижу, идет ко мне моя родная сестра, которая умерла 13 лет тому назад в чахотки. Ей было 16 лет от роду, девушка. На голове у нее был венчик, платье белое. Сказала она с улыбкой: «Пойдем со мной». И я пошла с нею. Шли мы полем прямо и пришли // к такому темному месту, что сказать трудно. По ту и другую сторону рвы, а в один из них иноки падали, а в другой выходили. Тут сестра моя скрылась. Ко мне явились два юноши светлые, красивые такие, каких у нас нет. Сказали они мне: «Пойдем». Я спросила их: «За что эти иноки падают в ров?» Юноши отвечают: «За свою нерадивую жизнь в монастыре они падают и встают опять, потому что нет на земле теперь наставников и руководителей. И спастись будут одними болезнями и скорбями».

л. 3 Один из юношей скрылся, а другой остался со мной, сказал мне: «Бодрствуй и крестись. Пойдем со мною вперед». Взял меня крепко за руку. Мы пошли. Место было темное, тесное. Шел он очень ско//ро, так что я с трудом поспевала за ним. Вдруг явились страшилища. Так они называются демоны. В руках у них была большая хартия, вся исписанная большими словами. Они поднесли ее к моим глазам. Я тут увидела свои грехи, от юности записанные. В это время опять явился другой юноша. Я увидела у него крылья, догадалась — это был ангел-хранитель. Он строго сказал: «Не смейте сегодня устрашать эту душу. Она причастница. И не показывайтесь!» Впереди же тут я увидела, что хартия сделалась совершенно чистая, грехи мои все изгладились. И страшилища скрылись.

л. 3 об. Тогда я с первым юношей пошла вперед. Ангел же хранитель скрылся. Путь был очень тесный, так // что я с большим трудом шла боком за своим путеводителем по темной лестнице, на которой страшилища, хотя и явились, но не ловили меня. Мы с юношей подошли к большим печам. Их было три. Около печей страшилища бегали с крюками, а в печах решетки были, точно дрова горели, которые страшилища вытаскивали из печей, точно головни, колотили молотом. Вдруг из головни делался человек, с сильным ревом бросался опять в печь. Я очень испугалась, боялась,

л. 4

что я попаду туда же. Но юноша улыбнулся и сказал мне: «Крепись и пойдем дальше». Когда мы отошли, я спросила у него: «За что эти люди посажены в эти страшные печи?» Юноша сказал мне: «Сюда попа//дают все крестиане, которые только по имени были крестиане, а дела творили неподобные. Не почитали праздников, бранились скверными словами, пировали с раннего утра. Бодрствуй и крепись», — сказал мне юноша. И мы пошли дальше.

л. 4 об.

Пришли мы к очень тесному месту, тут две высокие лестницы. Демонов на них было очень много. По одну сторону этих лестниц была пропасть, а по другую большой чан, наполненный кипяченой смолой. В этот чан бросали человека, который очень стонал, кругом чана было много людей. Я спросила у юноши: «За что же этих людей бросают в чан?» Он мне ответил: «За зло, за гордость, — это бескорыстный грех, а в пропасть // попадают за клевету и осуждения».

л. 5

Дальше мы пошли к храмину, у которой не было потолка. Из этой храмины был слышен сильный визг и крик. Когда мы вошли в нее, то я увидела множество людей. Одни из них были одеты худо, другие — совсем голые, сидели друг к другу спинами, как бы не видя друг друга. Вдруг эта храмина закулыхалась. Я спросила у юноши: «Отчего это?» Он ответил мне: «Сейчас прибыла сюда грешная душа». На мой вопрос — «Почему эти люди сидят и не видят друг друга?» — юноша ответил: «Эти люди жили на земле беспечальны, не было за ними ни худого, ни хорошего. Им нет теперь поминовения^в, потому и здесь не видят ни муки, ни отрады. Поминовением^г их можно // было искупить, поминать^д их то некому».

Из этой храмины мы вышли и опять шли таким же узким путем. И я услышала еще издали шум и визг. И когда мы опять подошли к такой же храмине, увидела, что в ней много народу. Все сидели, наклонив голову на грудь. Здесь юноша оставил меня, и я очень испугалась, когда увидела страшилищ, которые стали меня страшить своими длинными руками. Они хотели меня схватить и бросить на весы, которые стояли посреди храмины и на которых взвешивали добрые и худые дела. Я очень испугалась, вся затряслась. Вдруг я увидела, что явился ангел-хранитель и принес

^в *испр. по Т, в ркп.* повиновения; ^г *испр. по Т, в ркп.* повиновением; ^д *испр. по Т, в ркп.* помиловать;

л. 5 об. мой платочек, который я дала когда-то // нищему, бросил его на весы, и перетянул все мои худые дела. Я обрадовалась и вышла из храмины. Ангел-хранитель опять скрылся.

Ко мне явился юноша, и мы с ним пошли дальше. Но он шел так быстро, что я не успевала за ним, изнемогла от усталости. Юноша ободрял меня, говорит: «Крепись и бодрствуй». Я крестилась. Подошли к храмине, в которой был смрад, визг. В этой храмине увидела женьщину, которая сидела посреди. Платье на ней было все в кровавых пятнах, на голове точно венец, обвилась меденьца, и было много разных червей. Вокруг шеи тоже обвила змея, а пастью своей впиалась в губы, а хвостом хлопа//ла по ушам. Другая большая змея обвилась вокруг ног и пастью доставала до груди, и впиалась в нее. Она манила меня помочь ей. Около ее был прикован, как будто баран, но с лица — человек. Мне стало очень здесь страшно. Я стала умолять путеводителя, чтобы он не оставил меня. И мы с ним вышли из храмины. Я спросила его: «За что эта женьщина страдает здесь?» Он ответил мне: «Блудница она, на земле вся отдалась своим страстям, а здесь получает возмездие за дела свои».

Идя дальше, мы опять подошли к храмине, очень большой и высокой. Внизу этой храмины была большая пропасть с сильным пламенем. Среди храмины был столб, обвит змеями. На этом стол//бе были укреплены точно нары, все они шатались. На этих нарах было очень много народу^е. Все были очень страшные. И страшилища всех бросал в пропасть с дырами. Из этой пропасти демоны крюками тащили в нижнюю, где они тонули. Я очень боялась, что и меня туда бросят. Здесь был такой смрад, что я задыхалась от него. Змеи на меня разинули рты и хотели проглотить меня. А у одной змеи было три головы. Вдруг на воздухе является мученица Варвара с чашей в руках. Юноша здесь оставил меня одну. Она сказала мне: «Не бойся». Тогда опять ко мне явился ангел-хранитель и сказал: «Вот в понедельник Михаил архангел поет всем ангелам». Я спросила: «За какие грехи ст//радает этот народ?». Он ответил: «За содомские грехи».

Потом привел меня юноша к стеклянным дверям. Через них я увидела огромную комнату. Посреди были накрыты столы. На них кипели самовары, стояли вина, а на тарелках

^е вставлено поверх строки тем же почерком;

были мыши, лягушки и разная скверность. За этими столами сидел народ, другие плясали в пламени. И все эти люди кричали, точно чего требуют. И страшилища обливают их кипятком. Юноша на мой вопрос ответил: «Они не считали праздников, рано во время обедни пили, ели и пьянствовали».

л. 7 об.

Недалеко от этого народа целая партия плясали в пламени. Они перестанут плясать, а их снова заставляют. «Это за то, сказал, что они // во время службы плясали, занимались разными играми». Около этой храмины я увидела женщину, которая ходила и щелкала зубами. Во рту у нее была положена сулема. Она старалась то выплюнуть, то проглотить и не могла. Юноша сказал, что это за сладкую пишу.

Тут опять мы вошли в храм. Там я увидела несколько человек, привязанных за середину живота и за язык к потолку повешаны. Они очень стонали. Мне сделалось очень страшно. Я спросила у юноши: «За что они повешаны так?» — «Эти люди кумовья, жили худо, имели плотский* союз между собою».

л. 8

Потом мы опять пошли темным путем и подошли к храмину. Когда вошли в нее, я // увидела, что человек стоит посреди храмины. В уши у него продеты раскаленные докрасна цепи, краями прикованы к двум противоположным стенам, а язык вытянут. И два страшилища режут его тупым ножом горячим. А [у] другого человека из ушей пышит пламя. Я спросила юношу: «За что такие мучения?» Он ответил мне: «Первый разговаривал в церкви, другой стоял не внимательно, не слушал пение и чтение, вертел головой. И вот за это он прикован здесь цепями. У третьего пышет пламя из ушей. Это[т] человек слушал клевету и передавал ее другим».

л. 8 об.

Из этого храма мы перешли к ледяному колодцу, у которого сидела женщина. Она разливала поварежкой воду в обе стороны. Я спро//сила юношу: «Что эта женщина делает?» Он ответил мне: «Она при живности своей продавала молоко и разводила его водой. Вот за это ее заставили отделять воду от молока».

От этого колодца был темный, тесный путь. Юноша шел скоро, точно летел, а меня он уже тащил за руку, потому что я не могла поспевать за ним. Я сказала ему, что я не

* испр. поверх строки тем же почерком, первоначально плодский;

л. 9

могу больше идти, а он сказал мне: «Крепись и иди!» Я почувствовала, что мы вышли на лестницу, прошли две ступени, вошли на третью. Вдруг к нашим ногам упал человек и свалился в пучину, которая была под лестницей. Страшилища опять стали являться, и я очень испугалась. Когда мы прошли лестницу, я // спросила у путеводителя: «За что этого человека ввергли в пучину?» Он ответил: «Этот человек прошел все мытарства, а вот это не прошел, потому что был жесток и не милосерд».

л. 9 об.

Идя от этой лестницы, я едва опять поспевала за юношей, как он быстро шел. Вдруг я услышала страшный шум, а впереди увидела пламя. Путеводитель скрылся, и очутилась огненная река, в которой вода сильно волновалась, не такими волнами, какие бывают от ветра, и как-то особенно крутилась. В этой реке народу было много. Через эту реку были перекинута две тонкие жердочки. И я увидела своего путеводителя на другой стороне реки. Он говорил мне: «Переходи сюда». А я говорю ему, что я боюсь, упаду в реку и не могу идти. // «Иди, не бойся», — говорил мне юноша. Ведь ты меня знаешь». «Нет, я не знаю тебя, — отвечала я ему. — У нас нет таких, как ты». Он опять говорит мне: «Ты знаешь меня от юности, ты любила меня, молилась мне, и я привел тебя и устроил в обитель. А теперь ты меня забyla. Вот уже два года и не молишься мне». «Нет, я не знаю тебя», — отвечала я ему опять. «Я великомученик Георгий», — сказал он мне. И с этими словами приблизился ко мне. До него страшилища гнали меня. Говорят: «Никому не миновать этой реки». Св. Георгий взял меня за руку и повел через реку. И ангел летит. По обоим сторонам образовались две стены, так что я не видела реки и без боязно перешла на другую сторону с св. великомучеником Георгием. //

л. 10

И мы пошли. В реке народу было множество. Все они как будто старались выпрыгнуть, но снова окунались и громко кричали: «Люто мне в реке!» Я увидела мужика из нашей деревни, который кричал мне: «Зачем ты здесь? Уйди отсюда, тебе не вынести ни одной искры этого пламени!» В это время я почувствовала, что искра упала мне на руку левую, и я вздрогнула. Я спросила у св. Георгия: «За какие грехи здесь страдают эти люди?» Он ответил мне: «Здесь будут все самоубийцы и христиане, которые только назывались христианами, а дела делали не христианские. Все эти люди будут ниже неверных в этой реке, и освободить душу из

этой реки очень трудно. Надо много молитв и трудов для освобождения».

л. 10 об. Мы шли берегом. Народу в реке // было все меньше и меньше. Наконец подошли к широкому месту, перешли через него в другое место. Я увидела глубокий снег. Был сильный ветер и вьюга, так что я шла с большим трудом, едва вытаскивала ноги. Было ужасно холодно, так холодно, что я чувствовала, что все мои члены начинают стыть от холода. Тогда св. великом[ученик] Георгий сказал мне: «Бодрствуй и крепись!» Подошли к большому полю. Оно было покрыто льдом. Лед был очень толстый. И опять была сильная вьюга. Здесь св. Георгий скрылся от меня. Тут я увидела иноков, по одежде. Сидят они, волосы у них распущены, все трясутся от холода и сильно щелкают зубами.

л. 11 Мне стало очень их жаль. Я думаю, за что же эти // иноки попали? И не видя св. Георгия, я за себя испугалась, думала, что и мне здесь придется остаться. Но вот я почувствовала, что меня как будто теплом обдало. Вдруг я увидела около себя св. Георгия. Он сказал мне: «Эти иноки жили в обители, а нося ризу Царицы Небесной, жили беспечно, нерадиво несли послушание и роптали на трапезу, и много колотили языками. А здесь Господь их заставил колотить зубами, а по молитвам Царицы Небесной они избавлены от всякого пламени».

От этого поля мы пошли дальше. Я чувствовала, что все становится теплее. Необыкновенный свет разливался по тому месту, по которому мы шли. Вдруг я увидела поле огромное, покрытое травой и цветами. // Посреди протекала небольшая речка. Св. Георгий сказал: «Это обетованная земля и кроткие наследуют ее». Мне стало так радостно и весело, что я стала улыбаться. И чем дальше мы шли, тем больше становилось травы и цветов красивых. Свет становился светлее, как бы светило ни одно солнце. Среди этого поля стоял огромный храм, а близь него стоит проходной коридор, где висело много черных мантий, в которых хоронят, а их заменяют белыми, а кто недостоин, то будут казаться черные, как головешки. Я видела несколько таких, но не узнала, им нет ни мучения, ни огня. Они не достойны, чтобы развязать им руки. Мы вышли на паперть, я услышала пение, да // такое чудесное, что нет слов передать его! Пели «Свят, свят» и «Воскресение Твое Христово видими». Внутри храма была такая красота, что и передать

невозможно. Двери, которые вели в храм, были точно из бисера и сияли разными огнями. В храме было очень много икон, около них стояли монахини. По обширности храма их казалось очень мало. Я узнала некоторых, живых еще, наших монахинь и послушниц. Но св. Георгий сказал мне: «Обратишься назад в житейское море, не говори никому про живых, кого здесь увидела, чтобы они, узнавши про себя, не возгордились. Что не запрещаю, то все можешь сказать». В храме так было чудно хорошо, что я воскликнула: «Господи!» // Посреди храма была огромная гора, точно хрустальная, переливалась она разными радугами. Я хотела взглянуть³, что меня сразу ослепило, и я скорей опустила голову. Св. Георгий сказал мне: «Храм этот приготовлен для последних иноков, но мало их будет! Нет теперь на земле наставников и руководителей, и немногие могут спастись. Но зато какие блаженства Господь уготовал им!»

л. 12 об.

Удивляясь всей этой красоте, я только могла говорить: «Господи, Господи!»

Вдруг св. Георгий сказал: «Смотри, это Царица Небесная спускается сюда». Я взглянула, увидела величественную Жену, красоты неизреченна, в короне, в порфире. Она спускается по воздуху, улыбается и близко подлетела ко мне, так что я хотела обеими руками охватить ее. // И я воскликнула: «Царица Ты Небесная!» Она, улыбаясь, перекрестила меня три раза и тихо сказала: «Св. Георгий, возврати эту душу обратно». Он сказал мне: «Молись ей всегда, она заступница всех христиан. День и ночь она молится перед Сыном и Богом. Особенно молится за иноков, чтобы они не посрамили ризы Ее^и, которые носят».

л. 13

Тут я увидела, что все попарно идут, прикладываются. И я со св. Георгием прикладывалась, на налое лежало Евангелие и икона Знаменье Божией Матери.

Когда мы вышли из храма, вошли в другой храм. Посреди храма стояли три стола. Вокруг этих столов стояли прекрасные юноши и сидели^к отроки^л, плели венки из разных цветов, которые были насыпаны на всех столах в великом // множестве. Юноши эти учили отроков. Я увидела своего племянника, который умер в этом году. Он, увидя меня, улыбнулся, но не подошел ко мне. Мне сделалось

л. 13 об.

³ вставлено поверх строки тем же почерком; ^и вставлено поверх строки тем же почерком; ^{к-л} вставлено поверх строки тем же почерком;

очень обидно, что он не заговорил со мной. Здесь я долго стояла, и не хотелось уходить, но св. Георгий взял меня за руку, и мы вышли из храма. На мой вопрос «Для кого плетут эти венки?» — св. Георгий сказал: «Для младенцев».

л. 14 От этого храма я увидела три обители. Св. Георгий сказал мне: «Этот обитель веденских игумений». Когда мы пошли к ним, то из одной обители вышла, недавно умерла, наша игуменья Рафаила. Она обратилась ко мне и сказала: «Ты Феклуша здесь уже? Да я тебя еще не возьму, тебе надо еще потрудиться в своей обители». Еще спросила она у меня: «Как поживаете?» // А когда я стала ей рассказывать, то она сказала мне: «Я знаю все, знаю. Помоги, Господи, матушке Аполинарии. Я за нее, за всех сестер молюсь». Когда матушка отошла от меня, я пошла к красивому домику. У дверей домика я увидела свою старицу, монахиню Людмилу. Она отворила мне дверь и радостно сказала: «И ты пришла сюда, да тебе еще рано. Я не возьму тебя». Она ввела меня в келью, где было множество икон. Здесь было у нее очень хорошо. Потом она села к столу и что-то писала. Вдруг послышался звон и старица сказала: «Теперь иди домой, мне надо идти к обедни». Когда я вышла от нее, то встретила мать Поликсению. Она очень обрадовалась, когда увидела меня. И сказала: «Феклуша, ты уже здесь? Еще рано тебе». Крепко меня обняла и пока//зала свою келью. Это был красивый одноэтажный домик. Она сказала: «Я все знаю, молюсь за своих келейных и жалею их». Когда она отошла, я встретила свою старшую при молочном на скотном дворе. Она тоже очень обрадовалась, крепко меня обняла, говоря: «И ты Феклуша пришла к нам?» Спросила я: «Матушка, ведь вы умершие, хорошо ли вам здесь?» «Было раньше не особенно хорошо, — отвечала она, — сама знаешь, с народом жила, много греха было, но сестры умолили за меня. Теперь мне очень хорошо». Она отошла от меня. Я осталась стоять среди поля.

л. 14 об.

л. 15 Тут явился св. Георгий, и мы пошли дальше. Поле становилось все красивее, вдали виднелись ворота. Вдруг я увидела, что посреди поля идут монашествующие, все больше полками, в белых светлых и парчовых // мантиях, в золотых и серебряных венцах. Много шло святителей в золотых одеждах, в венцах, с крестами. В пятом полку я узнала своего священника, очень хорошей жизни был. Впереди монахинь шли игумены с посохами. Много узнала своих

умерших сестер в мантиях белых с золотыми венцами, а другие в белых [с] серебряными венцами. У некоторых в руках были букеты из чудных цветов. Все знакомые монахи кланялись мне и улыбались, а одна послушница сказала: «Феклуша! И ты пришла к нам? Да не совсем — вернешься обратно». Во главе священства святитель, весь в золоте и с крестом в руках. В 5-м полку пребольшого монастыря, а около диакона с крестом в руках. Все они были веселые и как будто в одних годах, лет 30.

л. 15 об. Мирские шли по // краям обеих сторон. Их было так много, как в воздухе комаров. Все они проходили в ворота. Вдруг я увидела около меня старичек седой в блестящей одежде и в крестах. Я узнала в нем свят[ителя] Николая. — «Пойдем, теперь тебе надо возвратиться обратно». И мы с ним пошли. Тут я никого не видела. Пришли мы на другое поле, которое похоже на нашу сенокосную поляну, только течение реки как будто другое — с восточной стороны. На этом поле я увидела своих монахинь и послушницу, которые косили траву. А некоторые гребли сено, и светло было у них. Они пели очень хорошую псалму «Пресветлый Ангел мой Господень».

л. 16 Вдруг в воздухе блестнуло что-то, и я увидела небольшой венчик над // тем местом, где работали они. Он был золотой и все делался больше и больше. Наконец он делался во всю поляну. То он поднимался, то опять опускался. А с восточной стороны идет игуменья с посохом, но я не узнала, которая. А сама все крестит всех.

Тут я оглянулась и посмотрела за реку. Там было очень темно. На самом берегу стояли наши живущие в монастырях. Волосы у них были распущены. Им, по-видимому, хотелось перейти на эту сторону, но как только они подойдут ближе, берег реки начнет обваливаться. Они вместо того, чтобы приближаться, все дальше отходили. Мне стало их жаль.

л. 16 об. Вдруг явился ко мне в облачении с крестом о. Клавдиан^м. Он сказал мне: «Не говори никому, кого ты видала за рекой. Они, быть может, милосердием // Божиим и покаются». После этих слов опять увидела около себя святителя Николая. Он сказал мне: «Теперь пойдем, я провожу тебя». И точно, мы пришли в келью. Я легла на кровать, а он пошел в большой угол и скрылся.

^м *испр. по Т, в ркп. о. Кловдион.*

Вдруг в келью открывается дверь, входит умершая наша матушка, игуменья Рафаила в парчевой блестящей мантии, на голове венец. За ней входит другая манахиня, высокая, черная, одежда на ней еще светлее, на голове карона. Она стояла позади матушки игуменьи и улыбалась. А матушка подошла ко мне и сказала: «Вот ты теперь больная, пособируйся, поправляйся. Тебе еще надо потрудиться в нашей обители». Тут матушка три раза перекрестила меня. Я спросила матушку: «Кто это // с Вами?» Матушка ответила мне: «Это наша благоверная царица, манахиня Дарья». Она стоит и улыбается. Издали перекрестила меня. И обе скрылись.

После этого я проснулась, оглянула взглядом свою келью. Какая грязная, мрачная казалась она мне после такого, чего видала. Я вслух сказала: «Зачем я проснулась, зачем опять на земле среди этой грязи?» Сначала я не узнала никого, кто был около меня, такие они мне казались дурные, черные после тех, кого я видала в поле и которые шли полками. Немного погодя я совершенно пришла в себя, узнала всех. Первое слово к ним было: «Девушки, не делайте никому зла. За зло что будет на том свете, страшно и подумать!»

ИИ СО РАН, № 3/23. I, 16, II л.

Список литературы

- Демин А. С. Путешествие души по загробному миру (в древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. М., 1994. С. 51–74.
- Знаменский А. Г. Тайны загробного мира: Свидетельства об умерших, о бессмертии души и о загробной жизни // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/fiction/tajny-zagrobnogo-mira/3/> (дата обращения: 03.05.2025).
- Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам / Подгот. текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина, перевод М. Б. Михайловой и В. В. Семакова, коммент. А. В. Пигина // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. СПб., 2003. С. 494–527; 575–578.
- Лурье М. Л., Тарабукина А. В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22–26.
- Маштафаров А. В. Дария // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 199–201.

- Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 551–557.
- Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. 428 с.
- Прокофьев Н. И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Т. 231. М., 1964. С. 35–56.
- Ромодановская Е. К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях: К вопросу о специфике жанра видений // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 141–156.
- Тайны загробного мира / Сост. архим. Пантелеимон. Калуга, 1999. 319 с.
- Чудесное сновидение, виденное послушницей Тихвинского Введенского монастыря 5-го декабря 1902 года. Одесса, 1909. 16 с.
- Чудесное сновидение послушницы Тихвинского Введенского монастыря Феклы. М., 1913. 24 с.
- Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. С. 21–55.

ИЗ ЭКСПЕДИЦИЙ РАЗНЫХ ЛЕТ

В заключительный раздел сборника мы поместили мемуары участников сибирских археографических экспедиций разных лет, с 1966 по 2000-е годы. Обращаясь с просьбой написать воспоминания, мы предоставили их авторам полную свободу, как жанровую и стилистическую, так и сюжетную. В основном все авторы начинали свою экспедиционную жизнь как археографическую практику, будучи студентами. Из Новосибирского университета в старообрядческие скиты отправлялись ученики Н. Н. Покровского, Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской, к которым присоединялись специализировавшиеся у Н. С. Демковой студенты Ленинградского университета. Не все из них в будущем стали профессиональными археографами. Это обстоятельство очень интересно отразилось на текстах воспоминаний: каждый из написавших выстроил его так, как хотел, и описал то, что ему запомнилось больше всего — от искомых рукописей и старопечатных книг до бытовых, порой даже комичных, подробностей.

Н. Н. Покровский, А. П. Окладников и В. Н. Алексеев с рукописями, привезенными из экспедиции. Середина 1960-х гг.

М. Ю. Новицкая

Независимый исследователь, Москва

ДАР СИБИРСКОЙ ЗЕМЛИ

В статье приводятся воспоминания о трех сибирских археографических экспедициях 1966/67, 1967 и 1968 гг. в Забайкалье, по Енисею и на Алтай. Публикуется письмо старообрядца Лазаря Ермиловича Иванова, сохранившееся в архиве автора.

Ключевые слова: археографические экспедиции, Сибирь, старообрядческая культура

Поминайте наставники ваша...

Евр. 13:7

Тем, кто стал студентом НГУ в 60-х годах XX века, очень повезло. Мы сразу очутились в центре кипучей научной жизни, нас учили преподаватели, для которых наука была естественным способом повседневного существования. При этом уникальная атмосфера Новосибирского Академгородка тех лет была насыщена культурными событиями, интересными каждому вне зависимости от специальности, которой он владел или овладевал. В Большую Физическую аудиторию Главного корпуса студенты и специалисты всех факультетов, включая механико-математический, приходили слушать лекции Д. С. Лихачева, А. И. Рогова, А. А. Зализняка, Н. Н. Покровского и многих-многих замечательных ученых нашей страны. В Концертном зале Дома ученых звучала прекрасная музыка в исполнении великолепных музыкантов. В кафе «Под интегралом» кипели страстные споры на самые жгучие темы современности...

Вот в эту пору и произошло *археографическое открытие Сибири* — по точному слову академиком Дмитрия Сергеевича Лихачева и Александра Михайловича Панченко. Это масштабное научное явление определило становление профессиональной судьбы многих историков и филологов — студентов НГУ и других сибирских вузов. Краешком оно задело и меня, ставшую в 1966 году студенткой гуманитарного факультета.

С первого курса юные историки и филологи шаг за шагом вступали в научную орбиту замечательных ученых — Алексея Павловича Окладникова, Валентина Александровича Аврорина, Кирилла Алексеевича Тимофеева, Михаила Иосифовича Рижского, Виктора Георгиевича Одинокова, Николая Николаевича Покровского, Марины Михайловны Громыко, Нины Викторовны Ревякиной, Майи Ивановны Черемисиной, Анатолия Пантелеевича Деревянко, Рус-

лана Сергеевича Васильевского, Елизаветы Ивановны Убрятовой, Елены Ивановны Дергачевой-Скоп, Елены Константиновны Ромодановской. С любовью и благодарностью произношу имена и отчества наших Учителей, подаривших моим сокурсникам и мне наше будущее. Под их руководством мы, студенты, ездили в археологические, фольклорно-этнографические, диалектологические, археографические экспедиции. Возвращаясь, непременно делились друг с другом обретенным опытом. Историки посвящали в специфику работы на раскопах и увлекательного изучения петроглифов. Окунувшиеся в глубину народной жизни новоиспеченные диалектологи, фольклористы и этнографы удивляли своими материальными и нематериальными находками в сибирских селах. А тунгусо-маньчжуроведы поражали нас, славистов, экзотическими картинками быта и культуры эвенков после своих экспедиций в Эвенкийский национальный округ на территории Красноярского края. Такой обмен разнообразными знаниями в неформальной обстановке общежития, на семинарах, студенческих конференциях исподволь порождал широту интересов, воспитывал умение сопоставлять и ценить методики разных научных дисциплин, учил видеть свои маленькие открытия в контексте единого потока человеческого бытия с древности до современности.

Как щедрый дар судьбы воспринимаю три археографических экспедиции, в которых довелось принять участие. Не беру на себя смелость раскрывать научную ценность каждой из них. Этот великий труд представлен как отдельными книгами, в которых опубликованы обретенные в экспедициях памятники, их текстологический, исторический и филологический анализ, так и в серийных сборниках «Археография и источниковедение Сибири», «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока» и многих-многих других. Моя цель — постараться вспомнить и, насколько смогу, передать субъективное впечатление от личного открытия в юности трех разных краев Сибири, ее грандиозной природы, своеобразной культуры, могучей духовной силы, жизненной мощи характеров, судеб встреченных в экспедициях людей, их потомков, удивительную глубину мыслей, знаний своих спутников и наставников, составивших цвет сибирской археографической школы.

Первая экспедиция — в Забайкалье, зима 1966/67 гг. Руководила экспедицией Е. И. Дергачева-Скоп, она с первого семестра увлекла меня, первокурсницу, лекциями по фольклору и древнерусской литературе. Сдаю первую университетскую сессию досрочно — и в путь. Участником экспедиции был Владимир Николаевич Алексеев. Если не ошибаюсь, сначала мы проходили практику в Научной библиотеке Иркутского университета и в Бурятском комплексном научно-иссле-

довательском институте СО АН СССР в Улан-Удэ. Описывали старопечатные книги: помогали в атрибуции памятников и одновременно в процессе работы учились этому кропотливому делу. Кажется, до сих пор чувствую в руках тяжесть книг, вижу особый цвет бумаги, ощущаю фактуру и запах страниц, на свет рассматриваю диковинные водяные знаки, разбираю и отмечаю рукописные пометки на полях или по нижнему краю листа — постигаю азы археографического анализа. Начало экспедиции запомнилось, конечно, резным кружевом деревянных домов Иркутска. Доброжелательные старшие коллеги в Улан-Удэ порадовали рассказом о восточных рукописях и даже разрешили подержать в руках некоторые из бесценных сокровищ.

После практических занятий мы отправились работать в селах Тарбагатайского и Мухоршибирского районов Бурятии. Основные жители их — русские, семейские старообрядцы. Завораживали сами топонимы Забайкалья. А когда приехали в первое село — Тарбагатай, были поражены его красотой и полной гармонией с природой: чистейший снег, сверкающий серебром под лучами яркого сибирского зимнего солнца на синем небе. И на лилейном фоне белейшего снега — крепкие избы, рубленные из золотистых бревен лиственницы! Эта картина никогда из памяти не изгладится, в селах Новосибирской области таких домов не было.

Работа экспедиции началась с фольклорно-этнографической ее составляющей. В Тарбагатае нас щедро, открыто, доброжелательно знакомили с комплексами традиционной женской и мужской одеж-

Семейская горница. Тарбагатай, Республика Бурятия

ды. Объясняли и демонстрировали, как, в каком порядке надевались составные части головного убора — кички; показывали секреты кроя и украшения рубахи, сарафана, за́пона; удивляли ткаными узорными поясами. А самое потрясающее по красоте — знаменитые семейские «янтары», ожерелья из крупных, тяжелых, продолговатых или круглых янтарных бусин ярких, насыщенных цветов. Очевидно, мы приехали в дни зимних, рождественских святок, поэтому помнится общая радостная праздничная атмосфера музыкально-плясового характера наших встреч с информантами, но репертуара песен и игр не воспроизведу. Возможно, это были разрозненные и фрагментарные образцы хороводно-игровых, плясовых и шуточных песен, приуроченных к праздничной внеуставной части зимнего святочного цикла в традиционной жизни села.¹ Задача записывать текст не ставилась, думаю, от того, что внимание собирателей сосредотачивалось на знакомстве с материальными артефактами семейской культуры — особенностями народного костюма. А информанты лишь спонтанно отрывками песен и танцевальными движениями расцветчивали свой рассказ о них. К тому же и профессионального музыканта в составе экспедиции не было.

Следует сделать еще одно замечание: особенность жизни семейских в Забайкалье состоит в том, что уже с 1930-х гг. во многих селах возникли постоянные хоровые коллективы, которые активно и до сих пор выступают в городах и селах не только Сибири, участвуя в фольклорных праздниках России.² Приблизительно в это же время стали формироваться первые сельские музеи в семейских селах, связанные с осознанной потребностью их жителей сохранить память о своей культуре для потомков. Очевидно, этой заботой о сохранении историко-культурной памяти семейского сообщества объясняется та открытость в общении, которая встретила нас в экспедициях более 50 лет назад.

Археографическая часть работы Забайкальской экспедиции отмечена памятью о встрече в селе Новый Заган Мухоршибирского района с супружеской парой Лазаря Ермиловича и Афанасии Ефимовны Ивановых. Их судьба как часть драматичной истории страны, бережное внимание друг к другу стали для меня образцом стойкого перенесения жизненных испытаний, примером истинной человечности, неизменной в тяжелых обстоятельствах. Постараюсь показать, что поняла за относительно недолгое время общения с супругами.

¹ О песенном фольклоре, приуроченном к календарным праздникам в культуре семейских Забайкалья, см.: *Дорофеев Н. И.* Русские народные песни Забайкалья: Семейский распев. М., 1989. С. 12–14.

² См.: *Элиасов Л. Е.* Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969.

Село Новый Заган, Мухоршибирский район Республики Бурятия

Село, куда мы приехали с В. Н. Алексеевым, исторически состоит из двух частей. Первым русским поселением в Тугнуйской долине стал Старый Заган. Он был основан в 1698 г. казаками Селенгинского острога, которых привлекли сюда сведения русских землепроходцев о богатствах Забайкалья. Позже, в XVIII веке, семейские старообрядцы, высланные с Ветки в 1764 г. на восток Российской империи Екатериной II, основали в 1767 г. неподалеку от Старого Загана село Новый Заган.

Подымаемся на крыльцо небольшого дома, обметаем веничком снег с обуви. Хозяева приветливо встречают приезжих. Знакомимся. И хотя годимся хозяевам во внуки, величают нас по имени-отчеству, как и заведено в доброй старине. Начинается беседа Владимира Николаевича с Лазарем Ермиловичем о старопечатных книгах. Не помню, кто еще из студентов был и был ли в нашей группе. Стараюсь учиться логике археографического поиска книжных следов в цепочке вопросов и ответов беседующих мужчин. Афанасия Ефимовна спокойно и уважительно присутствует чуть в отдалении, не вмешиваясь, не перебивая мужской разговор на серьезную книжную тему.

Но вот постепенно, в ходе беседы, Лазарь Ермилович начинает вспоминать о своей жизни: о тяжелых годах крестьянского детства и юности, когда с семи лет отец приставил его к бороне, а с десяти уже пахал, косил траву, жал серпом хлеб, молотил, заготавливал с отцом

дрова в лесу, пилил... Словом, практически выполнял всю повседневную мужскую крестьянскую работу. И мечтал учиться, но учиться было негде и некогда: мать умерла, когда Лазарю было 15 лет, оставив семерых детей. В 18 лет он все же самостоятельно выучился читать и писать по Азбуке. В 20 лет — отправился на золотые прииски. А в 1914 году началась Первая мировая война. И после короткой войсковой подготовки Лазарь ушел воевать на Австро-Венгерский фронт. Героически сражался, был разведчиком, ранен, контужен, получил в награду Георгиевский крест и медаль «За отвагу». А во время тяжелого боя он попал в плен, вместе с другими пленными оказался в лагере, голодал, выполнял тяжелую работу на каменоломнях. Затем в Венгрии попал по распределению в венгерскую крестьянскую семью, где прожил два года, привычно исполняя знакомые ему крестьянские труды, и даже встречался с тремя сыновьями хозяев, которые воевали на фронте и, приезжая на побывку домой, относились к работнику с уважением, считая его, как и родители, за члена своей семьи. И, наверное, были бы рады, если молодой умелый работающий мужчина у них бы и остался...

Воспоминания Лазаря Ермиловича разворачиваются как роман, слушаю его с большим интересом, задаю вопросы. У Афанасии Ефимовны — теплый свет в глазах, глубокое понимание мужа, сопереживание и молчаливое соучастие в беседе. А супруг рассказывает дальше, как он возвращался из венгерского плена осенью 1918 года домой: шел пешком, ехал на крышах вагонов, на тормозных площадках, в начале зимы 1919-го добрался до отчего дома, на родину. А в феврале женился на своей суженой.

Но если в сказках — «честным пирком да за свадебку», то у них все было скромно, без венчания: в стране революция, острая борьба с отрядами белой армии атамана Семенова, барона Унгерна, с японцами, участие фронтовика в партизанских отрядах Прибайкалья... Лживый навет на группу односельчан, одного расстреляли, других судили, среди осужденных — и Лазарь, лишение свободы. Афанасия Ефимовна одна растит четверых детей, ведет домашние дела и крестьянскую работу справляет: пашет, сеет, убирает, молотит хлеб, косит сено, ухаживает за скотом. Освободился из заключения Лазарь Ермилович, а вскоре началась и Великая Отечественная война, мобилизация, трудные военные и послевоенные годы.

Кульминацией воспоминаний стал рассказ Лазаря Ермиловича о его письме в Венгрию в начале 1960-х годов и о переписке с венгерской семьей, где он жил и работал в плену, став по сути родным человеком. Его помнили, с радостью ждали в гости. Да не только семья хозяев, а и все соседи вокруг. А когда Лазарь Ермилович приехал

Бабушка Анастасия
Афанасия Ефимовна,
рожд. 1894 г. Дарю на добрую
и долгую память от бабушки
С. Заган (Новый)
М-шибирский р-н,
Улан-Бурятская АССР
4/XII-67 г.
На добрую долгую
память от бабушки.

Это фото я дарю на до-
брую и долгую. Память от
Марины Юрьевны Но-
вицкой. Иванов Лазарь
Ермилович. 1891 г. рожд.
7-го ноября старова стили. А пишу 4/XI 67 г. Село Но-
вый Заган. М-шибир. Р-н
Бурят. АССР. До свидания

Афанасия Ефимовна и Лазарь Ермилович Ивановы. Надписи на оборотах фотографий: «Бабушка Анастасия (зачеркнуто) Афанасия Ефимовна, рожд. 1894 г. 9 октября по старому стилю. С. Заган (новый) М-шибирский р-н Улан (зачеркнуто) Бурятская АССР. 4/XII-67 г. На добрую долгую память от бабушки»; «Это фото я дарю на добрую и долгую Память Марины Юрьевны Новицкой. Иванов Лазарь Ермилович. 1891 г. рождения 7-ое ноября старова стили. А пишу 4/XI 67 г. Село Новый заган М-шибир. Р-на Бурят. АССР. До свидания»

гостевать, то встретился не только с многочисленными венгерскими друзьями, но и со своей венгерской дочкой, и с внучкой!

Мы с нашими археографическими поисками старопечатных раритетов пришли в дом Лазаря Ермиловича и Афанасии Ефимовны, когда недавние события венгерской поездки были для них все еще близкими, памятными, животрепещущими. Ни словечка не проронила Афанасия Ефимовна за все время рассказа мужа о прошлом, на добром лице ее не было и тени ревности, а лишь понимание, любовь, теплое чувство радости за родного человека. Поразили истинные деликат-

ность, особое благородство, неподдельное уважение мужа и жены по отношению к друг другу, проявляющиеся в скромных скупых жестах, в интонациях рассказчика, в глубоком постижении его чувств молчаливой супругой. И ясно ощутимая в рассказе Лазаря Ермиловича и тихом облике Афанасии Ефимовны порядочность и человечность всех участников этих событий, включая далеких венгерских друзей.

Публикуемое письмо, пришедшее из села Новый Заган в ответ на мое поздравление дружных супругов с новым 1968 годом, их фотографии с надписями на обороте, надеюсь, дополняют подробности того, как прошел один из дней давней археографической забайкальской экспедиции. Свою фотографию Лазарь Ермилович подписал сам, фотография Афанасии Ефимовны подписана мной под ее диктовку.

Здравствуйте!³

Дорогие наши новые друзья: Марина Юрьевна, Владимир Николаевич. С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями к вам: дед Лазарь, баба Афанасья. Моя сестра Евдокия, ее муж Фетис. Мы все единодушно желаем вам доброго здоровья, личного счастья, в учебе хорошего успеха а главное, долгих лет спокойна жить на земле. Дорогая Марина Юрьевна, большое Вам и Владимиру Никол спасибо. За письмо, за ласковые приветы, за поздравление с новым 1968-м г. За добрые пожелания нам. Мы благодарны и рады за то, что вы не забыли нас. Я ваши приветы передал сестре и всем, кому вы написали и кто вам дал книги, где мы были с вами. Дорогие друзья: Марина Юрьевна, Владимир Никола. Поздравляем и мы вас с новым 1968 годом и еще раз желаем вам отличного здоровья. Сообщаю насчет книги. Я хотел ее вам послать, а той человек мне не разрешил и взял ее у меня и сказал. Я ее вышло у кого я взял ее. Извините, вот так неважно для меня получилось. М. Ю. Вы пишете, что ваша Академия оценила Ваш труд. Вы дали Академии большую пользу и нам тоже приятно, что вы такое важное дело проявили. Пару слов о себе. Здоровья у нас почти прежние. С Венгрии письма получаю. Мои венгерские друзья все живы и здоровы. Зима теплая 5%. Да, похвастью — в наших Загани 7 человек 15/XI 67 г наградили Государственной наградой за участие в Партезанском движении 1919–1922 годы, я тоже получил медаль За отвагу. Большое спасибо Партии и Правительству за их заботу о нас.

Дорогие друзья: Марина Юрьевна, Владимир Николаевич. Может быть придется Вам побывать еще когда либо. Просим вас, побывать и у нас. Здоровья наша остается пока прежним. Спасибо вам. Живем тоже без изменения. Да, мне тоже, Марина Юрьевна, Ваши разговоры со мной очень понравились и часто приходят в мою мысль. Зато, что вы девушка очень приветливая. Желаю вам найти такова же друга в жизни вашей. От такова паренька, как Владимира Никол-ча. Володя паренек неплохой! Я Вам рекомендую его. До свидание уважающий Вас Лазарь, Афанасья.

10/II 1968 г. Да, на счет заметки в Бур. Правду, о нашем селе. Пожалуйста на пишите. Мы будим рады И когда напишите, Сообщите мне.

³ Орфография и пунктуация источника сохранены.

В нашем замке 2 часов 15/10 68 нарядили
 Государственный музей, за ужином в баре -
 замком двести 1000 рублей, в том числе
 Мадонна за работу. 10 часов вечера в
 Травяной воде, за кр. работу она.
 Дорогие друзья. Марина Горбачева, Владимир
 Кавалевич. Много всего придется вам надеяться
 еще когда кто, просит вас, чтобы вы и
 у нас. Здоровья много, все идет. Мама Марин-
 ны. Выходит время. Провели много, 10-
 12 часов. Да, мне тоже. Марина Горбачева,
 Виталий Кавалевич. Сестра, Оленья Кавалевич,
 и Кавалевич. Виталий Кавалевич. Жалею, что
 вы не можете. Оленья Кавалевич. Моего
 братишки. Кавалевич. Друга в жизни. Виталий
 Кавалевич. Как Владимир. Кавалевич.
 Друзья, прощай. Не плачь! Я. Я. Я. Я. Я.
 Друзья. Уважением вас. Кавалевич, Кавалевич,
 10/10 1968. Да, на этот замочек, в Бур-Бур,
 Виталий Кавалевич. Кавалевич. Кавалевич.
 Да, Бур-Бур. Кавалевич. Кавалевич. Кавалевич.
 Кавалевич. Кавалевич. Кавалевич.

Письмо Лазаря Ермиловича Иванова Марине Юрьевне Новицкой
 и Владимиру Николаевичу Алексею. 10 февраля 1968 г.

претворилось в сон. Вижу себя в зеркале, будто отражаю бороду,
 как у Александра Михайловича. Мама мне говорит: «Марина, сбрей
 бороду, нехорошо!» — Отвечаю: «Мама, не могу. Мы ведь к старо-
 обрядам едем!». А. М. Панченко был для меня все экспедиционное
 время такой глыбой, что когда он рассказывал о России, ее культуре,
 особом русском мироощущении — а рассказывал он всегда, щедро и
 неумолимо, — старалась не пропустить ни одного слова.

Исходной точкой Енисейского маршрута был Красноярск. Один из старейших городов Сибири порашил ощущением воли, простора, мощного дыхания Енисея. Через него мы проезжали еще в Забайкальской экспедиции, когда ехали из Новосибирска в Иркутск. От Красноярска поезд шел через реку по железнодорожному мосту, построенному по проекту инженера Лавра Проскурякова инженером-механиком Евгением Кнорре. На Выставке 1900 г. в Париже мост был удостоен Гран-при и золотой медали «За архитектурное совершенство и великолепное техническое исполнение». В 1967 г. мы успели увидеть этот шедевр, по достоинству оцененный Гюставом Эйфелем в начале века и разобранный в 2007 г.⁴ Помню восторг, с каким стояла у окна, пока поезд почти километр шел по мосту через Енисей, и перед глазами мелькало brutальное металлическое кружево шести могучих арочных ферм длиной около 145 метра и высотой почти 22 метра каждая! Отмечаю это как внучка инженера-строителя путей железнодорожного сообщения, с детства завороченная железнодорожной темой и именно в археографических экспедициях воочию открывшая для себя величие Сибири и рукотворное чудо Транссибирской магистрали.

Дальнейший маршрут — от Красноярска до Туруханска по Енисею на теплоходе. Левый берег — равнинный, умиротворяющий, правый — скалистый, грандиозный. Берега царственно проплывали мимо нас в окнах теплоходного ресторана, где мы столовались. За счет их красоты мы незаметно съедали дежурные биточки — котлеты — фрикадельки с пюре. Они становились вкуснее благодаря беседе за столом, а еще и потому, что Александр Михайлович умел, с неизменной питерской непререкаемой вежливостью, убедить официантку добавить поверх блюда ложку обычной сметаны. Но беседы за столом были сытнее всего для разума и души. Как и все другие беседы позже, во время переходов-переездов из одного места в другое, с теми «от Древней Руси до современности».

И вот наш теплоход причаливает к пристани в городе ли, в селе ли Туруханске на крутом правом берегу Енисея при впадении в него притока — реки Нижней Тунгуски, знаменитой Угрюм-реки, 120 километров южнее полярного круга.⁵ Город с интереснейшей четырехсотлетней историей, «*вторая Мангазея*»: отсюда началось, по сути, освоение этого северного края землепроходцами, а раньше того —

⁴ См.: Кравченко А. «На зависть Эйфелевой башне»: Как за 3 года в Красноярске уникальный железнодорожный мост через Енисей построили. Рождение и бесславный конец знаменитого сооружения // Интернет-газета «NewsLab.ru». URL: <https://newslab.ru/article/1004078/> (дата обращения: 04.08.2024).

⁵ См.: Денисов В. Туруханск: Город, которого нет // Пора в Арктику! URL: <https://goarctic.ru/society/turukhansk-gorod-kotorogo-net/> (дата обращения: 05.08.2024).

монахами, построившими здесь Свято-Троицкий монастырь, куда из Мангазеи перенесли мощи первого сибирского святого, Василия Мангазейского. Если судить по дореволюционным фотографиям, это был действительно город, как полагается, с красивым почитаемым храмом на высоком берегу над рекой. В пору революционного смятения Туруханск стал местом ссылки,⁶ постепенно ветшал, терял статус новой Мангазеи. Удивил нас наивным портретом В. И. Ленина с раскосыми глазами на каком-то унылом административном деревянном здании и множеством ласковых ездовых собак вокруг... Отсюда начались наша работа в енисейских селах и спонтанные лекции Александра Михайловича Панченко, в которых он раскрывал перед нами незаметные для непосвященных секреты сибирской старины.

Названий сел не помню, а облик их — в памяти. Забайкальской цветной росписи, характерной для домов семейских старообрядцев, любящих все «*бравенькое*» — яркое, красивое, — в помине нет. На суровых с виду домах старообрядцев часовенного согласия в старожильческих енисейских селах была скупая сдержанная резьба по дереву на причелинах, на воротах, она обрамляла очи дома — окна. Александр Михайлович, присмотревшись, объяснял, что это сплав элементов русского орнамента и образов местной традиции, которые он искусно вычленил из общей композиции. А когда мы шли по деревянным тротуарам вдоль высоких глухих заплотов — оград из плотно пригнанных друг к другу досок или бревен — наш просветитель рассказывал о раскопках древних русских городов, которые сохраняли такой же тип поселений.

Экспедиционная жизнь — спартанская. В ходу у нас было народное студенческое присловье: «Бабка, бабка, дай попить, так есть хочется, аж ночевать негде!». Им мы себя подбадривали, но, конечно, ни к кому так не обращались. Староверы — люди крепкие, самодостаточные. Сибирский характер сдержанный, суровый, мало улыбочивый. Но человека, в чужом краю хожалого, далеко от дома родного забредшего, очень понимали, сочувствовали ему. И попить — из особой чашки — давали, и накормить могли. Особенно хороша была рыба, все равно как приготовленная, вареная ли, жареная, запеченная. Самое главное, она была свежая, не замороженная, как в городских магазинах купленная: это была рыба, которую хотелось есть и которая насыщала.

⁶ Всех не перечислю, страдальцев много было. Назову двоих: Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (Святитель Лука) и Ариадна Сергеевна Эфрон. А также — Иосиф Сталин (Джугашвили); в годы нашей молодости факт был увековечен в сознании целого поколения песней Иосифа Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой ученый...».

Слева направо: Н. В. Понырко, А. М. Панченко, И. А. Муравьева. Экспедиция 1967 г.

В Сибири расстояния немереные. Помню, какие разнообразные способы передвижения от села к селу у нас были. И на лошадях, и на моторках нас добрые люди подкидывали, и пешком шли, куда требовалось. А на Подкаменную Тунгуску геологи на вертолете доставили. И никаких товарно-денежных отношений, все просто: надо помогать — поможем. У геологов связь была по рации. У нас связи никакой, только договор о месте и времени общего сбора.

Вот там, рядом со станом геологоразведки, два сюжета приключились. Первый — как рыбу руками ловили в одном из бесчисленных малых притоков большой реки. Они, как капилляры матушки-земли, казалось, покрывали все пространство. Вода в притоках — быстрая, кристально чистая и мелкая: войдешь — чуть-чуть выше щиколотки. И тут же в ноги начинают «клевать» юркие рыбы разных размеров. Маленьких отгоняешь, а подходящих — надо нагнуться, прицелиться и схватить крепко. Чтобы из рук не вывернулись.

Второй сюжет: как меня на дозор у костра поставили. Группа пешком должна была отправиться к соседней заимке по указанному направлению, проверить полученные сведения и вернуться через некоторое время сюда же, к костру. Местность таежная, глухая. Моя задача: поддерживать костер, петь и стучать палкой по банке. Для того, чтобы на мой голос группа выходила и чтобы заодно медведя предупредить: ко мне не подходи! Совет дали: если все же подойдет —

падать и притвориться мертвой. Что я бы от страха сделала и без доброго этого совета.

За то время, пока работали в селах вокруг геологоразведки, у меня появилась славная подружка — маленькая худенькая старенькая селькупка. Вечерами она с приговорками разводила костерок, мы садились рядышком на корточки, что у нее получалось очень ловко, а у меня не очень. Она даже двигалась вокруг костерка в таком положении и учила меня припекать на углях кедровые шишки. Палочкой выкатывала то одну, то другую из угольков, подкатывала ко мне и мягко командовала: «Топтай, топтай!». Показывала маленькой ножкой, обутой в мяконикие чунечки, как именно это надо делать. Помню ее до сих пор с теплой благодарностью за уютное общение.

Н. В. Понырко и Е. К. Ромодановская
с мешком книг. Экспедиция 1967 г.

Ночевали в разных условиях. Один раз, уже перед окончанием экспедиции, в холодной продувной комнате дебаркадера, плавучей пристани, зыбко прикрепленной к берегу, где дожидались — не теплохода, нет! — какого-то немудреного местного речного транспорта. Но все было счастьем — ведь экспедиция оказалась удачной: драгоценный «улов» везли мешками.

Алтайская экспедиция 1968 г.

Работа Алтайской археографической экспедиции под руководством Е. К. Ромодановской представлена в статье Н. Д. Зольниковой, опубликовавшей Полевой дневник Алтайской археографической группы 1968 г.⁷

Интеллектуальная атмосфера Новосибирского Академгородка в 1960-х гг., отличавшаяся всеобщим увлечением гуманитарными науками, отразилась в том, что в состав экспедиции, кроме руководителя, историков и филологов (Н. В. Понырко, М. Ю. Новицкая; был

⁷ См.: Полевой дневник № 6 Алтайской археографической группы 1968 г. / Вступ. ст., подгот. текста и комментарии Н. Д. Зольниковой // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М., 2015. С. 1011–1026.

ли кто еще — не помню) вошли два математика — Петр Анатольевич Гринфельд и Владимир Владимирович Тарасевич.⁸ Они вместе со всеми вели записи в Полевом дневнике и замечательно помогали в преодолении физических трудностей путешествия по Алтаю.

Начало путешествия — знакомство с экспозицией Барнаульского музея и беседа с его сотрудниками. Видимо, первый пункт в маршруте обследования был выбран по предварительным данным, которыми уже владела Е. К. Ромодановская. Она же составила вопросник для разговора со старообрядцами. Затем мы делились на группы по два человека и такими малыми группами обследовали села по маршруту, который указывал кто-либо из одного села в другое. Так «по цепочке из сведений» и шли, чтобы выявить потенциально перспективные направления и поселения, записывая названия сел, фамилии, имена и отчества информантов, составляя, таким образом, на будущее их перечень для более детального обследования. Малым группам назначалось время и место общего сбора; там собирались вместе данные, которые каждая группа обнаруживала отдельно по своему маршруту.

Незабываемы два маршрута, в которых участниками были лошади. Так один раз ездили верхом на лошади к пасечнику на лесную пасеку. День был жаркий, лошадиный круп — весьма объемный; первому наезднику полегче — он все же сидит в седле; наездница — на крупе; оводы атакуют нещадно и бедную лошадь, и наездников. Тяжело было всем троиm.

В другой раз решили запрячь лошадь в повозку. Это очень мудрая наука, на мой взгляд, не легче высшей математики, а может быть, и сложнее — для математика. Но наш математик справился. Назад возвращались вечером, в страшную грозу, когда истинно «разверзлись хляби небесные». В темноте заблудились. То ли сами распрягли лошадь, то ли она распряглась по своей воле. В открытом поле, под сверкание молний, потоки дождя и оглушительный грохот грома лошадь мирно паслась и неспешно шла одной ей ведомым путем к дому. И довела нас, мокрых, основательно уставших от переживаний, к желанной цели.

Но, пожалуй, самое тяжелое испытание я пережила, когда сама себе была и группой, и ее руководителем. Шла пешком, выпросив обстоятельно дорогу. Пришла в село, где встретили приветливо, накормили, выслушали, но результатов не достигла: староверов в селе не было. Однако указали на другое село, где как будто было семейство староверов. Рассказали и показали, как идти по дороге, которая ведет вокруг болота. Объяснили, сколько времени пешком, а если по-

⁸ П. А. Гринфельд и В. В. Тарасевич учились на механико-математическом факультете НГУ в 1965–1970 гг.

везет, кто-нибудь подбросит машиной или на телеге. Через болото не стоит ходить — хоть лето жаркое, а все равно опасно. Однако решила пойти прямо, а не в обход, сберечь время. Шла долго, бывало, с кочки на кочку перескакивала; бывало, проваливалась, страху натерпелась. Как-то вышла к цели, удивила хозяев дома, куда постучалась затемно. Получила урок: «В объезд, так к обеду; а прямо, так дай Бог к ночи».

Храм Дмитрия Солунского в Алейске, Алтайский край. 1950-е гг.

Алтайская экспедиция для меня была особенно ожидаемой: в этом краю прошли три года жизни моей семьи, оставив глубокий след в памяти благодаря соприкосновению с народной культурой ребенка, который очень любил петь и слушать пение.⁹ В 1950-х годах в алтайском городке Алейске, образовавшемся из двух сел — Малопонюшево и Большепонюшево — его жители, переселенцы в основном из Курской, Воронежской и Тамбовской губерний, еще сохраняли традиционные формы быта. В том числе, старинный тип ремесла, когда мастер, исполняя заказ по приглашению хозяев, вместе со своими инструментами переходил из дома в дом, жил у заказчика, столовался и работал. Вот такая мастерица-кружевница Варвара Петровна всю зиму жила и в нашей семье. Постепенно в нашем доме сложились постовые посиделки: мама, папа, Варвара Петровна, я и соседки. Они приходили с рукодельной работой послушать, как папа читает жития из Четых Миней, а потом и попеть старинные песни, среди которых были и духовные стихи. А еще в погожее время года после службы в нашем храме св. Димитрия Солунского на бревнышках за оградой часто оставалась группа пожилых прихожан, мужчины и женщины, тоже пели духовные стихи, пересказывали друг другу невероятные происшествия. Например о Зое, которая, оставшись на вечеринке без пары, танцевала с иконой святителя Николая и окаменела. Что-то, особенно поразившее детское воображение, осталось в памяти; что-то забылось, но всплыло из забвения, когда записывала в Полевом дневнике за старовером рассказ о святотатствующей девке.

Вспоминая Алтайскую экспедицию 1968 г. и свои детские впечатления от алейской жизни, сейчас, через 60 с лишком лет, обратилась к сайту «Алтайский старообрядец» Барнаульской общины, просмотрела раздел «Старообрядческие духовные стихи».¹⁰ В содержании современного старообрядческого стиховника обнаружила как минимум 14 сюжетов, которые памятны мне по исполнению их прихожанами никонианской, синодальной православной церкви в 1950-х гг. Отметила, что в старообрядческий репертуар вошли стихи русских поэтов — М. В. Ломоносова, А. Н. Плещеева, Ф. Н. Глинки, а также протоиерея старца Николая Гурьянова и иеромонаха Романа Матюшина (Правдина) — авторов XX–XXI вв. Даже достаточно поверхностный просмотр показывает, что глубокая рана раскола христианской веры, нанесенная в XVII веке народу и причинившая

⁹ См.: *Новицкая М. Ю.* Быт Алейска начала 1950-х гг. глазами ребенка // Традиционная культура: Научный альманах. 2015. № 4. С. 58–63.

¹⁰ Старообрядческие духовные стихи // Алтайский старообрядец. URL: <https://altaistarover.ru/articles/dukhovnye-stihi/198-starobryadcheskie-duhovnye-stihi/> (дата обращения: 09.08.2024).

ему тяжелые страдания, все же медленно, с трудом, но затягивается благодаря великой потребности народной души в вечных духовно-нравственных ценностях и в культурном единстве. Как сказал старообрядец Овчинников, слова которого записаны в Полевом дневнике Алтайской археографической экспедиции 1968 г.: «Вера в любовь, в надежду, в необиду... в грамоту!».

Первые исследовательские экспедиции (П. Б. Павлов-Сильванский, А. И. Рогов; затем — В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, Е. К. Ромодановская, Н. Н. Покровский) заложили традиции работы последующих экспедиций в Сибири и стали хорошей школой для студентов, которые в них участвовали. Важнейшие черты экспедиций в Забайкалье, Красноярском и Алтайском краях — это стремление установить доверительное уважительное взаимодействие всех к ним сопричастных для успеха последующей экспедиционной деятельности, внимательное отношение к человеческой личности. Продуктивен также был комплексный характер работы: этнографическое, фольклористическое, музыковедческое, археографическое направления поисков материала традиционной культуры края. Результат — интересные находки.

И самое дорогое: каждая встреча с человеком во время этих экспедиций — встреча с историей и душой народа.

Господня земля, и исполнение ее,
Вселенная и все, живущие на ней.
Пс. 23:1

Земля безкрайна за родным порогом,
Кого-то манит, а иных страшит.
Где б ни были, ходите перед Богом:
Создатель всех роднит и единит.

Земля Господня — с малых лет знакомо,
Лес, горы, степь, прекрасен край любой.
Чужбины нет, повсюду все как дома:
Земля Господня, если Бог с тобой.

Иеромонах Роман (Матюшин-Правдин)
3 июля 2024

Список литературы

- Денисов В.* Туруханск: Город, которого нет // Пора в Арктику! URL: <https://goarctic.ru/society/turukhansk-gorod-kotorogo-net/> (дата обращения: 05.08.2024).
- Дорофеев Н. И.* Русские народные песни Забайкалья: Семейский распев. М., 1989. 456 с.
- Кравченко А.* «На зависть Эйфелевой башне»: Как за 3 года в Красноярске уникальный железнодорожный мост через Енисей построили. Рождение и бесславный конец знаменитого сооружения // Интернет-газета «NewsLab.ru». URL: <https://newslab.ru/article/1004078/> (дата обращения: 04.08.2024).
- Новицкая М. Ю.* Быт Алейска начала 1950-х гг. глазами ребенка // Традиционная культура: Научный альманах. 2015. № 4. С. 58–63.
- Полевой дневник № 6 Алтайской археографической группы 1968 г.* / Вступ. ст., подгот. текста и комментарии Н. Д. Зольниковой // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М., 2015. С. 1011–1026.
- Старообрядческие духовные стихи* // Алтайский старообрядец. URL: <https://altaistarover.ru/articles/dukhovnye-stihi/198-starobryadcheskie-duhovnye-stihi/> (дата обращения: 09.08.2024).
- Элиасов Л. Е.* Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969. 176 с.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

Санкт-Петербургский институт истории РАН

НОВОСИБИРСК, ПРОСТОР ОБИ!

Статья посвящена публикации фрагментов писем участницы одной из первых сибирских археографических экспедиций своим родителям — Марии Тихоновне Соловьевой и Константину Борисовичу Пиотровскому. Письма отражают яркие впечатления от поездки за книгами.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, археографические экспедиции, книжные находки в Сибири

В XXI веке история старообрядчества стала одной из центральных тем отечественной и зарубежной историографии. И сейчас наступило время отдать дань памяти тем, кто засеял это поле и продолжает его вспахивать. Без полевой археографии, Тихомировских чтений, Малышевских чтений, выставок в Эрмитаже, Пушкинском Доме, посвященных старообрядческой культуре и деятельности многих энтузиастов, собравших уцелевшие артефакты такого богатого церковно-исторического и этнографического наследия, история письменности, культуры и религии будет неполной.

У каждого археографа в жизни были экспедиции, города, деревни, их жители, современники, коллеги-ученые, встречи и дружба, которые сохранились в памяти навсегда! Мне посчастливилось в молодости попасть в Сибирь, узнать бескрайность ее просторов и рек, лесных сокровищ, доброту людей, их широкое гостеприимство, духовные устремления и необыкновенные характеры в преодолении жизненных путей и дорог. Многие наши учителя и наставники оказали большое влияние и на мое становление и дальнейшую жизнь.

Среди них Н. А. Мещерский, В. И. Малышев, Д. С. Лихачев, Н. Н. Розов, Н. С. Демкова, Е. Э. Липшиц и особенно сибирские ученые — Е. К. Ромодановская и Н. Н. Покровский. Мне выпало счастье знать их близко, а после их ухода из жизни написать небольшие воспоминания о том человеческом и эмоциональном влиянии, которые они оказывали при общении в разных служебных и жизненных обстоятельствах.

Впервые я попала в Сибирь в 20 лет, летом 1966 года. Это был шок!

Новосибирск, простор Оби! Глазом не объять! Академгородок! Тайга, скиты! Уже после вышедших воспоминаний о Елене Константиновне и Николае Николаевиче, летом 2024 года в туалетном столи-

ке моей мамы, Марии Тихоновны Соловьевой (1913–1983), я нашла письма, которые писала родителям из моей первой экспедиции. Естественно, в опубликованных воспоминаниях они были не использованы. Привожу отдельные, как мне кажется, значимые отрывки:

2 июля 1966 г., деревня Кипрюшка Кривошеинского района Томской области:

«Вот, наконец-то и пишу вам из деревни, настоящей сибирской деревни... У Елены Константиновны здесь были знакомые старики Василий Данилович и Александра Ивановна, и мы остановились у них. Они, конечно, старообрядцы, изба необыкновенно чистая, мы пили у них чай, а вместо заварки — шиповник. Это прямо райский напиток! Спали мы на полу, на тулупах. А наутро Александра Ивановна приготовила нам жареных пескарей в сметане. И даже я пила молоко. Оно такое жирное, что впечатление, будто сверху налиты сливки. Комаров здесь тьмы и тьмы. У меня на ногах нет живого места, а руки искусаны не очень сильно. Мы старались мазаться 3–4 раза в день. Сегодня мы раздобыли 2 книги, одна — Киево-Печерский Патерик, старопечатная книга XVII в., другая — рукописная Азбука».

4 августа 1966 г., село Инкино Колпашевского района Томской области:

«Салют! Дорогие родители! Мы нашли книгу, ради которой стоило ехать в Сибирь! Из-за нее одной! Это — Зимний Пролог 1641 г., до-никоновское издание. Сейчас мы живем в очень живописной деревне, которая стоит на крутом берегу реки, чем-то напоминает места под Псковом. Я уже соскучилась по Ленинграду... У нас все время тепло, дождей почти не было...»

25 августа 1966 г., Новосибирск:

«...Писать о городке очень трудно. Там необыкновенно все, начиная от домов и кончая ромашками на тротуарах и газонах... В Институте мы рассматривали коллекцию М. Н. Тихомирова, там около 700 книг рукописных, масса картин, икон, грамот и т. д. Мы даже не заметили, как наступило 2 часа и нужно было уходить, в городке академические институты кончают в субботу в 14 часов по местному времени. ...Елена Константиновна познакомила нас с Таней [Татьяна Николаевна Апсит, участница нашей экспедиции. — Е. П.], ее второй лаборанткой. Она очень приятная. Страшно веселая и остроумная...»

Т. Н. АПСИТ

Независимый исследователь, Новосибирск

ЭКСПЕДИЦИЯ В СКИТЫ

В статье рассказывается об одной археографической экспедиции на юго-востоке Томской области, жизни и быте отшельников-старообрядцев.

Ключевые слова: сибирские археографические экспедиции, старообрядческие скиты

Моя «археографическая» жизнь началась в 1967 году. За год до этого в поисках сведений о старообрядческих поселениях в Сибири мы, студенты второго курса гумфака НГУ, под руководством Е. К. Ромодановской работали над томами «Епархиальных ведомостей» в Научной библиотеке Томского государственного университета. Одним из результатов этой работы стали маршруты будущих экспедиций в «землю неизвестную», на которой два века жили потаенно и открыто таинственные люди — старообрядцы, ценившие паче всех благ свои книги и иконы, спасенные во время гонений и тяжелейших испытаний.

На лето 1967 года было запланировано несколько археографических экспедиций, в одной из них удалось поучаствовать и мне. Что мы умели к этому времени? Благодаря лекциям замечательного ученого, профессора К. А. Тимофеева, мы уверенно читали уставное письмо и даже могли разобрать скоропись, но представления о причинах и последствиях происшедшего в стране религиозного раскола имели довольно поверхностные: исследований по этому вопросу в середине XX века было опубликовано еще очень мало. Главными источниками знаний для меня лично являлись Житие протопопа Аввакума в учебном хрестоматийном варианте и замечательная диалогия П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах».

Большой и очень приятной неожиданностью явилось включение в состав сибирских экспедиций студенток Ленинградского университета из семинара Н. С. Демковой. Мне повезло оказаться в одной группе с Лидой Сазоновой, умной, эрудированной и очень симпатичной девушкой. Основным местом нашей работы был выбран Асиновский район на юго-востоке Томской области.

Эта экспедиция стала одним из самых ярких впечатлений моей жизни, потому что тогда нам удалось впервые побывать в старообрядческих скитах. Как ни удивительно, направили нас туда сотруд-

ницы местной администрации, в которую мы обратились со своими командировочными удостоверениями. Выслушав нас с большим интересом, они посоветовались между собой и решили, что правильнее всего будет направить нас в местный лесхоз, чтобы мы могли вместе с лесниками посетить скрытые в тайге скиты. Позднее мы поняли, что их обитатели в большинстве своем были местными, и лесники, по сути, снабжали всем необходимым своих родственников, на склоне лет избравших такой радикальный путь спасения души.

Наших провожатых было двое, посмотрели они на нас скептически и объявили, что пройти нам предстоит 40 километров, а потому мы должны подойти к магазину — месту сбора — ровно в 6 часов утра, ждать нас никто не станет. Точно в срок мы были там и с рассветом вышли на маршрут. Двигались в тайге мы в основном по сильно заросшей просеке, по которой лет 15 назад вывозили строевой лес. Лесники ушли вперед, мы нагнали их часа через три, когда они решили устроить привал и позавтракать. Они великодушно предложили нам отпробовать консервы из тушенки, а у нас были с собой пирожки с разной начинкой, которыми мы предусмотрительно запаслись в столовой при гостинице. После небольшого отдыха мы продолжили путь. Всего дорога до скитов, включая перерывы на завтрак и обед, заняла около 10 часов. Когда мы прощались с нашими молчаливыми спутниками, они смотрели на нас совсем иначе, чем при знакомстве, думаю, потому, что, вопреки ожиданиям, «городские девчонки» по дороге не жаловались и не охали — выдержали испытание.

Стоящий у озера скит представлял собой обычный деревенский дом с хозяйственными постройками и расположенным чуть в стороне совсем маленьким домиком, который мы первоначально приняли за баню. В доме обитали две совсем старые женщины и одна сравнительно молодая, лет шестидесяти, которую звали Манефа. Она явно верховодила в этом маленьком коллективе. Женщины встретили лесников радостно, благодарили за доставленные продукты; к нам отнеслись доброжелательно, но и несколько настороженно. Ночлег предложили устроить на чердаке, на сеновале, под марлевым поломом, спасавшем от комаров.

Четвертой, самой удивительной обительницей скита, оказалась хозяйка маленького дома, крошечная старушка с волосами, заплетенными в длинную, почти до пояса, тонкую уже косу — знак жизни в чистоте, — которую звали Мелания. Она поразила меня каким-то необыкновенно светлым лицом и удивительной кротостью, с которой рассказывала об испытаниях, выпавших на ее долю. Как оказалось, в большом доме прежде жила ее семья, долгое время после смерти родителей она жила у озера совсем одна, но со временем к ней при-

соединились другие женщины. Совместное жилье оказалось для нее делом непростым («В них было много мирского»), и лесники по ее просьбе построили ей отдельную «келейку». Я слушала ее рассказы о послевоенном разорении скитов, о попытках спасти книги и иконы, о жизни в тайге, о долгих зимах, о встречах с дикими животными, и мне не хотелось покидать этот кукольный домик, хотя я и старалась не слишком нарушать распорядок дня отшельницы.

В первый же день мы сдали экзамен на умение читать древнерусские тексты, но особое удивление отшельниц вызвали водяные знаки на книжных листах, о которых они не имели представления. Так получилось, что Лида больше времени проводила с обитателями большого дома, поэтому и «книжная нагрузка» легла в основном на нее: отшельницы садились вокруг нее и слушали чтение, как слушают музыку. Это было очень трогательно. Благодаря таким «занятиям» Лида смогла ознакомиться с библиотекой скита, которая состояла из старопечатных служебных и четьих книг XVII в., рукописных книг среди них не было.

Через три дня вернулись после окончания работ наши лесники. Попрощавшись с отшельницами, мы вместе с ними направились к другим скитам. Милая матушка Мелания принесла нам на прощание подорожнички — испеченные ею маленькие хлебцы — и подарки: Лида получила от нее лестовку, а я маленькую (5 × 5 см) медную иконку, центральную часть складня, которая и сегодня стоит у меня на полке, напоминая о незабываемой встрече с ее хозяйкой.

Л. И. САЗОНОВА

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва

СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СКИТЫ

В статье рассказывается о поездке в археографическую экспедицию в сибирские старообрядческие скиты, приводятся впечатления от этой поездки.

Ключевые слова: полевая археографическая работа, экспедиции, старообрядческие скиты в Сибири

Июнь 1967 года. По окончании второго курса Ленинградского университета меня включили в числе успешных студентов в поездку в Чехословакию. Но в тот момент в Ленинграде находилась Елена Константиновна Ромодановская, с которой я познакомилась на занятиях семинара по древнерусской литературе. Елена Константиновна предложила мне принять участие в сибирской археографической экспедиции в старообрядческие скиты. Это было очень заманчиво! Хотелось собственными глазами увидеть мир, о котором раньше доводилось слышать из устных рассказов немногих побывавших в тех местах. Очень хотелось самой побывать в скитах. Широкой аудитории старообрядческая Сибирь открылась значительно позже, спустя 15 лет, когда в свет вышла повесть известного журналиста В. М. Пескова «Таежный тупик». Я отказалась от поездки в Чехословакию и поехала в Новосибирск. Во время подготовки экспедиции, организованной Сибирским отделением Академии наук совместно с Новосибирским университетом, Елена Константиновна приняла меня у себя дома. Помню ее маму Анну Николаевну. В их гостеприимной семье я провела несколько дней.

В экспедицию мы отправились вдвоем с Таней Апсит, студенткой Новосибирского университета. Мы подружились. Как добирались до скитов, помню смутно. Сначала вроде на поезде, потом на кораблике по Иртышу, а собственно в скиты нас провожал лесник. Мы шли вглубь тайги более 20 километров. Сосны высоченные, чтобы увидеть их вершины, нужно сильно запрокинуть голову. Донимали комары. На голове у каждой из нас была шляпа-накомарник. Но когда мы откидывали с лица сетку, чтобы выпить воды, комары страшно атаковали.

Шли долго. Ближе к вечеру прибыли в скит, где жили три отшельницы. Не помню, к сожалению, их имена. Друг друга они называли «раба Божья», добавляя личное имя.

Е. К. Ромодановская и В. Н. Алексеев. Середина 1960-х гг.

Просторная светлая горница с окнами на двух стенах дома, большой стол, скамейки, каменный жернов, на котором перемалывали зерно в муку, ткацкий станок. Здесь же и молились. Механических часов в доме не было, жили по биологическим часам: ложились спать с закатом солнца, а утром вставали на восходе.

Самая старшая из жительниц скита попала в скит еще до революции или вскоре после нее и спросила у нас: «Кто сейчас царь?» Этот вопрос, заданный в 1967 году, когда к тому времени сменилось уже несколько руководителей государства, нас поразил: жизнь воспринималась в скиту в исторической ретроспективе! Другие две «рабы Божьи» были моложе. Паспортов ни у кого из них не было, они называли себя «непишущиеся». Связь с миром отшельницы держали через лесника. Собирали в лесу ягоды и грибы и обменивали у него на соль и сахар. Выращивали рожь, занимались ткачеством, шили для себя одежду. В скиту, насколько я помню, была пасека. Но вести хозяйство в условиях, когда на плечах пожилых женщин было множество разных хлопот и о воде, и о тепле, и о пропитании, было трудно. Они сказали: «Девки, оставайтесь у нас. Мы вам сарафаны сошьем». С собой у нас были гостинцы: сгущенка, чай, сушки. Ночевали мы вверху дома на сеновале под марлевым пологом, спасаясь от комаров.

Обитательницы скита проверили нас на умение читать «по-славянски». В беседах с ними мы провели дня три, и, как выяснилось, наши собеседницы фактически ничего не знали о расколе XVII века и его вождях.

Затем мы отправились в другие скиты. Как мы ориентировались в тайге, не помню. Может, снова нас вел лесник? Мы посетили еще три или четыре скита. В одном из них жил преклонных лет старец. Он мало двигался и в основном лежал. Чтобы открывать форточку, не вставая с постели, проявил изобретательность и изготовил лебедку. Рассказал о том, что деревянный дом, в котором он живет, строили ему сообща обитатели нескольких скитов. Так у сибирских старообрядцев принято было помогать друг другу.

Пройдя еще несколько километров по тайге, мы оказались в скиту, где обитали две отшельницы. Одна из них вспоминала, что, убегая в 1920–1930-е годы от гонений за веру, старообрядцы закапывали рукописные книги и печатные издания в землю, надеясь сохранить их таким образом до лучших времен.

В последнем доме, который мы посетили, жили муж и жена, оба примерно одного возраста, между пятьюдесятью годами и шестьюдесятью. Они объяснили, что недавно «ушли из мира в скиты, чтобы спастись».

Всюду мы интересовались рукописями и книгами, что-то в скитах имелось, но в основном это было не дониконовское книжное наследие, а более поздние рукописи и издания. Из экспедиции нам удалось привезти только две рукописные книги, какие и какого времени они были, к сожалению, не помню. Тоже не могу сказать, как и какими маршрутами мы возвращались из скитов в Новосибирск.

Вот, пожалуй, и все, что я могу вспомнить о нашей с Таней сибирской экспедиции в старообрядческие скиты. Жаль, время стерло из памяти другие моменты и детали. Ведь все рассказанное случилось 57 лет назад — прожита целая жизнь!

На память о том экспедиционном лете осталась подаренная мне в скитах расшитая красным бисером и голубыми бусинками Лестовка, служившая старообрядцам для молитвы. В 1973 году я подарила ее Андрею Николаевичу Робинсону. Как исследователь творчества протопопа Аввакума и отца его духовного Епифания, он дорожил драгоценной реликвией и хранил ее на почетном месте в книжном шкафу на полке, где стояли фотографии великих филологов. После кончины Андрея Николаевича в 1993 году Лестовка вернулась ко мне.

Старообрядческая Лестовка, подаренная
Л. И. Сазоновой в скиту в 1967 г.

А. Н. Кручинина

Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

Мои сибирские экспедиции*

Автор статьи делится своими воспоминаниями об археографических экспедициях в сибирские старообрядческие скиты, о практике обучения старообрядцев пению по крюковым рукописям, о начале своего изучения памятников древнерусского певческого искусства.

Ключевые слова: археографические экспедиции, старообрядческие скиты, древнерусская музыкальная культура

В. А.: Альбина Никандровна, в середине 1960-х — начале 1970-х гг. Вы были участницей археографических экспедиций Сибирского отделения Академии наук под руководством Николая Николаевича Покровского. Не могли бы Вы поделиться своими воспоминаниями?

А. Н.: Моя жизнь сложилась так, что в середине 60-х годов XX века я оказалась в Академгородке в Новосибирске. Для меня это были трудные и самые счастливые годы — прежде всего потому, что я узнала совершенно необыкновенных, удивительных людей. Дело даже не в их таланте и высоком профессионализме, хотя это, конечно, очень привлекало меня, — я впервые в жизни встретила не просто доброжелательное отношение, но еще и желание помочь молоденькой, глупенькой, неоперившейся девочке найти свою дорогу, свое предназначение, если хотите — дело, которому можно отдать жизнь. Каковы были мои представления о жизни тогда? В 1963 году я закончила теоретическое отделение музыкального училища в городе Воронеже, вышла замуж, моей дочери было три года, я работала в музыкальной школе Академгородка и почему-то очень хотела поступить в консерваторию. Я была уверена, что необходимо получить высшее образование. Почему, зачем — непонятно. Быть может, ради самоутверждения. Относившийся ко мне очень по-дружески, с поистине отеческой заботой, математик, философ и общественный деятель Абрам Ильич Фет настойчиво меня допрашивал: «А зачем Вы хотите получить высшее образование?» — «Ну как, высшее образование!..» — отвечала я. «Высшее образование нужно получать тогда, когда Вы знаете, зачем оно Вам нужно, чем Вы хотите в этой жизни

* Интервью с А. Н. Кручининой записано В. А. Ромодановской. Альбина Никандровна Кручинина — далее **А. Н.**; Варвара Андреевна Ромодановская — далее **В. А.**

заниматься. А если Вы этого не знаете, у Вас есть образование, у Вас есть профессия — зачем Вам это?» И решила я об этом еще подумать.

Но думала я недолго, потому что оказалась в доме Фетов, где была совершенно потрясающая библиотека. Столько книг в своей жизни в одной квартире я никогда не видела, потому что приехала из провинциального города, где книги вообще-то были не в чести, во всяком случае в том мире, в том окружении, в котором я жила. А здесь книг было очень много, книжные полки начинались у входной двери и продолжались везде, исключая только туалет и ванную комнату. И когда мне сказали, что я могу читать все, что я хочу и сколько хочу, счастью моему не было предела. И вот я читала обо всем и очень многое. А самое главное, я стала действительно думать о том, зачем хочу учиться и чему. И, даже еще не поняв, чего хочу, все же поступила в консерваторию. А Фет меня продолжал воспитывать: «Если Вы до сих пор так и не определили, чем хотите заниматься, то я познакомлю Вас с замечательными нашими учеными, и они расскажут о своей профессии». Так я оказалась в доме у Нины Викторовны Ревякиной, потрясающего специалиста в области итальянского Возрождения. Потом — в доме литературоведа Иосифа Захаровича Гольденберга и разговаривала с одним из основоположников современной социологии Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом. Я слушала и понимала, что это все безумно интересно: и итальянское Возрождение, и ситуация с Серебряным веком. Единственное, чем мне не захотелось точно заниматься, так это социологией. И то только потому, что задачи социологии мне очень четко объяснил В. Э. Шляпентох. Он сказал, что социология — это наука, которая отвечает запросам государства. Вот этого мне не захотелось делать, потому что я понимала, что это та наука, в которой ты никогда не будешь чувствовать себя свободным. И я так и не решила, чем я хочу заниматься.

В таких поисках, раздумьях и метаниях прошло два года. И вдруг в начале третьего курса в наш дом приходит дочка Абрама Ильича, Женя,¹ и говорит: «Немедленно бросайте все свои дела. Папа сказал, чтобы Вы срочно пришли к нам. Он хочет Вас познакомить с одним очень интересным человеком». Ну, раз папа сказал, я бросаю все дела. Благо у меня дочка была спокойная, я ее уложила спать и побежала. И вот я до сих пор — сколько уже лет с того времени прошло — помню эту картину. Я вхожу к Фетам. Стоит яркая, совершенно потрясающая осень. В окно заглядывают ярко-желтые, красные, светло-зеленые листья красоты необыкновенной. Окно кухни как раз

¹ Евгения Абрамовна Фет — выпускница Новосибирского государственного университета (1976 г.), ученица Е. И. Дергачевой-Скоп, специалист по истории древнерусского Пролога. Сейчас проживает в Соединенных Штатах Америки.

смотрело на лес. Спина к этой красоте, около окна, сидит человек, огромный, большой, с черной бородой, с очень красивыми руками — поскольку я музыкант, я всегда обращаю внимание на руки. И у него очень внимательный, цепкий взор из-под лохматых бровей. Он на меня взглянул и, не останавливаясь, продолжал о чем-то рассказывать. Я тихонечко-тихонечко сажусь и слушаю. Оказалось, что это Николай Николаевич Покровский, который недавно вернулся из экспедиции и рассказывал семье Фетов, и мне в том числе, о том, что им посчастливилось найти, и о том, что они сейчас обсуждают. Что-то я услышала

Альбина Никандровна Кручинина. 1972 г.

впервые, в частности, рассказ о Максиме Греке и о том, как удалось найти Судное дело Максима Грека. Я услышала совершенно удивительную историю, которую когда-то читала у П. И. Мельникова-Печерского, — о двух девушках, которых постригли в монахини в начале XX века в старообрядческом скиту. (В одной из экспедиций я с ними встретилась.) Для меня в речах Николая Николаевича открылся совершенно новый мир, совершенно необыкновенный, сказочный. Я оказалась вдруг в прошлом, в России, по крайней мере, XVII века и мне очень захотелось туда попасть по-настоящему. (А я была тогда искренне верящей во всемогущество науки и даже мечтала о том, что древнерусскую музыку можно расшифровать, если на машине времени отправиться в XII век и, очутившись в Новгороде Великом, в храме Святой Софии, услышать древнерусские роспевы. По этому поводу мне мой учитель, Максим Викторович Бражников, вправил мозги, сказав: «Нет, это невозможно, потому что мы не сможем перформативировать наше сознание. Поэтому только рукописи — наша машина времени».)

Так вот, я слушала эти рассказы с огромным увлечением и замиранием сердца, но никак не могла понять, какое отношение это имеет ко мне. Но я знала, что Академгородок — это такое место, где живут необыкновенные люди, им все новое интересно и они рады и рассказать о своих открытиях, и слушать о поисках и находках в совершенно не-

знакомой им археографии от профессионалов в этой области знаний. Живое любопытство, любознание отличало это сообщество, я больше такого нигде и никогда не встречала. И вдруг, после всего услышанного о поездках, об удивительных нравах, обычаях, верованиях Николай Николаевич наконец-то сказал то, ради чего я и оказалась в тот вечер у Фетов. «Вы знаете, мы привозим много четьих рукописей и изучение этих кодексов зачастую позволяет делать открытия, закрывая “белые пятна” в истории. Но есть рукописи и музыкальные, и что с ними делать, как их обрабатывать, что это вообще такое — мы понятия не имеем». И тут меня как будто иголочкой кольнуло. «А можно посмотреть?» — «Да, пожалуйста, вот у нас завтра присутственный день, приходите».

Конечно же, я «забила» на консерваторию, на все на свете и направилась в археографическую лабораторию. Прежде всего меня потряс интерьер: довольно большое помещение, из мебели — книжные шкафы и полки, а в центре — огромный стол, и на нем, и на полках, и в шкафах стоят огромные толстые книги в деревянных переплетах, совершенно необыкновенные — не печатные, а рукописные. А простенки украшены потрясающими фотографиями, совершенно удивительными, соответствующими представлениям о машине времени, перенесшей меня в XVII век. Николай Николаевич очень коротко рассказал о лаборатории, о задачах археографии. Говорил он со мною, как со взрослой, все понимающей...

Я до сих пор помню первую рукопись в моей жизни, которую протянул мне Николай Николаевич — рукопись в четверку, в бархатном фиолетовом переплете с толстыми листами бумаги со штемпелями. Я уже потом узнала, как все это называется. А тогда я с удивлением и восхищением рассматриваю текст. Страница делится на две части. На левой части написано «лицы», а на правой — «розводы». Что это такое, я не знала. Но вижу, что в левой части три знака, а в правой части их много. Из этого я могла заключить, что одна — какая-то свернутая запись, а другая — запись объясняющая. Все, больше я ничего не могла понять. Но я держала эту рукопись и чувствовала: «Вот! Только этим я и буду заниматься, больше ничего не хочу. Вот это мне интересно, вот это мое». Николай Николаевич показывал еще много разных рукописей, но первая меня убила наповал. Я спрашиваю: «А можно я буду этим заниматься?» — а он говорит: «А в каком плане Вы будете этим заниматься?» Я, как студентка: «Ну, у нас будет курсовая работа по истории русской музыки, можно я буду заниматься?» Он на это ответил: «Нет, меня это не интересует. В плане курсовой — нет. Если хотите работать серьезно, пожалуйста, во втором семестре приходите на мой курс в университет. А до этого приходите в лабораторию, я по-

кажу, как нужно с этими рукописями работать». Это было первое задание. Второе задание: «Запишитесь, пожалуйста, в ГПНТБ» — «Но я на третьем курсе, меня туда не запишут». Он отвечает: «Я позвоню, Вас запишут. И сотрудникам рукописного отдела сообщу, они готовят Вам литературу». И я, как стойкий оловянный солдатик, все выполнила. Пришла, меня действительно записали. В этот же день я оказалась в рукописном отделе. Дежурный читального зала выносит огромную стопку книг. Я думаю, что же мне делать? С какого же конца их начинать читать? И по-моему, выбрала самый простой путь: нашла издания 1950–1960-х гг.: «Древнерусское певческое искусство» Николая Дмитриевича Успенского и «Пути развития и задачи расшифровки знаменного распева XII–XVII веков» Максима Викторовича Бражникова. Прочла эти две книги и поняла только то, что в одной представлен краткий обзор истории древнерусского певческого искусства, а в другой — у Бражникова — предлагается оригинальный путь изучения древнерусской музыки по особенностям ее нотации. Причем впервые в медиэвистике (да впрочем и в музыкознании) применены статистические методы исследования, это я поняла гораздо позднее. Тогда я начала читать книги, изданные в конце XIX века. И на мое счастье — с учебного пособия «Азбука крюкового пения», написанного священником Василием Металловым. И в него вцепилась, потому что там знаки объяснялись пятилинейной квадратной нотацией, которую я могла прочесть — своего рода билингва. Замечательная книга для начинающих, которая действительно ввела меня в древнерусскую нотацию и в те смыслы, которые она таит. И я была зачарована увиденными знаками и услышанными роспевами. Эта книга очень помогла выполнить третье задание Николая Николаевича — «расшифруйте, чтобы это можно было петь». Речь шла о старообрядческих духовных стихах, изданных Иваном Никифоровичем Заволоко, нотированных знаменной нотацией. С помощью Металлова я это сделала довольно быстро. — «Вот, я расшифровала!» Николай Николаевич дал следующее задание: будем готовиться к студенческой конференции». Я подумала: «Что я там буду делать?» — я вообще была, знаете, человеком, стремящимся скорее спрятаться, чем показаться. А тут — студенческая конференция в университете. «Да что я могу?» — он и говорит: «Новые поступления музыкальных рукописей опишите». И рассказал мне, как пользоваться альбомами филиграней и штемпелей, показал краткую схему описания рукописей. И об этих рукописях я сообщила на студенческой конференции. Это был первый доклад в Новосибирске о древнерусском певческом искусстве и певческих рукописях. А после конференции — новое задание: «А теперь, пожалуйста, готовьте статью, это надо опублико-

вать». И опубликовали мою статью в 1975 году в сборнике, который, по-моему, назывался «Вопросы истории книжной культуры». Это была моя первая печатная работа.² Вот так и ввел меня мой первый наставник в научное пространство, определив навсегда мои жизненные приоритеты — изучение древнерусского певческого искусства. Всегда с благодарностью вспоминаю уроки Николая Николаевича.

А в апреле в археографической лаборатории состоялся семинар, совершенно замечательный, который проводил приехавший из Москвы, из Института славяноведения Александр Иванович Рогов. Он рассказывал о литургической книжности. И я только тогда узнала, чем отличается Псалтирь от Октоиха, а Триодь от Месяцеслова — это были десять дней совершенно сумасшедшего погружения в неизвестные мне ранее предметы, причем все, о чем говорил Александр Иванович, сразу же демонстрировалось на рукописных книгах, хранящихся в лаборатории. А еще в течение второго семестра я слушала блестящие лекции Николая Николаевича. Он начинал говорить о какой-то, казалось бы, незначительной маленькой детали, о каком-нибудь упоминании, о фрагменте. А затем — что-то волшебное, не нить, не сеть, а такое ощущение, что затягивает в воронку, погружаешься в прошлое и долго-долго в этом пространстве находишься, когда же Николай Николаевич в заключении подводит к выводам, ты понимаешь, что и сам к этим выводам, оказывается, мог прийти. Это было совершенно удивительно! И весь семестр, который я его слушала, я восхищалась его потрясающим лекторским искусством, мастерским владением слова. Когда мне пришлось читать лекции, я всегда стремилась выстраивать их так, как делал это Николай Николаевич. Так я получила еще один профессиональный и важнейший урок от моего первого наставника.

Наконец пришло время, и я отправилась в первую экспедицию. Это был Алтай: Бийск, Усть-Кокса, Верхний Уймон, Катанда, Горно-Алтайск... Хорошо помню свое первое интервью в Бийске. Мы пришли в старообрядческую семью, где жила бабушка, старенькая-старенькая, сгорбленная-сгорбленная, которая, оказывается, еще в 1916 году училась в Бийске в старообрядческой школе пения и помнила, как это происходило. Разговоры со старообрядцами нельзя было записывать, они не разрешали. И ситуация была какая? Разговаривают двое, один слушает, другой задает вопросы. А потом по памяти записываем. Я начинаю задавать вопросы: кто учил, какими пособиями пользовались, как учили... Вопросник был предваритель-

² Кручинина А. Н. Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970–1971 гг. // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 215–237.

но подготовлен и одобрен Николаем Николаевичем. Все, что могла, она нам рассказала. А ее пение она позволила записать на магнитофон. Это интервью и запись были первым моим опытом общения с носителем древнерусской традиции.

Следующее интервью было записано в Катанде. Там мы записали пожилую женщину, которая жаловалась, как ей тяжело в Филипповский пост, потому что еды никакой нет, даже лук еще не вырос. «Я, — говорит она, — сидеть-то не могу, на сидение подушечку подкладываю». А мы к ней пристали: «Спой да спой». Она, чтобы от нас отвязаться, спела нам несколько духовных стихов из традиционного репертуара старообрядцев. Меня совершенно потрясло, и, кстати, не только здесь, но потом и в других местах, — это то, как она пела их любимый стих о протопопе Аввакуме. В тексте цитируется фраза из Жития протопопы Аввакума. Идут они, бредут по тайге, уже изнемогают, сил никаких нет, впереди воевода едет на саних, им не позволил даже зацепиться за сани. И протопопица плачет и говорит: «Батька, да сколько ж нам еще идти-то?» А протопоп отвечает: «До самой, матушка, смерти». Она вздыхает: «Ино побредем дале». Старообрядцы, певшие этот стих, всегда плакали на этих строках. Это совершенно было потрясающе, просто невероятно. Для меня это было... я не знаю... Такое острое, личностное отношение к событиям давно минувших лет, к людям, которые скончались давно, но для певцов, живущих во второй половине XX века, все это — реальность, они поют о живых. Меня потрясло это живое ощущение истории.

Этим же летом мы отправились в очень серьезную экспедицию, причем уже без Николая Николаевича. Прилетели в Кызыл, столицу республики Тыва. Из Кызыла — на маленьком самолете в Сизим, а из Сизима, насколько я помню, мы шли пешком до Усть-Ужепа по берегу совершенно потрясающего притока Енисея — Каа-Хем, как сказали местные, это означает «голубая вода». На самом деле потрясающей красоты река: бурная, яркая, действительно голубая. Причем она неслась между скал, которые были справа и слева. Мы шли по тропиночке, расположенной между скалой и обрывистым берегом. А вокруг нас красоты неопишуемой цветы. Я таких цветов нигде не видела. Огромные пионы. Их там называли «марьины коренья». Очень большие ромашки, спелая земляника... И роднички, в каждом была вода совершенно другого вкуса. И так с тяжелыми рюкзаками весь день шли-шли и не заметили, как уже стемнело. А до Ужепа мы дойти не успели. И что делать? Пришлось останавливаться на ночлег на берегу Каа-Хема. Нарубили лапник и сделали шалаш. Конечно, я уходилась, умучилась с непривычки до потери сознания и сразу же крепко заснула. А оказывается, мой напарник, Геннадий Павлович,

не спал, потому что вокруг шалаша всю ночь бродил медведь-шатун. Поэтому Геннадий Павлович, охраняя нас, всю ночь жег костер, отгоняя незваного гостя. А я еще и не поверила — придумал какого-то себе шатуна. Когда же вышла из шалаша — да, действительно, увидела отпечатки огромных лап. Нам потом местные жители рассказывали, что этот медведь уже двоих людей задрал. Вот так с этим шатуном мы пережили ночь.

Мы пошли дальше. Часам, наверное, к шести вечера мы пришли к поселку Ужеп, который находился на противоположном берегу. Что оставалось делать? Кричать. Мы покричали, покричали, и из ближнего к реке дома вышел подросток и спустил лодку. Я думала, он будет на веслах к нам приближаться, а у него всего лишь в руках один шест, и он этим шестом так лихо-лихо отталкивался, приплыл к нам и говорит: «Вам на ту сторону надо?» Мы отвечаем: «Надо». Без разговоров загрузил наши рюкзаки, посадил нас, и мы поплыли.

Когда мы приплыли, то не знали, куда устраиваться. Как обычно, нас научили, что, если что, — надо идти в школу. Мы и пошли в школу. Там оказались директор и учительница — муж и жена. Они посмотрели наши документы и говорят: «Ну хорошо, идем к нам домой, там и переночуете. А дальше уже надо будет идти и разговаривать с председателем». Но самое смешное было потом. Наша хозяйка, Маша, мне говорит: «Так, я вот печку на улице разожгла, тесто замесила, сковородку поставила, давай-ка оладушки пеки». А вокруг ходит теленок с огромными глазами. Я на тарелку сбрасываю эти самые оладушки, а он подошел и съел. Я ему говорю: «Брысь, пошел!», — а он на меня посмотрел и опять съел. Когда Маша это увидела, то сказала: «Да его надо было просто рукой шлепнуть, и он отойдет». Что делать? Ну, не умела. Так же, как и предшественница моя, которой сказали затопить печку, она положила дрова в духовку и подожгла. И был дым и ничего не топилось. В общем, мы были городские, совершенно не приспособленные к сельской жизни.

Накормили, напоили нас. Утром мы пошли к председателю. Тот говорит: «Ага, вам нужно в скиты, к отцу Палладию. Смотрите, вот тропиночка, по ней идите и дойдете». Опять взяли рюкзаки на плечи и прошли 40 километров. И дошли. Но совершенно замечательно, как нас встретили. Фотография этого скита опубликована в книге Николая Николаевича. Территория огорожена, несколько домиков, ручей посредине течет. Очень уютно, красиво и тепло. И мы входим в калитку. Нам навстречу выбегают три монахини в черных косоклинных сарафанах, в платках, завязанных по-старообрядчески. Геннадия Павловича они уже знали. Они нас сразу же привели в дом, дали умыться. Более того, даже ноги обмыли, поскольку натопались-то

мы как! Дали переобуться. Ну, в общем, все как положено, как в древнерусской традиции принимают гостей. Или даже в христианской традиции. И сразу же посадили нас за стол. Мне Геннадий Павлович говорит: «Ты только не налетай, потому что там в конце будет такое, что если ты наешься, то ты уже этого не сможешь съесть, у тебя только глаза будут гореть». Ну, хорошо. Сначала приносят глиняные мисочки с окрошкой. Причем я понимаю, что еще Филипповский пост, а в окрошке почему-то сметаны очень много. Там, значит, огурец, трава какая-то, сметана, картошечка и что-то еще, не помню. Вкусно. Квас совершенно потрясающий. Я такого, сколько ни старалась, так и не смогла сделать. Съели. Они тоже сидят, но они — за одним столом, а мы — за другим. Большой стол их, маленький стол наш. Поскольку они часовенного согласия, они чашничают. Они встали на молитву, а мы только стояли. Нам с ними нельзя было молиться. И потом приходит отец Палладий. Он сел во главе стола, под иконами. И все едят молча, никто ни о чем не спрашивает. Съели окрошку. Потом приносит матушка рыбу, запеченую в тесте, и предупреждает: «Вы это тесто-то убирайте. Тесто не надо есть». А оно, представляете, пропитано рыбой. Причем это ржаное тесто, душистое — как можно его не съесть? А рыба не больше, не меньше, как хариус. Ладно, съели рыбу. И вот потом-то несут вот такое блюдо: ярко-красное, просто бордовое, даже не земляники, а именно клубники лесной, еще, к тому же, залитой медом. Тогда я поняла, о чем меня Геннадий Павлович предупреждал. Откушали и это.

После этого они встали, помолились, а потом начали разговоры разговаривать. Для того, чтобы разговор лучше шел, у них на столе стояла чашка с кедровыми орешками и у нас такая же. Но они их очень ловко щелкали, я так не умела совершенно. Начинают расспрашивать, кто мы, как мы, откуда, зачем, почему. В общем, все обычные вопросы. Но поскольку Николая Николаевича они уже знали, то нужно было просто передать поклон от него, объяснить, чем мы занимаемся. Ну и главное, Геннадия Павловича они тоже знали, а я-то кто? Я начинаю рассказывать, что я Алевтина — Альбина для них было совершенно непонятное имя (я и крещена была потом как Алевтина), что я учусь в консерватории, что у меня есть такой учитель — Максим Викторович Бражников, и я хочу научиться петь по крюкам. Матушка смотрит на отца Палладия, тот кивает: «Ну, давай, завтра-таки начнем».

На следующий день с утра, я сейчас не помню, как мы завтракали. Я — в предвкушении. И вот матушка меня усаживает за стол, подает мне в руки книжку. Как я сейчас понимаю, это была печатная книга начала XX века издания Калашникова — Октоих. Она открывает сте-

пенный антифон и говорит: «Ну вот, давай начнем». Сначала указкой показывает киноварные пометы: это гораздо, это низко, это строка, это мало повыше повыше высоко. В общем, рассказала и спела обиходный звукоряд. Заставила спеть меня его по горовосходной лестнице. А затем прочитала текст первого тропаря антифона степенны первого гласа и меня заставила повторить. После матушка Надежда показала знаменные знаки роспева и рассказала, как они распеваются. Это параклит, это крюки и стопицы — они в одну степень поются а это скамейца и голубчик борзый — в две степени вверх, тут же смотри — стопица с очком и подчасие в две степени вниз поются, а в конце строки, смотри, попевка, долинка прозывается — вниз прокатывается. Матушка проверила, как я запомнила, и продолжая урок, говорит: «Вот теперь, смотри, я буду петь по солям, а ты будешь петь слова». То есть чтобы я соотносила слог текста со знаменем. Сделали один раз, сделали второй, сделали третий. «А теперь, — говорит она, — ты будешь петь по солям, а я буду петь слова». Я, через пень-колоду, конечно, но все-таки спела, запомнила. «Хорошо, а теперь ты сама будешь петь это. Я тебе не буду помогать. Причем указочкой показываешь на каждый знак и поешь». Таким образом мы спели первый тропарь первого антифона первого гласа. Переворачиваем страницу книги и поем второй. За три дня мы выучили восемь первых тропарей антифонов всех восьми гласов. На следующий день мы это повторили, и нам уже надо было уходить. На прощание матушка сказала: «Все хорошо», — и подарила мне тот Октоих, по которому меня учила: «Вот тебе книга, натокаешься сама дальше, будешь учить и еще лучше научишься». Вот из этого и состояли уроки матушки Надежды.

С 1974 года я и в консерватории работала, и в Духовной Академии, где познакомилась с Мариной, родом из Финляндии, но с русскими корнями, мечтающей научиться петь по крюкам. Она не была музыкантом, но в детстве училась играть на аккордеоне. Я поняла, что учить и ее, и таких же, как она, нужно по методике матушки Надежды, ориентируясь только на знамена с киноварными пометами. Марина была не одинока в своем желании и привлекла к занятиям множество самых разных людей (певчих петербургских храмов, студентов технических вузов, послушников, монахов). И я учила моих первых учеников по методу матушки Надежды. Работала эта методика просто идеально, чудо какое-то. Самое главное, что ни записывать ничего не надо было, ни наизусть учить. И я поняла, что такова была система обучения как чтению, так и пению в средневековье — от учителя к ученику и по многу часов подряд. Тогда остается тот самый багаж, с которым ты можешь жить и работать дальше.

Пока матушка учила, Геннадий Павлович помогал монахиням в полевых работах. Он косил и ворошил сено, заготавливал на зиму дрова... А через три дня мы отправились в обратный путь. Точно так же, пешком, только по другому маршруту — для того, чтобы выйти поближе к следующему аэропорту. И на этом закончилось первое посещение скита отца Палладия.

Перед походом в скит отца Палладия мы несколько дней пробыли в Ужепе и познакомились с совершенно потрясающей семьей Рукавицыных. Не помню, кто нас познакомил, скорее всего, Николай Николаевич. Он же и рассказал их историю. Два брата, два самых лучших певца во всей округе — Иван и Гермоген. Когда они пели за богослужением, то приезжали старообрядцы со всей округи, чтобы их послушать. Один из братьев, Иван, ушел в партизаны, вступил в партию, вышел из общины и стал первым председателем совхоза, а другой, Гермоген, оказался наставником старообрядческой общины. С ним, Гермогеном Федоровичем, мне выпало великое счастье общения. У Гермогена Федоровича было двое сыновей — Марк и Макар, взрослые, многодетные отцы семейства. А жен их звали одинаково: Феврусьями. Сыновья-то и познакомили нас с Гермогеном Федоровичем. Таких высоких и огромных мужиков я до той поры никогда не видела. Вот огромные плечи, под два метра ростом, густая черная борода... На лицах только глазищи сверкают. А когда я посмотрела, какие у них сапоги, — они 47-го размера! И вот они идут впереди, трава высокая, густая, волнуется как море, даже их закрывает, и мы за ними плетемся потихонечку. Привели они нас в избушку — весь заросший сруб — и говорят: «Батюшка, вот мы привели к Вам гостей из Новосибирска». К нам выходит навстречу такой же могучий человек, только с седой бородой и с глазами, которые явно не видят — видно, что у него на глазах бельма. Говорит: «Ну что же, милости просим, проходите». Мы заходим, садимся. Естественно, у нас магнитофон в руках. «Кто вы, что вы, как вы?» — начинаются всякие разные разговоры. Мы объясняем, куда мы, зачем мы, и не можете ли нам показать свою библиотеку? «Ну, — говорит, — пожалуйста». Я смотрю и обалдеваю. Там все 80 томов энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Что же там еще было? Вся дореволюционная литература, связанная с историей церкви, причем очень редкие и специальные книги (Краснопевцев, Дмитриевский), справочники, словари — то, что далеко не каждый университетский студент в руках держал. Но рукописи он так и не показал.

В процессе беседы отец Гермоген затрагивал всякие вопросы, рассуждая о сложнейших философских проблемах: «Я все время размышляю о Софии Премудрости Божией и даже не знаю, что по этому

поводу сказать, ничего про это не знаю». — «А уж мы-то и тем более ничего не знаем, но мы спросим у Николая Николаевича Покровского». Дальше к нему еще какие-то тетеньки прибежали, а главное, пришла его сноха, Феврусия. Я говорю: «Мы учимся петь по крюкам, не могли бы вы что-нибудь спеть?» Можете себе представить, в июле они нам спели стихиры Пасхи. И мы это записали. Показывала их уже не я, а Татьяна Генриховна Казанцева, — оказывается, запись сохранилась. Несмотря на то, что отец Гермоген был весьма преклонного возраста, голос потерял гибкость и красоту, но в его пении было столько силы, ясности и четкого понимания того, о чем он поет и зачем поет, что он просто зачаровал всех. Необыкновенно было. Вот они спели все стихиры Пасхи, причем он возглашал, как положено. Потом они стали петь духовные стихи. И вот опять же, исполняя стих о Протопопе Аввакуме на том же самом месте, диалоге протопопицы и протопопа, все заплакали. И оказывается, потом нашему Гермогену был сделан выговор за то, что, во-первых, он Пасху пел не тогда, когда нужно, а во-вторых, что вообще непонятно, с кем стал разговаривать. Но очень интересно, что он ответил на то, почему он Пасху пел в это время. Он знает, что сказал? — «А как же Серафим Саровский? Когда к нему император с императрицей пришли, ему же тоже пели Пасху в июле». И все.

В. А.: Пасха приходит, но не уходит.

А. Н.: Да. После этого, уже на следующий день, мы пошли в скит. Потом мы были в скиту у тех женщин, о которых рассказывал Николай Николаевич, о том, как и почему они оказались монахинями, хотя были мирскими девочками, и как сложились их судьбы — тоже совершенно потрясающе, и в какой-то степени они были связаны со вторым Рукавицыным. Он Иван, по-моему, был. Значит, одна из них Мастратея, другая — Варсонофия. Две девочки, которых послали в скит на лето. Так принято было, чтобы девочки воспитывались и учились монашескому смирению и были богобоязненными — как положено, но оставались мирянками. Но эти две девчонки, когда все взрослые ушли на сенокос, решили примерить на себя монашеское облачение: «Личит или не личит?» И все бы было ничего, если бы в этот момент в окно не заглянула их тетка, матушка Измарагда. Она увидела и ужасно огорчилась, потому что она не хотела их постригать в монахини, но раз уж они сами на себя это надели, никуда не деться, они сами выбрали свою судьбу. И так они стали сначала послушницами, а потом и монахинями. Это было до 1918 года, когда туда пришла советская власть и все скиты, всех монахов разогнали. Обе эти девицы оказались не у дел. Одна из них отправилась в Кызыл искать работу на рынке. На ее счастье, к ней подошла женщина родом из Мо-

сквы, у которой были муж-летчик и дети, и спросила: «Ты не хочешь ли поехать с нами в Москву и нянчить моих детей?» — та сказала: «Хочу», и уехала с ними в Москву.

А вторую, Варсонофию, пригласил помогать своей жене Агафье тот самый Иван Рукавицын, который был коммунистом и партизаном. Это тоже было обычное дело: у Агафьи уже родились четверо детей, почему бы не помочь? Она оказалась в этом доме. Потом выяснилось, что она не только детям помогает, но еще и определенным образом «помогает» ее мужу. Агафья возмутилась, но ничего сделать не могла. Поэтому Иван построил Варсонофии на этом же участке домик, и она там и жила. У нее родился ребенок, но он не выжил. И тогда Варсонофия решила, что это по ее грехам, ушла от Ивана и стала работать в совхозе. Причем она работала так, что в 1939 году ее отправили как отличницу труда на сельскохозяйственную выставку в Москву. Оттуда она, по-моему, вернулась. А Мастрадая, оказавшись в Москве во время войны, ушла на фронт, но не воевать, потому что старообрядцам нельзя держать в руках оружие, а в банно-прачечный комбинат. И прошла она с этим банно-прачечным комбинатом до Берлина, и вроде совсем уже успокоилась, решила, что Бога нет. Так было, пока она в каком-то из пунктов не встретила и не стала помогать летчику, которому было плохо, он умирал. Она подошла к нему и спросила: «Скажи, вот ты в небе летаешь, а ты там Бога видел?» Он сказал, что видел.

После окончания войны она вернулась в Кызыл. А Варсонофия после того, как закончилась война, опять вернулась к Ивану. Тут мне матушка Надежда рассказывает: «Выхожу на рынок и смотрю — Мастрадая в юбке выше колена, в гимнастерке, обстриженная». Она к ней подошла и спрашивает: «А чего ж ты такая?» А та отвечает, что приехала работу искать. Надежда сказала: «Знаешь, поедem к нам в скит, отдохнешь». Привезла ее в скит. Говорит: «Тебе же жарко в этом, давай, переоденься. Вот тебе косоклиный сарафан, вот тебе рубаха. А голову-то давай прикроем, не смущай нашего отца Палладия-то стриженная, разве девка может быть стриженной? Это нехорошо». Таким образом она ее и оставила при себе. А тут и Варсонофия тоже вернулась. Решили они всем миром, что им нужно отдельный скит построить. Иван им построил домик, в котором они и пребывали. Туда мы тоже сходили. Они тоже пели. Пели они плохо, но все равно пели. Так вот я познакомилась с реальными участниками всей этой исторической драмы.

Где мы еще были? Дальше я уже плохо помню, потому что ничего такого особенно яркого не было. Мы были в том скиту, где как раз и произошло пострижение этих двух монашенок, но матушки Изма-

рагды уже не было в живых. Дело в том, что туда Геннадий Павлович бегал несколько раз, когда они еще с Николаем Николаевичем ходили, потому что у матушки Измарагды была в коллекции потрясающей красоты рукопись — Евангелие XV века, с юсами и с заставками нецелыми, с киноварью и ярко-лазоревыми какими-то вставками. Удивительное совершенно. И Николай Николаевич у нее пытался выпросить книгу и уже договорился. Геннадий Павлович прибежал к ней, а она сказала: «Нет, я пока не могу, я не отдам. В следующий раз». А следующий раз случился именно тогда, когда мы пришли, а она скончалась. Перед смертью она хотела, чтобы это Евангелие положили с нею в гроб. Но буквально за час или за два до смерти она сказала: «Нет, придет этот самый из Новосибирска, отдашь ему». Таким образом лаборатория получила такое Евангелие. Причем, знаете, старообрядцы редко когда продавали книги, они просто отдавали. Так, что еще помню? Вот все, наверное.

В. А.: А сколько раз Вы всего ходили?

А. Н.: К матушке Надежде и к отцу Палладию в скит мы ходили три раза. У Рукавицыных всегда, когда мы приходили, был Филипповский пост, лето, и они нам сказали, чтобы мы приехали к ним зимой, они бы зимой все нам рассказали и записали.

В. А.: А летом некогда?

А. Н.: Летом некогда. Тогда мы договорились с Николаем Николаевичем, что мы им оставим магнитофон, отметим все те песнопения, которые они должны нам записать, а петь они будут по своей рукописи. У этой рукописи есть тоже своя история, совершенно замечательная. Они всегда пели только по своей рукописи. Причем они пели и «знамя», и «путь», и «демество». Это все было на очень высоком уровне.

Феврусия мне рассказывала, что они в 1950-е годы, после очередных преследований, как она говорила, Берии, прятались страшнейшим образом: матери с детьми, если не было мужчин, просто уходили в распутицу в тайгу и не возвращались, и там умирали. А у них большая семья. Они тоже ушли, но они ушли чуть раньше и успели построить там землянку. Топили только ночью. Соответственно, еду готовили только ночью, чтобы дыма не было. Сделали схрон, там, где изба, спрятали книги. С собой не взяли ничего, потому что слишком много надо было нести. А службу-то служить надо было. И вот отец Гермоген при коптилочке, при свечечке написал эту толстенную книгу — Обиход. Это действительно обиход, все, что нужно. Написал он ее по памяти, на этом сорвал себе глаза. И мне Феврусия говорит: «Когда мы вернулись и достали книги из схрона, я положила книгу, которая у нас лежала, и книгу, которую батюшка написал, и одного

различия не нашла. Так он все помнил». И понятно, что это память не зрительная, это память слуховая. И вот по этой самой рукописи мы их попросили спеть. Причем направленно — службу Рождеству Христову в разных распевах, что они и сделали. Это потому, что мы были там однажды зимой. Зимой это вообще была сказка и песня. Потому что зимой уже пешком не дойдешь, все-таки 40 градусов мороз. И нам выдали лошадку. Ну, как выдали — дали Геннадию Павловичу в руки и сказали: «Вон там Ласточка, иди, запрягай». Он знать не знает, как ее запрягать. Ну, а попросить... Не знаю, чего он так, я бы так попросила, а он — нет. Ну, как запряг, так и запряг. Он был в настоящем полушубке. Мне тоже какую-то шубейку дали. Я села в сани, меня укутали. И эта лошадка быстренько поскакала вниз по раскатанной дороге. Естественно, нас выбросило, за лошадкой не убежать. Сидим, собираем свои шмотки. Благо возвращался в Ужеп мужичок, который нас тоже знал. Он остановил ее, подвел к нам, сказал: «Кто ж так запрягает?» Запряг как следует, и мы дальше так и ехали по морозцу. Выехали рано утром, а когда приехали — уже стемнело, звезды были. Матушки нас встретили, сразу же на печку посадили, теплые валенки дали. В общем, все было замечательно. Вот и такая была история.

Что еще? Что-то я еще вспомнила. Вспомнила, как Феврусия рассказывала, как она замуж за Марка, певца, сына Гермогена, попала. Рассказывала она так: «Я работала в ларечке где-то в Даниловке. И вот странный человек, парень, ко мне в один день пришел, купил 100 граммов конфеток самых дешевых. Во второй день пришел. Потом на третий. Целую неделю, — говорит, — ходил, конфетки покупал. Я маме рассказываю: “Матушка, такой вот странный парень ходит”. Она и говорит: “Ну, жди сватов”». И действительно, пришел свататься с Гермогеном. А как это Гермоген высмотрел Февусию? Именно потому, что Феврусия очень хорошо пела. И он Марку сказал: «Вот эту девушку бери замуж, она очень хорошая певица». Так и получилось.

В. А.: То есть конфетки он себе покупал?

А. Н.: Естественно, надо же как-то присмотреться к ней, кто она, как она.

В. А.: И присмотреться, и примелькаться.

А. Н.: Да, но так они и не познакомились. Он просто вот ходил и конфетки покупал. Но смешное было еще вот что. Когда мы первым летом были, все-таки они выбрали для нас время и согласились попеть на магнитофон. Хотя в скиту нам не разрешили записывать, потому что для отца Палладия магнитофон и лента были синонимом шагреновой кожи — запишешься, и часть твоей души уйдет. А Рукавицыны спокойно к этому относились. Вот и пришли мы с магнито-

фоном. А там дети, среди которых самый маленький — трехлетний мальчишечка. Как его звали, я уже не помню. Все сидят тихо-тихо, уже настроились, уже почти начали петь. И тут вдруг в избу заходит петух, огромный, с таким красивым гребнем. И этот маленький мальчишечка хватает отцовский сапог, больше чем он сам, и этим сапогом — тюк-тюк-тюк-тюк-тюк — и петуха выгоняет. И все это в полной тишине. Я думала, я там умру. И Анюта была в это время, мы уже с Анютой ходили вместе. Тогда тоже записали много чего хорошего. Так что вот такие вот были вещи.

Кроме того, вообще как-то так познакомились с бытом этой старообрядческой деревни. Конечно, они хорошо жили. И знаете, что меня больше всего потрясло, — это отношение мужа к жене и жены к мужу, такое уважительное. За мужа она вообще глотку кому угодно порвет. Это тоже мне рассказывали. Там же, так же, как везде в России, существовали ограничения на вылов рыбы, на время и так далее. Ну, а мужики-то все равно же подледный лов практиковали, и потом: чем кормиться? И вот они уехали, а тут вдруг — бац, и милиционеры. Так вот, эта вторая невестка, она тоже была Феврусия, но только наша большая, а эта была худенькая, щупленькая. Она как с постели встала, в чем была, накинула на себя шубейку, лошадь запрягла и бегом предупреждать своих. Вот такие они были, совершенно замечательные. Я еще смотрела и думала: «Вот это нормальные взаимоотношения мужчины и женщины. При таких отношениях можно семерых детей рожать, не страшно». Все дома у них были в порядке, все красиво, все замечательно. А как они праздновали Петров день, это было что-то необыкновенное! Нас позвали как положено, и тоже с поклоном, с пением, стаканы с бражкой. А бражка у них особенная: ее пьешь, а она как квас. А настояна она на пантах марала, представляете? Пьешь — вроде все хорошо. И закуска — огромные куски маральего мяса, которое они запекают в печке, еще трава, по-моему, какая-то, ничего особенного. А потом не встать. То есть с головой все в порядке, а на ноги не встать. А они вышли из-за стола, сели в лодки, и устроили гонки по этой самой реке: кто быстрее? При этом у них у всех моторы. Представляете, что это такое было? И ничего, все в порядке. Когда же они подпили, говорят: «Мы ведь не только духовные стихи знаем, а мы еще и песни». И нам столько всяких песен напели. И в основном, как ни странно, «Шел отряд по берегу» и другие революционные песни, песни Гражданской войны. Обалдеть! Причем очень лихо и очень хорошо. Ну вот, наверное, все. Просто больше я не помню. В основном, видите, это сплошное такое бытовое.

В. А.: Ну так это же самое главное на самом деле. Рукописи-то лежат...

А. Н.: Да, рукописи лежат. Кроме того, у них-то мы ни одной рукописи не взяли, привезли просто записи и дневники.

В. А.: А с Николаем Николаевичем вы один раз ходили?

А. Н.: Да, он только нас привез сначала в Бийск, потом в Усть-Коксу, и там мы ничего не нашли, а потом все, мы разбежались. Я не знаю, куда он дальше пошел, наверное, по другому маршруту, вместе с Зоей Васильевной.

В. А.: Я понимаю так, что он брал начинающих, а потом оставался с Зоей Васильевной.

А. Н.: Он направлял, а дальше уже барахтайтесь сами.

В. А.: Это на него похоже. Зоя Васильевна его не отпускала одного.

А. Н.: Зоя Васильевна совершенно потрясающая была женщина.

В. А.: Да, она очень хорошая была. Очень жалко, что так нелепо с нею случилось...

А. Н.: Вы знаете, она просто удивительная — такая верность и такая преданность. Она была, по-моему, для него всем — и мамой, и хозяйкой, и помощницей, всем, всем. Это совершенно удивительно было. Я, собственно, в ней ничего вообще, ни одной какой-то неприятной черты не увидела и не услышала. Как она могла так, я не знаю. Потому что, когда в экспедиции, все это очень близко, все сразу очень видно.

В. А.: Да. Так и дома у них всегда было. Приглашают в гости, все за столом, и она тут, а как будто и нет.

А. Н.: Потрясающий человек.

Еще я хорошо помню, как Николай Николаевич в Москве познакомил меня с очень интересным человеком-старообрядцем, который окончил архивный институт и был дьяконом в храме на Рогожке. Он как-то очень трагично и совершенно молодым скончался. Я до сих пор помню: совершенно невозможный красавец, настоящий русский богатырь, голубые глаза, пшеничные волосы и, соответственно, борода. А как он служил, это красоты неопишуемой. Его звали отец Евгений Бабков. По его рекомендации нас в старообрядческий храм впервые пустили. Естественно, мы стояли у самой двери, но это совершенно потрясающее впечатление. Как это ни странно, знаете какое? У меня было ощущение, что я присутствую при каком-то потрясающе срежиссированном действии, потому что все делалось не то что по команде, но они знали, когда и что. Отдельно стояли мужчины, отдельно женщины. Как только начинаются песнопения, которые должны быть с коленопреклонением, так все — бух! Потом сразу все встают. А какой был клирос, как они пели! Совершенно великолепно, необыкновенно. Тогда я впервые поняла, что это то, чего не понимают наши студенты и даже наши педагоги не понимают, что для того,

чтобы оценить это искусство, нужно обязательно хоть раз в жизни попасть на настоящую старообрядческую службу. Не на тот старообрядческий клирос, которых много везде и которыми руководят выпускники музыкальных училищ, а именно на такой, что держится на традиции. И вот, насколько я могу понять, этот рогожский клирос держался на традиции. Во-первых, это чисто мужской клирос, никакого смешанного. Во-вторых, как они пели — это не итальянская постановка голоса, а нечто совершенно другое, естественная нормальная мужская постановка голоса, и вообще-то не надо ничего с этим делать. Они пели совершенно потрясающе. У меня ощущение было, что я не на земле, а где-то там уже наверху. Вот это я помню.

Список литературы

Кручинина А. Н. Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970–1971 гг. // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 215–237.

Т. Ф. Волкова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ В 1969 г.

В статье рассказывается об археографической экспедиции студенток Ленинградского университета и аспирантке Института истории СО АН СССР в низовьях Енисея, описано много бытовых подробностей.

Ключевые слова: сибирские археографические экспедиции, старопечатные книги, полевая практика

Весной 1969 г., когда мы с моей университетской подругой-одногруппницей Надей Литвиновой (ныне Барминской) учились на третьем курсе филологического факультета ЛГУ и уже третий год посещали семинар по древнерусской литературе Н. С. Демковой, она предложила нам поехать в очередную экспедицию за рукописями не в Архангельскую область, а в далекую Сибирь. Предложение было настолько заманчивым, что мы сразу же согласились и стали с нетерпением ждать лета. И вот долгожданный июль наступил, и мы отправились в далекие сибирские края, не зная, что нас ждет там, какие старообрядческие места мы увидим. У нас уже был опыт двух археографических экспедиций в составе университетской группы на Северную Двину и Пинегу, но все же мы немного трусили, ведь мы даже не знали ни маршрута, ни кто такая наша руководительница Наташа Поньрко, аспирантка первого курса Института истории Сибирского отделения Академии наук, с которой мы при этом должны были встретиться не в Новосибирске, а почти на месте нашей поисковой деятельности — в знаменитом своей причастностью к судьбе протопопа Аввакума месте — городке Енисейске, в низовьях Енисея.

Начало нашей поездки запомнилось хорошо, хотя с тех пор минуло более 50 лет! Этому способствовали во многом мои фотографии, которые, к счастью, сохранились в одном из моих многочисленных фотоальбомов, где они были наклеены на альбомные листы и в некоторых местах сопровождались подписями, что было особенно важно, так как следующая, основная, часть нашей поездки после Енисейска в памяти сохранилась отрывочно и без всяких имен и географических названий. Фотографии напомнили наш прилет из Ленинграда в Красноярск, где мы должны были пересесть на пароход и на нем плыть по Енисею в этот легендарный Енисейск. Речной вокзал нас поразил

Надежда Николаевна
Литвинова

Татьяна Федоровна Волкова

обилием скульптур представителей самых разных профессий, что в те советские времена наблюдалось практически во всех городах Советского Союза. Мы с подругой относились к ним с добродушной иронией и стремились запечатлеть друг друга почти у каждой такой скульптуры.

Помню и саму удивительную поездку на пароходе, небольшом корабlike, где у нас была своя каюта, так как плыть нам предстояло не менее двух дней. Я очень хорошо помню, как я, тогда весьма романтического склада особа, не могла налюбоваться с палубы на красивые лесистые берега Енисея, в то время как моя подруга предпочитала сладко спать в каюте и возмущалась моими попытками вытащить ее на палубу. Но на второй день, судя по сохранившимся фотографиям, она все-таки появилась на палубе.

Пребывание в Енисейске вспоминаю очень смутно. Н. В. Понырко, когда я ей позвонила перед написанием этих заметок, сказала, что для нее главной проблемой пребывания в Енисейске была встреча с неведомыми студентками из ЛГУ — она не знала, как нас опознает, но опознала, по ее словам, сразу же. Я помню только ресторан в Енисейске, где мы уже втроем сидели и удивлялись вкусному обеду, которым нас там накормили. Помню убранство этого ресторанчика, в котором главное место занимали многочисленные пальмы в больших кадках. Помню, что я все время думала о том, что три столетия назад здесь был протопоп Аввакум. Это создавало у меня особое настроение. Наталья Владимировна тоже вспомнила этот ресторан, но еще и нашу прогулку возле какого-то монастыря, что в моей памяти

не сохранилось. По-видимому, это был Спасо-Преображенский мужской монастырь, построенный в 1731–1756 гг.

Далее в наших воспоминаниях начинается темная полоса — забылось и то, куда и на чем мы поехали после Енисейска. Наверно, у нашей руководительницы был некий план, которому мы и следовали. Одно из поселений, где мы даже заночевали, судя по фотографии, на которой Надя умывается в интерьере двора деревенского дома, в фотоальбоме названо Усть-Пит. Это село в Енисейском районе Красноярского края, административный центр Усть-Питского сельсовета. Село расположено на правом берегу реки Енисей, вверх по течению от места впадения в Енисей реки Большой Пит. В начале XX в. село Усть-Питское входило в состав Анциферовской волости Енисейского уезда Енисейской губернии. Его прославил своим рождением 1 (13) января 1813 г. Петр Лаврентьевич Попов, впоследствии ставший епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским Павлом.

Что мы там, в Усть-Пите, делали, я не помню, и мои спутницы тоже. На одной из фотографий запечатлен дом, в котором мы, видимо, ночевали, не похожий на наши деревенские дома средней полосы. Он вытянут вдоль дороги и имеет по фасаду три окна со ставнями, днем открытыми и плоскую крышу, без столь привычного нам чердака и крыши со скатами. Перед домом деревянный заборчик, а слева мощные ворота и калитка в них. В свободное время мы гуляли по берегу Енисея, любуясь водными просторами. Улицы поселка иногда имели деревянные тротуары, что было удивительно, так как до моих поездок в Усть-Цильму (Республика Коми), где такие тротуары простираются на несколько километров, было еще далеко.

Затем мы побывали в заимке Шишмарево, расположенной в 12 километрах от Усть-Пита, она также находится на берегу Енисея. Когда-то это было место проживания коренных сибиряков-старообрядцев. Они вели традиционный образ жизни, занимались охотой, рыбалкой, вели натуральное хозяйство. Было время, когда вблизи поселка засеивались колхозные поля. В 1978 г. в Шишмарево была построена колония, где отбывали наказание осужденные, но мы побывали в Шишмарево до этого знакового события. Видимо, в этой заимке мы посетили удивительно колоритного человека — пасечника. Я несколько раз его сфотографировала, но имя его в моем альбоме не названо. Скорее всего, мы именно у него надеялись найти старинные книги. Но ни у пасечника, ни у других жителей этих сел рукописей или старопечатных книг мы не нашли.

Последним пунктом, в котором мы были все втроем, было село Пономарево. Самого села мы не помним, но помним очень хорошо домик бакенщиков, как он обозначен в моем фотоальбоме. Нам при-

Наталья Владимировна Поньрко и Надежда Николаевна Литвинова

шлось там провести ночь, которую мы с Надей до сих пор помним. Где ночевала Наташа, я не знаю. Но на фотографии она запечатлена возле этого незабываемого домика. Где в это время были его хозяева, я не помню. Может быть, они были на рыбалке, уступив нам свое жилье для ночлега. Во всяком случае утром они привезли огромную рыбину, каких я никогда в жизни не видела. Но вернусь к нашему ночлегу. Наши муки были связаны с тем, что от комаров все окна в домике были наглухо закрыты, и дверь тоже плотно прикрыта. Ближе к утру в домике стало так душно, что мы больше не могли выдержать и вышли на улицу. И тут мы поняли, почему домик был так закупорен: на нас яростно набросились в неимоверном количестве комары. Особенно доставалось Надежде, меня почему-то они меньше кусали. Чтобы надышаться свежим воздухом без комариных укусов, я придумала способ, которому меня кто-то из опытных людей научил. Я сняла с головы белый платок и расстелила его на земле. И действительно, в течение нескольких минут стаи комаров набросились на белый платок, дав нам небольшую передышку. Как мы выдержали остаток ночи, точнее, раннего утра, я уже не помню. Но в домик, кажется, мы уже не возвращались. Утром комары пропали, а мы увидели огром-

Усть-Пит. В поисках рукописей

ную рыбину, которую нам предстояло есть, и забыли про все ночные страдания. Бакенщики ее разделявали и в несколько приемов жарили на огромной сковородке на уличной печке. Помню, что меня поразило то количество масла, которое из этой рыбы выделилось, она в нем не жарилась, а тушилась. Помню, что рыба была очень вкусная.

Дальше нам предстояло уже вдвоем с Надей путешествовать по реке Кас, по берегам которой, как нам сказали, были раскиданы небольшие старообрядческие заимки, так здесь назывались маленькие поселения в два-три домика. Как мы добирались в одну такую заимку и как она называлась, я не помню. Но на нее у нас оставалась последняя надежда: так не хотелось возвращаться в Новосибирск с пустыми руками. На заимке мы попали в дом Татьяны Самойловны Гуриной, запечатленной на нескольких моих фотографиях. Она проживала вместе с взрослым сыном и его женой Надей. Так что у нас образовалась переключка имен — две Надежды и две Татьяны.

Наученные опытом наших первых экспедиций, мы не стали сразу рассказывать о своей связи с Пушкинским Домом и Ленинградским университетом, а развивали в целом вполне правдивую историю о нашем интересе к старинным книгам, умении читать «по-славянски»

Татьяна Самойловна Гурина

и желанием найти интересные книги, чтобы по ним продолжать свое обучение. Бабушка Татьяна очень хорошо к нам отнеслась и после наших рассказов вынесла нам долгожданную старинную книгу. Она была большого формата в деревянном переплете, обтянутом кожей. Мы увидели, что это рукопись, и по почерку и бумаге поняли, что, скорее всего, она была XVII века. Разговор наш мы подвели к моменту получения этой книги для дальнейшего обучения. Татьяна Самойловна была согласна нам ее подарить. И успокоенные, мы легли спать в одной из комнат на полу. Однако в середине ночи раздались какие-то громкие голоса, мы услышали шаги, и вскоре в нашу комнату вошел какой-то мужчина. Он предста-

вился каким-то местным начальником (не помню сейчас его статус) и потребовал у нас документы. Нам ничего не оставалось, как показать ему наши паспорта и объяснить цель нашего появления на заимке. Не помню, была ли Татьяна Самойловна в этот момент в нашей комнате и слышала ли наш разговор, но, кажется, ее все же не было. Начальника впустили молодые ребята. Помню тот страх, который овладел нами, и начальник, кажется, нам угрожал какими-то репрессивными мерами, и книга явно от нас «уплывала». Но нас спасли Надя с мужем. Они так прониклись нашими рассказами и проблемами, что после ухода «разоблачившего» нас человека пришли к нам и предложили на рассвете, не прощаясь с хозяйкой, отвезти нас туда, откуда мы можем возвратиться в Новосибирск. Они нас убедили, что раз книгу Татьяна Самойловна нам подарила (книга была уже у нас), то лучше нам подбру-поздорову покинуть этот дом, так как утром начальник может снова появиться и открыть «правду» о нашем научном задании бабушке, и она может передумать и забрать у нас назад старинную книгу. Мы, конечно, были рады такому предложению и быстро собрались в обратный путь.

Наши спасители — Надя и сын Татьяны Самойловны, вывезшие нас с книгой

На рассвете мы сели в моторную лодку и помчались вместе с нашими спасителями по Касу. Вокруг нас была невероятная красота, а рукописная находка согревала наши замученные предшествующими неудачами души. Мы мчались по сибирской реке и сознавали, что вокруг на многие километры не было человеческого жилья. Плыли мы довольно долго и с глубокой благодарностью распрощались с Надей и ее мужем, имя которого я запомнила. Счастье от сознания, что мы вернемся с такой ценной находкой в Новосибирск, переполняло нас.

Как и откуда мы возвращались назад, в Новосибирск, я совершенно забыла. Но фотографии и здесь подсказывают, как закончилась наша экспедиция. Мы встретились в Академгородке и с Наташей Понырко, нашим руководителем (она вскоре покинула Новосибирск и переехала в Ленинград, а спустя годы возглавила Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома и оставалась на этом посту несколько лет), и с Еленой Константиновной Ромодановской, экспедиционное задание которой мы выполняли. В Новосибирске было очень жарко (так помечено в той части моего фотоальбома, которая посвящена Новосибирску). Находку нашу определили как старопечатную книгу действительно XVII в.¹ Скорее всего, это была какая-то богослужебная книга, судя по ее размеру и оформлению.

¹ Книга хранится в ГПНТБ СО РАН под шифром ФК.VI.1 — Триодь постная. Москва: Печатный двор, [1607]. Печатник Андроник Тимофеев Невежа.

Ну а мы направились дальше — на отдых: я — на поезде в Крым, где присоединилась к моим однокурсникам, которые собирали сливы в совхозе под Коктебелем. Первый раз в жизни я проехала почти всю нашу огромную страну, что тоже было незабываемым впечатлением. А Надя улетела на самолете к родителям, которые в то время жили в Великих Луках.

Такая у нас получилась экспедиция. Жаль, что никаких дневников мы не вели — сначала не о чем было писать: рукописей мы не встречали в первых посещенных нами селениях, а на заимке у Татьяны Самойловны было не до дневников. Но моя страсть к фотографированию и бережному хранению всех напечатанных фотографий (я сама и пленки проявляла, и печатала фотографии) позволила вспомнить эту давнюю экспедицию, так не похожую и на все предыдущие, и на все последующие — по Пермской области и по Усть-Цилемскому району Республики Коми.

Л. В. БЕСПАЛОВА

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

Едем в Бурятию!

Статья посвящена поездке археографической группы в Бурятию. Перед экспедицией стояла задача привезти рукописные и старопечатные книги, а также предметы быта старообрядцев-семейских.

Ключевые слова: археографическая экспедиция в Бурятию, книжные находки, этнография

Если у меня и были какие-то записки или письма о той давней археографической экспедиции 1972 года, то они безвозвратно утрачены. Что вы хотите — прошло более 50 лет. Целая жизнь! И все же та экспедиция оставила в памяти много ярких эпизодов. А как иначе: это вы живете там, в Сибири, а у нас тут другая точка отсчета. От города на Неве это далеко-далеко: за Уралом, за Енисеем, за Байкалом. Азия!

Эта поездка выпала мне случайно. Моя однокурсница и подруга Елена Шварц (увы, ее не стало в прошлом году) наконец-то уговорила меня сделать прививку от энцефалита, чтобы я могла принять участие в экспедиции, как мы думали, в Коми. Но оказалось, что в тот год появилась возможность присоединиться к экспедиции из Новосибирска в Бурятию, где издавна жили семейские — старообрядцы, переселенные в эти места еще в XVIII веке. Мне захотелось именно туда: когда еще будет такая возможность?!

Итак, студентки филфака ЛГУ — Лиза Семенова, Наташа, фамилии которой я не помню, и я — прибыли в Новосибирск. Посмотрели знаменитый Академгородок, познакомились с коллегами. Нас распределили по разным группам, я попала в опытную команду Тани Апсит.

Отъезд. Мы, три скромные ученые девочки (если посмотреть на нас со стороны), отправились в путь с важными документами — от Института истории Сибирского отделения Академии наук СССР, и деньгами на приобретение предметов быта семейских.

Взяли билеты, закинули рюкзаки за спину и поехали. В поезде было жарко. Запомнилось, как однажды мы несколько часов, почти не отрываясь, смотрели в окно: любовались озером Байкал, рядом с которым была проложена железная дорога.

В дороге к нам в купе как-то подсела женщина. Решив подкрепиться, выложила из сумок всякую снедь и нас пригласила к столу.

Сильно запахло чем-то «специфическим». Мы отвели глаза, задержали дыхание. Но оказалось, что так «благоухает» знаменитый байкальский омуль с душком. Я рискнула и попробовала — вкусно!

Вот и пыльный Улан-Удэ. Дальше наш путь лежал к центру территории, которую нужно было обойти/объехать и собрать с нее книжный урожай, а именно — в Тарбагатай. На этот счет у нас имелись и нужные адреса; к сожалению, многие не оправдали наших ожиданий.

Тогда еще не было интернета, видимо, поэтому мы и не догадывались, что в тех необъятных краях есть несколько Тарбагатаев. Увы, узнали мы об этом слишком поздно. Руководитель экспедиции Танечка Апсит потом потратила много времени на финансовый отчет, стараясь сделать так, чтобы наш маршрут совпадал по датам с собранными в дороге билетиками.

А случилось вот что. Не думая ни о чем плохом, ночью мы сели в поезд (а надо было бы в автобус) и отправились в путь. Одна из верхних полок прогибалась и нехорошо скрипела, угрожая совсем сложиться и кого-то придавить. Но обошлось. Приехали на рассвете, посидели немного на безлюдной платформе и с солнышком отправились по делам: в местную администрацию — поставить печати на нашей «подорожной» о прибытии (это мы поторопились!), где-то поесть и, конечно, посетить книжный магазин.

В те времена в отдаленных местах всегда можно было приобрести что-то интересное. Мы нашли продавщицу у нее дома, попросили открыть магазин, и нам повезло. Помню, что я купила несколько экземпляров «12 стульев» Ильфа и Петрова, издания о кино и т. д. В общем, все набрали книг и довольные отправились на почту. Там нас ждал неприятный сюрприз. Когда мы передали приемщице свои посылки, с обратным адресом, выяснилось, что мы действительно находились в Тарбагатае, но не в Бурятской АССР, а в Читинский области. Вместо того, чтобы ехать в южном направлении, мы долго двигались на восток. Какая неприятность!..

Документы испорчены, что делать? По-моему, это Таня Апсит придумала выводить печати вареными яйцами. Не помню, удался ли этот трюк, но в столовую мы ходили, яйца варили, скорлупу снимали, а пленочку оставляли — главный «сводительный» элемент. Наш дальнейший маршрут пришлось в корне пересмотреть, но все же мы вышли на нужную траекторию и посетили намеченные поселения Бурятии.

Что запомнилось из тех дней. Купание в горной речке Хилок: вода холодная, течение сильное. А вот мы в «аэропорту» — в деревянном домике на каком-то местном аэродроме ждем самолетик, чтобы куда-то лететь. Долго ждем и, коротая время, часто запрокидываемся очень

вкусными блинами. И еще о еде. Мне было даже удивительно, что в Забайкалье, так далеко от европейской части страны, в столовой в меню те же эскалопы! А вообще в магазинах скудно. Как-то, голодные, мы смогли купить только пятилитровую банку с маринованными огурцами и помидорами.

Однажды в воскресное утро в каком-то клубе показывали американский фильм Стэнли Крамера «Скованные одной цепью». Конечно, мы пошли. Кассирша спросила, какие мы будем брать билеты: детские или взрослые. А у нас, вы помните, документы из важных учреждений, ну, и вообще. Подумав, мы взяли... детские, по 5 копеек, заплатили, правда по 10, серий-то две.

Надо сказать, выглядели мы специфически. Белые платочки, синие треники, а сверху юбки — все-таки к старообрядцам приехали. Так и ходили по деревням и селам, изумляя местных. Последние тоже нас иногда удивляли. Как-то мы ехали в автобусе с пьяным мужичком, который всю дорогу говорил исключительно матом. А еще в одной из крошечных гостиниц познакомились с охотницей — молодой девушкой, которая, по ее утверждению, владеет ружьем с детства и стреляет метко; с ней, мол, шутки плохи. Ну, прямо Маленькая разбойница Андерсена!

Насколько я помню, с рукописными и печатными книгами, за которыми мы приехали, там было не густо. А вот с этнографическими предметами — получше. Хозяйки, проникшись нашими рассказами и уговорами, доставали из сундуков очень крупные яркие ожерелья, передники и цветастые сарафаны, тканые пояса, огромные расписные платки — их брали за углы несколько человек и растягивали на пол-избы. Красота необыкновенная! Не скажу, сколько стоили те несколько платков и поясков, которые нам удалось купить, а вот за янтарь-янтарище (считалось, что он помогал от зоба) просили всего рублей 5–7.

Своим личным успехом я считаю добытый, кажется, в Улан-Уде Ирмологий крюковой XVIII века, в хорошем состоянии. После долгих переговоров с хозяином я получила разрешение залезть по шаткой лестнице на чердак и порыться там, а внизу во дворе заходилась лаем злой пес. Там я и нашла эту книгу. Но главное — удалось уговорить владельца отдать ее «в добрые руки», чтобы хранилась она не в сундуке на чердаке, а в нормальных условиях. А ученый народ изучал бы книгу, любовался ею и удивлялся красоте письма. Мне когда-то говорили, что этот Ирмологий был затем выставлен в Новосибирске, в витрине библиотеки. Не знаю, так ли это, но хотелось бы...

Л. В. ТИТОВА¹, М. В. МЕЛИХОВ²

¹ Институт истории СО РАН, Новосибирск

² Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

ДОРОГАМИ СИБИРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ*

В статье поднимаются вопросы специфики полевой археографической работы в Сибири, контактов с представителями старообрядческой культуры и церкви.

Ключевые слова: сибирские археографические экспедиции, древнерусская книжная культура, старообрядчество

Археографическое крещение я получила очень рано. Уже после окончания первого курса филологического факультета Ленинградского университета я была приглашена в археографическую экспедицию, организованную и возглавляемую Н. С. Демковой и замечательным археографом нашей страны В. И. Малышевым. Это было одно из первых творческих объединений «большой» — академической — науки и молодой энергии студентов университета, приобретающих бесценный опыт реальной филологии.

Летом 1968 года Наталья Сергеевна, готовя к поездке группу студентов, специализирующихся у нее по древнерусской литературе, познакомила нас с В. И. Малышевым. Тогда мы собирались в нашу первую археографическую экспедицию по Русскому Северу, где познали особенности полевой работы — в это время жизнь старообрядческих общин на Русском Севере по многим объективным причинам затухала.

Прежде всего сказывалась антирелигиозная пропаганда советских времен. Старообрядческие общины воспринимались как одна из разновидностей сектанства, которое преследовалось государством. Местная молодежь не проявляла заинтересованности в сохранении рукописей и непонятных им старопечатных книг. Часто манускрипты уничтожались не из-за страха и запрета хранить церковную литературу, а по неведению, непониманию их ценности. Мы порой находили рукописи, запечатанные в подтопленных вешними водами сараях или чуланах. Среди находок были ценные историко-литературные сборники, старообрядческие полемические, и интересные, редкие старопечатные издания. Мы воистину спасали рукописи от гибели, именно поэтому наши поездки были необычайно «урожайными». Помнится, в 1968 г. мы привезли более ста книг, рукописных и старопечатных.

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

В Сибири ситуация была совсем иной, здесь старообрядческие общины жили своей жизнью, намного больше было и грамотных книжников, сохранились и старообрядческие скиты, в которых мечтал побывать каждый участник экспедиции, но удавалось это редким счастливым. Надо заметить, что на полевую работу в Сибирь приглашались с 1966 г. участники семинара Н. С. Демковой.

В 1966 г. в сибирской экспедиции побывала Е. К. Пиотровская — для новосибирских археографов это был первый случай приглашения на полевую работу человека «со стороны». В дальнейшем многие участники семинара Н. С. Демковой ходили «за книгами» в Сибирь: Л. И. Сазонова, Т. Ф. Волкова, Н. Н. Литвинова, И. А. Лобакова, Е. П. Семенова и другие. Участие студентов Ленинградского университета в сибирских экспедициях Наталья Сергеевна считала достаточно тяжелым, но необходимым опытом.

Мне в студенчестве не довелось побывать в сибирских археографических экспедициях, в скитах, но мне выпало большее счастье — в 1972 г., после окончания ЛГУ, я была приглашена Н. Н. Покровским и Е. К. Ромодановской (светлая им память!) работать в археографической группе сектора феодализма ИИФиФ СО РАН под их началом. С той далекой поры и по сей день я остаюсь археографом Института.

Правда, в силу жизненных обстоятельств (замужество в 1973 г., рождение сыновей в 1974 и 1975 гг.) в сибирскую экспедицию я поехала только в 1977 г. и затем достаточно регулярно, в течение 33 лет, вела полевую археографическую работу, скитаясь по сибирским городам и весям вместе с коллегами и студентами НГУ. На мою долю выпало в основном первичное обследование новых районов, а также малоисследованных территорий, налаживание контактов с грамотными книжниками. Таково было решение Николая Николаевича.

Сейчас всколыхнулось в сердце много воспоминаний! Но очень меня смущает то, что память моя так устроена, что в основном содержит эмоции по каким-то частным событиям и личным деталям. Могла бы только, наверное, эскизно набросать воспоминания о том, как интерес к старинным книгам и их хранителям помогал мне в экспедиционной работе, какой бы она ни была: «разведка» ли новых старообрядческих территорий, установление ли контактов с книжниками или общение со старообрядческими наставниками, общение со служителями официальной церкви.

Чтобы охватить побольше территорию для первичного обследования, мы делились на группы. Помню, что моя первая поездка была в Абакан и его окрестности, куда мы с Т. Н. Апсит (сотрудницей нашего сектора) и с двумя студентками, вчерашними первокурсницами-подружками Олей Горелкиной (ныне О. Д. Журавель) и Верой Бел-

киной отправились обследовать новый район. Разделившись на две небольшие группы, мы с В. Белкиной отправились в село Бирикчуль, а Т. Апсит и О. Горелкина — в село Аскиз. Помнится, район был не очень-то богат книгами, для чтения использовали церковные книги поздней печати, XIX–XX вв., рукописи встречались редко, а может, и не все нам показывали, хотя относились к нам всегда доброжелательно и ценили наше умение читать по-церковнославянски. Мне хорошо запомнился один из достаточно начитанных людей — старообрядец Федор Дмитриевич Понамарев из села Бирекчуль, который проявил к нам интерес, экзаменовал по истории старообрядчества, дополнял наши рассказы своими познаниями. С ним я в дальнейшем некоторое время переписывалась, посылала новые издания по истории старообрядчества и в итоге в конце 1977 года получила вознаграждение — пришла большая посылка с сибирскими дарами: замороженными ягодами, вареньем, а на дне, хорошо запакованная в бумагу и полиэтилен, объемистая старообрядческая полемическая рукопись XVIII века с большим письмом (5 тетрадных листов, писанных убоистой скорописью Федора Дмитриевича), в котором он сообщал о книге, полученной им от бегунов-странников, и довольно подробно излагал историю страннического согласия со ссылками на исследовательскую литературу XIX в.¹ Конечно, подобных даров было немного, но были, что свидетельствует о необходимости поддерживать постоянные связи с книжниками.²

Вторая моя поездка за книгами состоялась в 1979 г. Она была задумана Н. Н. Покровским как «разведка» малообследованной части Томской области, это был Асиновский район. Сложность этой экспедиции заключалась в том, что в это время амнистированные заключенные могли нарушить наши планы. Николай Николаевич поставил условие, если мне ехать, то непременно с двумя-тремя мужчинами, из студентов готов был поехать Саша Мальцев, вторым я предложила взять студента Т. Ф. Волковой из Сыктывкара — М. В. Мелихова, поскольку он был постарше и поопытнее наших ребят, уже отслужив в армии. Такой состав удовлетворил Николая Николаевича, и жарким июлем мы отправились в Томскую область. С книжниками нам не повезло, встречались грамотные старики редко, были не очень разговорчивы, книги по большей части были поздние. М. В. Мелихову в поселке Центрополигон довелось познакомиться с любительницей

¹ Рукопись и письмо хранятся в ИИ СО РАН, № 36/77 и 37/77.

² Не могу не сказать об одном замечательном письме-ответе на отправленную мною книгу старообрядческой наставнице — «Повесть о Петре и Февронии» (Л., 1979). Она благодарила за тексты, которые очень хотела иметь у себя, но в конце письма заметила, что «сказки» (имеется в виду само исследование) перед текстами совсем ни к чему.

старинных книг, и я попросила его сейчас поделиться своими воспоминаниями о нашей поездке, он охотно откликнулся на мою просьбу и прислал небольшой живописный очерк о былом в июле 1979 г., который я и помещаю здесь.

Подробностей о нашем «хождении» по жаркой земле Сибирской в моей памяти сохранилось совсем немного. Расстояния между населенными пунктами были большие, рейсового транспорта то ли совсем не было, то ли ходил в неудобное время.

Однажды нам с Сашей Мальцевым пришлось Л. В. Титову отправить на каком-то грузовике, самим ждать следующего, и за это потом получили нагоняй от Н. Н. Покровского. Кажется, рекомендовалось в этих диких краях путешествовать минимум вдвоем. А как-то мне пришлось к месту сбора ехать на колесном экскаваторе на базе трактора «Беларусь», стоя на лапах, на которые он опирается, когда работает. Было пыльно, неудобно, сильно трясло. Саша Мальцев, кажется, ехал в кабине, я же все-таки после армии был физически более крепок и с помощью техники имел дело во время службы.

Еще одно воспоминание, тоже на «тракторную» тему. Помню, что шли мы втроем пешком, путь предстоял долгий, даже не 10 километров, а больше. Настраивались на день пути. В нужном нам направлении ехал трактор «Беларусь» с телегой. Трактор остановился, из кабины почти выпал пьяный тракторист и радостно пригласил нас в свой транспорт. Мы было усомнились в правильности такого варианта путешествия, но выбора не было. Забрались на очень высокую телегу, тракторист лихо дал старт. Дорога обычная, грейдерная, трактор быстро катился, выписывая синусоиду. Самым опасным участком оказалась переправа через маленькую речку или широкий ручей с большими камнями на дне, но и его лихой абориген проскочил быстро и наше экстремальное путешествие закончилось вполне благополучно.

Л. В. Титова и А. Мальцев отправились по своему маршруту в Асино, а мне было дано персональное задание: приехать в поселок Центрополигон. Как добирался до Центрополигона — тоже не помню. Пришел в поселок. Кажется, у нас не было никаких наводок на конкретных книжников, не было вообще никакой информации, были ли здесь книги. Знали, что в этом поселке жили в основном спецпоселенцы. О старообрядцах местные жители ничего не знали или от нас скрывали. Поспрашивал о старинных книгах, и когда дело уже шло к вечеру, мне дали адрес пожилой женщины, Ксении Гавриловны Парфеновой, и сказали, что у нее книги есть. Пришел. Дом, в котором она жила, производил впечатление заброшенного: не убрано, везде лежат старые вещи, посуда. Хозяйка выглядела очень больной, она с трудом передвигалась по комнате. Худенькая старушка, темный шерстяной платок, в который она куталась, несмотря на жару. Обстановка не слишком располагала к общению. Ко мне Ксения Гавриловна сначала отнеслась очень настороженно, но когда узнала, что студент, да еще интересуюсь старыми книгами, то недоверие перешло в любопытство. Стеннело, и книги смотрели уже, кажется, при керосиновой лампе. Постепенно хозяйка разговорилась. Книги были, видимо, церковными, о происхождении их она ничего не говорила и вопросы на эту тему просто игнорировала. Возможно, просто не придавала им значения, не считала важным или просто не доверяла. Книги были хорошей сохранности,

печатные, Кормчая, кажется, конца XIX века, Псалтырь, Библия. На ночевку меня отвел ее муж, Михаил, в какой-то из соседских домов. Дом был давно оставлен хозяевами, и спал я, как помню, на полу на каких-то старых одеялах. Утром, насколько помню, она от встречи со мной отказалась, и я уехал.

Как ни странно, но через 10 лет, в 1989 году Л. В. Титова об этой моей встрече вспомнила (кажется, решили в этот район отправить еще одну экспедицию, не помню причины) и я написал Ксении Гавриловне письмо, на которое она ответила, и к настоящему времени у меня сохранилось пять ее писем. Оказалось, что она меня запомнила, сразу отозвалась. Темой, которую она предпочитала прочим, были болезни. Так, стоило мне только один раз упомянуть о гастрите (он был у меня в легкой форме и особо не беспокоил), как именно эта мелкая болячка стала главной темой почти всех писем.

Несколько фрагментов из писем, в которых Ксения Гавриловна рассуждает о роли книг в жизни верующего человека.

23 января 1989 г. (половина письма — рекомендации по лечению моей болячки):

И все же как пришлось встретить знакомого на таком большом расстоянии друг от друга. Некогда бы и не подумала: в городе живет человек близкий и пишу и ожидаю, переживаю. Так много лет, как до-рога душа человека, с которым можно побеседовать о книгах.

Книжное учение вечное. У меня вся радость — книги, поучение святых отец, Божественное писание. Не каждый может понять, для гордых и высокомерных непостижимо написано в книгах. Объяснять писание только могут святые отцы крестоносцы, кто страдает ради Христа. Благочестие есть премудрость, — говорит апостол.

1 июня 1990 г. (половина письма — снова о теме здоровья):

Читаю по-славянски, читаю книги православия. Очень хорошие поучения св. отцев, умные спасительные наставления. Утешение души, как святые отцы говорят: сладко божественное утешение, но не всем. Много бы писала, но плохо, что за все время ни разу не встретились.

4 июня 1992 г. (опускаю первую половину письма):

Напишу о себе. Родина моя — Красноярский край Боготольский район село Вагино, из большой семьи. У моих родителей было пять сыновей и пять дочерей. Родители были земледельцы, неграмотные, расписываться не умели. У них была я восьмая. Вырастили без посторонней помощи и без врачей, все были здоровы. Но это было давно, мне много годов. Страшусь своего возраста, как много... Книг не посылайте, у нас есть, для нас это хватает... Пришлось читать старинные... с твердым знаком и святых отцев поучение. Святые отцы Божие слова на себе испытали и будущим родам написали. Книги — это моя семья. Люблю книги. Для тела хлеб, а для души слово Божие — хлеб ангельский, где человек питает душу.

Из моих первых «разведовательных» экспедиций мне особо запомнилась поездка в 1983 г. с Д. О. Серовым в Тюмень. Николай Николаевич решил восстановить старообрядческие адреса, где бывал он сам и наши коллеги раньше, какие передвижения произошли за последние годы, и начать было велено с посещения официальной

церкви, поскольку старинные книги обычно приносили прихожане, чтобы отдать в церковь.

По приезде в Тюмень мы отправились в церковь, изложили подробно служителям храма, чем мы занимаемся и что нас интересует. Надо сказать к нам отнеслись очень доброжелательно и с пониманием и хотя о книгах они ничего не могли сказать, посоветовали обратиться с нашими вопросами к прибывшему к ним в Тюмень епископу Омскому и Тюменскому Максиму Крохе,³ который в воскресенье должен был возглавить богослужение в их церкви, и они представят ему нас, возможно, чем-то он сможет нам помочь. Действительно, после службы нас представили епископу (надо сказать, я очень волновалась, все-таки впервые предстала пред столь высоким церковным чином), но Максим Кроха оказался глубоко интеллигентным человеком, сразу же понял наши нужды и пообещал поспрашивать в церквях области, где он должен был в ближайшее время побывать, а в конце разговора заметил, что никак не может достать иркутское издание Жития протопопа Аввакума, не так давно вышедшее. Я пообещала ему прислать. Когда мы возвратились из экспедиции, я тут же отправила книгу в адрес епископа и буквально через пару недель получила посылку со старопечатной книгой XVII века с сопроводительным письмом:

Уважаемая Любовь Васильевна!

Премного благодарен Вам за Ваше любезное письмо и книгу, полученные мною по возвращении из Тюмени. В ответ на Вашу просьбу сообщаю, что в Ялуторовске, где я был, не найдено что-либо, представляющее для Вас интерес. В других местах, где может что-то сохранилось, мне еще не удалось побывать. Однако, чтобы не быть Вашим должником, высылаю в дар Сибирской Академии Наук найденную в моей библиотеке декабрьскую миною 1635 года.

В случае, если удастся мне что увидеть или найти, я обязательно поставлю Вас в известность.

С уважением и добрыми пожеланиями
Максим, епископ Омский и Тюменский

Это действительно была Миния служебная (декабрьская) 1636 г., замечательная своей полистной вкладной записью XVII в., гласящей: «Лета... сентября в 4 день сию книгу миною месячную месяц декабрь дал в церковь чудотворцем Козме и Домяну Кошубина (?) торговой человек завязочново ряду Иван Мелентьев по своим родителех, а хто сию книгу от церкви божиин исхитит и тому судит бог в сии век и в будущи» (л. 1–28, зачеркнуто и по л. 1–80, скорописью XVII в.: «7159 году февраля в 24 день при благоверном царе и великом князе

³ См. о нем: Максим (Кроха Борис Иванович) // Православная энциклопедия. Т. 43. М., 2012. С. 25–26.

0185-12

ИСКОВОСКИЙ ПОСРЯДНИК

УПРАВЛЯЮЩИЙ
ОМСКО-ТЮМЕНСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

ОМОН Омский, Тюменский, 21

Тел: 3-66-67, 22-37-46

Почтовый счет в Кузнецком ст.
Почтовый счет в Омске № 1188

22 июля 1983 г.
24

УВАЖАЕМЫЕ ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕНА!

Примного благодарен Вам за Ваше любезное письмо и книгу, полученную мною по возвращении из Тюмени.

В ответ на Вашу просьбу сообщаю, что в Ялуторовске, где я был, не найдено что-либо, представляющее для Вас интерес.

В других местах, где может что-либо сохраниться, мне еще не удалось побывать.

Однако, чтобы не быть Вашим должником, внося в дар Сибирской Академии Наук найденную в моей библиотеке книгу декабрьскую мнимо 1625 года.

В случае, если удастся мне что увидеть или найти, я обязательно поставлю Вас в известность.

С уважением и добрыми пожеланиями

Максим,
ЕПИСКОП ОМСКИЙ И ТЮМЕНСКИЙ.

Тюменская типография № 40а т. 3000 (1980 г.

Письмо Максима (Крохи), епископа Омского и Тюменского. 22 июля 1983 г.

Алексее Михайловиче всея Руси и его благоверной царице и великой княгине Марье Ильинишне и при московском святейшем патриархе Иосифе и при Ноугороцком митрополите Никоне приложил сию книгу месешную минею декабрь печать московская Пров Иванов сын Ловчиков, а прозвище Богдан Ноугородскаго уезду в дом чудотворца Николы Терепенские пустыни при строителе Нафонаиле Ивашеве з братьею по родителям своим и им пожаловать за меня грешнова бога молить по смерти моей и родители мои и мою убогую душу поминать. И сей книги из монастыря ни продать ее, ни заложить никому, и к иной церкви не отдать. А сию книгу подписал Богданов человек Ивановича Ловчикова Ефремка Макарьев».⁴

Вот что вспомнилось и запомнилось об интересных встречах на экспедиционных тропах сибирских просторов. Конечно, были интересные находки старопечатных книг и рукописей в давно разрабатываемых районах: Восточно-Казахстанской области, Тюменской области, Новосибирской области и др. Главное, что приносит положительный результат — это постоянные контакты с хранителями старинных книг, которые их владельцы нам передают, наследуют свои сокровища, уверенные в том, что судьба книг в надежных руках.

Список литературы

Зольникова Н. Д. Описание книг кирилловской печати XVIII–XIX вв. из Собрания Института истории СО РАН (полевые сборы Н. Н. Покровского 1972, 1974 и 1975 гг.) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 204.

Максим (Кроха Борис Иванович) // Православная энциклопедия. Т. 43. М., 2012. С. 25–26.

⁴ ИИ СО РАН. № 9/83-к, подробно описана: *Зольникова Н. Д.* Описание книг кирилловской печати XVIII–XIX вв. из Собрания Института истории СО РАН (полевые сборы Н. Н. Покровского 1972, 1974 и 1975 гг.) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 204.

О. Д. ЖУРАВЕЛЬ

Новосибирский государственный университет

ПУТЕШЕСТВИЯ К ХРАНИТЕЛЯМ ДРЕВНОСТИ ИЛИ ИСПОВЕДЬ НЕНАСТОЯЩЕГО АРХЕОГРАФА

В статье приводятся яркие воспоминания об археографических экспедициях по Красноярскому краю, в верховья Енисея, на Кузбасс, в Кемеровскую область, Хабаровский край и Киргизию.

Ключевые слова: археографические экспедиции в Сибири, старообрядческие скиты

Все началось летом 1977 года. Успешно сданный экзамен по древнерусской литературе у Елены Константиновны Ромодановской обещал вытянуть счастливый билет в новую жизнь. Посвящение в «древники» означало, что отныне летние каникулы мы будем проводить не только в рукописных отделах книгохранилищ Москвы и Ленинграда, но и «в поле». Моя первая экспедиция была как раз после первого курса, а первыми наставницами — Любочка Титова и Таня Апсит. Им было по 29, и нам с моей однокурсницей Верой Белкиной они казались очень взрослыми. Мы были вхожи в дома старообрядцев, посетили службу в моленном доме, пытались читать рукописи и старопечатные книги. Грамоты нам тогда явно не хватало: в учебные планы первого курса дисциплины, важные для археографа, еще не входили, и мы с завистью смотрели, как маленькие дети в старообрядческих семьях бегло читают и Часослов, и Лицевой Апокалипсис (последний во многих домах был настольной книгой). Но самым важным в той первой экспедиции был неформальный курс по этике и этикету, советы и образцы того, как надо себя вести в общении с людьми другой культуры, казавшейся нам тогда экзотической.

Старообрядцы, хранившие в условиях атеистической пропаганды не только древние книги, но и отеческие заветы, традиции, вызвали сразу же и безусловную симпатию, и уважение. Не попасть под обаяние этих людей было невозможно, и впредь это создаст для меня непростую проблему. Нас пускают в закрытый для «чужаков» дом, мы передаем приветы от добрых знакомых, в число которых входил, между прочим, и пользовавшийся большим авторитетом у многих старообрядцев Николай Николаевич Покровский; хозяева принимают нас с открытой душой, а у нас есть задание — привезти книги. Наверное, я не настоящий археограф: для меня люди всегда были важнее книг. Конечно, книги мы привозили, нам их давали в дар или на обмен, таскали на своих плечах тяжеленные рюкзаки с бесценными

фолиантами, среди них были и замечательные рукописные сборники, и старопечатные книги, попался как-то Апостол Ивана Федорова, но, понимая культурную и научную ценность находок, я порой испытывала некоторые нравственные терзания.

Та первая экспедиция была по селам Красноярского края. В следующий раз мы отправились туда же, в Минусинск и окрестности, но уже без старших наставников. Я, Вера Белкина и Ирина Жукова прошли строгий инструктаж у Наташи Зольниковой, очень рачительно относившейся к нашей безопасности. В частности, велено было сообщать о себе из населенных пунктов, где была почта. Однако маршрут наш лежал в тех местах, куда по нынешним временам студенток без сопровождения и не отпустили бы, а тогда нам было совсем не страшно. Однажды, чтобы добраться до нужной деревни около леспромхоза, мы долго шли по шпалам, сморившись, поспали под елкой, а когда вечером дошли до станции и сели на скамейку дожидаться утреннего поезда, к нам подошла местная женщина. Спросила, чего мы тут сидим на ночь глядя, а узнав, что поезд наш только утром, пригласила к себе переночевать. Накормила вкуснейшей жареной картошкой с луком, уложила спать на перине, утром проводила на вокзал. А в той леспромхозовской деревне мы жили в гостинице: изба в несколько комнат, над кроватями коврики с оленями... Сидим однажды, переписываем духовные стихи из сборника, который нам старообрядцы одолжили на время, заходит сосед-леспромхозовец с пачкой купюр: дескать, погулять собрался, а деньги заработанные с собой брать опасается, не могли бы мы их у себя пока подержать. Такие были нравы в Сибири конца 1970-х.

Перед той поездкой я сшила себе шикарный наряд из ситца скромной расцветки: удлиненную юбку и блузку в фольклорном стиле с рукавами. 7 июля, праздник Рождества Иоанна Предтечи, он же — Иван Купала. Идем по окраине Минусинска, похожей на деревню, в платках, в своих длинных юбках, а навстречу — мальчишки с ведрами воды. Увидели нас, встали как вкопанные: «О! Бабки!» — и не пожалели на нас водички. Продолжаем свой путь, как мокрые курицы, вода с нас капает, к счастью, была жара и летнее солнышко быстро нас подсушило.

Потом были экспедиции на Кузбасс, в Кемеровскую область, в Хабаровский край, в Киргизию, в самые удаленные места поселений старообрядцев. Добирались на всех доступных тогда видах транспорта, много ходили пешком, а однажды остановился водитель грузовика и предложил подбросить. В том пустом фургоне не было скамеек, но каталась какая-то пустая бочка... а местность была холмистая. Не знаю, как мы с Андреем Евсеевым вышли целыми из этого блендера, но, во всяком случае, не пришлось ночевать у дороги.

С Леонидом Ситниковым довелось побывать в старообрядческом селе, которое находилось где-то неподалеку от границы — то ли монгольской, то ли китайской. Путь был нелегкий: старообрядцы постарались выбрать такое место, куда непрощенные гости по доброй воле не смогли бы забраться. У них же самих, как оказалось, был вездеход, и по своим нуждам они могли съездить в отдаленные «цивилизованные» села. Но нет непроходимых путей для археографов! Часть пути, несколько часов, мы шли по болоту, прямо по кочкам. Потом надо было идти по дороге, проложенной между гор, но из-за проливных дождей дорогу затопило, пришлось пробираться по этим высоким берегам вновь образовавшейся реки, цепляясь за кусты, чтобы не свалиться в воду. Из-за тех же ливней уже в сентябре вновь расплодилось множество комаров, которые с жадностью набросились на пришельцев. Впереди меня шел Леня, я видела его шею, черную от облепивших насекомых. Отмахиваться от агрессоров было нечем — надо было держаться за ветви. Когда к ночи мы добрались до заветного поселения, наши лица страшно распухли от укусов; спасла хозяйшка, смазала нас маковым чаем — настоем на опийном маке, который использовался там в качестве защитного средства от насекомых.

То была удивительная деревня. Древняя Русь в конце XX века, правда, с элементами технического прогресса. Кроме того вездехода, было электричество, которое вырабатывали на дизельном генераторе и давали на несколько часов. Не помню, сколько времени мы там провели, но, кроме бесед с начитанными старцами, много общались с молодыми местными жителями, помогали выкапывать урожай, подружались с супружеской четой. Молодая женщина рассказывала, что она училась несколько лет в интернатской школе в обычной деревне, но потом ее забрали управлять по хозяйству, а там и замуж выдали. Помню, меня поразило то, как ее старшая дочка, два с половиной года, заботливо возилась с братиком, которому не было года. А мама ждала уже третьего ребенка. И взрослые, и дети в той деревне были одеты как положено, по старинке. Мужчины — в поддевах, женщины и девочки, даже самые маленькие — в сарафанах. Архаичный быт, красивые люди, тишина, гармония.

Но, наверное, самым запоминающимся было путешествие в скиты в верховьях Енисея. Те самые, связанные со старообрядческим центром на Дубчесе, в которых побывал в 1960-е гг. Николай Николаевич Покровский и открыл скит отца Палладия. Об этом он увлекательно написал в своем «Путешествии за редкими книгами».¹ В тех местах мы были с Олей Беляевой и Сергеем Языковым. В 1991 году без мужского сопровождения ездить по сибирской глубинке было

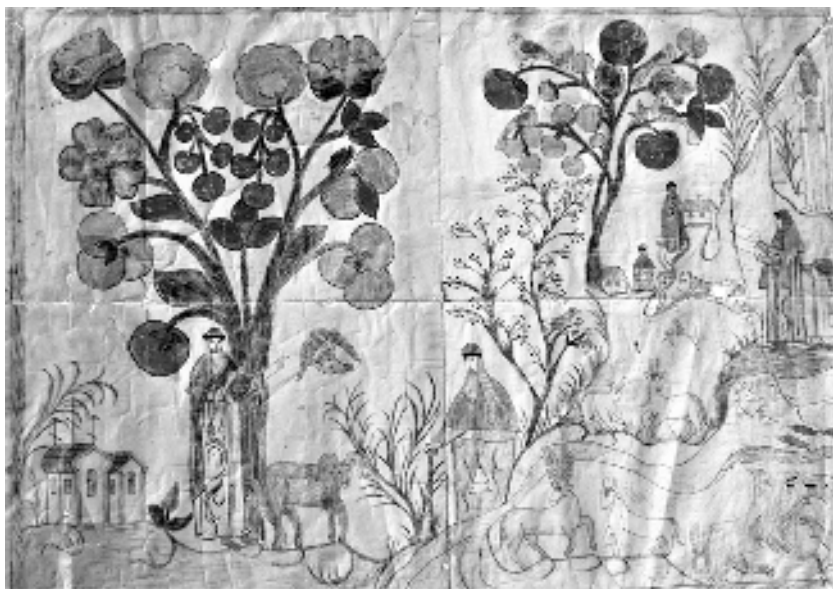
¹ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984.

Ольга Журавель и Ольга Беляева по пути в скиты. Верховья Енисея. 1991 г.

опасно. Помню на вокзале в Кызыле огромную толпу, не похожую на очередь, которую буквально раздвинул наш высокий Сережа. Изрядно возвышаясь над местными жителями, он смог сделать невероятное — купить для нас билеты. А незабвенная гостиница в столице Тывы эпохи перестройки! Сломанные замки на дверях, охраны нет, местные подростки могли свободно заходить, порой разжигали костерки в холлах... Дорога в скиты была непростой. Сначала — на автобусе по узкой горной дороге на высоком берегу Енисея над порогами, потом — переправа на лодке, остановка в деревне в дружественной семье, связанной со скитами. А дальше — тропка в тайге. В этих местах не редки дикие звери, в голодные годы медведи нередко выходят за добычей. Нас перед отъездом из Новосибирска предупреждали об этом и выдали что-то из сферы пиротехники, простую сигнальную ракету. Когда мы ее показали нашему проводнику, он только посмеялся: медведя этим не напугаешь. Посоветовал, если вдруг встретится, побежать с ревом и криком ему навстречу! К счастью, эта встреча не состоялась, но волка совсем неподалеку видели. Его холку с собачьей не спутаешь...

В скитах приняли нас приветливо. Матушки хранили память о Николае Николаевиче. Он им тогда так понравился, что позволили даже сфотографироваться. А поскольку фотографии в пустынножительной среде запрещены, они потом отрабатывали епитимью, несколько сот поклонов.

Настенный лист «Рай». Работа матери Елены, насельницы скитов

Нас разместили в небольшом гостевом домике, угощали форелью, выловленной в Енисее. Мы вели беседы, помогали на покосе. Косить мы, конечно же, не умели, но этому нас взялся обучать отец Боголеп — он приходил из соседних скитов помогать матушкам по хозяйству. Правда, ему потом тоже досталось за то, что приближался к девушкам (а как иначе научить держать косу?) Он мне подарил солонку, сделанную из бересты. Ее ручку-держалку он выплавил из ложки. Эта солонка и сейчас стоит на моей кухне как ценная памятная вещь. А еще я привезла подарок от матушки Елены — ее уютная келья была вся уставлена иконами и обвешена настенными листами. Один из них, выполненный ею в юности, она мне подарила. На нем изображен рай: тут и старцы, и ангелы, и дерево в яблоках и цветах, и животные, играющие друг с другом... Так она представляла себе старообрядческую пустынь, когда девочкой мечтала удалиться от мира. Когда лет через двадцать я принесла фотографию этого настенного листа дизайнеру издательства «Наука» с тем, чтобы отразить какой-либо фрагмент на обложке моей монографии о старообрядческой литературной культуре, он восторженно качал головой, приговаривая: «Всю поместим, всю!» Так и вышло.

Список литературы

Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. 192 с.

И. А. ЛОБАКОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СИБИРЬ

Статья представляет собой очерк-зарисовку, посвященную участию студентов Ленинградского университета, специализировавшихся на древнерусской литературе, в археографических экспедициях Новосибирского университета.

Ключевые слова: археографические экспедиции в Сибири, древнерусские рукописи

Руководитель семинара по древнерусской литературе Ленинградского университета Наталья Сергеевна Демкова вовлекала в его работу уже первокурсников, для которых присутствие на этих занятиях открывало новый огромный мир русского средневековья. На семинарах в обсуждении принимали участие не только студенты-старшекурсники, но и аспиранты, и выпускники прежних лет. От них мы слышали об археографических экспедициях, в которых наши семинарские предшественники принимали участие. Шансов самим отправиться за рукописными книгами у нас, казалось бы, не было: на филологическом факультете такой возможности не представлялось. Но, как известно, «круг медиевистов не только тесен, но и дружен», а потому немногочисленные счастливицы отправлялись в экспедиции Сыктывкарского университета с Т. Ф. Волковой, а то и Новосибирского университета — с Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеевым. Попастъ в их число было непросто: Наталья Сергеевна должна была не сомневаться в том, что избранные ею «семинаристы» не станут создавать проблем археографам, которые соглашались взять с собой незнакомых студентов по ее рекомендации.

Среди таких счастливиц оказалась и я. Мне сказочно повезло: я отправилась в Сибирь, впечатление о которой до своей поездки черпала исключительно из литературных произведений. Реальность была явлена в широком многообразии: я увидела Новосибирск и Академгородок, Енисей, Подкаменную Тунгуску и Вельмо, Бор и Енисейск (место ссылки дочери А. П. Волынского Марии, а позже — декабристов). В Сибири до начала экспедиции я жила у Л. В. Титовой, выпускницы семинара Н. С. Демковой, ее любимой ученицы; встречалась с Н. Н. Покровским, Е. К. Ромодановской, Н. С. Гурьяновой и сотрудниками Института, я познакомилась с Еленой Ивановной и Владимиром Николаевичем и студентами-новосибирцами.

Елена Ивановна Дергачева-Скоп. 1968 г.

При первой же встрече с Еленой Ивановной ощущалась бьющая через край энергия этой яркой, красивой женщины. Она говорила, улыбалась, слушала, соглашалась или спорила с собеседниками, а при этом вокруг нее создавалась и поддерживалась атмосфера чего-то праздничного. Вся экспедиция представлялась уже не только научным событием, но и увлекательным приключением. Безусловно, за подготовкой к любой экспедиции стоит большой труд организаторов (позже, работая на кафедре истории русской литературы в Ленинградском университете, я и сама руководила двумя, так что понимаю, как непросто приходилось Елене Ивановне и Владимиру Николаевичу), но это никогда не подчеркивалось. Было невозможно уйти от мысли, что ты — участница захватывающих событий, остающихся в памяти навсегда. Так мне невозможно забыть поселок Бурный, его жителей, их удивительные рассказы и долгие разговоры о рукописях и жизни, о таежных «соседях», печальном и смешном. Основные археографические навыки я приобрела именно в Сибири. Но не меньшую роль в экспедиции играли неторопливые беседы во время переездов и вечерних встреч, заинтересованные разговоры о книжных древностях, обсуждения книжных новинок, споры о современной литературе и музыке. Музыка сопровождала нас постоянно. У Елены Ивановны был голос очень приятного тембра и огромный запас романсов, не все из которых были знакомы участникам; все наше путешествие на поезде, а затем на теплоходе по Енисею, вечера в Енисейске проходили под записи «Beatles» и рок-оперы «Jesus Crist — superstar» Э. Уэббера и Т. Райса. С ощущением счастья от общения с замечательными людьми я вернулась в Ленинград.

Прошло так много лет, а благодарность Елене Ивановне Дергачевой-Скоп за возможность участвовать в археографической экспедиции, за щедрость, с которой она делилась своими знаниями, за дружескую атмосферу, объединявшую всех присутствовавших, остается такой же глубокой и яркой.

А. Ю. Бородихин

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

АРХЕОГРАФИЯ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ...

В статье рассказывается об археографической практике студентов-первокурсников Новосибирского университета и последовавшей за ней археографической экспедиции в поселок Бурный.

Ключевые слова: археографическая практика, полевая археография, старообрядческие поселения, древнерусская рукописная традиция

Стать археографом не было моей мечтой с детства. Все, что угодно, только не эта научная специальность грезилась в сознании школьника общеобразовательной средней школы Новосибирска как применение в будущем того, чему научит вуз. Начать с самого термина, близкого слову археология, знакомого по главам в учебниках, в книгах, рассказывающих о древнем мире, способах добывания сведений о канувших в Лету событиях, о трудностях, встающих на пути ученых-историков, избравших этот путь в науку о человечестве, и, конечно, сопровождавшими этот путь кропотливым физическим трудом и выносливостью. Не в пример этому археография Атлантидой всплыла для меня только на первом курсе Новосибирского университета.

Ничего не подозревавшие первокурсники 791 группы отделения языкознания и литературоведения гуманитарного факультета НГУ Т. Дементьева, Т. Илюшечкина, А. Бородихин, О. Мандриков, Я. Самохин и А. Филошов охотно откликнулись на предложение Елены Ивановны Дергачевой-Скоп, лектора по древнерусской литературе, пройти специальную подготовку для участия в летней археографической экспедиции 1978 г. Не подозревавшие в том смысле, насколько тесно их дальнейшая жизнь на факультете и в учебном процессе окажется связанной с той ролью, какую играли в образовании гуманитариев-филологов равно и языковедческие, и литературоведческие дисциплины, основанные на материалах древней письменности и литературы, включая славянскую палеографию.

«Курс молодого бойца», по замыслу Елены Ивановны, должен был включать знакомство с историей и районами археографических исследований в стране, их целями, задачами и результатами. Очень важным представлялось уделить особое внимание проживающим в Сибири носителям и хранителям древнерусской книжной культуры, охарактеризовать особенности их быта, тесно связанного прежде всего с церков-

ными правилами и установками. Забегая вперед, следует отметить, для воспитанной в атеистическом государстве молодежи 1970–1980-х гг. было не просто переключаться на противоположный принятому гражданскому светскому образу жизни уклад старообрядческих поселений. Совершенно отдельного разговора и практики требовало представление о русских книгах времен Ивана Грозного и церковного раскола. Что все эти неизвестные до поры экземпляры рукописей и старопечатных книг — не просто обитатели архивных и музейных хранилищ, а вполне себе хранимое и используемое по прямому назначению населением страны, нашими современниками, национальное достояние, — не укладывалось в голову, казалось фантастикой!

И вот параллельно занятиям по обычной университетской программе были организованы встречи с опытными специалистами, первооткрывателями «Сибири археографической»: Е. И. Дергачевой-Скоп (успехи поездок и экспедиций В. И. Малышева на Русский Север, формирование Древлехранилища Пушкинского Дома, результаты фольклорно-археографической практики студентов-филологов НГУ), Н. Н. Покровским, руководителем сектора археографии ИИФФ СО АН (старообрядчество Сибири: типология, характеристика согласий, отличительные черты; традиционные районы проживания), Б. А. Шиндиным, преподавателем кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (участие студентов консерватории в сибирских археографических экспедициях, записи крюкового пения, особенности оформления музыкальных рукописей) и В. Н. Алексеевым, заведующим Сектором редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН (уникальные находки древнерусской книжности в территориальных коллекциях академической библиотеки). Самое главное, чему мы научились, пройдя ускоренную и насыщенную трудно воспринимаемой для юных мозгов информацией подготовку в этом направлении, — это читать печатный текст и кое-как разбирать текст рукописный. Такое умение было необходимо, но не достаточно.

Критерием отбора в экспедиционные поездки, как выяснилось чуть позже, была успешная сдача экзамена по древнерусской литературе. Итак, экзаменационная летняя сессия позади, собрание и инструктаж первокурсников перед выездом на практику проведены, назначено время и место сбора на железнодорожном вокзале Новосибирск-Главный. И вот, мы едем в поезде большой командой во главе с Еленой Ивановной и вторым руководителем, преподавателем одной из школ Академгородка, Эсфирью Сергеевной Косицыной. Поезд идет на восток, и меня несколько не интересовало, где будет высадка, какая остановка конечная. Какое-то забавное состояние молодости,

увлеченности сиюминутной обстановкой, настроением коллективного действия! Пожалуй, никто уже и не думал, что это продолжение учебного процесса, еще одно испытание, проверка на готовность что-то предъявить взрослому миру, частью которого мы уже стали...

Первый спланированной руководителями этап был успешно завершен: Новосибирск — Ачинск — Лесосибирск — Енисейск, последний отрезок предстояло преодолевать уже на автобусе по пыльной щебеночной дороге. «Тополиный пух, жара, июль...» В Лесосибирске нас уже встречали сотрудники экспедиции, в том числе студенты-старшекурсники, отправленные заранее для устройства базы в этом регионе. Именно это словечко сразу вошло в наш обиход, и где бы нам в дальнейшем не приходилось дневать-ночевать, всегда речь шла о Базе, «родном доме» на все время разных по длительности и географии поездок. Встречавшие нас в Лесосибирске маститые археографы (за плечами уже не менее двух лет экспедиционной работы!) крепко запомнились мне: всегда заряженный на шутку и юмор, неутомимый рассказчик смешных историй Миша Чирейкин, прямая противоположность ему молчаливый Слава Кощеев и коллега В. Н. Алексеева по библиотеке Леонид Александрович Ситников.

Дальнейшее продвижение всей группы к месту проведения фольклорной практики затормозилось по погодным условиям. В Енисейском районе пошли дожди, единственным транспортным средством, доставлявшим пассажиров в таежные поселки и деревушки, служил самолет-биплан Ан-2, жесточайшее испытание для людей со слабым здоровьем. Дни пребывания в Енисейске превратились в дни дежурства на местном аэровокзале в ожидании благополучных «окон», позволявших взлететь и через 30–40 минут приземлиться в точке назначения, старейшем селе Красноярского края, известном с первой четверти XVII в. Маковском остроге. Здесь и проходила первая часть комплексной фольклорно-археографической экспедиции Новосибирского университета 1978 года. Комплексности экспедиции добавляло участие в ее работе студентов консерватории — четырех человек, деливших с нами все необходимые заботы по устройству и поддержанию порядка в быту и проведению досуга.

Основное время двухнедельного пребывания практикантов было занято посещением старожилов села, фамилии которых нам были щедро предоставлены сельсоветом, с целью записать от них еще хранящиеся в памяти народной образцы устного словесного творчества — песни, частушки, сказки, обряды, пословицы-поговорки. В дальнейшем записи обрабатывались и приводились в форму, готовую к отчету по практике. Все это с успехом было проделано в срок и по возвращении в Новосибирск сдано на хранение в ГПНТБ СО АН.

Енисейск. 1977 г.

Правда, на долю мужской части студенческой группы пришлось в основном забота о содержании «котлопункта», словечко, обозначавшее избу, отведенную сельским начальством под временную столовую. Завтраки, обеды, ужины должны быть готовы в срок. В памяти уже стерлось, на дровах или на электричестве шла вся варочная, жарочная кухонная работа, но и без печки хватало дел. Походы в сельский магазин, к населению за свежей зеленью, картофелем, молоком по договоренности, и, главное, на кухне всегда должна быть в достаточном количестве вода. А при отсутствии водопровода ее приходилось таскать с реки Кеть, что протекала под горой в каком-нибудь полукилометре от «котлопункта». На группу в тридцать человек двумя-тремя ведрами в течение дня не отделаешься. Поэтому в конце этой части практики сложилось стойкое впечатление, что наша четверка (Бородихин, Мандриков, Самохин, Филюшов) только и занималась решением этой проблемы... Справедливости ради стоит сказать и о нашем, мужском вкладе в письменную фиксацию устного народного творчества.

Среди всех информантов Маковского местные жители как-то по-особому рекомендовали нам побывать у деда Зиманенко, отмечая его богатую память на все виды фольклора, песенные, сказовые. Несколько летних вечеров и были заняты походами к нему. Старик оказался необыкновенно отзывчивым на просьбы исполнить что-нибудь не только из обычного песенного репертуара села, но и редкости, не часто исполняемые, но сохранившиеся в его семейном кругу. Не меньше десятка самых разных произведений было нами записано у него. Расплывчатые в жанровом отношении русские народные песни с шутливым содержанием («Пошли девки на работу»), переделки произведений известных в прошлом поэтов («Ванька-ключник злой разлучник»), городские романсы («Гуляй, гуляй, моя милáя, и не влюбляйся ни в кого...»), женские страдательные («Мой муж постыл, кровать мостил...»), старинные казачьи песни: рекрутские, исторические («Солнце за лесом восияло...», «Эх, в Таганроге салучилася беда!»). Одна была с особенно пронзительным трагическим содержанием («Один сад зеленый, другой сад цветет... А у нашего цáря ни-сколь правды нет — отбил ручку-ножку, а награды нет»; «времен турецкой войны» — так прокомментировал ее историю исполнитель). Были у него «для веселия» в запасе частушки и даже сказочка «О задумавшем жениться богатом деревенском парне» с использованием ненормативной лексики, все это, как сказано, записано и отдано на хранение в Отдел редких книг и рукописей академической библиотеки в Новосибирске.

Какую-то память о пребывании многочисленного студенческого отряда в тот год мы, несомненно, оставили. Шутка сказать, больше двух десятков городских девиц, буквально свалившихся с неба на старинное село и его обитателей, не могли не вызвать дрожь в сердцах местной молодежи, и попыток познакомиться, особенно в вечернее время суток, было не счесть. Но строгая установка при инструктаже на следование режиму возымела свое действие. Единственное, чем пришлось удовлетвориться самой активной части села, — это привлечением самых артистичных девушек из числа студенток к объявленному местным клубом празднованию Дня Нептуна (!) на реке Кеть, на берегу которой и раскинулось Маковское. Все прошло великолепно, шумно, празднично, организаторы, участники и зрители остались довольны произведенным эффектом. Чего, правда, не скажешь еще об одном, по замыслу прощальном, вечере с участием всех уже подружившихся к этому времени гостей из Новосибирска и односельчан.

Вечером накануне дня отъезда в сельском клубе студентами консерватории был дан концерт с использованием единственного музыкального инструмента — пианино. Первокурсники гумфака НГУ поделились своими впечатлениями о времени, проведенном в Маковском, о жителях и материалах, здесь записанных. Кроме того, читались стихи, исполнялись романсы, и даже чуть-чуть потанцевали под попури, исполненным звездой консерватории Андреем Флахом. Все было бы достойно-благородно, если бы по окончании вечера одной из наших студенток не пришло в голову слегка привести свою внешность в порядок посреди улицы у одного из колодцев, где жители брали воду. Результат был неожиданный, сразу расколовший только-только обозначившееся единство миров. Наутро по селу поползли слухи: студенты отравили воду. Нашлись очевидцы, разглядевшие в ведрах с набранной утром водой «ма-а-хоньких» беленьких червячков с красной полоской по бокам и выпуклыми глазками. Дело приняло нешуточный оборот: студентов не выпускать, воду из колодцев направить в Енисейск в санэпидемстанцию на анализ, ждать результатов! Трудно сказать, чем бы это все закончилось, по крайней мере, обвинители были настроены чрезвычайно серьезно и решительно. И только прилет утренним рейсом Елены Ивановны, отлучавшейся в Енисейск по делам экспедиции, ее встреча с сельской администрацией все решила. Воду, для успокоения непримиримых граждан, отправили в Енисейск до выяснения (угроза для здоровья пользователей не подтвердилась, что было ясно с самого начала!), основная группа студентов несколькими рейсами вылетела в Енисейск и далее в Новосибирск. В Маковском остались только те, кто примет участие в археографической экспедиции.

Как выяснилось, серьезная подготовка только-только начинается! В этом году археографическим студенческим группам под руководством Е. И. Дергачевой-Скоп и заведующего Сектором редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН В. Н. Алексеева предстояла работа в таежных поселках Енисейского и Туруханского районов Красноярского края и Эвенкийского автономного округа. Глухие, малопроходимые места, в летнее время расстояния между поселками преодолевались либо воздушным транспортом, если в расписание рейсов по районам включались нужные направления, либо водным путем на подвернувшейся кстати лодке, а то и нанятой по договоренности с кем-нибудь из местных жителей, знатоков опасных участков многочисленных лесных рек и их притоков. И тот и другой способ передвижения сулили массу впечатлений в пути.

Отправной точкой всех маршрутов среднего течения Енисея, самой крупной водной артерии Красноярского края, служил основанный в 1619 г. город Енисейск. Тогда до перевернувшей страну церковной реформы патриарха Никона, собственно и создавшей впоследствии условия для поисковой археографической деятельности во многих уголках России, оставалось чуть меньше четверти века. Малообжитые таежные места Сибири, природа, богатая дичью, орехами, ягодами, грибами, рыбой рек и речушек с давних пор служили местом притяжения скрывающихся от светских и церковных властей староверов, на протяжении десятков и сотен лет семьями и поодиночке переселявшимися в эти края. Встреча с этим миром была, как никогда близка. Слово *terra incognita* она тянула к себе неизвестностью и загадочностью, тянула и страшила одновременно. Было ясно, именно сейчас и должно пройти проверку все усвоенное тобой за предыдущие месяцы, и от этого зависит как минимум результат и успех экспедиционного сезона.

Так, или почти так думалось мне накануне отправления нашей группы на маршрут Енисейск — Бор (Подкаменная Тунгуска) — Эвенкия — Дубчес/Сандакчес. Незадолго до отправления группы из Енисейска к нам примкнула студентка филологического факультета Ленинградского университета, ученица Натальи Сергеевны Демковой Ира Евсеева (Ирина Анатольевна Лобакова). Как это тогда называлось, для обмена опытом, ознакомления с традициями ведения археографического поиска разных школ (Русский Север и Сибирь) и для укрепления состава археографических групп на маршруте.¹

¹ «Характерным для 1978 г. является кооперация различных учреждений в рамках одной экспедиции... В экспедициях, проводимых Сибирским отделением, в тесном контакте работали ИИФФ СО АН, НГУ, ГПНТБ СО АН с привлечением ЛГУ и Новосибирской консерватории» (Морозов В. В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 356).

А. Ю. Бородин и И. А. Евсеева. Подкаменная Тунгуска. 1977 г.

Забегая вперед, должен сказать, все происходившее в эти летние месяцы 1978 г. было пережито мной впервые. Первая поездка вниз по Енисею на совершенно замечательном комфортабельном теплоходе, прибытие и остановка после полуторасуточного плавания, бросание якоря напротив рабочего поселка Бор, ночная высадка на берег (дебаркадера или пристани тогда еще не было!), размещение в местной школе, знакомство с администрацией и поиски возможностей идти-плыть-лететь дальше.

Было решено: наш отряд разбивается на две группы. Группа в составе В. Н. Алексеева, Ирины Евсеевой и меня обследует старообрядческие поселки Эвенкии по течению Подкаменной Тунгуски и ее притока Вельмо, а группа Е. И. Дергачевой-Скоп и Олега Мандрикова отправляются в поселок Дубчес. А дальше все пошло как в только что освоенном нами «маковском» фольклоре: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Начались долгие часы и дни ожидания, походы руководителей к начальникам экспедиционных партий геолого- и нефтеразведки из Новосибирска, Ленинграда, Северо-Енисейска, базировавшихся в то время в Бору. Цель таких походов была одна — договориться о возможности воспользоваться каким-нибудь из принадлежащих геологам транспортных средств, чтобы добраться до нужных нам мест. Точно могу сказать, хоть и не принимал участие в таких походах, что с вопросами доставки рекомендовалось обращаться к так называемому «маршалу авиации», от которого могла зависеть даже погода, не особенно в тот период баловавшая солнечными днями летные составы экспедиций.

Погода на севере вещь капризная, зарядили дожди — запасайся терпением на дни, а то и на недели. В лучшем случае может образоваться «окно», дающее возможность совершить рейс на небольшое расстояние, чтобы машина успела вернуться назад до следующего изменения погоды, несущего ветры и те же дожди. В нашем случае так и получилось! Вечером накануне Дня в буквальном смысле везения к нам в школу пожаловал сам «маршал» и объявил готовность вылетать в направлении поселка Бурный, по названию реки, впадающей в Вельмо. Итак, завтра на рассвете быть готовыми: три человека, минимум вещей, все остальное в головах.

По-моему, была еще ночь, когда все подскочили от страшного стука в окно, за нами! Времени на завтрак нет, рюкзаки уложены с вечера. Пять минут на приведение себя в порядок, и вот мы уже вприпрыжку трусцой движемся в аэропорт (благо он в полукилометре от места нашего базирования), где уже разогревает двигатель вертолет, готовый нести нас навстречу... Чему? Не вполне ясно. Но уж скорому будущему точно! Небольшое замешательство перед посадкой: вертолет «Ми-1» кроме самого пилота берет на борт еще двух пассажиров, а нас трое. Четкое осознание «третий лишний — это я» заставляет меня опустить на землю рюкзак и почти смириться с этим несправедливым выбором судьбы. Но то ли благоприятный погодный прогноз, о чем мы не имели ни малейшего представления, то ли сочувствие пилота к прискорбному виду, явленному моей сразу уменьшившейся (весьма кстати!) фигуре, то ли все вместе толкнули его на решительное изменение ситуации: «Что стоишь? Запрыгивай, взлетаем!» И мы полетели... Через Енисей, навстречу сразу засиявшему от восходящего солнца дню, навстречу безграничному «морю тайги», где непонятно как, каким образом нашли себе пристанище потомки первопоселенцев этих мест из числа русских староверов.

Полет длился недолго: это по рекам Енисей — Подкаменная Тунгуска — Вельмо путь занял бы 280 км с двумя порогами, на что ушел бы целый день, а в непогоду добавилась бы еще и ночь. А по прямой чуть больше часа. Высота была небольшая, над сопками, казалось, вот-вот зацепим вершины хвойных деревьев, быстро пронесившихся под нами. Вскоре определился ориентир, и мы летели уже по Бурному, притоку Вельмо, в устье которого, по замечанию пилота, и располагался поселок. Я не успел разобраться еще в резко изменившемся ландшафте местности, как увидел несущуюся прямо на нас высоченную скалу, заметил изменившийся цвет реки внизу (Вельмо!), резкий крен и поворот в сторону от приблизившейся навстречу сопки, полукруг в воздухе, и вот мы идем на снижение, целясь приземлиться внутри квадрата, обозначенного бочками из-под бензина прямо на каме-

нистом берегу. Посадка, мы быстро выбираемся наружу, даже минуты не постояв, вертолет взмывает вверх и через мгновение скрывается за сопкой. Тишина обрушивается на нас, и какое-то время мы не знаем, что делать дальше. Берег абсолютно пустой, как я сейчас понимаю, никто не был предупрежден о нашем прибытии даже в какой-нибудь перспективе. Поднимаемся наверх к еле-еле заметной с низкого берега приземистой избушке. Уже наверху замечаем еще несколько таких же невысоких домиков, хозяйственных построек, расположенных на приличном расстоянии друг от друга, и не прекращающийся гнет тишины. Разгадка пустынного, безлюдного состояния поселка прояснилась встретившим нас около своего домика хозяином Дмитрием Павловичем Захарковым. «Все на покосе, погода уже который день стоит солнечная. Надо успевать, а то потом намаешься — суши-непересуши!» — в такой шутливой манере объяснил он ситуацию.

Д. М. Захарков происходит из династии основателей поселка, какое-то время здесь жил и его брат, решивший перебраться в Ванавару со своим семейством. Захарковы — специалисты по установке навигационного оборудования на отведенных им участках рек, бакенщики, одним словом. Реки их акватории: Бурный, Вельмо, Подкаменная Тунгуска, их притоки. Дмитрий Павлович негласно выполняет еще и роль человека, ведающего вопросами встречи, размещения и других потребностей людей, случайно или целенаправленно оказавшихся в Бурном. В свое время он принимал у себя дома археографов Института истории из Новосибирска Н. В. Понырко и Е. Журавлеву. Теперь мы попали в его распоряжение. Во время нашего пребывания в Бурном я невольно оказался в буквальном смысле членом их семьи. Не дав мне толком освоиться, во второй половине дня это небольшое по меркам старообрядцев семейство забрало меня на покос до самого вечера. Мы вернулись уже в сумерках, но за это время я успел познакомиться со всеми его членами: супругой Дмитрием Павловича, Домной Прохоровной, сыновьями Георгием, Михаилом и Тимофеем. Только малолетняя сестра их Елена была оставлена дома с наказом позаботиться об ужине.

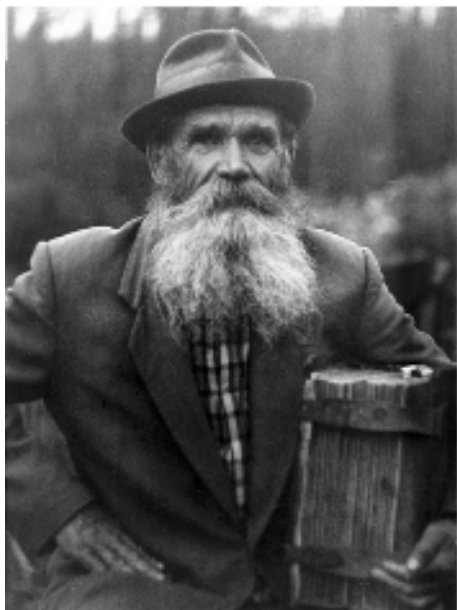
По дороге на покос, а все передвижения таежников летом совершаются исключительно на лодках, мы встретили еще несколько семейств Бурного: кто косил, кто ворошил, кто сгребал уже подсохшее сено в копны. Работа буквально кипела по обоим берегам Вельмо. Особенно мне запомнился мчавшийся нам навстречу десант из пяти девиц, расположившийся под присмотром их матери в лодке «Казанке», которым управлял круглолицый, с румянцем во всю щеку крупного телосложения отец семейства, Артемон Иванович Гуляев. Позже мы познакомились и с его старшим братом, Максимом Ивановичем.

А сейчас в момент встречи на реке это было впечатляющее зрелище: с большой скоростью приближающаяся к нам лодка, на корме какой-то былинный богатырь с развевающейся по обе стороны лица рыжей бородой! Вся картина просто залита находящимся в зените солнцем. Прочно сидящая на голове богатыря шляпа довершала обычный облик жителя этих мест. Вот они — староверы!

Так сложилось, что Захарковы стали моими проводниками в жизнь Бурного. Дмитрий Павлович буквально взял в свои руки обучение меня косье литовкой, чем я в жизни своей не занимался. Как держать ее в руках, следить, чтобы она всегда была острой, иначе траву будешь пригибать к земле и ничего не получишь. Далее рыбалка: неводить, ловить хариусов на перекате, готовить на углях выпотрошенную крупную рыбу, используя аграрный инструмент — вилы. Снова Дмитрий Павлович и Георгий. Завести лодочный мотор в те времена было делом непростым, а поменять срезанную на мелководье шпонку у винта — вообще из области фантастики для городского жителя! И тут новые учителя, сыновья Дмитрия Павловича Михаил и Тимофей. Уж не знаю на какую оценку я мог претендовать в их «школе», но в дальнейшем все это мне — ой, как пригодилось!

После всего сказанного может показаться, что все время нахождения в Бурном ограничивалось сплошь хозяйственными заботами: покосы, рыбная ловля, сбор ягод и грибов, обработка картофельных участков и т. п. Умеют бурнинцы работать, но знают и время, когда нужно отдать должное духовному. Службы и чтения книг по вечерам, воскресным дням и праздникам. Трудно было в это поверить, но, когда из укромных мест доставались нужные для продолжения начатого разговора книги, напечатанные при Михаиле Федоровиче или Алексее Михайловиче, все становилось на свои места: и оправданность держать при себе книги, отвергнутые церковью в результате реформ, и необходимость содержать их в надлежащем состоянии, умение ремонтировать и переплетать их, чтобы сохранить для будущих поколений. Сюда же относится и желание поделиться чем-нибудь из духовных ценностей, когда уверенность, что книга не пропадет, а будет дальше использоваться по прямому назначению и станет достоянием большого числа людей, дает право распорядиться этим наследием.

Как стало известно мне в этот приезд, ранее исследователями древней книжности из Новосибирска были получены Пролог «древлеписьменный», Русский хронограф поздней редакции, дораскольные печатные Псалтырь с воследованием, Октоих, Общая минея, а также несколько первых изданий старообрядческих типографий конца XVIII в. В этом году знакомство с личными библиотеками Мамонтовых, Горбуновых, Гуляевых, Вершининых, Котовых, Сидорки-

Р. М. Горбунов

Жители поселка Бурный

ных и других позволило составить более детальное представление о репертуаре и количестве книг, находящихся в обиходе у старообрядцев титовского согласия (подавляющее большинство жителей Бурного представляют здесь именно эту группу староверов-беспоповцев). Сюда относятся рукописные сборники слов и поучений Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, в том числе переписанные основателем согласия Титом Тарасовичем, Цветники, полемические сборники, житийная литература. Из печатных раритетов — шедевр отечественного книгопечатания Острожская Библия Ивана Федорова, издания первой половины XVII в.: Евангелие-тетр крупной печати, иноческий Требник, Апостол, Триоди постная и цветная, Устав «Око церковное» и др.

Когда настало время отправляться в обратный путь, среди наших приобретений уже значились скорописный Апокалипсис XVII в., сборник слов и поучений Исаака Сирина, печатные Триодь цветная 1630 г. и Псалтырь с воследованием 1651 г. Дорога в Бор заняла гораздо больше времени. Из Бурного на лодке нам надлежало добраться до села Кузьмовка на Подкаменной Тунгуске, населенной преимущественно старообрядцами-часовенными. Давнее знакомство Захарковых с проживающими здесь семьями Москвичевых помогло нам найти пристанище здесь до подвернувшейся okazji в виде буксируемой самоходкой баржи с путешествующими по Подкаменной туристами. Пока баржа не появилась в поле нашего зрения, мы провели в Кузьмовке около трех дней. Это время было посвящено практике чтения канцелярской скорописи по Апокалипсису из Бурного, а также разговорам о полемике старообрядцев с «государственной церковью» с приютившими нас матерью и дочерью Москвичевыми. Из Кузьмовки мы тоже уплывали не с пустыми рюкзаками: две замечательные рукописи XVIII в.: Сборник слов и житий, в том числе русских, и «Келейный летописец» Димитрия Ростовского (!) дополнили вполне представительную коллекцию находок в старообрядческой Эвенкии.

Через несколько дней, уже находясь на базе в Енисейске (спортзал спортивной школы), поддавшись воспоминаниям о времени, проведенном в Бурном, я записал в своем дневнике:

Бурный у меня останется на всю жизнь. Я его полюбил, полюбил его кержаков, верующих в одну лишь веру христианскую да поллитровку в тайге зимой. Это люди, каких уже не часто встретишь: в любой дом заходи, тебя примут, накормят, если банный день, да и не банный, в бане напарят... Чисто русское гостеприимство! Бурный весь как одна семья. Все 24 (примерно) семьи находятся между собой в родственных [кровных и духовных] связях, кроме разве что Мерзляковых, которые из «обительских». Все-таки разногласия в вере очень сильно сказыва-

ются на отношениях между людьми. А так, все друг другу помогают и в сенокос, и по рыбной ловле, стараются поддержать один другого, кто чем может.

Смотришь на мужичков Бурного со стороны, и радостно становится, как будто вернулся назад лет на 50, если не считать радио, кино, моторных лодок, которые [таежниками] не завиняются... И так хочется остаться здесь, пожить их спокойной, размеренной жизнью без суеты, без нервотрепки города, где с утра и до вечера мечешься и не замечаешь, как уходит день, за ним другой и годы... А в Бурном... Нет. Там просто надо пожить...

Поселок Бурный. 1978 г.

Сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, под завязку наполненных археографией, эти слова 18-летнего юноши, вызывают улыбку, и в то же время дают понять причины притягательности, внутреннего воздействия археографической работы на выбор жизненного пути.

Завершая эти воспоминания о моей первой экспедиционной поездке с археографическими целями, считаю необходимым кратко представить общие результаты работы 1978 года, организованной НГУ и ГПНТБ СО АН СССР.

Участники комплексной археографической экспедиции: Е. И. Дергачева-Скоп (руководитель), В. Н. Алексеев, Л. А. Ситников, Г. А. Лончакова, А. Ю. Языкова, Т. Ю. Щербакова, А. И. Мальцев, Т. А. Дементьева, А. Ю. Бородихин, И. А. Евсеева, Т. Н. Илюшечкина, В. Быкова, Я. Н. Самохин, А. А. Филюшов, Н. Ф. Подопригора, М. К. Чирейкин, Л. Ф. Солощенко.

Находки и приобретения экспедиции: 27 рукописных и старопечатных книг XVII–XIX вв.

Список литературы

Морозов В. В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 353–356.

Т. Г. КАЗАНЦЕВА

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки

Музыкально-медиевистический компонент комплексных археографических экспедиций Сибирского отделения РАН

В статье подводятся некоторые итоги деятельности новосибирских музыковедов в составе комплексных археографических экспедиций Сибирского отделения РАН, организованных Институтом истории, Новосибирским университетом и Отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН в период с 1969 по 2017 годы. Освещены наиболее значимые для сибирской музыкальной медиевистики поездки и условия работы в старообрядческой среде, дается краткая характеристика нескольких наиболее интересных региональных традиций, приводятся имена информантов — хранителей древнерусской церковно-певческой культуры в XX — начале XXI в.

Ключевые слова: археографические экспедиции, старообрядцы Сибири, богослужбное пение, знаменный распев

Археографические экспедиции Сибирского отделения Российской академии наук с первых лет носили комплексный характер. Это была принципиальная установка руководителей поисковой работы — Е. И. Дергачевой-Скоп, Н. Н. Покровского, Е. К. Ромодановской, справедливо считавших, что в условиях Сибири исследования старообрядческой книжности невозможны без изучения контекста ее бытования.¹ С 1969 г. в состав отрядов стали регулярно включаться музыковеды, в задачи которых входил сбор материалов, касающихся традиций богослужбного пения старообрядцев. Первой из них стала студентка Новосибирской консерватории А. Н. Кручинина,² работавшая в группе с историком Г. П. Ениным.

¹ Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274; Покровский Н. Н. Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнезд Сибири // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 435–436.

² Впоследствии А. Н. Кручинина перевелась в Ленинградскую консерваторию в класс известного ученого-медиевиста М. В. Бражникова, затем стала профессором и заведующей кафедрой древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской консерватории, ныне является руководителем Научно-исследовательской лаборатории русской музыкальной медиевистики имени М. В. Бражникова. В одной из публикаций имя А. Н. Кручининой упоминается среди участников экспедиций 1967–1971 и 1974 гг. (Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях... С. 32), однако в устной беседе Альбина Никандровна

В 1977 г. в составе экспедиции Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР под руководством Н. Н. Покровского совместно работали новосибирский историк А. И. Плигузов, имевший в то время тесные контакты с Новосибирской консерваторией,³ и ленинградский музыковед Е. Л. Бурилина.⁴

Обе группы с перерывом почти в десять лет вели собирательскую деятельность в регионе так называемого Верховья — в скитах и мирских поселениях старообрядцев часовенного согласия в Тувинской АССР, выходцев с Урала и Алтая. Они записали уникальный аудиоматериал, ныне хранящийся в фондах Сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН.⁵ Коллекция аудиозаписей, собранная экспедициями в конце 1960-х гг., имеет, прежде всего, историческое значение, так как речь идет о самых первых записях старообрядческого пения, осуществленных на территории Сибири.⁶ Кроме того, в это время от старообрядцев были записаны такие формы богослужебного пения, которые ныне оказались полностью утрачены, например, пение демеством. Наибольшую ценность коллекции представляют записи голоса выдающегося певчего региона, хранителя профессиональной певческой (исполнительской) традиции уралосибирского старообрядчества Гермогена Федоровича Рукавицына⁷.

первым годом своей археографической поездки называет 1969, эта дата подтверждается дневниковыми материалами и рукописным описанием коллекции аудиозаписей, сделанных ею в 1969–1971 гг.

³ А. И. Плигузов вел в консерватории курс палеографии.

⁴ Бурилина Е. Л., Плигузов А. И. Наблюдения над современными исполнительскими традициями в знаменном распеве // Музыкальная культура Сибири и Дальнего Востока: История и современность. Новосибирск, 1983. С. 47–51.

⁵ Подробнее об этих экспедициях и собранных в них материалах см.: Казанцева Т. Г. Материалы к изучению богослужебно-певческой традиции староверов-часовенных Верхнего Енисея // Музыкальная культура Сибири: Источники, традиционные и академические формы творчества. Новосибирск, 2018. С. 28–64; Казанцева Т. Г. Аудиоколлекция Института истории СО РАН // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 201–215. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37); Казанцева Т. Г. Из начальной истории полевых исследований старообрядческой богослужебно-певческой культуры на территории Сибири // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 10: К 100-летию открытия кафедры древнерусской музыки в Петроградской государственной консерватории. СПб.; Саратов, 2022. С. 315–328; Казанцева Т. Г., Омарова Е. А. Богослужебно-певческая культура старообрядцев часовенного согласия верховья Малого Енисея в 60–70-е годы XX века: По материалам археографических экспедиций // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 286–296. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-20.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Экспедиция известного московского музыковеда-медиевиста Т. Ф. Владышевской к семейским Забайкалья состоялась в 1973 г.

⁷ Казанцева Т. Г. Хранитель традиций богослужебного пения уралосибирских старообрядцев Г. Ф. Рукавицын: По материалам полевых дневников и аудиозаписей

В 1977–1978 гг. активное участие в полевой археографической работе приняла студентка Новосибирской консерватории, ученица Б. А. Шиндина Л. Ф. Солощенко — впоследствии исследователь и издатель старообрядческих духовных стихов.⁸ Ею же выполнена дипломная работа, посвященная духовным стихам старообрядцев Красноярского края, по сути — первое исследование певческой традиции старообрядцев титовского согласия.⁹ К сожалению, собранный ею материал утрачен.

Следующая совместная экспедиция состоялась только через 14 лет, в октябре 1992 г. Это была поездка в Бурятию к старообрядцам семейским, в ней приняли участие научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН А. Ю. Бородихин, студентка Новосибирского университета И. Е. Колесникова, аспирантка Новосибирской консерватории Т. Г. Федоренко (Казанцева) и студентка Л. Р. Фаттахова.

Экспедиция проходила в трудных условиях. В это время в стране был экономический кризис, ни консерватория, ни участники экспедиции не располагали достаточными средствами для поездки, в свободной продаже не было аудиокассет. В конечном итоге, деньги были выделены из средств «хоздоговорных» проектов, осуществлявшихся в то время на возглавляемой В. М. Цеханским кафедре компьютеризации Новосибирской консерватории, аудиокассеты нашлись в домашних фонотеках, имеющиеся на них записи предварительно были стерты, запись велась на бытовой магнитофон «Романтик», который приходилось носить за собой и каждый раз искать в домах информантов электророзетку.

Не менее, а, возможно, и более сложные задачи стояли перед участниками этой экспедиции в плане научной подготовки к поездке. Дело в том, что первооткрыватели певческой традиции сибирских старообрядцев в силу ряда причин не смогли непосредственно передать свой опыт полевой работы следующим поколениям, не были доступны сделанные ими записи, образовался временной разрыв, крайне негативно сказавшийся на возобновлении музыкально-архео-

из фондов Института истории СО РАН // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 277–246. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 42).

⁸ Приказ № 50/2 от 4 июля 1977 г. // Новосибирская консерватория — 50 лет: Материалы и документы. Новосибирск, 2006. С. 440; Официальное письмо заместителя председателя Сибирского отделения Археографической комиссии Н. Н. Покровского от 1 июля 1978 г. (Машинопись).

⁹ Солощенко Л. Ф. Музыкальная культура крестьян-старообрядцев Красноярского края: Дипломная работа / Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1979. (Рукопись).

графических исследований. В то время у музыковедов-медиевистов имелись весьма приблизительные представления о старообрядчестве: семинар Н. Н. Покровского мы не посещали, общего курса палеографии в консерватории уже не было, знания обо всем были исключительно «книжными». Содержащаяся преимущественно в дореволюционных публикациях сложная для восприятия информация с трудом усваивалась умом воспитанных в советской школе начинающих исследователей. Столь же слабыми были знания о старообрядческом богослужении (да и о православном богослужении в целом), о культуре староверов, их жизненном укладе, отношении к «внешним», то есть не старообрядцам. Поэтому перед поездкой пришлось серьезно погрузиться в историю, этнографию, литургику и другие далекие от музыковедения области науки.

Более опытные археографы — сотрудники ГПНТБ СО РАН В. Н. Алексеев и А. Ю. Бородихин — подсказали маршруты, конкретные населенные пункты, где компактно проживали семейские Бурятии, имена и адреса уставщиков.

Сейчас результаты этой экспедиции нельзя оценить однозначно. С одной стороны, количество собранного аудиоматериала в сравнении с результатами последующих поездок оказалось совсем незначительным. Основная причина собирательских неудач состояла, видимо, в том, что, по неопытности, мы не могли четко и доходчиво пояснить старообрядцам цели нашей работы. Немаловажное значение также имели культурные стереотипы староверов старшего поколения. Так, безрезультатно закончился поход к одному из наиболее грамотных уставщиков в селе Тарбагатай Стефану Федоровичу Чебунину, чей возраст превосходил 90-летний рубеж. Приняв нас в целом доброжелательно, он, как человек старшего, еще дореволюционного поколения, воспитанный в строгой вере, решил, что мы пришли к нему обучаться церковному пению и уставу и сразу же прекратил разговор на эту тему, так как, по его словам, такого рода знания следовало передавать только мужчинам — будущим уставщикам. От записи на магнитофон он также категорически отказался.

Беседа с С. Ф. Чебуниным длилась довольно долго, но касалась преимущественно свадебного обряда семейских, о котором он рассказывал, вспоминая свой личный опыт. Здесь мы столкнулись с еще одной трудно преодолимой проблемой: семейских, как носителей яркой, самобытной народной культуры, во второй половине XX в. активно изучали фольклористы, поэтому нам очень трудно было найти знатоков литургического пения, так как нас, принимая за фольклористов, все время направляли к исполнителям народных песен.

В результате удалось записать лишь одну неполную кассету и только от одного уставщика из села Куйтун Леона Власовича Афана-сьева. Ему мы также не смогли внятно разъяснить цели своего прихода и причины интереса к старообрядческой службе: у него, напротив, до нас побывали «археографы из Новосибирска» (скорее всего самозванные), и он не хотел показывать нам свои книги. Но, будучи человеком чрезвычайно добрым и открытым от природы, уставщик ответил на все интересовавшие нас вопросы и продемонстрировал свои знания богослужебного пения. Остается только сожалеть о том, что эта первая наша беседа могла бы быть более информативной, если бы мы точнее и полнее сформулировали свой опросник.

С другой стороны, опыт этой экспедиции оказался бесценным и значительно компенсировал прежнее отсутствие навыков полевой работы: мы научились общаться с носителями традиции, учитывая их социальный статус — уставщики, грамотные соборяне, мужчины, женщины; составили общее представление о культуре, выявили общины с более-менее полно сохранившейся традицией, а также определились со временем следующих экспедиций: с учетом нерегулярности соборных богослужений поездки далеко не всегда укладывались в рамки традиционного для археографии летнего периода.

Большой удачей оказалось знакомство с одним из уставщиков с. Бичура Павлом Осиповичем Савельевым, от которого мы получили приглашение приехать на Рождественскую службу и разрешение записать ее на магнитофон. В этом смысле неожиданно полезной для нас оказалась поездка к семейским в начале 1970-х гг. Т. Ф. Владышевской: она работала с уставщиками Бичуры, в том числе с П. О. Савельевым, и тот прекрасно помнил эту запись «на большую машину». В январе и апреле следующего года мы были на Рождественском и Пасхальном богослужениях семейских Бичуры. Это было первое знакомство с настоящей семейской службой, совершенно особенной по мощности звучания голосов и глубине эмоционального впечатления.¹⁰

С этого времени Бурятия стала одним из постоянных мест экспедиционной работы новосибирских музыковедов. Поездки в разные районы республики периодически осуществлялись с 1993 по 2000 годы. В них приняли участие студенты консерватории О. Л. Ефимова и Е. Г. Червякова. Работали в Улан-Удэ, селах Бичура, Билютай, Тарба-

¹⁰ Результаты начального этапа экспедиционной работы среди семейских Бурятии нашли отражение в: Федоренко (Казанцева) Т. Г. Забайкальское старообрядчество: Книжные традиции и современная певческая практика: Дис. ... канд. искусствоведения / Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1995. (На правах рукописи).

гатай, Куйтун. В частности, записали богослужение на праздник Преображение Господня в семейской общине белокриницкого согласия.

В течение этих лет исследователи воочию наблюдали процесс угасания этой уникальной богослужебно-певческой традиции вместе с уходом из жизни старшего поколения уставщиков и грамотных певчих. После 2000 г. вместе с, наверное, последним представителем этого поколения, уставщиком семейского «большого собора» из Улан-Удэ Иваном Терентьевичем Алексеевым данная традиция фактически прекратила свое существование.

Одновременно нами наблюдалась и трансформация религиозной жизни и культуры семейских, связанная с приходом в соборы «молодых», рожденных при советской власти старообрядцев, а также с миссионерской деятельностью Новозыбковской старообрядческой Церковной иерархии, активизировавшейся в 1990-е годы. Символично, что именно поездкой в Бичуру в 2017 г. завершилась моя активная экспедиционная работа. Однако эта поездка показала, что традиция все-таки жива и эволюционирует, что внушает оптимизм и надежду на ее сохранение пусть и в преображенном виде.

В 1999 г. произошло еще одно чрезвычайно важное в деле изучения богослужебно-певческой традиции старообрядцев Сибири событие — поездка в Кемеровскую область к истинно-православным старообрядцам странникам. Поездку эту организовал А. И. Мальцев для Л. Р. Фаттаховой, писавшей диссертацию о духовном пении старообрядцев Кузбасса,¹¹ я присоединилась. Поездка оказалась судьбоносной: ни у кого ранее мы не встречали столь хорошо сохранившейся традиции (не восстановленной, а именно сохранившейся, никогда не прерывавшейся). Странники хранили архаичную (раздельноречную или наонную) манеру пения, прекрасно знали крюковую нотацию, что позволяло им исполнять сложные мелизматические песнопения, а также демественный распев. Кроме того, они хранили богатейший устный пласт литургического речитатива — погласицы всех видов чтения: Евангелие, Апостол, паремии, Толковое Евангелие, Златоуст, Торжественник.

В библиотеке странников также хранились полемические сочинения, написанные учителями их согласия и посвященные в том числе вопросам пения. Наконец, впервые нам не пришлось уговаривать исполнителей спеть на магнитофон, более того, певчие согласились делать для нас самозаписи, и к каждому последующему моему приезду подготавливалась пара кассет с ирмосами или другими песнопениями. К странникам, ставшим мне почти родными, я регулярно ездила

¹¹ *Фаттахова Л. Р.* Традиции духовного пения старообрядцев Кузбасса. Омск, 2025.

до 2005 г., в том числе вместе с Н. Д. Зольниковой. В результате этих поездок была собрана обширная аудиоколлекция песнопений фактически всего годового круга богослужений. Этот материал еще ждет своего осмысления и требует соответствующего ему масштабного исследования.¹²

С сотрудниками Института истории СО РАН связаны и другие совместные поездки. В частности, в 2006 и 2007 гг. вместе с Н. А. Старухиным мы посетили несколько приходов Русской православной старообрядческой церкви — в Томске и Асиновском районе Томской области, Залесовском районе Алтайского края. Чрезвычайно запоминающимися оказались многокилометровый крестный ход к томским таежным монастырям и престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы в Томском приходе с торжественным пением местного и новосибирского хоров. Вместе с Н. А. Старухиным мы также навещали в Бийске поморского наставника, полемиста и чрезвычайно интересного собеседника Феодорита Федоровича Серебренникова, с которым я впервые познакомилась еще в 1996 г.

В то же время начались интенсивные научные контакты музыковедов с филологами Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. В совместных экспедициях с сотрудниками этого Отдела в разные годы приняли участие студенты консерватории А. А. Качусова (2005, 2006), С. Г. Емельянова (2008, 2009), В. А. Орехова (2012, 2013, 2014). Расширилась география полевой работы, в нее были включены Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан, Енисейский и Туруханский районы Красноярского края, Республика Тыва. Музыковеды работали в общинах Русской Православной Старообрядческой Церкви в Кызыле и Хабаровске, в компактных, изолированных поселениях часовенных и титовцев на берегах Енисея и его притоков.

Енисейские экспедиции незабываемы трудностями пути и экзотичностью средств передвижения, захватывающей дух красотой ландшафтов и встречами с удивительными людьми. В профессиональном плане чрезвычайно важными оказалось знакомство в период с 2006 по 2013 г. с соборами старообрядцев титовского согласия, с которыми у сибирских археографов существовали давние и очень тесные контакты. Традиция богослужебного пения титовцев, к сожалению, до этого времени никем не исследовалась, и к моменту воз-

¹² Богослужебно-певческой традиции странников посвящено несколько статей, общая характеристика традиции содержится в: *Казанцева Т. Г.* Религиозная жизнь и литургическая практика сибирских староверов-странников // Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире. Их роль в сохранении уникальных и исчезающих культур. Ставрополь, 2017. С. 185–198.

никновения моего к ней интереса оказалась в значительной степени редуцированной. Тем не менее, в ходе общения были получены чрезвычайно важные сведения о догматике этого необычного согласия, об «иерусалимском» времени, по которому они живут, об организации суточного круга служб, был записан ряд богослужений. Кроме того, от старообрядцев поселка Бурный для копирования были получены несколько аудиокассет 1981–1983 и 1985 гг. с самозаписями панихиды и фрагментов служб на Пасху, Рождество Христово, Успение Богородицы. Несмотря на невысокое качество записи, этот материал является бесценным с научной точки зрения, так как отражает традицию богослужебного пения в соборах согласия, сохранившуюся в более полном виде по сравнению с ее состоянием в первые десятилетия ХХI в.

Наиболее интересными певчими среди титовцев были Георгий Максимович Захарков из поселка Бурный и Кузьма Иванович Килин с фактории Сым. Г. М. Захарков являлся зятем знатока богослужебного пения Родиона Мартемьяновича Горбунова, он и его супруга Евфросиния Родионовна в свое время считались лучшими певчими в своем соборе. К. И. Килин оказался чрезвычайно одаренным человеком: он писал остроумные сатирические стихи в раешном стиле, был талантливым рассказчиком различных историй, связанных с охотой и повседневной жизнью «таежного» старообрядца, вдохновенно говорил о восторге, который в детстве он испытывал на Пасхальной утрени. Но главное, он был отличным певчим, пожалуй, одним из самых талантливых из встречавшихся нам в поездках. Его манера пения с расцветиванием мелодической линии песнопений требует отдельного исследовательского внимания.

В отличие от тесных, доверительных отношений, которые почти сразу сложились с титовцами, вхождение в контакт с енисейскими часовенными оказалось достаточно сложным. Суровые, эмоционально сдержанные жители изолированных, труднодоступных поселений первоначально очень настороженно отнеслись к посторонним. В одном из соборов нас приняли только благодаря личным контактам их наставника с Н. Д. Зольниковой, в другом — знанию соборян о близком знакомстве с археографами Новосибирского Академгородка их духовного отца Афанасия Герасимовича Мурачева. На следующий год, уже после кончины наставника, нас даже решились проводить на его могилу и почтить память.

Традиция знаменного пения в соборах часовенных была в то время уже находилась на высоком уровне. Есть мнение, что ее возрождению способствовала активная деятельность А. Г. Мурачева. В соборах признают его роль, но подчеркивают, что их напевка самостоятель-

на. Знаменную грамоту здесь знают все — и мужчины, и женщины, в зимнее время молодежь церковному пению учат специально приезжающие учителя. Мощный многоголосный унисон с преобладанием низких мужских тембров, усиленный реверберацией в небольшом помещении, действительно, производит очень глубокое впечатление.

Подводя итоги, можно констатировать, что музыковеды, работая в археографических экспедициях, сумели внести посильный вклад в сохранение и изучение традиций древнерусского церковно-певческого искусства в старообрядческой среде в конце XX — начале XXI в. Результаты, конечно, могли быть более весомыми, если бы работа в этом направлении началась ранее и не прерывалась на столь длительный срок от конца 1970-х до начала 1990-х гг., а также велась более масштабно. Тем не менее, и на собранных материалах вполне возможно сформировать общее представление о богослужебно-певческой культуре сибирского старообрядчества в ее типологическом единстве и локальном и субконфессиональном разнообразии. Этого понимания удалось достичь в том числе благодаря комплексности полевых исследований, в ходе которых собиралась информация по широкому кругу аспектов, внешне влиявших на возникновение локальных вариантов культуры, а именно принадлежности тому или иному старообрядческому согласию, различию мест и времени «выхода» сибирских переселенцев, степени изолированности от «мира», фактору неординарной личности.

Приложение

Хронологическая таблица археографических экспедиций СО РАН
с участием музыковедов

Год	Участники экспедиции	Условия проведения экспедиции	Район полевых исследований
1969–1971	А. Н. Кручинина	Комплексные экспедиции НГУ, ИИ СО РАН, ГПНТБ СО РАН, НГК	Алтайский край, Красноярский край, Республика Тыва
1977	Е. Л. Бурилина, А. И. Плигузов	Экспедиция СО Археографической комиссии АН СССР	Красноярский край
1978	Л. Ф. Солощенко	Комплексная экспедиция НГУ, ИИ СО РАН, ГПНТБ СО РАН, НГК	Красноярский край
1992	А. Ю. Бородихин, И. Колесникова, Л. Р. Фаттахова, Т. Г. Федоренко (Казанцева)	Совместная экспедиция НГУ, ГПНТБ СО РАН, НГК	Республика Бурятия (Тарбагатайский, Куналейский, Мухоршибирский, Бичурский р-ны)

1997	А. Ю. Бородин, А. М. Монтина (Шамнэ), В. В. Мурашов, Н. С. Мурашова, Л. Р. Фаттахова, Т. Г. Федоренко (Казанцева)	Совместная экспедиция НГУ, ГПНТБ СО РАН, НГК при поддержке РГНФ и ФЦП «Интеграция»	Кемеровская область (Беловский, Гурьевский, Таштагольский р-ны), Алтайский край (Залесовский и Заринский р-ны, Барнаул, Бийск)
2000	А. И. Мальцев, Л. Р. Фаттахова, Т. Г. Федоренко (Казанцева)	Совместная экспедиция ИИ СО РАН, НГК при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Прокопьевск, Новокузнецк)
2001	Т. Г. Казанцева, Н. А. Старухин	Экспедиция ИИ СО РАН	Алтайский край (Бийск)
2003	Т. Г. Казанцева	Экспедиция ИИ СО РАН	Кемеровская область (Прокопьевск)
2004	Т. Г. Казанцева	Экспедиция ИИ СО РАН	Кемеровская область (Прокопьевск)
2004	А. Ю. Бородин, Т. Г. Казанцева	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Белово)
2005	Т. Г. Казанцева	Экспедиция ИИ СО РАН	Кемеровская область (Прокопьевск)
2005	А. Ю. Бородин, Т. Г. Казанцева, А. А. Качусова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Белово) Республика Казахстан, Восточно-Казахстанская обл. (Усть-Каменогорск)
2006	А. Ю. Бородин, Т. Г. Казанцева, А. А. Качусова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Казахстан, Восточно-Казахстанская обл. (Усть-Каменогорск), Красноярский край (Эвенкийский р-н)
2006	Т. Г. Казанцева, Н. А. Старухин	Экспедиция ИИ СО РАН	Алтайский край (Бийск)
2007	Т. Г. Казанцева, Н. А. Старухин	Экспедиция ИИ СО РАН	Томская обл. (Томск, Асиновский р-н)
2007	А. Ю. Бородин, Т. Г. Казанцева	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Красноярский край (Эвенкийский, Енисейский р-ны), Кемеровская обл. (Гурьевский р-н)
2008	С. Г. Емельянова, Т. Г. Казанцева	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Прокопьевск), Красноярский край (Енисейский, Туруханский р-ны)
2008	Т. Г. Казанцева, Н.А. Старухин	Экспедиция ИИ СО РАН	Томская обл. (Асиновский р-н), Алтайский край (Залесовский р-н)

2009	С. Г. Емельянова, Т. Г. Казанцева, А. А. Юдин	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Прокопьевск), Красноярский край (Туруханский р-н)
2012	Т. Г. Казанцева, В. А. Орехова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН при поддержке РГНФ	Кемеровская область (Прокопьевск), Приморский край (Владивосток), Хабаровский край (Хабаровск)
2013	А. Ю. Бородин, Т. Г. Казанцева, В. А. Орехова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН	Красноярский край (Енисейский р-н), Республика Тыва (Кызыл)
2014	Т. Г. Казанцева, В. А. Орехова	Экспедиция ГПНТБ СО РАН	Республика Тыва (Кызыл)
2015	А. Ю. Бородин, Т. Г. Казанцева, А. А. Юдин	Экспедиция ГПНТБ СО РАН	Хабаровский край (Хабаровск)

Литература

- Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274.
- Бурилина Е. Л., Плигузов А. И. Наблюдения над современными исполнительскими традициями в знаменном распеве // Музыкальная культура Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Новосибирск, 1983. С. 47–51.
- Казанцева Т. Г. Аудиоколлекция Института истории СО РАН // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 201–215. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).
- Казанцева Т. Г. Из начальной истории полевых исследований старообрядческой богослужебно-певческой культуры на территории Сибири // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 10: К 100-летию открытия кафедры древнерусской музыки в Петроградской государственной консерватории. СПб.; Саратов, 2022. С. 315–328.
- Казанцева Т. Г. Материалы к изучению богослужебно-певческой традиции староверов-часовенных Верхнего Енисея // Музыкальная культура Сибири: Источники, традиционные и академические формы творчества. Новосибирск, 2018. С. 28–64.
- Казанцева Т. Г. Религиозная жизнь и литургическая практика сибирских староверов-странников // Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире. Их роль в сохранении уникальных и исчезающих культур. Ставрополь, 2017. С. 185–198.

- Казанцева Т. Г. Хранитель традиций богослужебного пения уралосибирских старообрядцев Г. Ф. Рукавицын: По материалам полевых дневников и аудиозаписей из фондов Института истории СО РАН // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 277–246. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 42).
- Казанцева Т. Г., Омарова Е. А. Богослужебно-певческая культура старообрядцев часовенного согласия верховья Малого Енисея в 60–70-е годы XX века: По материалам археографических экспедиций // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 286–296. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-20.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).
- Покровский Н. Н. Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнезд Сибири // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 435–436.
- Солощенко Л. Ф. Музыкальная культура крестьян-старообрядцев Красноярского края: Дипломная работа / Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1979. (Рукопись).
- Фаттахова Л. Р. Традиции духовного пения старообрядцев Кузбасса. Омск, 2025. 292 с.
- Федоренко (Казанцева) Т. Г. Забайкальское старообрядчество: книжные традиции и современная певческая практика: Дис. ... канд. искусствоведения / Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1995. (На правах рукописи).

Н. А. СТАРУХИН

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**«АЩЕ СЕРДЦЕМ ВОСХОЩЕТЕ...
ОТКРОЕТ ВАМ ЧЕЛОВЕКА И ПОКАЖЕТ ВАМ ПУТЬ...»:
ПОЛЕВЫЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕКТОРА АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ***

В статье нашли отражение впечатления автора от сибирских археографических экспедиций, от встреч с насельниками старообрядческих скитов, в которых сохраняются традиции древнерусской книжной культуры.

Ключевые слова: полевая археография, экспедиции, старообрядческие скиты, книжная культура

Начавшийся год богат на юбилейные даты, значимые не только для сибирских археографов. Прежде всего, это и повод в очередной раз вспомнить имена тех людей, которые стояли у истоков создания и многолетнего вдохновляющего налаживания работы третьего археографического центра страны, и возможность приблизиться к пониманию того «героического» (по определению академика Н. Н. Покровского) периода, во многом сыгравшего определяющую роль в судьбе не одного десятка исследователей.

Мой личный интерес к истории староверия, вопросам изучения книжной культуры изначально определялся детскими впечатлениями, рассказами, довольно сдержанными, представителей старшего поколения о когда-то существовавших семейных и общинных староверческих библиотеках, которые безжалостно уничтожались в социальных катаклизмах 1920–1930-х гг. Немного позднее придется услышать и о существовавших когда-то в районах ранней старообрядческой миграции в бассейне р. Чарыш скитах, особенностях связи с ними жителей округи. Народная память сохранила и некоторые подробности трагического противостояния с властями в этих местах — самосожжениях. Перечисленное выше определило не только будущее направление исследований, но и дало им четкую географическую привязку — Алтай. Конкретные маршруты с начала 1990-х гг. определялись скорее работой краеведческих экспедиций,

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

возглавляемых барнаульским краеведом-энтузиастом А. Д. Сергеевым. Но все-таки основная часть по сбору материала проводилась в самостоятельных полевых выездах по городам и весям предгорного и степного Алтая. Тогда же были сделаны первые находки, наиболее ценные из них впоследствии поступят на государственное хранение в Институт истории СО РАН, определены дальнейшие маршруты полевых исследований. Работа по этим маршрутам, связанная с историей и книжностью нескольких старообрядческих согласий, в полной мере начнется уже после моего прихода в Сектор археографии и источниковедения.

С 2006 г. основной акцент делался на археографической работе в общинах относительно позднего старообрядческого согласия, белокрыницкого. Последнее определялось и давними научными интересами начальника экспедиционного отряда Н. Д. Зольниковой, и заведующего сектором Н. Н. Покровского (необходимость изучения литературы белокрыницких была озвучена Николаем Николаевичем во время нашей первой встречи поздней осенью 1993 г.).

Организационно оформилось согласие в 1840-е гг. на территории тогдашней Австрийской империи, получив соответствующее наименование у своих многочисленных оппонентов — «австрийское». С начала 1850-х гг. белокрыницкий епископат, и, соответственно, священство, начинает активно распространяться не только в европейской части нашей страны, но и за Уралом. История этого распространения, породившая страстную полемику в старообрядческом мире, была практически не изучена. Предстояло собрать воедино все сохранившиеся сведения, разбросанные по архивохранилищам и частным собраниям.

Пожалуй, самыми значимыми для меня в этом плане станут поездки в Томскую область, в район известного белокрыницкого Казанского скита, основанного в 1870-е гг. бывшим часовенным черноризцем, видным публицистом, еще при жизни удостоившемся прозвания «сибирский Златоуст» — Филимоном—Феофилактом Савкиным. Нельзя не отметить, что Савкин являлся земляком хорошо знакомого по книге Н. Н. Покровского «Путешествие за редкими книгами» казака-скитника Владимира Трегубова. Характерно, что обширное судебное расследование, по которому проходил Феофилакт, вызванное «отпадением от православия» нескольких сотен человек, хронологически очень близко отстоит от времени создания «Повести дивной», в которой красочно описаны все перипетии духовных исканий Трегубова и его единомышленников. Как и его земляк, будущий томский игумен совершит побег из тюрьмы, обратив при этом в свою веру нескольких охранников.

Таежный поселок в районе бывшего Казанского скита. Томская область, лето 2018 г.

По дороге к одному из староверческих скитов. Томская область, 2018 г.

Экспедиционные выезды в этот район определялись как поиском некогда обширной скитской библиотеки, так и сбором всех источников, связанных с историей самой скитской организации, сыгравшей значительную роль для урало-сибирского староверия. Кроме того, в результате всех поездок удалось получить на копирование рукописи и гектографированные издания из состава библиотеки ныне покойного белокриницкого епископа Силуяна (Килина). В памяти навсегда останутся и работы на покосе, особо непростые в этих местах, и заготовка кедровых орехов в урожайные годы, и забавные происки хозяина здешних мест медведя. Нельзя забыть и таежные тропы, проложенные когда-то скитниками, могучие кедровые деревья на скитском кладбище со следами от врезанных в них в свое время икон, впечатляющие рассказы о встречах с нечистой силой, издавна поселившейся в этих местах, и многочасовые, неторопливые повествования местных жителей, жизнь которых, как и их предков, навсегда определил этот скитский центр...

Работа в белокриницких общинах открыла не только ранее не известные источники, но и позволила выявить особенности идеологических построений этого крыла бывшей беглопоповщины. Отношения с гражданскими властями, с собственной администрацией были далеко не безоблачными, а эсхатологические настроения, далеко, кстати, еще не изученные, проявлялись порой не менее радикально,

Горная Шория. После покоса. Август 2019 г.

чем в других направлениях староверия. Чего, к примеру, стоят бескромпромисные обличения собственной иерархии игуменом Феофилактом! В одной из белокриницких семей удалось получить на копирование лицевой Апокалипсис, датируемый 1883–1884 г. С происхождением рукописи пока еще далеко не все ясно, но в среде белокриницких оказалась она явно не случайно. Апокалипсис содержит оригинальную трактовку последних времен, основанную на сложном подсчете одной из книг Ветхого Завета — Псалтыри. Прослеживаются в рукописи и антиправительственные настроения, далеко не всегда афишируемые староверческими книжниками. Как говорится неизвестным толкователем, «...да проглаголет икона зверина... и... подчинит... все покорившейся воле монархии и зверя...» Известно, что особенно остро противостояние с органами государственной власти проявилось в период формирования белокриницких организаций на территории Российской империи. Обостряются эсхатологические настроения и позднее, в период социальных катаклизмов: лихолетья октябрьского «переворота», в годы «великого перелома» 1930-х гг. Кстати, в категориях апокалипсиса нашли свое описание и реформы всех последних лет.

Далеко не односложными во многом остаются и процессы идейных и культурных взаимовлияний в старообрядческой среде. В таежном поселке, расположенном в районе уже упоминавшегося выше Казанского скита нам пришлось познакомиться с одним из белокриницких староверов, на воззрения которого самым решительным образом повлияли идеологические постулаты странников, проживавших неподалеку. Не без влияния их вероучения, изложенного в некой «тетрадке», с которой так и не захотел с нами делиться старовер, он отказался от пенсии, ряда удобств, уже прочно вошедших в быт таежных поселений даже более аскетично настроенных согласий, практически отрешившись от чуждого ему «мира». И это далеко не единственный пример, причем касается он жителей не только удаленных поселений. Объяснение в данном случае следует искать не только в каких-то личных интенциях. В Белокриницкой иерархии изначально складывались разные группировки, их противостояние, проявлявшееся в той, или иной форме, неплохо отражено в самых разных источниках. Одним из наиболее ярких примеров этого противостояния может служить история крупнейшего конфликта в согласии, связанного с выходом так называемого Окружного послания в феврале 1862 г.

Крупнейший за всю историю существования конфликт в бурно растущем согласии, вызвавший его болезненный раскол, оставил значительное количество документальных и повествовательных па-

мятников. Но далеко не все из них и по сей день остаются должным образом изученными. Важным в этом случае, как представляется, стал контакт с сохранившимися к началу наших полевых исследований неокружническими общинами — долгое время считалось, что эти общины прекратили свое существование уже в 1970-х гг.

Первые наши контакты с неокружниками относятся к середине 1990-х гг. Ниточка, которая привела на окраину предтаежного алтайского села, где проживал престарелый наставник Филимон Нестерович Меньшиков, была получена от моей хорошей знакомой, сотрудницы одного из музеев, искренне радеющей за сохранение книжного наследия. Адрес указывался ею слишком обще, и пришлось изрядно потрудиться, чтобы по летней жаре отыскать этот маленький рубленый по-сибирски дом. Визит, понятно, не был мною согласован, и потребовались немалые усилия, чтобы установились простые, доверительные отношения, продлившиеся впоследствии до самой смерти наставника. Наверное, не сразу принял решение, касающееся наших контактов, и сам Филимон Нестерович. Видимо, не случайно, без всяких просьб с моей стороны, он достаточно трогательно, и как мне показалось бесконечно долго (сердце у меня, признаюсь, изрядно «озябло» в первые минуты встречи), исполнял один из праздничных покаянных антифонов, составленных известным византийским монахом Феодором Студитом, сочинения которого до сих пор весьма чтутся староверами...

Горная Шория. Старообрядческая заимка. Август 2019 г.

Со временем, с благословения Филимона Нестеровича, будет передана часть архива и бывшей общинной библиотеки, хранившейся в семье трагически ушедшей из жизни Галины Яковлевны Мишариной. Отдельные рукописи передал на хранение сам Филимон Нестерович. Состав библиотеки во многом определялся переходом согласия к беспоповской практике в 1960–1970-е гг., в связи с уходом из жизни как неокружнического епископата, так и священства. Во многом на наших глазах проходила определенная радикализация согласия, ужесточение бытовых запретов. Эти запреты определялись и таким авторитетным для неокружников нормативным памятником, как соборное постановление, принятое в самом конце 1928 г. в д. Большие Кóрчи тогдашней Вятской губернии. Согласно устным свидетельствам, необходимость соборных решений была обусловлена отступлениями от традиции части неокружников. Отступления вызвали крайне болезненную реакцию более последовательно настроенных членов общины. Об ужесточении позиций, противоречиях среди самих общинников, свидетельствуют и статьи собора, регулировавшие отношения с официальной православной церковью и советскими органами власти, все более оказывавшими давление на религиозные организации. Вот как интерпретировал несколько позднее события тех трагических лет другой неокружнический наставник, Василий Филиппович: «Миряне вооружились — священство испугалось». Причем выражение «миряне вооружились» могло иметь не образное, а и вполне конкретное воплощение. Около 2000 г. мне удалось посетить один из удивительных по архитектуре белокрыницких храмов в Ярославской области, с сохранившейся практически в первозданном виде колокольней. Как оказалось, в свое время храм принадлежал неокружнической общине. По устным свидетельствам, вооруженные подручными средствами крестьяне отстояли свою святыню в годы коллективизации. Удивительно, но по каким-то причинам местные власти не стали выносить «сор из избы», и пошли на уступки!

С 2006 года археографические исследования велись и в общинах других согласий: часовенного (прежде всего, среди духовно понимающих приход Антихриста), поморского, а с 2011 г. были возобновлены контакты с филипповцами. Укажем в этой связи на приобретение интереснейшего сборника по идеологии этого согласия второй половины XIX в. еще нуждающегося в изучении.

Каждая поездка уникальна по-своему, но как-то рельефнее сейчас вспоминается сентябрьская поездка 2010 г. в низовья Чарыша, некогда знаменитого своими кержацкими селами, с их богатейшей историей. Социальные катаклизмы «железного» века прошли своим безжалостным катком и по этим местам. Но оставалось несколь-

ко населенных пунктов, в которых, как казалось, могло быть нечто интересное для археографов. Путь в один из них лежал через Обь, а возможность посещения этого состоящего лишь из нескольких домов поселения определялась расписанием парома, да милосердием местных владельцев лодок. Для краткости изложения могу сообщить, что встреча с представителем старинного кержацкого рода из этого поселения и замечательным мастером по дереву, назовем его Иваном Ермиловичем, принадлежавшего к поморскому согласию, в итоге состоялась. Но встреча эта оставила у меня двойственное впечатление, в том числе и потому, что позиция Ивана Ермиловича, например, в вопросах о браке, несколько разнилась от общеизвестных. Расстались мы дружелюбно и даже договорились об очередной встрече. Как записано в дневнике: «Простились как положено». Назад до причала было несколько километров, которые в раздумьях прошел пешком. Паром уже стоял на причале, продуктов по каким-то причинам при мне не оказалось, поэтому, коротая время до отправки, решил бороться с голодом испытанным способом, устроившись спать на деревянной паромной скамейке. Пробудился от сна уже тогда, когда паром, подгоняемый мощным течением сибирской реки, подплывал к пристани районного центра. Неподалеку стояла попутная машина моего старшего товарища, старовера из соседнего «горского» села, расположенного в зоне неописуемых по красоте альпийских лугов, Ивана Петровича Соколова, давно поджидавшего меня все это время на берегу с удочкой.

Мои недоумения после этой поездки начали разрешаться постепенно, когда начал регулярно контактировать с Ермилом Матвеевичем, наставником одного из немногочисленных согласий «токаревых», выделившегося в самом начале прошлого века по итогам категорических постановлений нескольких поморских соборов самого начала прошлого века. Согласие получило название по имени выходца из нижегородских крестьян, сапожника и талантливого резчика Григория Евдокимовича Токарева. Резные шкафы мастера с библейскими сюжетами и по сей день являются одним из украшений музея в Городце. Отличительной вероучительной особенностью «токаревых» являлся запрет на поклонение иконам, на которых имелись изображение Господа Саваофа в виде старца «ветхого деньми», описанного в одной из библейских книг. Как водится, яростная по своему накалу полемика в поморских общинах страны возникла не на пустом месте: аналогичные споры рассматривались на соборе русской Церкви в 1553–1554 гг. Инициатором их в то время выступил влиятельнейший дьяк посольского приказа Иван Михайлович Висковатый. Руководство Церкви, традиционно избегая конфликта, пошло

Горная Шория. Дорога на одну из староверческих заимок. Ноябрь 2020 г.

на компромисс, но спустя три слишком столетия указанная проблема вновь попала в поле зрения нескольких горячих голов, и обсуждения начались по новому кругу, уже в иных исторических условиях. Попутно заметим, полемика вокруг названного выше вопроса затронула в большей степени поморские общины, но нам приходилось встречать свидетельства, отчасти подтверждаемые и материалами рукописных собраний, что представителей страннических общин, или их какой-то части, вопрос об изображении Творца волновал не менее остро. Кроме того, запрет на изображение Господа Саваофа по видению пророка Даниила подтверждался на одном из первых соборов сибирских «титовцев». (Впервые полевую работу в этом согласии начал Н. В. Понырко в самом конце 1968 г.)

Именно у токаревых удалось получить на копирование два сборника, содержащих, помимо прочего, один из списков не известного науке «Родословия» урало-сибирских поморцев, поиск которого занял не один год. Конечно, суть бурных споров о браке на примере поморских общин Урала во второй половины XIX в. мы достаточно хорошо представляем благодаря глубоким исследованиям о. Петра Мангилева. Но многие детали и направления этих дискуссий, их географическое распространение, еще во многом требуют своего изучения. Памятник несет явную полемическую нагрузку, связанную с дискуссиями алтайских общин конца XIX начала XX в. о браках в поморских общинах, распространением токаревского согласия. Одним из ключевых для исследователей, на наш взгляд, является то, что в одном из полученных нами сборников приводятся решения и сопроводительные материалы не только малоизученных урало-сибирских поморских соборов конца XIX начала XX в., но используются не известные поморские родословия, составлявшиеся на Алтае, крупнейшем центре поморского староверия.

Будем надеяться, что поиск и всестороннее изучение этих «родословий» станет делом самого ближайшего будущего.

В завершение, мне хотелось бы выразить самую сердечную благодарность всем тем, с кем за все эти годы свели пути археографического поиска. С людьми разных судеб, взглядов, национальностей, разбросанных по разным регионам, странам и континентам, но объединенных одной общей любовью — к Книге и Знанию, альфе и омеге нашего бытия.

А. А. Юдин

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

...Я ЗАНИМАЮСЬ САМЫМ ИНТЕРЕСНЫМ ДЕЛОМ — РАБОТАЮ АРХЕОГРАФОМ

В статье дается описание преемственности научных школ, характеризуются принципы организации археографической практики современных студентов.

Ключевые слова: археографическая практика, научная школа, полевая и камеральная археография

Когда я поступил на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета в 1994 году, после сообщения о зачислении на первый курс подошел к председателю Приемной комиссии Владимиру Николаевичу Алексееву и, следуя скорее школьной привычке, спросил его, как можно подготовиться летом к учебе, что он советует читать в оставшееся до сентября время. Владимир Николаевич сразу же предложил обратить внимание на книгу Николая Каллиниковича Гудзия. Автор был мне не знаком, что неудивительно, так как в школе изучению древнерусской литературы уделялось совсем мало времени. Но меня так заворожило это необычное сочетание имени, отчества и фамилии, что я напрочь забыл название книги, которую мне советовал читать В. Н. Алексеев. Поэтому в районной библиотеке я взял не «Хрестоматию по древней русской литературе», о которой, скорее всего, и шла речь, а классический учебник Н. К. Гудзия «История древней русской литературы». Какое по счету переиздание этого учебника досталось мне, я уже не помню, но меня поразило, насколько доступно и, казалось бы, просто он был написан, и, самое главное, насколько интересно было его читать. Уже потом я узнал, что Николай Каллиникович был одним из первых, наряду с Варварой Павловной Адриановой-Перетц, учеников создателя знаменитой школы исследователей древнерусской литературы, профессора Владимира Николаевича Перетца. Академик В. Н. Перетц, посвятивший свою жизнь изучению древнерусской литературы и связанных с ней славянских литератур, культуры славянских народов, славянской этнографии, фольклора, народного театра, — смог не только объединить талантливых учеников, но уже благодаря этим ученикам заложил традицию передачи исследовательского знания следующим поколениям ученых-древников. В значительной мере эта

традиция опиралась не только на педагогический талант В. Н. Перетца, но и на тот рукописный и старопечатный книжный материал, который ему удалось собрать в своей библиотеке. Трансляция знания в «перетцевской» школе осуществлялась от учителя к ученику благодаря в том числе и той источниковой базе, которой являлась принадлежавшая В. Н. Перетцу коллекция древних рукописей, его рабочая библиотека, а также древлехранилища Российской империи, куда академик ежегодно выезжал со своими учениками для занятий. Неслучайно поэтому собрание древнерусских рукописей В. Н. Перетца было передано позднее его вдовой В. П. Адриановой-Перетц в Древлехранилище Пушкинского Дома, а их рабочую библиотеку Варвара Павловна завещает ГПНТБ СО РАН в Новосибирске. К этой же традиции расширения пространства научного знания следует отнести и передачу новосибирской академической библиотеке собрания рукописных и старопечатных книг древнерусской традиции академиком М. Н. Тихомировым, который одно время был также слушателем семинара В. Н. Перетца.

Прочитав учебник Н. К. Гудзия, я, как мне думалось, был подготовлен к курсу древнерусской литературы и очень удивился, когда узнал, что наша экспериментальная, «французская» группа была освобождена от этого предмета. Вместо него нам добавили лекции по истории Древнего мира, которые мы слушали со студентами-историками нашего курса. Но здесь мне повезло, так как лекции читал Михаил (Моисей) Иосифович Рижский, известный историк-антиковед, библиист, автор работ о книгах Ветхого Завета (основной группе филологов, «русистам», он преподавал также латинский язык). Его лекции, помимо самого предмета, были интересны еще и тем, что Михаил Иосифович, проживший долгую жизнь, рассказывал нам о своей учебе в начальной еврейской школе (хедер), посещении антропологического Музея человека в Париже и т. д. Михаил Иосифович всегда подчеркивал, что он атеист. Несмотря на это он поддерживал дружеские отношения с другим преподавателем нашего факультета, православным верующим, профессором Кириллом Алексеевичем Тимофеевым. Он давал нам знания по греческому языку, позже — по старославянскому, вел спецкурс по санскриту. Кирилл Алексеевич был удивительно доброй души человек и наставник. Студентов, у него специализирующихся, он принимал с отчетом о проделанной работе у себя дома, обязательно приглашал к столу, если в том была необходимость (в 1990-е годы это было как нельзя кстати), в разговоре мог деликатно затронуть разные темы, чтобы выяснить, чем живет его подопечный, что его волнует, что хочет получить от учебы в университете. В одном из таких разговоров я посетовал, что у нашей

группы не только не ведутся занятия по древнерусской литературе, но мы также не можем пройти обязательную для студентов-русистов практику после окончания первого курса. Дело в том, что курс лекций по древней русской литературе уже много лет вела профессор Елена Ивановна Дергачева-Скоп, она же была ответственна и за организацию выездной практики студентов-филологов в Тобольск. Новосибирские студенты занимались там с книгами из фонда местного историко-архитектурного музея-заповедника. И, приехав из Тобольска, они рассказали нам много интересного: про сам город, про его историю, про случаи из практики, и, конечно же, про книги, с которыми они занимались. Мой одногруппник, мой друг поэт Виктор Иванов решил поговорить с Еленой Ивановной лично о допущении его на практику на следующий год, однако вел себя при этом немного экзальтированно, так что поэта на практику не взяли. Как-то я пришел на консультацию к Кириллу Алексеевичу домой, и у него в гостях была Елена Ивановна. Не знаю, что сказал ей хозяин дома, пока я ожидал в кабинете, но через какое-то время Елена Ивановна вошла, поздоровалась и очень пристально и серьезно на меня посмотрела. На следующий год я в первый раз поехал на практику в Тобольск со студентами-филологами, окончившими первый курс университета. Так закончилась моя специализация у Кирилла Алексеевича Тимофеева — я перестал сравнивать носовые в старославянском и французском языках.

Студенческая практика в Тобольском музее.
Елена Ивановна Дергачева-Скоп и Алексей Юдин,
на заднем плане: Юлия Ростовцева и Иван Якшин. 2003 г.

Елена Ивановна Дергачева-Скоп и Владимир Николаевич Алексеев, занимаясь со студентами в Тобольске, создали своего рода комплексный археографический центр по изучению русской книжности. Как мне кажется, это была своего рода трансляция тех идей, которые развивал в своей педагогической практике академик В. Н. Перетц, выявлявший в ходе работы своих учеников с рукописными и печатными книжными памятниками самых талантливых из них, способных продолжить его дело. И это тобольское предприятие во все не было случайным, так как Елена Ивановна много лет изучала творчество знаменитого тоболяка Семена Ульяновича Ремезова, ему же она посвятила свое диссертационное исследование, когда училась в аспирантуре Пушкинского Дома, где ее куратором была Варвара Павловна Адрианова-Перетц. В тобольском музее студенты не только описывали книжные памятники на основе разработанной Е. И. Дергачевой-Скоп методики описания книг гражданской печати XVIII в., но и впервые в своей жизни знакомились с уникальными книжными экземплярами, получали информацию о том, как устроена старая книга, какую функцию выполняют ее отдельные элементы, какие справочники используются в работе археографа с книгой. Эти знания, несомненно, полезны для филолога, особенно для того, кто связывает свою жизнь с книжной культурой. Руководителями практики была также организована работа студентов, которые уже приняли решение о специализации в области изучения древнерусской литературы, в Тобольском архиве (Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области), где хранятся рукописные книжные памятники XVI–XIX вв., в том числе рукописи, конфискованные у старообрядцев Тобольской консисторией в XIX в. Рукописи архива были подробно изучены и получили печатное описание благодаря работе Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской. Студенты, сверяясь с этим каталогом, помимо создания собственных описаний отдельных книжных памятников, старались более подробно зафиксировать состав некоторых рукописей, вплоть до выписки полных текстов сочинений из сборников, выявить и идентифицировать все водяные знаки бумаги, охарактеризовать почерки рукописей и т. д. Это была очень хорошая практическая подготовка будущих специалистов-археографов, так как под руководством опытных наставников студенты на первых порах изучали не столько репертуар древнерусских рукописных сборников и литературную историю отдельных произведений (все это приходит с опытом, с накоплением знаний), а прежде всего знакомились со структурой древнерусской книги, учились правильному обращению с ней, учились верно датировать ру-

Владимир Николаевич Алексеев и Алексей Юдин. Тобольск, 1997 г.

кописи на основе филигранологического анализа и читать писцовый текст и многочисленные владельческие записи в сборниках.

Без сомнения, на молодого человека оказывал влияние и сам город Тобольск, его история, связанные с ним имена (С. У. Ремезов, П. П. Ершов, А. А. Алябьев, Д. И. Менделеев, Ф. М. Достоевский, император Николай II и его семья и даже Робинзон Крузо). Нас размещали обычно в школе, мы жили в классах, спали на полу, на спортивных матах, сами готовили себе еду, распределив дежурство. Мне посчастливилось стать одним из руководителей студенческих практик, в этом качестве я провел не один сезон. Каждый такой выезд на две недели в конце лета в этот северный город на практику со студентами приносил новые впечатления и давал новые знания. Причем знания не только книжные, но и вполне житейские. Владимир Николаевич и Елена Ивановна жили с нами в школе, завтракали, обедали и ужинали вместе со студентами. За обеденным столом неоднократно поднимались различные темы, но всегда они так или иначе касались того дела, ради которого мы приехали в Тобольск — древние русские книги, их описание, археографическая работа. Елена Ивановна была одним из первых археографов, наряду с Николаем Николаевичем Покровским и Еленой Константиновной Ромодановской, кто целенаправленно стал выявлять, приобретать и изучать древнерусскую

книжность в Сибири и на Дальнем Востоке, организуя для этого ежегодные экспедиции и участвуя в них.¹ Конечно, исходя из своего многолетнего опыта, ей было что рассказать об особенностях общения со старообрядцами разных согласий, сохранившими древнерусскую книжность до наших дней.

К сожалению, у меня не случилось опыта полевой археографической экспедиции под руководством старшего наставника до самостоятельного визита к старообрядцам за книгами. А ведь это необычайно важно — видеть учителя за работой, перенимать у него профессиональное мастерство. Из первой своей поездки (со студенткой НГУ первого курса Надеждой Жуковой) в деревню в Кемеровской области я привез семь небольших рукописных сборников XVIII–XIX вв., со списком «Мамаева побоища» в одном из них. Там же позднее мне удалось приобрести печатное издание «Служб и житий Сергия Радонежского», выпущенное на Московском печатном дворе в 1646 году, с не всегда встречающимся в тексте книги «Чудом о кладезе», добавленным Симоном Азарьиным. Все эти книги сейчас находятся в Кемеровском территориальном собрании Древлехранилища им. Е. И. Дергачевой-Скоп в ГПНТБ СО РАН. И хотя знаний об истории и культуре старообрядчества у меня в то студенческое время было недостаточно, уже тогда я понял, что одно из самых главных качеств успешного полевого археографа — это не досконально выученная история зарождения и развития старообрядчества, не умение объяснить отличия в обрядовой практике разных согласий (хотя эти знания очень важны), а прежде всего — умение общаться с людьми, восприятие своих собеседников как людей одной с тобой глубокой русской культуры, уважительное отношение к по большей части уже почтенного возраста старообрядцам, сохранившим книжное наследие своих предков. Показная ученость, скорее, губит дело, вызывает недоверие или отстраненность. Так, беседуя однажды в деревне в верховьях Енисея с пожилым наставником часовенного согласия, я захотел побыстрее узнать о составе его личного книжного собрания, поэтому с интересовавшей его проблемы браков между молодыми людьми разных согласий и разрешения подобных ситуаций в

¹ Первые экспедиции в Сибирь и на Дальний Восток были организованы по инициативе председателя Археографической комиссии АН СССР академика М. Н. Тихомирова в 1959 и 1960 гг., в них участвовали его ученики А. И. Рогов и В. Б. Павлов-Сильванский. Благодаря их деятельности стало ясно, что предположение академика М. Н. Тихомирова о том, что Сибирь таит в себе много книжности, привезенной сюда с переселенцами-старообрядцами, оказалось верным. Начиная с 1965 г. регулярные археографические экспедиции в Сибири стали проходить под руководством Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской, ученика М. Н. Тихомирова Н. Н. Покровского, В. Н. Алексеева.

древнем церковном праве энергично перешел к теме оригинальной и переводной литературы в Древней Руси. Дойдя до имени Дионисия Ареопагита и его трактата «О небесных иерархиях», я понял, что «перегнул палку» — мой собеседник замолчал и не был настроен продолжать разговор. Моя высокопарная речь и бравирование именами смутили его. Стоило большого труда вновь разговорить почтенного наставника.

В Тобольске же по инициативе Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеева были проведены Первые Ремезовские чтения в память о выдающемся тоболяке. Нас, студентов, обязали помогать устраивать это мероприятие. Событие не рядовое для города и очень значимое для меня, так как я чуть ли не впервые увидел съехавшихся на него ученых мирового уровня, слушал их доклады, имел возможность наблюдать их «в жизни». Более всего меня впечатлил выдающийся ученый-медиевист, сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, специалист в области изучения сербских средневековых рукописных памятников Вячеслав Михайлович Загребин. Кроме того, что на конференции у исследователя был очень интересный цельный по композиции и структуре доклад, связанный с одним из текстов С. У. Ремезова, он также, не зная о том, преподал мне настоящий жизненный урок. Так случилось, что расстояние от места проведения конференции до места приема пищи (по-другому сказать не получается, так как это было помещение первого этажа гостиницы «Тобол», в котором в то время размещался ночной клуб) необходимо было преодолевать на автобусе. Ученые с нетерпением вышли из него, но в заведении их очень долго стали обслуживать, принося блюда примерно минут через двадцать каждое. Последним в клуб зашел Вячеслав Михайлович в сопровождении какого-то очень скромного неизвестного всем мужчины. Присев с ним за наш столик, Загребин быстро сориентировался и сказал подошедшей официантке: «Мы здесь самые главные, принесите нам все сразу!» Просьба подействовала. Непонятно было только, кто же второй «самый главный». Оказалось, что все пассажиры автобуса так спешили поесть, что не подумали о его водителе. Вячеслав Михайлович не оставил его без внимания.

Владимир Николаевич Алексеев вел у нас курс «История русской культуры», впоследствии я работал под его руководством в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. В археографические экспедиции я с ним не ездил, но один из первых опытов камеральной работы был у меня под началом Владимира Николаевича. В один год после отъезда студентов-практикантов из Тобольска Владимир Николаевич и я остались для работы в Тобольском архиве. В мою задачу входило расписать полный состав старообрядческих рукопис-

ных сборников, а Владимир Николаевич изучал, если я не ошибаюсь, список Хронографа, написанный С. У. Ремезовым. Это было удивительное время, так как я остался наедине с наставником и, конечно, этим пользовался в ущерб его занятиям. Мне было важно узнать, как правильно делать свою работу, а кто как не учитель мог мне в этом помочь. Кроме того, я наблюдал, как Владимир Николаевич работает сам, как общается с работниками архива, жителями Тобольска. Интеллигентно, демократично и в то же время требовательно, если работа выполнена не так как следует. Последнее чаще относилось ко мне. На обратном пути в Новосибирск мы провели два дня в Тюмени, также занимаясь камеральной археографией. В. Н. Алексеев, узнав, что в Тюменском краеведческом музее обнаружилось некоторое количество рукописей и старопечатных книг, не попавших в поле зрения ни В. И. Малышева, ни Н. Н. Покровского, описывавших ранее собрание этого музея, договорился о нашем визите для работы с книгами. Выяснилось, что эта новообетенная часть уже имеет охранную опись, которая была составлена, вероятно, в рамках практики, студентами из Екатеринбурга. Обычно в охранной описи дается краткая информация о книжном памятнике (его автор (если есть), название, дата создания, количество листов, наличие/отсутствие переплета, его характеристика, инвентарный номер/шифр книги), чтобы в случае сверки/проверки книгу можно было бы легко отыскать по указанным параметрам. Одним из пунктов в описи музея значилась «Священная книга» без какой-либо датировки. «Вот и займитесь, Леша, этой Священной книгой», — сказал мне Владимир Николаевич. Названия далеко не всех священных книг промелькнули у меня в голове, с волнением я ожидал, какую именно из них хранители вынесут мне из фонда для работы, хватит ли мне опыта и знаний, чтобы даже не столько описать книгу, но хотя бы ее атрибутировать. Передо мной лежал столбец, написанный характерной великорусской скорописью XVII века, которую студент-первокурсник, вероятно, не смог разобрать и оттого, схитрив, вписал выдуманное название для рукописи в охранную опись. Скоропись была прочитана мной не сразу, но, потратив около двух часов, я с ней справился. Речь в документе шла о размежевании земли между двумя хозяевами, хотя всех деталей и имен я уже не помню. В этом музее мне довелось увидеть экземпляр первого славянского печатного издания, Триоди постной, выпущенной Швайпольтом Фиолем в Кракове в 1493 г. Книга попала в музей из коллекции купца Н. М. Чукмалдина. Николай Николаевич Покровский в своем описании кириллических книг музея упоминает и экземпляр первопечатного Апостола из этой же купеческой библиотеки, «следы которого сейчас утеряны».

Студенческая практика в Енисейском музее. Елена Ивановна Дергачева-Скоп, Андрей Юрьевич Бородихин, Алексей Юдин со студентами. 2010 г.

Вообще же издательская деятельность первых русских печатников была темой научных интересов В. Н. Алексеева. Один из двух экземпляров первопечатного московского Апостола 1564 г. в Сибири, книги довольно редкой, известной по подсчетам исследователя творчества Ивана Федорова Е. Л. Немировского всего в 66-ти существующих на данный момент экземплярах,² был привезен руководимой Владимиром Николаевичем экспедицией. Нашел же его один из самых результативных археографов Сибири — Михаил Кимович Чирейкин — в одном из старообрядческих поселений в красноярской тайге. Сейчас этот Апостол хранится в Красноярской территориальной коллекции Древлехранилища ГПНТБ СО РАН. Некоторые федоровские издания были также получены в ходе полевых археографических экспедиций в Сибири. Случались и камеральные открытия. Так, одна из полевых экспедиций к староверам-семейским Бурятии, к которым под руководством ученика Елены Ивановны А. Ю. Бородихина мне также удалось выезжать, была совмещена с археографическим камеральным обследованием собрания редких книг Национальной библиотеки Республики Бурятия. Андрей Юрьевич среди прочих книг кирилловской традиции обнаружил там экземпляр так

² Другой экземпляр пришел в ГПНТБ СО РАН в составе коллекции академика М. Н. Тихомирова.

называемого широкошрифтного Евангелия — издания периода работы дофедоровской еще, «анонимной», типографии, существовавшей в Москве в конце 1550-х — начале 1560-х гг. Сейчас эта книга по праву стала жемчужиной коллекции республиканской библиотеки. Совсем недавно ему же удалось открыть неизвестное науке издание соратника Ивана Федорова Петра Тимофеева Мстиславца — Часословец, который был выпущен в Остроге на рубеже XVI–XVII вв. Обнаружение единственного пока экземпляра этого издания стало возможным благодаря повседневной работе Андрея Юрьевича по изучению книжных фондов личных собраний, широкому кругу знакомств в старообрядческой и букинистической среде. Такое общение, безусловно, помогает археографу. Неслучайно создатель Древлехранилища Пушкинского Дома Владимир Иванович Малышев имел обширные связи в среде букинистов и коллекционеров, прежде всего в Ленинграде и Москве, именно он познакомил М. Н. Тихомирова с некоторыми владельцами частных коллекций, книги которых пополнили собрание академика. Часословец Петра Тимофеева Мстиславца в составе так называемой Скитской коллекции находится сейчас в Томском территориальном собрании Древлехранилища ГПНТБ СО РАН, его приобретению и помещению на постоянное хранение в государственное учреждение способствовали Книжный фонд имени Н. П. Литвинова (руководитель С. А. Савченко) и губернатор Новосибирской области А. А. Травников.

Под руководством А. Ю. Бородихина мне удалось поработать с кириллическими книгами, хранящимися не только в отдельных частных и приходских старообрядческих собраниях, но и в государственных и церковных древлехранилищах — Музее истории Бурятии имени М. Н. Хангалова, Национальной библиотеке Республики Бурятия, Научной библиотеке Хабаровской православной духовной семинарии, в Приморском государственном объединенном музее имени В. К. Арсеньева (Владивосток), в Исетском народном краеведческом музее имени А. Л. Емельянова, в доме-музее декабриста М. И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске. В последнем мы работали малой группой из четырех человек (А. Ю. Бородихин и четверо студентов). Нам за короткое время необходимо было составить описание и подготовить охранную опись на книги тамошней коллекции. В середине поездки мне было поручено составить рукописный вариант охранной описи (компьютеры тогда только входили в наш быт), задача осложнялась тем, что параллельно еще продолжалась работа по описанию книжных памятников, из-за этого опись приходилось неоднократно переписывать для корректного расположения кратких библиографических описаний в хронологическом порядке.

Вероятно, из-за напряженной работы я подумал, что моя опись носит лишь черновой характер и по приезде домой, в Новосибирск, мы сможем еще переделать её, внося корректирующие изменения и поправки. Поэтому на обороте последнего листа описи, имитируя скоропись XVII века, я сделал запись: «К Описи сией раб Божий Олешка руку приложил...» Не успел я это сделать, как пришел руководитель экспедиции с директором музея, на моих глазах они оставили свои подписи на последнем листе этой описи («Хоть бы не перевернули лист», — подумал я в тот момент), скрепив их печатью организации. Так как это был последний день экспедиции, мы спешно собрались и выдвинулись к вокзалу. Опись с подписью до сих пор хранится в музее, мне показывали ее сотрудники, когда мы приезжали в Ялуторовск позже. Конечно, мне пришлось в тот же день сознаться в «рукоприкладстве». Андрей Юрьевич был очень недоволен. Минуты две. Ну а что было делать? Мы не могли уже позволить себе остаться в Ялуторовске еще на какое-то время.

Время играет существенную роль в нашей работе, с его течением все меньше уникальных книжных памятников, особенно тех, что хранятся небрежно, в неподобающих условиях, удастся спасти. Время, а еще — необъятные пространства Сибири. Из-за недостатка целевого

Студенческая практика в Енисейском музее. 2011 г.

государственного финансирования полевых археографических экспедиций, нам приходится все чаще заниматься исключительно камеральной археографией в близлежащих к Новосибирску древлехранилищах, а также участвовать в конкурсах на получение грантов, чтобы иметь возможность получить деньги на полевые экспедиции. В последнее время все чаще в нашей археографической деятельности мы замечаем, что по объективным причинам (распад старообрядческих общин, уход старшего поколения, отступление от строгих правил старой веры молодых и т. д.), книги кирилловской традиции из старообрядческих книжниц перемещаются в древлехранилища Русской православной церкви. Совсем недавно, изучая епархиальные книжные собрания Сибири в одном из таких книжных собраний, библиотеке Новосибирской православной духовной семинарии, нашему небольшому коллективу (И. А. Шиловой, В. В. Подопригоре, А. Н. Коваленко и мне; все — ученики Е. И. Дергачевой-Скоп) удалось обнаружить пятый из известных в мире на сегодняшний день экземпляр издания Псалтири с Часословцем, выпущенной Иваном Федоровым в Заблудове в 1570 г.

Время не щадит ни старую книгу, ни человека. Остается память об учителях, наставниках, коллегах, всех тех людях, благодаря которым я занимаюсь самым интересным делом — работаю археографом. Описывая старопечатные книги территориальных собраний Древлехранилища имени Е. И. Дергачевой-Скоп в ГПНТБ СО РАН, я нахожу на рукописных карточках-описаниях этих книг имена археографов, которые их доставили из сибирской тайги в государственное книгохранилище.

Школу сибирских археографов объединяет любовь не только к книге, но и к сохранившим ее людям.

SUMMARY

N. S. GURYANOVA

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

ON THE HANDWRITTEN COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV, KEPT IN THE STATE SCIENTIFIC LIBRARY OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article reviews the collection of M. N. Tikhomirov, carried out by A. I. Rogov and N. N. Pokrovsky after the transfer to the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, and concludes that it is important for the development of archaeological research in Siberia. This process is briefly characterized, and the need to summarize a certain result of studying the manuscripts from the 60 years collection of M. N. Tikhomirov is formulated.

Keywords: manuscript collection, academician M. N. Tikhomirov, desk archaeography

A. A. YUDIN

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

ABC BOOKS IN THE COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV

The article is devoted to a review of Old Russian lexicographic works — ABC books preserved in the collection of manuscripts of academician M. N. Tikhomirov. Their characteristics are given in accordance with the existing classifications. The article raises the question of the sources of replenishment of the collection of M. N. Tikhomirov.

Keywords: collection of handwritten and old printed books by M. N. Tikhomirov, ABC books, Old Russian lexicography, archeography work

V. V. PODOPRIGORA, A. Y. BORODIKHIN

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

MANUSCRIPTS AND DOCUMENTS IN FOREIGN LANGUAGES IN THE COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV

The article is an overview of handwritten and old printed books in foreign languages kept in the collection of Mikhail Nikolaevich Tikhomirov at the State Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. This part of the collection has not attracted enough attention from researchers until recently, but in recent years, foreign manuscripts, archival materials, and monuments of the early stage of European printing have been described and used in scientific publications.

Keywords: foreign sources, handwritten and old printed book, collection of M. N. Tikhomirov's manuscripts

T. G. KAZANTSEVA

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

**SINGING MANUSCRIPTS IN THE COLLECTION
OF M. N. TIKHOMIROV**

The article is a review of singing manuscripts of the 16th–19th centuries from the collection of manuscripts by M. N. Tikhomirov. The composition and features of 34 monuments of musical writing are considered. The history of their inclusion in the collection is traced. The singing manuscripts from the collection of M. N. Tikhomirov are valuable sources for studying the transitional period of the history of Old Russian singing art.

Keywords: singing manuscripts, Old Russian musical tradition, Tikhomirov's collection of manuscripts

A. N. KOVALENKO

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

**FESTAL HOMILIARIES AND PRAYER BOOKS
IN THE COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV'S MANUSCRIPTS**

The article presents descriptions of Festal Homiliaries and prayer books from the Tikhomirov's collection, made by G. A. Lonchakova. Attention is drawn to the peculiarities of the manuscripts, their composition and origin.

Keywords: M. N. Tikhomirov's manuscript collection, Festal Homiliaries, structure, Ancient Russian homiliaries

N. S. GURYANOVA

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

**OLD BELIEVER MANUSCRIPTS IN THE COLLECTION
OF M. N. TIKHOMIROV**

The article presents an overview of Old Believer manuscripts from the collection of M. N. Tikhomirov. The article describes the content of the main monuments of writing, as well as collections compiled in different consents. The monuments of bookishness are of great interest not only to researchers of the Old Believers, but they are valuable sources for students of the social and religious consciousness of the Russian population of different eras as well.

Keywords: M. N. Tikhomirov, Old Believers, concord, manuscripts, writings, collections, miniatures

D. V. DOLGUSHIN¹, A. Y. BORODIKHIN²

¹ Institute of History SB RAS, Novosibirsk

² State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

**THE ORLOV-DAVYDOV MANUSCRIPTS IN THE COLLECTION
OF M. N. TIKHOMIROV**

The article is devoted to the documentary sources of the 19th–20th centuries, namely manuscripts related to the Orlov-Davydov family, which are kept in the Tikhomirov Collection of the State Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian

Academy of Sciences. Special attention is paid to copies of O. I. Orlova-Davydova's diaries, which have only recently attracted the attention of researchers.

Keywords: documentary sources, diaries of Olga Ivanovna Orlova-Davydova, collection of manuscripts by M. N. Tikhomirov

I. L. MANKOVA

Institute of the History and Archaeology of Ural Branch RAS, Yekaterinburg

THE FIRST ABBOT OF THE DALMATOV USPENSKY MONASTERY ARCHIMANDRITE ISAAK AND HIS VENERATION

The article examines the biography of the first abbot of the Dalmatovsky Dormition Monastery, Isaak, and the history of his veneration in the 18th–21st centuries. He was the son of the monastery's founder, monk Dalmat, and lived in the monastery almost his entire life, coming a difficult path from a church charterer to an archimandrite and spiritual patron. Isaak was repeatedly removed from the management of the monastery and was limited in performing liturgical practices. This was possibly due to the failure to implement the church innovations of Patriarch Nikon, which gave rise to suspicions of his connection with the Old Believers. At the same time, he was involved in the activities of the Tobolsk Bishop's House. Isaak's contribution to the development and prosperity of the Dalmatov Assumption Monastery is considered in the article. He was the author of the first work on the foundation of the monastery. The process of preserving the historical memory of Isaac as an active pious man, revered equally with the monk Dalmat, is shown.

Keywords: Siberian and Tobolsk diocese in the 17th–18th centuries, Dalmatov Uspensky monastery, archimandrite Isaak (Mokrinsky)

T. A. OPARINA

The Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture,
Moscow

The Institute of Russian History RAS, Moscow

«GRECHENIN» KONSTANTIN IVANOV (MURAITOV) IN MILITARY SERVICE IN RUSSIA

The article is devoted to the process of entering Russian society, as well as the official activities, of an immigrant from the Ottoman Empire. In Russia, the «grechenin» was named Konstantin Ivanov, though at first he had the family name Muraitov. The immigrant first came from Morea, and Russian clerks translated his father's status as «voivode» or «governor». To get to Moscow, Konstantin Ivanov took advantage of the Ottoman diplomatic mission of Kapychei Alei-aga. In Russia, «grechenin» served in the Foreign order (in the «Greek» company), where his captain Yuri Trebizondsky drew him into several conflicts. Being illiterate, Ivanov had to provide the right of his signature to other persons when drafting documents. His lack of writing ability did not prevent him from conscientiously fulfilling his military duties in the Foreign order, and he was rewarded for his service. Konstantin Ivanov's life in Russia demonstrates one of the facets of the «Greek» migration.

Keywords: migration, assimilation, diplomatic contacts, the «Greek» community of Moscow

A. A. BRODNIKOV

Novosibirsk State University

**FORMATION OF AMOUNTS OF THE SOVEREIGN'S SALARY
OF THE SIBERIAN MILITARY ARISTOCRACY ON THE EXAMPLE
OF THE YENISEI GARRISON**

Representatives of the Siberian military aristocracy, who maintained individual amounts of the sovereign's salary during the 17th century, had different ways and possibilities of its formation. In some cases, the salary of a certain amount was related to the existing staffing table in the garrison. In other cases, the professional and business qualities of the employees themselves determined the amount. In the Yenisei garrison in the first half of the century, three senior officers (a Streltsy sotnik and two atamans) performed the same functions and had three different salaries. Their receivers began their service with these salaries, but later, because of their achievements, they significantly increased the salaries they received.

Keywords: sovereign's salary, Siberia, Yenisei district, atamans, boyar children, 17th century

L. D. BONDAR¹, O. A. KRASNIKOVA²

¹ The Archive of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Branch

² Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

**CARTOGRAPHIC DRAWINGS IN D. G. MESSERSCHMIDT'S
TRAVEL DIARY FROM THE REGIONS OF YENISEI SIBERIA
AND THE BAIKAL REGION**

The article presents cartographic material from the Yenisei Siberia and the Baikal region from the collection of the first Siberian researcher Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735), stored in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. There are 21 cartographic documents from the region under consideration, one part of which are full-fledged maps created on the basis of S. U. Remezov's maps, the other part was obtained by D. G. Messerschmidt from cartographers in Siberia, and the third one was made by the traveler himself. This publication focuses on four cartographic sketches left by the traveler on the pages of his travel diary on June 20, 1723, July 29, 1723, September 11, 1723 and July 2, 1725. The traveler paid special attention to river routes, recording his route in detail in points and versts and emphasizing the possibilities of shortening it. Such cases were reflected in the cartographic sketches placed inside the daily diary entries.

Keywords: Daniel Gottlieb Messerschmidt, cartographic material, travel diary, Yenisei Siberia, Baikal region

M. N. KLIMOVA

Scientific Library of Tomsk State University

**AKAKY BASHMACHKIN, MAKAR DEVUSHKIN
AND DEACON ACHILLA:
ABOUT SOME NAMES OF THE HEROES
OF RUSSIAN LITERATURE**

One of the popular methods of using hagiographic materials by secular authors is the introduction of hagiographic allusions into the description of a fictional character. The name given to him by the author, especially a rare or an unusual-sounding one, may be an important

source in creating his artistic image. The artfully chosen name of a literary hero makes it possible to emphasize his main features, hint at the hidden spiritual potential and internal contradictions of the described personality, and even predict the shocks and metamorphoses awaiting him. N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky and N. S. Leskov proved themselves among the masters of Russian classical prose of the 19th century as virtuosos of literary onomastics. Their art in this field and some of the individual techniques of each author are shown using specific examples from their works. The article analyzes the names of some characters in «The Overcoat», «Evenings on a Farm near Dikanka» and «Mirgorod» by N. V. Gogol, «Poor People», «Mistress» and «Idiot» by F. M. Dostoevsky, «Soboryan» and stories about the righteous by N. S. Leskov. I. S. Turgenev's case of referring to hagiographical material in the novel «Fathers and Children», unique to the art world, is noted as well. For the analysis, complex cases were selected, such as when choosing the name of a character, the writer used not only hagiographic texts, but also materials from religious and secular folklore, taking into account the meaning, sound, «folk etymology», and so on. Some observations on Russian literary onomastics of the 20th century are mentioned in the article as well.

Keywords: Christianity and literature, Russian literature, hagiography, lives of saints, literary onomastics, etymology, names of literary heroes

P. I. MANGILEV

Yekaterinburg Theological Seminary

THE OLD BELIEVER SCRIBE

OSIP (JOSEPH) FEDOROVICH MAKEEV

Based on the Kurgan (V) collection of the Laboratory of Archaeological Research of the Ural Federal University, the diaries of the Ural Archaeological Expedition and a number of other sources, the article systematizes information about the Old Believer scribe Osip (Joseph) Fedorovich Mokeev (1889 – after 1979), who belonged to the Pomeranian accord. Information about his origin, life path, ancestors, and family ties is provided. Information is given about the books in his library and his archive, specifically about the «Flower Garden on the Blessed Sacrament of Holy Baptism and other grace traditions» that he rewrote. The article concerns O. F. Mokeev's participation in the disputes around the legacy of the Old Believers' Lake Cathedral in 1875 that were waged by the Pomeranians of the Southern Trans-Urals. Mokeev consistently adhered to the position stated at this council and actively defended it, sharply criticizing his opponents. His authorship is attributed to the «Refutation of the decisions of the supreme Old Believer Spiritual Court of the Lithuanian SSR in the city of Vilnius in 1963 and 1965», signed by a large group of Kurgan Pomeranians. The article provides information on O. F. Mokeev's contemporaries, the Old Believer writers I. A. Blaginina and G. F. Login.

Keywords: Old Believers, Pomeranian accord, Old Believer writing, O. F. Mokeev

A. V. MANGILEVA

Yekaterinburg Theological Seminary

WOMEN IN THE CLERGY IN THE 19TH AND EARLY

20TH CENTURIES BASED ON THE MATERIALS OF THE CLERICAL

GAZETTE OF THE YEKATERINBURG DISTRICT

The article discusses the information potential of clerical gazettes for studying the position of women in the clergy during the Synodal period. An analysis of the materials of the clerical gazette of the Yekaterinburg district of this period allows establishing that the source contains information about the social origin of the wives of the white clergy, the

level of education of both women and their husbands (which allows determining the level of class consciousness). In the Clerical Gazette of the second half of the 19th century, such information is less common than in the first half of the century, but if a woman received an education, data was provided on the educational institution, as well as on her place of service (if she worked). The data from the clearing lists for one county does not seem to be sufficient for serious generalizations, but they help to understand in which direction research on the topic can develop. Studying the position of the female clergy is important because it can serve as a marker of the self-awareness of the white clergy.

Keywords: white clergy, women, education, Synodal period, Yekaterinburg district

I. V. POCHINSKAYA

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg

FROM THE HISTORY OF PROVINCIAL

OLD BELIEVER PRINTING HOUSES:

A. V. SIMAKOV'S ESTABLISHMENT IN URALS

The article is part of a series of publications devoted to individual Old Believer printing houses and their groups, published in order to fill gaps in knowledge on this topic. A. V. Simakov's printing house is the first of the legal Old Believer institutions that arose immediately after the equalization of Old Believers in rights with other citizens of Russia. The initiator of its creation was Bishop Arseny of Ural (A. V. Shvetsov), who had been the main organizer of the illegal book publishing of the Belokrinitskys since the 1870s. In the course of searching for a candidate capable of realizing Bishop Arseny's plan to create an officially authorized printing house, his choice fell on the merchant A. V. Simakov, who by 1905 was a major owner of a number of trading enterprises, including selling books, icons and church utensils. The article is supplemented with the list of publications of the printing house published by A. A. Guseva, analyzes her repertoire, and notes books atypical for Old Believer printing houses. The role of Bishop Arseny was emphasized not only in the organization of production, but in the formation of the publishing program. A feature of the design of the products of the Ural printing house is noted, which consists in the influence of the decor of illegal Bespop publications dating back to the Ovchinnikov printing house.

Keywords: Uralsk, Old Believers, book printing, printing house, Bishop Arseny of Ural, A. V. Simakov

T. F. VOLKOVA

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

PECHORA SCRIBES FROM THE NOSOV FAMILY

The article contains materials from the database of Pechora scribes, created by the author of the article, concerning the extensive Nosov family. Information is provided on all the main activities of the Nasal scribes — their correspondence of manuscripts, the presence of old books in their home library, and information about them as readers. The author's sources are notes on manuscripts and old printed books of the Pechora tradition, reports on archaeological expeditions of Leningrad and Syktyvkar archaeographers to the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic. The final source is a number of lists of scribes and owners of significant collections of manuscripts compiled by the discoverer of the «book» Pechora, V. I. Malyshev, based on oral accounts of Pechora peasants and archival documents.

Keywords: Old Believers' bookishness, the Nosov family, archaeological practice

N. P. MATKHAHOVA

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

HISTORIANS' LETTERS AS A SOURCE FOR STUDYING THEIR RESEARCH ACTIVITIES

The article considers possibilities of epistolary for highlighting certain aspects of the scientific research activities of historians. This is a scientist's search for their research field, motives for addressing specific research topics, an assessment of their own contribution to science, the emotional and psychological side of creativity and relationships between colleagues. The letters of experts in the field of national history of the 17th–19th centuries who lived and worked in the second half of the 20th century, such as N. M. Druzhinin, D. S. Likhachev, M. V. Nechkina, N. N. Pokrovsky, A. P. Pronstein, and M. N. Tikhomirov, are used. The epistolary is indispensable in the study of the "human" component of historical science.

Keywords: epistolary, historiographical sources, emotional and psychological aspects of scientific creativity, N. M. Druzhinin, D. S. Likhachev, M. V. Nechkina, N. N. Pokrovsky, A. P. Pronstein, M. N. Tikhomirov

S. G. PETROV

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

N. D. ZOLNIKOVA AS A RESEARCHER OF THE BIOGRAPHY AND SCIENTIFIC CREATIVITY OF N. N. POKROVSKY

A series of works by the Siberian historian, archaeographer and source specialist N. D. Zolnikova (1949–2018), devoted to the study of the life path and scientific heritage of the outstanding scientist, Academician of the Russian Academy of Sciences N. N. Pokrovsky (1930–2013), is considered. It is shown that N. D. Zolnikova, in her diverse works, investigated a wide range of problems related to the presence of a significant number of gaps in the history of scientific, pedagogical, social and personal life of N. N. Pokrovsky. It is established that she was one of the first historiographers to make the transition from oral tradition-based research on the Siberian academician to a strictly scientific one, based on the analysis of archival sources.

Keywords: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences N. N. Pokrovsky, N. D. Zolnikova, historical science, historiography, review of scientific papers

A. A. BRODNIKOV, A. S. ZUEV

Novosibirsk State University

THE PETITION OF THE IRKUTSK BOYAR SON IVAN PERFIREEV

The text of the Petition sent by boyar son Ivan Maksimovich Perfiliev to the highest name is published for the first time. The introductory article describes the circumstances of the petition's appearance, and describes the lists used. The text stored in the RGADA collection 208 served as the source for the copy included in the book of the Siberian Order.

Keywords: petitioners, Perfiliev boyar children, Siberia, Irkutsk, Irkutsk county, military men, 17th century

I. A. SHIPILOV

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

**ON THE HISTORY OF STUDYING THE BOOK
OF THE SECRETARY AND TRANSLATOR MARTIN SAUER'S
NORTHEAST GEOGRAPHICAL AND ASTRONOMICAL
EXPEDITION:
TRANSLATED AND COMMENTED BY F. V. KARZHAVIN.
THE SECOND ARTICLE**

The article continues the introduction to scientific circulation and the study of the translation of selected parts from the English monograph of M. Sauer, secretary and translator of the Northeastern Geographical and Astronomical Expedition of 1785–1795, into Russian. Russian-language translation of the contents of the book «Report on a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia to determine the exact degrees of latitude and longitude of the mouth of the Kovyma River, the entire Chukchi coast to the Eastern Cape, and islands stretching across the Eastern Ocean to the American coast, undertaken at the behest of Her Imperial Majesty Catherine II, Empress of All Russia; under the command of Commodore Joseph Billings, in 1785 and in the following years up to 1794», is valuable for studying the history of travel under the guidance of J. Billings and G. A. It was made in the early 19th century by F. V. Karzhavin, translator of the Admiralty Board, and is the first and only one so far, which makes this source unique. For the first time, the article publishes «special brief notes» (comments) made by Karzhavin on the most notable fragments of the traveler's book.

Keywords: Russian academic and government expeditions of the 18th century, northeast Siberia, the North Pacific region, Alaska, the expedition of J. Billings and G. A. Sarychev, «Report» by M. Sauer, «Notes» by F. V. Karzhavin

T. V. PANICH

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

**«THE VISION OF THEKLA» FROM THE MANUSCRIPT
COLLECTION OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

The text of «Visions of Thekla» is reviewed and published (list of the second half of the 20th century from the collection of manuscripts of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, № 3/23). The vision dates back to the beginning of the 20th century, but it continues the traditions of medieval eschatological visions reflecting ideas about the afterlife and the fate of the human soul after death. The features of the composition's list are determined, the content and motivational structure of the vision are analyzed, and the connection with Theodora's «Walking through the Air Ordeals» from the Life of Basil the New is traced.

Keywords: vision of the beginning of the 20th century, novice Thekla, the other world, eschatology, the motivic structure of the text

M. Y. NOVITSKAYA

Independent Researcher, Moscow

THE GIFT OF THE SIBERIAN LAND

The article contains memories of three Siberian archaeological expeditions in 1966/67, 1967, and 1968 in Transbaikalia, along the Yenisei and Altai. The letter of the Old Believer Lazar Ermilovich Ivanov, preserved in the author's archive, is published.

Keywords: archaeological expeditions, Siberia, Old Believer culture

E. K. PIOTROVSKAYA

St. Petersburg Institute of History RAS

NOVOSIBIRSK, THE EXPANSE OF THE OB!

The article is devoted to the publication of fragments of letters from a participant in one of the first Siberian archaeological expeditions to her parents, Maria Tikhonovna Solovyova and Konstantin Borisovich Piotrovsky. The letters reflect the vivid impressions of the book-buying trip.

Keywords: epistolary genre, archaeological expeditions, book finds in Siberia

T. N. APSIT

Independent researcher, Novosibirsk

EXPEDITION TO A HERMITAGE

The article describes an archaeological expedition in the southeast of the Tomsk region, the life and way of life of the hermits of the Old Believers.

Keywords: Siberian archaeological expeditions, Old Believer hermitages

L. I. SAZONOVA

Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow

SIBERIAN EXPEDITION TO OLD BELIEVER MONASTERIES

The article describes a trip on an archaeological expedition to the Siberian Old Believer monasteries, and provides impressions of this trip.

Keywords: field archaeological work, expeditions, Old Believer monasteries in Siberia

A. N. KRUCHININA

St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory

MY SIBERIAN EXPEDITIONS

The article shares the author's memories of archaeological expeditions to the Siberian Old Believer monasteries, the practice of teaching Old Believers to sing from hook manuscripts, about the beginning of her study of the monuments of Old Russian singing art.

Keywords: archaeological expeditions, Old Believer hermitages, Old Russian musical culture

T. F. VOLKOVA

Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin

ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITION

TO THE KRASNOYARSK TERRITORY IN 1969

The article describes the archaeological expedition of students of Leningrad University and a graduate student of the Institute of History of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the lower reaches of the Yenisei, describing numerous everyday details.

Keywords: Siberian archaeological expeditions, old printed books, field practice

L. V. BESPALOVA

Independent researcher, St. Petersburg

WE'RE GOING TO BURYATIA!

The article is devoted to the trip of an archaeological group to Buryatia. The expedition was tasked with bringing back handwritten and old-print books, as well as household items of Old Believer families.

Keywords: archaeological expedition to Buryatia, book finds, ethnography

L. V. TITOVA¹, M. V. MELIKHOV²

¹ Institute of History SB RAS, Novosibirsk

² Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin

ROADS OF SIBERIAN EXPEDITIONS

The article raises issues of the specifics of field archaeological work in Siberia, as well as contacts with representatives of the Old Believer culture and the church.

Keywords: Siberian archaeological expeditions, Old Russian book culture, Old Believers

O. D. ZHURAVEL

Novosibirsk State University

TRAVELS TO THE GUARDIANS OF ANTIQUITY

OR THE CONFESSION OF A FAKE ARCHAEOGRAPHER

The article contains vivid memories of archaeological expeditions to the Krasnoyarsk Krai, the upper reaches of the Yenisei, Kuzbass, Kemerovo region, Khabarovsk Territory and Kyrgyzstan.

Keywords: archaeological expeditions in Siberia, Old Believer hermitages

I. A. LOBAKOVA

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) RAS, St. Petersburg

ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITION TO SIBERIA

The article is an essay on the participation of students of Leningrad University, specializing in Old Russian literature, in archaeological expeditions of Novosibirsk State University.

Keywords: archaeological expeditions in Siberia, Old Russian manuscripts

A. Y. BORODIKHIN

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

THE ARCHAEOGRAPHY OF A LIFETIME...

The article describes the archaeographic field practice of first-year students of Novosibirsk State University and the subsequent archaeographic expedition to the village of Burny.

Keywords: archaeographic practice, field archaeography, Old Believer settlements, Old Russian manuscript tradition

T. G. KAZANTSEVA

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk
Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka

MUSICAL AND MEDIEVAL COMPONENT OF COMPLEX ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITIONS OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article summarizes some of the results of the activities of Novosibirsk musicologists as part of complex archaeographic expeditions of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, organized by the Institute of History, Novosibirsk State University and the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences from 1969 to 2017. The most significant trips and working conditions for Siberian musical medieval studies in the Old Believer environment are highlighted, a brief description of the most interesting regional traditions is given, and the names of the informants, the guardians of the Old Russian church singing culture in the 20th — early 21st century, are given.

Keywords: archaeographic expeditions, Old Believers of Siberia, liturgical singing, znamenny chant

N. A. STARUKHIN

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

«IF YOU DESIRE WITH YOUR HEART... HE WILL REVEAL A PERSON TO YOU AND SHOW YOU THE WAY...»: FIELD ARCHAEOGRAPHIC RESEARCH OF THE SECTOR OF ARCHAEOGRAPHY AND SOURCE STUDIES IN THE RECENT YEARS

The article reflects the author's impressions of meeting the inhabitants of Old Believer monasteries, which preserve the traditions of Old Russian book culture, during Siberian archaeographic expeditions.

Keywords: field archaeography, expeditions, Old Believer monasteries, book culture

A. A. YUDIN

State Public Scientific and Technical Library SB RAS, Novosibirsk

...I AM DOING THE MOST INTERESTING THING —

I AM WORKING AS AN ARCHAEOGRAPHER

The article describes the continuity of scientific schools and the principles of organizing the archaeographic practice of modern students.

Keywords: archaeographic practice, scientific school, field and desk archaeography

НАШИ АВТОРЫ

Татьяна Николаевна АПСИТ, доктор филологических наук, выпускница Новосибирского государственного университета, преподаватель русского языка как иностранного, участница археографических экспедиций, Новосибирск

Людмила Васильевна БЕСПАЛОВА, выпускница Ленинградского государственного университета, редактор, участница археографических экспедиций, Санкт-Петербург

Лариса Дмитриевна БОНДАРЬ, кандидат исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Андрей Юрьевич БОРОДИХИН, кандидат филологических наук, заведующий отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, участник археографических экспедиций, Новосибирск

Александр Ананьевич БРОДНИКОВ, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Татьяна Федоровна ВОЛКОВА, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, участница археографических экспедиций

Наталья Сергеевна ГУРЬЯНОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Дмитрий Владимирович ДОЛГУШИН, протоиерей, доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Ольга Дмитриевна ЖУРАВЕЛЬ, доктор филологических наук, заведующая Лабораторией археографии и источниковедения, профессор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, участница археографических экспедиций

Андрей Сергеевич ЗУЕВ, доктор исторических наук, директор Гуманитарного института и профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета

Татьяна Генриховна КАЗАНЦЕВА, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, доцент кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки, участница археографических экспедиций

Маргарита Николаевна КЛИМОВА, кандидат филологических наук, сотрудник Научной библиотеки Томского государственного университета

Антон Николаевич КОВАЛЕНКО, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, Новосибирск

Ольга Алексеевна КРАСНИКОВА, кандидат исторических наук, заведующая Сектором картографии Библиотеки Российской академии наук, Санкт-Петербург

Альбина Никандровна КРУЧИНИНА, кандидат искусствоведения, профессор, основатель кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской государственной консерватории, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, участница археографических экспедиций

Ирина Анатольевна ЛОБАКОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, участница археографических экспедиций

Наталья Петровна МАТХАНОВА, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

ПЕТР ИВАНОВИЧ МАНГИЛЕВ, протоиерей, кандидат исторических наук, проректор по научной работе, доцент кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии

АННА ВЛАДИМИРОВНА МАНГИЛЕВА, доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии

ИРИНА ЛЕОНИДОВНА МАНЬКОВА, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ МЕЛИХОВ, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, участник археографических экспедиций

МАРИНА ЮРЬЕВНА НОВИЦКАЯ, кандидат филологических наук, выпускница Новосибирского государственного университета, специалист по вопросам народной культуры в обучении, воспитании и развитии детей, по вопросам использования традиционной народной культуры в обучении, воспитании и развитии детей, Москва, участница археографических экспедиций

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ОПАРИНА, кандидат исторических наук, профессор, декан факультета искусствоведения Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва

ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА ПАНИЧ, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

СТАНИСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ ПЕТРОВ, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА ПИОТРОВСКАЯ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, участница археографических экспедиций

ВАСИЛИЙ Вячеславович ПОДОПРИГОРА, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, Новосибирск

ИРИНА Викторовна ПОЧИНСКАЯ, доктор исторических наук, заведующая Лабораторией археографических исследований, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, Екатеринбург

ЛИДИЯ Ивановна САЗОНОВА, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела теории литературы Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва, участница археографических экспедиций

НИКОЛАЙ Алексеевич СТАРУХИН, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск, участник археографических экспедиций

ЛЮБОВЬ Васильевна ТИТОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск, участница археографических экспедиций

ИЛЬЯ Александрович ШИПИЛОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

АЛЕКСЕЙ Александрович ЮДИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, Новосибирск, участник археографических экспедиций

Список сокращений

АЕ	— Археографический ежегодник
АН	— Академия наук
АРАН	— Архив Российской Академии наук (Москва)
БАН	— Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)
ГАШ	— Государственный архив г. Шадринска
ГПНТБ СО РАН	— Государственная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ИИ СО РАН	— Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ИРЛИ РАН	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ИТЛ	— исправительно-трудовой лагерь
ЛАИ УрФУ	— Лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета
НБ СГУ	— Научная библиотека Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Соколова
НБ СПбГУ	— Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета
НГУ	— Новосибирский государственный университет
НИА СПбИИ РАН	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
ОДиБ МАМЮ	— Описание дел и бумаг Московского архива Министерства юстиции
ОРК	— Отдел редких книг
ОРКиР	— Отдел редких книг и рукописей
РАН	— Российская Академия наук

РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РИСО	— Редакционно-издательский совет
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СВГИАЭ	— Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция
СГУ	— Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
СО АН	— Сибирское отделение Академии наук
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
США	— Соединенные Штаты Америки
ТГУ	— Томский государственный университет
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук
УрФУ	— Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина
ФА СГУ	— Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СТАТЬИ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ СЕРИИ «АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ»

К рассмотрению принимаются статьи и публикации, оформленные по правилам издания.

1. Все материалы, включая текст статьи, иллюстрации, дополнительные шрифты, если они использовались, предоставляются в редакцию по адресу электронной почты ais_siberia@mail.ru в текстовом редакторе Microsoft Word. Если текст содержит сложное форматирование и дополнительные шрифты, то статья прилагается также в формате PDF.

2. Шрифт статьи — Times New Roman, кегль — 12, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1,25, выравнивание — по ширине, без переносов. Поля: левое — 2,5 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см. Для постраничных сносок: кегль — 10, межстрочный интервал — 1, абзацный отступ — 1,25, выравнивание — по ширине.

Иллюстрации прилагаются отдельными файлами, подписи к ним — отдельным файлом в формате Word. Если воспроизведение иллюстраций предполагается в самой статье, то в тексте следует указать место их расположения (Иллюстрация 1. Иллюстрация 2 и т. д.), желательно расположение иллюстраций выделять красным шрифтом.

3. Текст статьи предваряют метаданные на русском языке: инициалы имени, отчества и фамилия автора, аффилиация (полное название организации — места работы или учебы, город, страна), выравнивание — по правому полю. Аннотация статьи (от 150 до 300 слов). Кегль — 12, абзацный отступ — 1,25, межстрочный интервал — 1, выравнивание — по ширине. Ключевые слова — не более 10 слов или словосочетаний. Кегль — 12, абзацный отступ — 1,25, межстрочный интервал — 1, выравнивание — по ширине. Подзаголовок «*Ключевые слова*» выделяется курсивом.

4. Подстрочные примечания к статье даются постранично со сплошной нумерацией. Примечания в конце статьи не допускаются. Цифра сноски ставится после знака пунктуации.

5. При библиографических ссылках в тексте и примечаниях необходимо сообщать следующие сведения: фамилия и инициалы автора (выделяются курсивом и отделяются друг от друга пробелом), название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (без указания издательства), год издания, страницы. При повторном упоминании работы в тексте и примечаниях дается ее сокращенное название. Сокращение «Ук. соч.» и отсылка «Там же» не допускаются.

6. В тексте статей и примечаниях необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого выпуска серии «Археография и источниковедение Сибири». Просим ориентироваться на список сокращений, опубликованный в последнем из вышедших выпусков. Все прочие сокращения должны раскрываться после текста статьи.

7. Курсив, разрядка и полужирный шрифт используются только для выделения семантически значимых отрезков текста. Не допускается использование курсива вместо кавычек, обрамляющих цитируемый текст.

8. Древнерусские и древнеславянские тексты могут быть переданы средствами гражданской или церковнославянской графики.

В том случае, если текст передается средствами гражданской графики (желательно), набор используемых букв ограничивается дореволюционным гражданским алфавитом (включая — при необходимости — *і, ѣ, ѿ, ѵ*) и не допускается воспроизведение титла, надстрочных букв и знаков кириллической нумерации.

При этом авторам статей рекомендуется использовать следующие упрощения древней орфографии: *і* передается через *и*; *ѿ* через *ф*; *ѵ* через *пс*; *ѡ* через *о*; *оу* через *у*; *ѧ* через *я*; *ѥ* через *е*; *ж* через *у*. *Ѣ* сохраняется.

Титла раскрываются в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи. Выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи. В том случае, если в рукописи нет соответствующих указаний, выносная буква вносится в слово в соответствии с современным написанием: *кнѧ*^с — князь. Выносное *ж* в качестве частицы передается через *же*, выносное *с* в окончании возвратных глаголов — через *ся* (если это согласуется с языком рукописи). Местоимение *и* (в отличие от союза) отмечается ударением. Кириллическая нумерация передается арабскими цифрами; цифры, написанные словами, сохраняют свое написание. К цифрам с падежным окончанием прибавляется дефис.

Пунктуация расставляется по современным правилам. Все иные случаи оговариваются в тексте статьи. Имена собственные, в том числе личные имена и географические названия, пишутся с прописной буквы, названия народов — со строчной, кроме тех случаев, когда название народа используется как название страны («и поиде в Половцы»). Текст членится на абзацы в соответствии с содержанием. Прямая речь заключается в кавычки. Если в языке соответствующей рукописи имеется смешение косвенной и прямой речи и прямая речь вводится с помощью слов «что», «яко» и т. п., то эти последние слова в кавычки не заключаются: «глаголашеть бо, яко “прейду по Волхову пред всеми”».

В тексте, который передается буквами церковнославянской графики, сохраняются все буквы древней кириллицы и — при необходимости — титла, надстрочные буквы и кириллическая нумерация. Надстрочные знаки сохраняются лишь в том случае, если это мотивировано содержанием статьи.

9. Издание текста должно быть оформлено по следующим правилам. В тексте основного списка разделительным знаком (//) отмечаются границы между листами рукописи, в том числе между лицевой и оборотной (об.) сторонами листа, после чего в квадратных скобках курсивом проставляются соответствующие номера листов: [л. 2 об.]. Пропуски в основном списке отмечаются многоточием, а исправления выделяются курсивом (если исправлению подверглись лишь отдельные буквы, курсивом выделяются только они).

Публикация сопровождается двумя «подвалами». Если текст издается по одному списку, второй «подвал» отсутствует. Сноски, помещаемые в первом «подвале» и нумеруемые строчными буквами русского алфавита (а, б, в и т. д.), касаются основного списка. В издаваемом тексте знак сноски ставится после того слова, к которому он относится; в случае, если замечание относится к группе слов, знак сноски ставится после первого и последнего слова (в таком случае в сносках знаки соединяются коротким тире, например, а–б). В сносках первого «подвала» отмечаются палеографические особенности рукописи, правка в ее тексте, пропуски и нечитаемые места, исправления, внесенные в основной список издателем. Исправления должны быть оговорены публикатором, с указанием имеющегося в рукописи чтения (*испр.*, *в ркп.*). Сноски отделяются одна от другой точками с запятой, типовые слова сокращаются (*доб.*, *испр.* и т. д.), весь текст, принадлежащий публикатору, выделяется курсивом, заглавная буква используется только в начале первой сноски, все последующие идут со строчной. В тексте знак сноски делается вручную, без использования автоматического режима. Сноски, помещаемые во втором «подвале» и нумеруемые арабскими цифрами от 1 до 100 (каждая новая сотня сносок отмечается римской цифрой, т. е. II, III и т. д.), дают различия других списков по отношению к основному. В издаваемом тексте знак сноски ставится после того слова, к которому он относится; в случае, если разночтение касается группы слов, то ставятся два знака сноски — одна цифра после первого слова и другая после последнего слова (в таком случае в сносках эти две цифры соединяются коротким тире, например, 1–2). Если знак сноски уже имеется для другого разночтения, им можно воспользоваться вторично (например, к тексту «Егда¹ седе² в Киеве³» разночтения: «¹Когда Б; ^{2–3}приде в Киев А; ³Кыеве Б»).

Разночтения отделяются друг от друга точкой с запятой, типовые слова сокращаются, весь текст, принадлежащий публикатору, выделяется курсивом. Условные обозначения списков ставятся после текста разночтений. Если какое-то слово основного списка отсутствует в другом, то в сноске это обозначается словом «нет» — курсивом. Если к какому-то слову основного списка в другом списке читается добавление, то знак сноски ставится после этого слова, а в сноске текст добавления предваряется сокращением «доб.» — курсивом. Если разночтение встречается в нескольких списках, то после текста разночтения перечисляются условные обозначения этих списков, не отделяющиеся друг от друга запятой.

Комментируемые фрагменты обозначаются малыми римскими цифрами в верхнем индексе, сами комментарии оформляются в текстовом режиме (не допускается оформление комментариев как концевых сносок). Например, к тексту «Егда¹ седе² в Киеве^{3vii}» комментарий: «^{vii} Киев — столица Киевской Руси».

10. В конце статьи под названием «Список литературы» (выравнивание — по центру) приводится список использованной литературы в алфавитном порядке, без нумерации. Сначала приводятся работы на русском языке, затем иностранные. Шифры источников из архивов, рукописных отделов библиотек и музеев, а также старопечатные издания в список литературы не включаются. Газетные и журнальные публикации, которые исследуются в качестве исторических источников, в списке литературы не приводятся. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом. Для статей в Списке литературы указываются страницы всей статьи (С. 30–40), для монографий — общее число страниц (635 с.). Если в тексте статьи приводятся ссылки на отдельные статьи одного и того же сборника, то в Список литературы выносятся эти статьи, вынесение сборника в целом в Список литературы недопустимо.

11. Решение о публикации статьи принимается редколлегией после ее рецензирования. Плата за публикацию не взимается. Рассылку авторских экземпляров иногородним авторам редколлегия не осуществляет.

СОДЕРЖАНИЕ

О собрании рукописей Михаила Николаевича Тихомирова

<i>Н. С. Гурьянова</i> О рукописном собрании М. Н. Тихомирова, хранящемся в ГПНТБ СО РАН	8
<i>А. А. Юдин</i> Азбуковники в собрании М. Н. Тихомирова.....	13
<i>В. В. Подопригора, А. Ю. Бородихин</i> Рукописи и документы на иностранных языках в собрании М. Н. Тихомирова.....	27
<i>Т. Г. Казанцева</i> Певческие рукописи в собрании М. Н. Тихомирова	34
<i>А. Н. Коваленко</i> Торжественники и четьи книги в собрании рукописей М. Н. Тихомирова.....	43
<i>Н. С. Гурьянова</i> Старообрядческие рукописи в собрании М. Н. Тихомирова ...	45
<i>Д. В. Долгушин, А. Ю. Бородихин</i> Рукописи Орловых-Давыдовых в собрании М. Н. Тихомирова.....	60

Статьи

<i>И. Л. Манькова</i> Архимандрит Исаак — первый настоятель Далматовского Успенского монастыря и его почитание.....	65
<i>Т. А. Опарина</i> «Греченин» Константин Иванов (Мураитов) на военной службе в России.....	84
<i>А. А. Бродников</i> Формирование окладов государева жалованья сибирской служилой аристократии На примере енисейского гарнизона	96

<i>Л. Д. Бондарь, О. А. Красникова</i>	
Картографические рисунки в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта из районов Енисейской Сибири и Прибайкалья	110
<i>М. Н. Климова</i>	
Акакий Башмачкин, Макар Девушкин и дьякон Ахилла О некоторых именах героев русской литературы.....	123
<i>П. И. Мангилев</i>	
Старообрядческий книжник Осип (Иосиф) Федорович Мокеев	137
<i>А. В. Мангилева</i>	
Женщины в духовном сословии в XIX — начале XX в. по материалам клировых ведомостей Екатеринбургского уезда	146
<i>И. В. Починская</i>	
Из истории провинциальных старообрядческих типографий: Заведение А. В. Симакова в г. Уральске	157
<i>Т. Ф. Волкова</i>	
Печорские книжники из рода Носовых	169
<i>Н. П. Матханова</i>	
Письма историков как источник для изучения их научно-исследовательской деятельности.....	179
<i>С. Г. Петров</i>	
Н. Д. Зольникова как исследователь биографии и научного творчества Н. Н. Покровского.....	189

Статьи-публикации

<i>А. А. Бродников, А. С. Зуев</i>	
Челобитная иркутского сына боярского Ивана Перфирьева.....	207
<i>И. А. Шипилов</i>	
К истории изучения книги секретаря и переводчика Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции Мартина Сауера: Перевод и комментарии Ф. В. Каржавина Статья вторая	222

<i>Т. В. Панич</i>	
«Видение Феклы» из рукописного собрания Института истории Сибирского отделения РАН.....	285

Из экспедиций разных лет

<i>М. Ю. Новицкая</i>	
Дар Сибирской земли.....	306
<i>Е. К. Пиотровская</i>	
Новосибирск, простор Оби!.....	325
<i>Т. Н. Ансит</i>	
Экспедиция в скиты.....	327
<i>Л. И. Сазонова</i>	
Сибирская экспедиция в старообрядческие скиты	330
<i>А. Н. Кручинина</i>	
Мои сибирские экспедиции.....	333
<i>Т. Ф. Волкова</i>	
Археографическая экспедиция в Красноярский край в 1969 г.	351
<i>Л. В. Беспалова</i>	
Едем в Бурятию!.....	359
<i>Л. В. Титова, М. В. Мелихов</i>	
Дорогами сибирских экспедиций	362
<i>О. Д. Журавель</i>	
Путешествия к хранителям древности или исповедь ненастоящего археографа.....	370
<i>И. А. Лобакова</i>	
Археографическая экспедиция в Сибирь	375
<i>А. Ю. Бородихин</i>	
Археография длиною в жизнь... ..	378
<i>Т. Г. Казанцева</i>	
Музыкально-медиевистический компонент комплексных археографических экспедиций Сибирского отделения РАН.....	393

<i>Н. А. Старухин</i>	
«Аще сердцем восхощете... откроет вам человека и покажет вам путь...»:	
Полевые археографические исследования Сектора археографии и источниковедения последних лет	405
<i>А. А. Юдин</i>	
...Я занимаюсь самым интересным делом — работаю археографом	415
Summary	427
Наши авторы	439
Список сокращений.....	443
К сведению авторов, присылающих статьи для публикации в сборниках серии «Археография и источниковедение Сибири» ...	445

Научное издание

**Археография и источниковедение Сибири
Выпуск 2 (44)**

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН,
протокол № 5 от 26 мая 2025 г.

Выполнено в рамках государственного задания
«Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.:
Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006)

Адрес редакции
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
Институт истории СО РАН, ком. 306.
Телефон: +7(383)330-36-71,
e-mail: ais_siberia@mail.ru,
<http://www.history.nsc.ru/publications/books/ais/index.htm>.

Свидетельство регистрации СМИ
серия ПИ № ФС77-86920 от 16 февраля 2024 г.

Редактор В. А. Ромодановская
Художник В. А. Хананов

Подписано в печать 23.06.2025.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 31,5. Усл. п. л. 28,5. Тираж 300 экз.

Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Отпечатано в типографии «Апостроф»
630083, Новосибирск, ул. Большевикская, 177